

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
Высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

(2)22'2007

Научное издание

Екатеринбург 2007

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

(2)22'2007

Editor-in-Chief

A.P. Chudinov

Editorial Board

E.V. Budayev

B.M. Igoshev

N.B. Ruzhentseva

A.M. Strelnikov

M.B. Voroshilova

Yekaterinburg 2007

УДК 409.34
ББК Ш 107
П 50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, профессор А. П. ЧУДИНОВ

Заместители главного редактора:

кандидат филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ,

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА

Члены редакционной коллегии:

ректор УрГПУ, профессор Б. М. ИГОШЕВ

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА,

кандидат филол. наук, доцент А. М. СТРЕЛЬНИКОВ

П 50 Политическая лингвистика. Выпуск (2)22 / Урал. гос. пед. ун-т;
Главный ред. Чудинов А. П. – Екатеринбург, 2007. – 188 С.
ISBN 5-7186-0287-5

Общие задачи издания: обмен новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает два основных раздела – «Язык в политической коммуникации» и «Язык – политика – культура». Сборник предназначен для ученых-языковедов всех специальностей, он может представлять интерес для преподавателей, аспирантов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34

ББК Ш 107

Благодарим РГНФ за материальную поддержку проекта (грант 07-04-02002а).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
ВЫПУСК (2)22

Подписано в печать 26.06.2007. Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. – 20,5. Тираж 150 экз. Заказ 2075

Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru

P.S. Статьи выходят в авторском варианте, редакция не несет ответственности за их содержание и оформление.

ISBN 5-7186-0287-5

© Политическая лингвистика, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ		6
РАЗДЕЛ 1. ЯЗЫК В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ		
Андерсон Р. Лос-Анджелес, США	Каузальная сила политической метафоры	7
Белт Т. Хило, США	Политическое убеждение путем метафорического моделирования	18
Косарев М. И. Екатеринбург, Россия	Прецедентные феномены с субсферой-источником «киноэксшен» в политической коммуникации Германии	25
Лассан Э. Р. Вильнюс, Литва	Изображение СМИ верховной власти в свете политических традиций России и Литвы	32
Милевич И. Г. Даугавпилс, Латвия	Этикет политика в современном публицистическом дискурсе	40
Нахимова Е. А. Екатеринбург, Россия	Прецедентные имена в президентском дискурсе	44
Пименов Е. А. Кемерово, Россия	Концепт «украинец» в российских СМИ	48
Пименова М. В. Кемерово, Россия	Концепт «Украина» (на материале российских СМИ)	52
Слободяник Н. Б. Клайпеда, Литва	Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антогонизма	60
Солопова О. А. Челябинск, Россия	Кризис «настоящего» в российском политическом дискурсе	67
Хенсон Дж. Колумбия, США	Глобальная модель политической социализации	73
Фелберг Т. Осло, Норвегия	Путь Сербии в Европу по метафорам Зорана Джиджича	78
Шейгал Е. И. Волгоград, Россия	Многоликий нарратив	86
Щипицына А. А. Уфа, Россия	Соотношение дескриптивных и оценочных прилагательных в британском политическом медиа-дискурсе	93
РАЗДЕЛ 2. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА		
Будаев Э. В., Чудинов А. П. Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия	«Метафоры, которыми мы живем»: преобразования прецедентного названия	99
Ворошилова М. Б. Екатеринбург, Россия	Креолизованный текст: кинотекст	106
Дьячок М. Т. Новосибирск, Россия	Пацан: слово и понятие	110
Кушнерук С. Л. Челябинск, Россия	Имена, открывающие кошельки: Мир кино в российской и американской рекламе	116
Русова И. А. Сургут, Россия	Социально-политическая метафора в сонетах В.Шекспира и их переводах на русский язык	120
Санта Ана О. Лос-Анджелес, США	Что посеешь, то и пожнешь: метафорический анализ американского образовательного дискурса	124
Сергеева Е. В. Санкт-Петербург, Россия	Лексическая экспликация концепта «религия» в русском языке	151
РАЗДЕЛ 3. КЛАССИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ		
Лассвелл Г.	Стиль в языке политики	165
Лассвелл Г.	Почему количественный метод?	177
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ЧЛЕНАХ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ		187
СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКАХ		188

CONTENTS

EDITORIAL		6
PART 1. LANGUAGE IN POLITICAL COMMUNICATION		
Richard D. Anderson, Jr. Los Angeles, the USA	The Causal Power of Metaphor in Politics	7
Todd Belt Hilo, the USA	Political Persuasion through Metaphorical Framing	18
Kosarev M. I. Yekaterinburg, Russia	Precedent Phenomena from the Domain "Action Movies" in German Political Communication	25
Lassan E.R. Vilnius, Lithuania	Representation of Supreme Power by Mass Media in the Light of Political Traditions of Russia and Lithuania	32
Milevitch I.G. Daugavpils, Latvia	A Politician's Etiquette in Contemporary Publicistic Discourse	40
Nakhimova E.A. Yekaterinburg, Russia	Precedent Names in Presidential Discourse	44
Pimenov E.A. Kemerovo, Russia	Concept «a Ukrainian» in Russian Mass Media	48
Pimenova M.V. Kemerovo, Russia	Concept «Ukraine» (based on Russian mass media texts)	52
Slobodyanik N.B. Klaipeda, Lithuania	Construing Identity in Political Discourse: on the Role of Social Antagonism	60
Solopova O. A. Chelyabinsk, Russia	Crisis of the «present» in Russian Political Discourse	67
Henson J. Columbia, the USA	A Total Model of Political Socialization.	73
Felberg T. Oslo, Norway	Serbia's Journey To Europe On Zoran Đinđić's Metaphors	78
Sheigal E.I. Volgograd, Russia	The Many Faces of Narrative	86
Shchipsynya A.A. Ufa, Russia	Quantitative Correlation Of Descriptive And Valuative Attributive Adjectives In British Political Media Discourse Of The News	93
PART 2. LANGUAGE – POLITICS – CULTURE		
Budayev E. V., Chudinov A. P. Nizhnii Tagil, Yekaterinburg, Russia	«Metaphors We Live By»: Transformations of the Precedent Name	99
Voroshilova M.B. Yekaterinburg, Russia	Creolized Text: Text of Cinema	106
Dyatchok M.T. Novosibirsk, Russia	Patsan: Word and Notion	110
Kushneruk S. L. Chelyabinsk, Russia	Names Opening Purses: the World of Cinema in Russian and American Advertising	116
Rusova I.A. Surgut, Russia	Socio-political Metaphor in W. Shakespeare's Sonnets and in their Translations into Russian	120
Santa Ana Otto Los Angeles, the USA	What You Say Is What Get: Metaphor Analysis of U.S. Public Discourse about Education	124
Sergeyeva E.V. St. Petersburg, Russia	The Lexical Explication of the Concept «Religion» in the Russian Language.	151
PART 3. CLASSICS OF POLITICAL LINGUISTICS		
Lasswell H.D.	Style in the Language of Politics	165
Lasswell H.D.	Why Be Quantitative?	177
LIST OF CONTRIBUTORS AND EDITORS		187
LIST OF TRANSLATORS		188

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия представляет двадцатый второй выпуск «Политической лингвистики». Мы начинали 12 лет назад как межвузовский сборник научных трудов «Лингвистика», но постепенно происходила специализация издания и изменение его характера. Сначала в сборнике появился раздел «Политическая лингвистика», затем – этот раздел стал основным, а двадцатый выпуск уже вышел с новым названием.

У нас по-прежнему многонациональный состав авторов. Нам приятно, что для очередного выпуска предложили свои статьи известные зарубежные специалисты по политической лингвистике профессора Ричард Андерсон (Лос-Анджелес, США), Тодд Белт (Хило, Гавайи, США), Элеонора Лассан (Вильнюс, Литва), Отто Санта Ана (Лос-Анджелес, США), Татьяна Фелберг (Осло, Норвегия), аспиранты Джейн Хенсон (Колумбия, США) и Наталья Слободяник (Клайпеда, Литва).

Мы благодарны за предоставленные для публикации исследования ведущим российским специалистам профессорам Марине Владимировне и Евгению Александровичу Пименовым (Кемерово), профессорам Елене Владимировне Сергеевой (Санкт-Петербург) и Елене Иосифовне Шейгал (Волгоград), доценту Анне Александровне Щипицыной из Уфы, главному редактору знаменитого Интернет-портала «Русский филологический портал» Михаилу Тимофеевичу Дьячку (Новосибирск).

Уральскую школу политической лингвистики и лингвокультурологии представляют доценты Эдуард Владимирович Будаев (Нижний Тагил), Светлана Леонидовна Кушнерук (Челябинск), Елена Анатольевна Нахимова (Екатеринбург), Ольга Александровна Солопова (Челябинск) и профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов (Екатеринбург).

В первом разделе традиционно представлены исследования по политической коммуникации. Здесь рассматриваются общие принципы изучения политического языка, методология политической лингвистики, грамматические свойства политической публицистики, общие закономерности метафорического представления власти в различных языках, а также проблемы политической коммуникации в России (СССР), Соединенных Штатах, Южной Европе, Украине и иных регионах мира.

Во втором разделе сконцентрированы статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, культуры и политики, в том числе имеющие важное социальное значение вопросы межкультурной коммуникации, религии, рекламы. Все эти проблемы, разумеется, связаны с политикой, но уже не

настолько непосредственно, как публикации, включенные в первый раздел.

Третий раздел, как и в предыдущих выпусках, называется «Классика политической лингвистики (новые переводы)»: здесь представлены две главы из знаменитой американской монографии «Язык политики. Исследования по квантитативной семантике», которая вышла в 1949 году под редакцией Гарольда Лассвелла и Натана Лейтеса. Эта книга давно уже признана открывающей новый этап в развитии науки, но по разным причинам она до сих пор не переведена на русский язык. Одна из представленных глав называется «Стиль в языке политики», а вторая – «Почему количественный метод?».

Мы выражаем особую благодарность переводчикам – Татьяне Вячеславовне Аникиной, Евгению Евгеньевичу Аникину, Ольге Сергеевне Камышевой, Светлане Леонидовне Кушнерук, Екатерине Борисовне Матыгиной, Ирине Александровне Наумовой, Ольге Александровне Солоповой, Софье Сергеевне Чащиной, Татьяне Андреевне Шабановой и Елизавете Владимировне Шустровой. Каждый наш переводчик активно занимается политической лингвистикой, а поэтому хорошо знает соответствующую методологию и терминологию.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 июня и 1 ноября. Единственное ограничение – статьи должны полностью соответствовать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Мы не платим гонораров, но и не берем с авторов деньги за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника. Срок выпуска каждого сборника – не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора.

Мы против политической цензуры, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности.

С содержанием предстоящих выпусков данного журнала можно ознакомиться на сайте cognitiv.narod.ru На этом же сайте размещены другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики. Мы готовы удов-

летворить заявки и на пересылку этого и предшествующих выпусков в отпечатанном варианте.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343) 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru, shinkari@mail.ru

**С уважением и надеждой
на сотрудничество:**

Борис Михайлович Игошев
Анатолий Прокопьевич Чудинов
Эдуард Владимирович Будаев
Мария Борисовна Ворошилова
Наталья Борисовна Руженцева
Александр Михайлович Стрельников

РАЗДЕЛ 1.

ЯЗЫК В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ричард Д. Андерсон (мл.)

Лос-Анджелес, США

Перевод: Чащина С. С., Шабанова Т. А.

**КАУЗАЛЬНАЯ СИЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЕТАФОРЫ**

Abstract

This article is a result of author's reflection on political metaphor and its power to cause political phenomena. On the concrete example of the democratization process in Russia, the author shows the process of transition from the metaphors of the Soviet authoritarianism to those of the electoral Russian politics. It is argued that the change in the political phenomena is caused by the change in metaphors (and no other cause has been found so far) through their capacity to cue recognition of social identity. Political leaders by using different kinds of metaphors can establish a certain pattern of social identification typical of democratic or undemocratic rule and thus transform the behavior of the population and determine the social and political reality in terms of this or that regime.

Когда говорят о том, что метафоры обладают каузальной силой в отношении политических событий, то у политологов это часто вызывает возражения, которые редко носят конкретный характер. Вместо обоснованных аргументов наши оппоненты отвечают удивлением и даже возмущением. Истину можно прояснить, показав, каким именно образом проявляется каузальная сила метафоры в отношении политических событий. Ниже предлагается такое обоснование, кото-

рое начинается с краткого определения каузальности и рассмотрения возможности метафоры соответствовать этому определению. Далее рассматриваются связи между изменением метафор и политическими переменами, а затем проводится анализ того, каким образом метафоры и другие лингвистические явления могут обладать каузальной силой в политике. Безусловно, так как метафора является только одним из множества средств влияния дискурса на политику, каузальная переменная является, скорее, дискурсом в общем, нежели метафорой в частности, но так как дискурс всегда использует прием метафоры наряду с другими лингвистическими средствами, метафоры также обладают свойством каузальности.

Каузальность и метафоры. В своем учебнике по методологии, уже ставшем общепризнанным авторитетом, выдающиеся политологи Гэри Кинг, Роберт О. Кеохан и Сидни Верба приводят следующее определение каузальности: «Эффект каузальности – это различие между систематическим компонентом, при котором экспланаторная переменная приобретает одно значение, и соответствующим систематическим компонентом, при котором экспланаторная переменная приобретает иное значение (при снятии акцента с первого из них).

Выражаясь проще, это определение сводится к утверждению того, что какое-то X служит причиной Y при выполнении трех условий. Во-первых, X и Y должны быть переменными, то есть должны обладать способностью принимать более чем одно значение и поддаваться наблюдению. Г. Кинг, Р. Кеохан и С. Верба утверждают, что в естественных науках переменные состоят из двух компонентов – систематического и произвольного, при этом последний компонент изменяет скорее оценку каузального эффекта, чем его определение. Во-вторых, при изменении в X должно появиться и изменение в значении Y. В-третьих, X должен быть «экспланаторным». Изменение в X должно тем или иным образом «объяснять» Y. Это третье условие, конечно, весьма неясно: что означает «объяснять»? Несмотря на неясность, в экспланаторности выделяются два элемента: один из них довольно легко поддается определению, другой – нет. Легко определяемым эле-

ментом является предшествование: именно экспланаторная переменная меняет свое значение в первую очередь. Другим элементом является то основание, по которому изменение в экспланаторной переменной должно привести к изменению в другой переменной. Именно эта необходимость в основании и приводит к неясности условия, так как основание, по которому одна причина приводит к одному следствию, может, конечно, быть отличным от основания, по которому другая причина приводит к другому следствию. Будучи специфичным для каждого отдельного сочетания причины и следствия, значение «экспланаторности» не может быть определено вне контекста.

Если придерживаться определения Г. Кинга, Р. Кеохана и С. Вербы, метафоры могут выполнять функцию каузальности. Метафоры явно соответствуют первому условию. Они меняются, и особой изменчивостью обладает частотность употребления той или иной метафоры. Изменение показывает систематический компонент. В своей работе по метафоре, уже ставшей классической, Дж. Лакофф и М. Джонсон показывают, что метафора состоит не просто из отдельных примеров оригинального образного языка, а из повторяющихся и распространенных языковых моделей, которые людям, вовлеченным в коммуникацию, могут даже показаться буквальными. Семантика каждого естественного языка состоит из большого и разнообразного набора метафорических моделей, где наиболее известным примером является метафора «СПОР – это ВОЙНА». Так, англичане в споре *атакуют позиции* друг друга и *защищаются от вооруженных нападений* и *вылазок* своих противников в споре. Выбор коммуникантами метафор из этого набора определяет смысл, которым они обмениваются.

Что касается политики, способность метафоры удовлетворять второму условию является вопросом эмпирическим. Если есть возможность показать, что изменение в выборе коммуникантами метафор (особенно изменение в частотности их употребления) меняется в соответствии с политическими переменами, то можно сказать, что метафора удовлетворяет второму условию каузальности. Третье условие является частично эмпирическим и частично теоретическим. От-

крытие эмпирической связи между изменением в метафорах и политическими переменами оставляет открытым вопрос о том, что же из них каузально, но обнаружение того, что метафорическое изменение предшествует политическим переменам, закрывает этот вопрос. Сама проблема носит теоретический характер: как метафоры могут изменять политику? И в особенности, почему нужно считать, что изменение в метафорах и политические перемены не являются следствием какой-либо другой, «более глубокой», «основополагающей» причины, такой, как экономический прогресс, социальное разделение или трансформация установок?

Метафоры и политические перемены: исследование процесса демократизации на конкретном примере. Изучение того, как метафоры могут изменять политику, было бы нелишним продолжить на конкретном примере. Безусловно, на единичном примере невозможно продемонстрировать каузальную силу метафор. Но рассмотрение любого единичного примера запускает процесс их накопления, который со временем может сложиться в эмпирический тест на каузальность. Представленный здесь пример относится к трансформации советского авторитаризма в современную российскую политическую систему, основанную на выборности. Анализ начинается с рассмотрения связи между политическими переменами и изменением метафор, в условиях предшествования последнего. Далее предполагается выделить основания, по которым метафорическое изменение должно приводить к политическим переменам.

Между 1985 и 1991 годами произошло крушение советского авторитаризма, и в самой большой из советских республик политическая система начала базироваться на выборности власти. Хотя полемика по поводу того, можно ли в свете произошедших изменений считать Россию демократическим государством, оставалась открытой, способ выбора российских руководителей коренным образом изменился. В советский период Россией управляла группа из десяти-пятнадцати человек, которая составляла Политбюро Центрального Комитета Компартии. Уполномоченные решать на свое усмотрение любые вопросы, члены Политбюро выбирались Центральным Ко-

митетом, число членов которого могло достигать трехсот человек. Тем не менее, даже в этих выборах Политбюро баллотировалось единым списком, предложенным самими членами. Также само Политбюро заранее решало, кого избрать в Центральный Комитет. В отличие от такой системы, с 1990 года Россией управляла законодательная власть, выбираемая в результате многопартийных выборов, в которых право голоса имел каждый взрослый человек. С 1991 года законодательная власть делит свои полномочия с избираемым президентом. Но если выборы законодательной власти в 1990 году прошли в обстоятельствах, которые склонили их результаты в пользу кандидатов от коммунистической партии, конституционный кризис 1993 года привел к принятию новой Конституции. Несмотря на то, что новая Конституция, возможно, чрезмерно урезала права законодательной власти в пользу исполнительной и поэтому, возможно, склонила результаты президентских выборов в пользу кандидата на переизбрание, сама законодательная власть выбирается на основании правил, которые не дают ни одной партии никаких несправедливых преимуществ. Партии, находящиеся в оппозиции к действующему президенту, часто выигрывали выборы.

Таблица 1 показывает связь между этими переменными в российской политике и частотностью употребления определенных метафор в публичных обращениях руководителей СССР. Таблица показывает частотность (на тысячу слов текста) употребления двух видов метафор – выражающих относительный размер и выражающих личное превосходство или субординацию. Метафоры размера выражены пятью основными прилагательными: *большой, крупный, широкий, высокий и великий*. Если включаются еще более трудные для понимания прилагательные *титанический* или *гигантский*, то общая частотность употребления соответствующих имен в авторитарный период по сравнению с перестроечным и современным периодами немного увеличивается. Метафоры личного превосходства или субординации включают в себя следующие:

- метафора, сравнивающая авторитарное правление с воспитанием;
- метафора, сравнивающая полити-

ческое руководство с людьми выдающихся интеллектуальных возможностей или с людьми, выполняющими интеллектуальную работу»;

- метафора, сравнивающая политическую деятельность с заданием, данным авторитетным лицом, с задачей, которую предлагает учитель;

- метафора, сравнивающая политическую систему с военизированной структурой.

В эту группу не входит *перестройка*, которая означает трансформацию или реорганизацию, но не подразумевает субординацию. Для русского человека «строительство» означает приведение в порядок.

Цифры, показывающие частотность метафор авторитарного, перестроечного и современного периодов, представлены по трем блокам, каждый из которых состоит из 50-ти политических текстов. Блок пятидесяти текстов авторитарного периода представляет собой высказывания членов правящего Политбюро. Они состоят из печатных версий сорока девяти речей и одного «интервью», относящихся к периоду между 1966 годом и февралем 1985 года. Блок текстов перестроечного периода также представляет собой высказывания членов Политбюро. Они также состоят из речей или интервью (появившихся в устном виде, а затем отредактированных и напечатанных в газетах), датированных 1989 годом, когда результатом реформ Михаила Горбачева стало образование законодательного органа, частично избираемого в результате многопартийных выборов. Блок 50-ти текстов современного периода состоит из высказываний известных политиков. Они состоят из речей, печатных версий устных интервью с журналистами, газетных или журнальных статей конкурентов в борьбе за политическую власть. Политики представлены по всему политическому спектру, включая нескольких политических экстремистов и центристов. Эти тексты появились в период между октябрём 1991 года, когда российский президент Борис Ельцин уже находился у власти после провала августовского путча, и декабрем 1993, когда российская законодательная власть впервые была избрана согласно новой Конституции.

В таблице также представлены два показателя, обозначенные как «Язык

1977» и «Язык 1993». Эти цифры показывают частотность одних и тех же лексем в двух больших примерах (каждый объемом около миллиона слов) из широкого диапазона разнообразных российских текстов. Советская исследовательская группа опубликовала первую цифру в 1977 году, в то время как Шведская исследовательская группа опубликовала вторую цифру в 1993 году. Эти две цифры интерпретируются как частотность данных лексем в русском языке. Так как частотные словари не проводят различий между метафорическим и буквальным употреблением рассматриваемых лексем, цифры завышают частотность, с которой метафоры употребляются в обычной речи. В политических текстах, наоборот, буквальное употребление почти не встречается, за исключением упоминаний строительства, которые в расчет не принимались. Более того, показатель 1977 года, полученный в результате анализа текстов периода советской цензуры, содержит большую часть политизированных текстов, которые склоняют его к авторитарной норме. Хотя показатель 1993 года включает литературные тексты, датированные 1960 годом, он не включает публицистические тексты до 1985 года. Таким образом, корпус текстов, в цифровом виде представляющий язык 1993 года, исключает политические тексты периода до прихода к власти М. Горбачева.

Таблица 1. Метафоры размера, личного превосходства (субординации) в русском языке авторитарного, перестроечного и современного периодов.

Употребление на тысячу слов, разделение по типу политики и показателю языкового употребления.

Тип политики	Метафоры размера	Метафоры личного превосходства (субординации)
Авторитарный	11.5	6.8
Перестроечный	6.0	3.1
Современный	3.8	1.6
Язык 1977	5.3	1.6
Язык 1993	3.8	1.6

Как показывает таблица 1, по мере того, как политика начинала приобретать

выборный характер, политическая элита использовала намного меньше метафор размера и личного превосходства (субординации). Если метафоры размера придавали авторитарному дискурсу то качество, которое один советский лингвист определил как «монументальность речевых форм и резонанса», в перестроечный период эта монументальность уменьшилась, а в современный период исчезла. Хотя темп снижения частотности использования зависит от особенностей конкретной метафоры, все эти метафоры наименее частотны в текстах современного периода. В действительности единственной метафорой субординации, сохранившейся в этом периоде, является *задача*, в то время как редкие примеры других метафор становятся либо негативными комментариями к авторитарному прошлому, либо превращаются в метафоры другой, неполитической сферы. Частотность употребления самой метафоры *задача* уменьшается, и, в отличие от метафор военной субординации, воспитания или интеллектуального превосходства, полностью вписывается в современную политику. Даже при современном государственном строе сами политики представляют себя в качестве авторитетных лиц, могущих управлять социальными процессами. Английский эквивалент этого слова, «проблема», употребляется как в педагогическом, так и в политическом дискурсе (напр., «политическая проблема», «социальная проблема»); так же и *задача* употребляется в русском языке как в сфере образования, так и политики. Удивительно, что для обоих типов метафор показатель частотности употребления в современном периоде идентичен одному или обоим показателям частотности в языковом употреблении. Но не следует придавать этому необычному совпадению слишком большое значение, т.к. употребления в буквальном значении, включенные в два языковых показателя, означают то, что метафорические употребления должны быть несколько менее частотными, чем в текстах современного периода. Тем не менее, можно с определенной долей уверенности заключить, что снижающаяся частотность употребления в трех видах политических текстов стремится к средней частотности употребления в языке.

Рассмотрение конкретных контекстов показывает, что эти метафоры могут не нести никакой дополнительной семантической нагрузки. Характерным примером из авторитарного дискурса является предложение (1), произнесенное Михаилом Сусловым (членом Политбюро, ответственным за пропаганду), в своей речи в 1979 году.

(1) Передовики показывают высокие образцы отношения к своим обязанностям перед обществом.

Так как русское слово *образец* (и его английский перевод) несут в себе похожие коннотации идеального качества, которому должны подражать другие, прилагательное «высокий» является избыточным. Это предложение имеет одинаковое семантическое значение вне зависимости от употребления метафоры «высокий». Хотя метафора почти не изменяет смысл, она, тем не менее, выполняет прагматическую функцию. Прагматику интересует цель, которую говорящий надеется достичь путем коммуникации. При анализе высказывания надо учитывать не только его содержание, но и его (предполагаемое) воздействие на адресата. Во всех культурах люди понимают высоту как метрическую шкалу, располагая нормальное, обычное или повседневное посередине этой шкалы. Таким образом, упоминание о чем-либо «высоком», как в предложении (1), выводит то, что называется «высоким», за пределы нормального или обычного.

Таким образом, метафора, использованная М. Сусловым, сообщила его слушателям, что добросовестный труд, к которому призывала коммунистическая партия, должен превышать его обычный уровень, и данная метафора поставила цели Компартии выше целей людей. Описание руководителей как субъектов воспитания и противопоставление их остальным «трудящимся» должно было способствовать достижению прагматической цели – поднять коммунистическое руководство над всеми остальными людьми. Метафоры, характеризующие всех остальных как получателей задания Партии, или как стоящих в военном строю Партии, сообщают всем остальным, что они подчиняются коммунистам. Как отмечает Талми: «В парных антонимичных прилагательных, обозначающих в основном размер, протяженность, вы-

соту, структуру, громкость, яркость, скорость, вес и пр., прилагательное с положительным смыслом передает как значение обладания качеством (т.е. положительный экстремум), так и родовое значение самого качества (т.е. немаркированный член). Это происходит по той причине, что положительный экстремум обладает большей *перцептивной выделенностью*».

Усиливая свою перцептивную выделенность, метафоры коммунистических ораторов делали их более важными и представляли в позитивном свете по отношению к населению. Эти метафоры также приписывали им самим качества, которые, как подразумевалось, отсутствовали у населения. Именно из-за этих прагматических сообщений девять метафор в таблице 1 включили в себя почти 2% всех слов, употребляющихся в речах авторитарного периода.

В перестроечный 1989 год частотность утверждения превосходства целей и руководителей Компартии, а также социальной субординации снизилась даже в дискурсе самих лидеров Компартии, Политбюро, хотя в учреждениях или политических способах, которыми они выбирались, ничего не изменилось. Несмотря на то, что было введен новый политический институт, названный Съездом Народных Депутатов, часть которых была выбрана в ходе довольно честных выборов, проигранных несколькими известными коммунистическими руководителями. Сами члены Политбюро в этих выборах не участвовали, за исключением некоторых, тщательно отобранных Центральным Комитетом. В это время частотность метафор размера и превосходства (субординации) снизилась, одновременно в речах и интервью членов Политбюро начала расти частотность нового вида метафор, что показано в таблице 2. Этот новый вид метафор имел корни, заимствованные из латинского языка, хотя большинство этих слов имеет точные семантические эквиваленты в славянской этимологии. В коммунистическом дискурсе эти латинские слова использовались только в контексте международной дипломатии. Как показывает частотность употребления 1977 года, раньше они были крайне редки в России, а некоторые в корпусе текстов 1977 года совсем не употреблялись. Включая ла-

тинские метафоры в дискуссии по вопросам внутренней политики, особенно слово *диалог*, коммунистические руководители неявно сравнивали отношения между Партией и обществом с переговорами между равными независимыми структурами. При анализе корпуса текстов, взятых из прессы горбачевского периода, язык 1993 года обнаружил даже большую частотность этих метафор – явный признак общепризнанного факта, что диалог с обществом был более популярен среди журналистов и интеллигенции, чем среди членов Политбюро.

Неохотный призыв к переговорам вызвал у лидеров Компартии необходимость в собеседнике. В результате, метафора «общество» стала более частотна в 1989 году, и, как показывает предложение (2), само общество приобрело новые дискурсивные качества. В предложении (2), взятом из речи М. Горбачева, «общество» приобрело способность к свободным действиям, что в авторитарном дискурсе абсолютно отрицалось. Наделение общества такой способностью дало Компартии возможность найти партнера для переговоров, к которым сейчас призывал дискурс ее лидеров. В период после 1991 года употребление слова «общество» вернулось к языковой норме.

Таблица 2. Метафоры общности и переговоров

Употребление на тысячу слов, разделение по типу политики и показателю языкового употребления.

Политика	Переговоры	Общество
Авторитарная	0.3	1.2
Перестроечная	2.2	3.7
Современная	1.9	1.2
Язык 1977	(0.04)	0.8
Язык 1993	3.7	0.8

(2) Партия только укрепит свои позиции, если она будет взаимодействовать ... со всем обществом...

Хотя дискурс Политбюро 1989 года по сравнению с авторитарным периодом заметно изменился, институты, при помощи которых избирались его члены, остались на тот момент совершенно неизменными. Политбюро все еще оставалось руководящей исполнительной вла-

стью СССР, хотя в течение 1989 года его силы неуклонно ослабевали по мере того, как российское общество и общественность других советских республик отвечали на призывы Политбюро к политической активности. Когда Политбюро исчезло, новые политические силы в нарождающейся российской демократии оставили метафору переговоров между государственной властью и обществом. Случаи упоминания общества и переговоров стали реже, и в предложении (3), взятом из речи российского президента Б. Ельцина, подчинение государственной власти обществу теперь определялось другой метафорой.

(3) Нужно, чтобы с помощью Конституции общество поставило государство себе на службу...

Среди метафор, связанных с международными переговорами, увеличилось только количество упоминаний слов «стабилизация» и «стабильность» в корпусе текстов современного периода. Кроме того, они начали относиться больше к обществу и экономике, чем к политике.

В современном дискурсе употребления слова «диалог» также приобретают новые виды контекстов. Вместо вертикального диалога между Партией и обществом, как в дискурсе перестроечного периода, среди множества различных борцов за политическую власть возникает горизонтальный диалог, как, например, в предложении (4), взятом из интервью с лидером одной из политических партий:

(4) Конституционное совещание показало возможность диалога всех политических сил России.

Для того чтобы перейти от вертикальных отношений превосходства и субординации к горизонтальным отношениям переговоров, современные политики также используют метафору принадлежности к той или иной стороне, характерной для политического дискурса при устоявшемся демократическом строе, как показано в таблице 3.

Метафоры *сторонник* и *противник* имеют буквальные значения «тот, кто за» и «тот, кто против» соответственно. Хотя эти метафоры употребляются в коммунистическом авторитарном дискурсе, они используются только в отношении международной политики. СССР является

неизменным *сторонником*, в то время как *противники* – это неизменно иностранцы или люди внутри коммунистического мира, ведущие подрывную деятельность вместе с иностранцами. В современном дискурсе эти термины начинают обозначать политические группировки. Они также связаны с появлением политического *спектра*, состоящего из партий или объектов выбора с цветовой маркировкой, такой как «красные», «коричневые» и «белые». И хотя «красный» конечно, появляется в авторитарном дискурсе, довольно удивительно, что даже Компартия СССР, в противоположность своим историческим предшественникам, не обозначается как «красная». «Стороны», конечно, также являются метафорами для объектов выбора, причем как в русском, так и в английском языках для описания выбора есть идиома «с одной стороны ... с другой стороны». Обозначая политику как акт принятия какой-либо стороны, новые метафоры для русских подразумевали наличие объектов выбора в политике.

И снова современная частотность более близка к обоим показателям языковой частотности, хотя их схожесть необходимо рассматривать с осторожностью, так как подавляющее большинство языкового употребления составляют цветные термины, используемые больше буквально, чем метафорически. Кроме того, частотность метафорических употреблений в современном политическом дискурсе, возможно, немного превышает соответствующую частотность в языковом дискурсе.

Таблица 3. Метафоры сторон.

Употребление на тысячу слов, разделение по типу политики

Политика	Стороны
Авторитарная	0.2
Перестроечная	0.2
Современная	1.2
Язык 1977	2.1
Язык 1993	1.7

В итоге, когда советский авторитаризм уступил место Российской демократии, метафоры, описывающие политические отношения, изменились. Количество метафор, располагающих коммунистиче-

ское руководство над обществом, уменьшилось, сменившись сначала метафорами, сравнивающими отношения между руководителями и обществом с диалогом между равными субъектами. Они были, в свою очередь, вытеснены метафорами подчинения государственной власти обществу и метафорами, сравнивающими политику с выбором между противоборствующими сторонами. Политический дискурс, который в авторитарный период значительно отличался от русского языка, стал более близким к нему в перестроечный период, а в современный период стал от него количественно неотличимым. Важным вопросом для обсуждения является предшествование изменений в российском дискурсе соответствующим переменам в политических институтах.

Политические метафоры и демократизация: следствия какой-то более «глубинной» причины? Хотя связь между изменением в метафорах и процессом демократизации при предшествовании первого была показана только на примере России, было бы совершенно неудивительно обнаружить похожие модели, включающие некоторые иные отдельные метафоры, и в других примерах. Одна из метафор сторон – различие между «правыми» и «левыми» – встречается повсеместно в демократическом дискурсе, также как и метафора диалога или переговоров между этими сторонами. Напротив, метафора «монументальности», характерная для советского авторитарного дискурса, встречается повсеместно в дискурсе монархического строя и диктатуры, так же как и метафоры воспитания, отеческой опеки монарха или диктатора. Во многих случаях еще предстоит провести эмпирическое исследование, особенно по документированию того факта, что метафорическое изменение предшествует переменам в политических институтах, но есть все причины предполагать, что российская модель окажется типичной.

Остается вопросом, почему нечто, кажущееся таким слабым и недолговечным, как метафора, должно обладать способностью трансформировать нечто такое долговечное и сильное, как фундаментальные политические институты, а в особенности, не может ли изменение в метафоре быть следствием какой-либо

более «глубинной», более «основательной» причины. Дело в том, что политологам не удалось, несмотря на многочисленные попытки в течение многих лет, разработать ни одной вразумительной теории демократии. После внимательного и тщательного изучения результатов двадцатилетних исследований процесса демократизации компаративист Barbara Geddes пришла к следующему заключению: «Кажется, что должно существовать сжатое и неоспоримое объяснение процесса демократизации, однако предложенные на данный момент объяснения являются сложными и сбивающими с толку, они даются без учета основных методологических тонкостей, чаще они более полезны в качестве описания, нежели объяснения и необычайно противоречат друг другу».

Затем исследователь замечает, что «после 20-ти лет наблюдений и анализа в период третьей волны научного интереса к демократизации, мы можем быть вполне уверены в существовании положительной связи между [экономическим] развитием и демократией, хотя мы и не знаем причины этого». Но даже эта связь оказывается довольно слабой. Все наиболее развитые страны кроме одной являются демократиями (исключение составляет Сингапур), все наименее развитые страны кроме нескольких – не демократии (исключение составляют Монголия и Бенин). Но на промежуточных уровнях, как, напр., на уровне России, различия в экономическом развитии не кажутся столь важными.

Фактически, даже вполне квалифицированное и продуманное утверждение Барбары Геддс преувеличивает связь между экономическим развитием и демократией. Хотя синхронический анализ обнаруживает тот факт, что наиболее развитые государства являются демократиями, диахронический анализ показывает, что в этих государствах процесс демократизации начался тогда, когда их экономическое развитие достигло только промежуточного уровня, на котором экономическое развитие и демократия независимы. В большинстве государств, являющихся на данный момент демократиями, процесс демократизации начался в XIX веке, когда экономическое развитие начиналось, но не зашло слишком далеко. В нескольких современных демо-

кратиях, таких как проигравших во Второй мировой войне Японии, Германии и Италии, которые стали демократиями в период оккупации союзниками после 1945 года, процесс демократизации начался, когда доля ВВП на душу населения была очень мала. А если показателем является достижение демократии, которое можно определить как получение всем взрослым населением права голоса, США является примером государства с очень высоким уровнем экономического развития, которое не считалось полностью демократическим до 1965 года. Само собой разумеется, что высококоразвитая довоенная Германия совершенно не была демократической.

Итак, несмотря на десятилетия усилий, политологам не удалось найти более «глубинной» или «основательной» причины, следствием которой является как процесс демократизации, так и любое связанное с ним изменение в метафорах, чего можно было бы ожидать, если бы исследование было проведено на широком ряде примеров. Конечно, если демократизация связана с трансформацией политических метафор, найти такую более «глубинную» или «основательную» причину не представляется возможным. Это объясняет тщетность политологических поисков. Согласно определению, метафора выражает свой предмет путем упоминания какого-либо другого предмета, предполагаемого схожим, но и обладающим отличиями. Если авторитарные руководители метафорически возвышают себя и свою деятельность по отношению к управляемому ими населению или метафорически сравнивают себя с влиятельными правителями, а население – с воинскими званиями и колоннами, эти метафоры значимы, так как в реальности правители *не больше*, чем население, и население *не стоит смирно*. Другими словами, производство метафоры – это самостоятельный творческий акт, не производный от какой-либо другой физической или социальной реальности, кроме метафорической. Следовательно, причиной изменения метафорической модели в связи с политическими изменениями является не что иное, как сама метафора. И, безусловно, понимание каузальности как «глубинной» или «основательной», а также «приблизительной» и «конечной», является од-

ной из пространственных метафор, при помощи которых люди понимают именно каузальность, а не фактическое качество причины. Таким образом, такое искусственное и непостоянное понятие как метафора вполне может обладать свойством причинности.

Каким образом метафоры обла- дают каузальной силой в отношении процесса демократизации: преодоле- вая нелогичность коллективного дей- ствия. Хотя процесс демократизации является изменением как институциональ- ным, так и поведенческим, теоретики сконцентрировались на институциональ- ности, игнорируя поведение, что отчасти привело к заблуждениям. Хотя процесс демократизации означает введение мно- гопартийных выборов, этот институт не имеет смысла, если люди (не обяза- тельно все) не перейдут от политической пассивности, характерной для недемо- кратических режимов, к политической активности, характерной для демократии. До этого не допускавшиеся до борьбы за власть, сейчас люди должны стать на ту или иную сторону в политике. Поначалу их активистская деятельность может принимать формы восстания, мятежей или протестов; эти формы поведения время от времени возникают и в устояв- шихся демократиях, но обычно сменя- ются гораздо менее затратной деятель- ностью голосования. Неоспоримая тео- рия демократии отсутствует частично по- тому, что, несмотря на десятилетия эм- пирических исследований и солидный объем накопленных данных, у политоло- гов все еще нет теории голосования. Эм- пирические корреляты голосования – возраст, образование, доход, политиче- ская приверженность, политическая ак- тивность – уже являются общепризна- нными, но они не образуют теорию. Един- ственная вразумительная теория голосо- вания – анализ рационального выбора – к сожалению, довольно недвусмысленно и твердо предсказывает, что почти все воздерживаются от голосования.

Чтобы объяснить, почему люди мас- сово участвуют в голосовании, требуется найти причины, по которым люди идут на затраты голосования, не получая никакой внешней выгоды, равнозначной этим за- тратам. Тот же самый вопрос является центральным для изучения других форм коллективного политического действия,

такого как протест, мятеж или восстание. Как и голосование, эти формы поведения являются затратными по времени, уси- лиям и риску. Люди могут достичь цели без личного участия в этих формах про- теста, при вовлеченности достаточного количества других людей. Но они могут и не достичь цели, несмотря на личное участие, при вовлечении недостаточного количества других людей. Хотя парадок- сальность этих действий широко из- вестна как «логика коллективного дейст- вия» (что должно, скорее, называться *нелогичность* коллективного действия), менее известны результаты индивиду- алистического анализа затрат и результа- тов для подавления, являющегося опре- деляющей характеристикой недемокра- тических режимов. Если все перейдут от размышлений о затратах и результатах действия к размышлениям о самих себе, подавление становится как ненужным, так и невозможным. Оно становится не- нужным, так как подавление стремится препятствовать формам поведения (напр., принятию чьей-либо стороны в политике), которым уже воспрепятство- вала нелогичность коллективного дейст- вия. Оно становится невозможным, так как само подавление является формой коллективного действия. Оно требует за- тратной поддержки со стороны полиции, солдат, знати и руководства, из которых никто не сможет поддерживать политиче- ский порядок собственными силами, а может благополучно уклониться от под- держки, продолжая при этом получать жалование.

Хотя иногда случается, что автори- тарные руководители, предвидя народ- ные потрясения, предотвращают про- тесты, заранее соглашаясь на создание института выборов, процесс демократи- зации – это переход от одной формы управления к другой форме. При изуче- нии коллективного действия оказыва- ется, что оно близко связано с понятием *идентичность*. Десятилетия эмпириче- ских исследований показали, что голосо- вание в наибольшей степени связано с партийной идентификацией, т.е. с утвер- ждением голосующего, что он или она идентифицирует себя с той или иной по- литической партией. Партийная иденти- фикация является, в свою очередь, осо- бой политической формой общего про- цесса формирования социальной иден-

тичности. Лабораторные исследования, проведенные социальными психологами, обнаружили три характеристики социальной идентичности, которые объясняют ее связь с голосованием и вероятность ее связи с политическим подавлением и его спутниками – восстаниями, мятежами и протестами. Первая характеристика касается принятия затрат. В лабораторных экспериментах, когда люди получают сигнал общей с другими социальной идентичности, они добровольно оплачивают свои затраты и налаживают те же затраты на членов своей социальной идентичности. Это происходит, если принятие затрат своей группы налагает большие затраты на членов какой-либо противостоящей группы – т.е. проводит дискриминацию в отношении противостоящей группы. Вторая характеристика касается восприятий. Люди, получающие сигнал общей социальной идентичности, стереотипизируют противостоящие группы. Третья характеристика касается способности дискурса сигнализировать людям общую социальную идентичность. Чтобы вызвать затратные дискриминацию и стереотипизацию, ему достаточно дать сигнал субъектам эксперимента, что они являются членами одной группы, противостоящей другой группе. Ни одной из групп даже нет необходимости существовать на самом деле. Эти три характеристики социальной идентичности – затратная дискриминация, стереотипизация и дискурсивная сигнализация делают возможным факт объяснения метафорами процесса демократизации.

Метафоры советского авторитарного дискурса установили интересную модель социальной идентификации, типичную для недемократической формы правления. Когда советские руководители описывали себя и свои действия как высокие или большие, этим они подразумевали, что те, которыми они руководят, являются низкими или маленькими. Руководители усилили это послание, описывая себя как высокие чины, как дающих задания, как воспитывающих, в то же время подразумевая подчиненность и покорность тех, кем они руководят. Эти сигналы разделили советский народ на противостоящие социальные идентичности руководителей и руководимых. Но ключевым моментом является то, что

только представители руководства получали метафорические сигналы позитивной социальной идентичности. Руководители называли себя «высокими», но они никогда не упоминаются как «низкие». Как сказал И. Сталин, который определил характерные для советского авторитаризма институты: «Или вы ничто в глазах партии, или вы полноправный член партии». Стандартная советская терминология повторила это определение, разграничив положительную идентичность *коммунист* и остаточную идентичность *беспартийный* – отрицательное значение которого выражается как в русском, так и в английском языках ("non-party person") отрицательным префиксом. Получая сигналы положительной политической идентификации, руководители режима мотивировались на дискриминацию массы беспартийных; лишенное таких сигналов, управляемое население оставалось коллективно пассивным, хотя некоторые личности протестовали публично, а многие приняли скрытые формы протеста, такие как мелкое воровство и вандализм. Дискриминация населения приняла форму идентификации и изоляции через заключение в тюрьму, депортацию или помещение в психиатрические лечебницы всех, кто мог послать населению положительные сигналы другой политической идентичности, что могло бы спровоцировать коллективное действие, направленное против режима.

Когда Политбюро во главе с М. Горбачевым прекратило посылать прежние сигналы и перешло к новым метафорам, официальное подавление стало разоблаченным, а смельчаки стали понимать новые сигналы, то это сделало возможным коллективное участие в диалоге, к которому призывало руководство. Так как постоянное сравнение Партии и общества, проводимое Политбюро, сохранило разделение социальных идентичностей, чувства народа к органам государственной власти были по большей части оппозиционными. Новые общественные движения, появившиеся в период 1985-1991 гг., ставили своей целью отстранить существующие полномочные органы от власти. Будучи еще слабыми, все еще находясь под страхом подавления, время которого уже подходило к концу. Лидеры этих движений могли первоначально скрывать свои мотивы за слоганами в

поддержку М. Горбачева и его Перестройки, но по мере того, как подавление дезорганизовалось все больше и больше, движения переродились в уличные протесты, требующие конца авторитарной власти и установления полной демократии.

По мере того как в период между 1991 и 1993 гг. новая политика набирала силу, и исчезали старые метафорические сигналы горизонтального раскола, разделяющего руководителей и руководимых, люди постепенно перестали рассматривать политическую элиту как носителей отдельной социальной идентичности. Те люди, которые ранее стереотипизировали Политбюро и его членов, начали получать от политиков сигналы, вошедшие в их собственную повседневную речь. Сигналы общей социальной идентичности, связывающие политиков и общество, дали людям возможность увидеть разницу между соперниками, борющимися за политическую власть. Видя различия, они начали присоединяться к политике, которого находили похожим на себя. Новые политические деятели стимулировали это различие путем введения метафоры сторон. Это привело к установлению в обществе вертикального раскола, отделяющего группы политических деятелей с их сторонниками от групп соперников. Эти новые метафоры сторон и цветов употреблялись менее регулярно, чем концентрированные метафоры размера и превосходства, характерные для авторитарной формы правления. Соответственно новые партийные идентичности в демократической России были менее прочными, чем концентрированная, бескомпромиссная идентичность коммунистического авторитаризма. Вместо того чтобы мотивировать подавление политических оппонентов, удалось только мотивировать голосование. Даже уличные демонстрации и другие формы протеста уже не собирали столько народа и не были столь частыми, несмотря на сокращение подавления, которое продолжалось в ослабленных формах почти до конца Горбачевской эры. Это правда, что в конце первого этапа современного периода в Москве между 21 сентября и 4 октября 1993 года произошло короткое, бурное восстание и его подавление, но даже в этом волнении участвовало очень небольшое количество человек, по не-

скольку тысяч с каждой стороны, и оно было быстро и легко подавлено.

Метафоры могут объяснить процесс демократизации с помощью своей способности посылать сигналы социальной идентичности. Метафоры недемократического типа посылают сигналы разделения общества на верха и низы, высокие чины и подчиненных, родителя и ребенка, дающего и получающего задания. Эти метафоры показывают различия между активной группой, которая получает положительные сигналы своей идентичности и пассивной группой, которой сигналы идентичности не посылаются. Результатом этого является тот факт, что первая группа дискриминирует в форме подавления, в то время как вторая группа воздерживается от коллективного противодействия. Отказ от таких метафор приводит подавление к концу путем прекращения подачи сигналов особой социальной идентичности руководителей, и трансформирует поведение народа. По мере того, как люди начинают различать соперников в борьбе за власть, они начинают принимать стороны, которые как им говорят политики, неожиданно появились. Не получая сигналы высокой интенсивности, люди принимают участие только в низкозатратной деятельности, особенности в голосовании.

Заключение. Хотя изменение в метафорах во время процесса демократизации было продемонстрировано только на примере России, можно считать, что количество примеров можно увеличить. Если это так, то политическая каузальность метафор полностью подтверждается. Во-первых, как метафоры, так и политика способны к систематическим изменениям. Во-вторых, изменение в метафорах связано с политическими переменами. В-третьих, если метафоры изменяются первыми, их можно будет идентифицировать как экспланаторные переменные, так как их способность сигнализировать общую социальную идентичность объясняет переход от подавления через протест к голосованию, что является процессом демократизации. Безусловно, теорию, которая видит причину демократии в изменяющемся дискурсе, включающем систематические изменения в метафорах, легко опровергнуть. Первым способом опровержения будет обнаружение примера процесса демо-

кратизации, которому не предшествует изменение в политических метафорах. Вторым способом будет обнаружение третьего фактора, предшествующего как изменению в метафорах, так и процессу демократизации. Несмотря на пять или более десятилетий напряженных усилий, социологи не смогли найти такой фактор. Независимость от экстралингвистических условий, которая входит в определение метафоры, объясняет невозможность нахождения такого фактора.

© Ричард Д. Андерсон (мл.), 2007

© Чащина С. С., Шабанова Т. А.
(перевод), 2007

Тодд Белт
Хило, США

**Перевод: Камышева О. С.,
Кушнерук С. Л.**

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УБЕЖДЕНИЕ ПУТЕМ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Abstract

Metaphor is thought to have significant persuasive capacity as a linguistic device. This is particularly true in the realm of political thought. To date, most research on metaphor has taken political persuasion through metaphor as axiomatic, failing to describe, much less demonstrate, the causal connection between metaphor and political opinion. In this paper, I develop a theoretical framework for explaining political persuasion based on the concept of metaphorical framing. I integrate the literature on schema, heuristics, emotions and values in order to develop the theory, and conclude with a discussion of empirical considerations of the complex interactions postulated by the theory.

Использование метафор в политических дебатах имеет повсеместное распространение. На уровне межгосударственных отношений политики нередко прибегают к метафорам для обоснования избранного курса, называя противоборствующего лидера тираном, например «Саддам Хусейн – это Гитлер» [Lakoff 1991]. В иных ситуациях лидеры по аналогии связывают вопросы политики с событиями прошлого, как, например, в случае с Соединенными Штатами, которые «стремятся избежать второго Вьетнама» (Khong 1992; см. также Beer and De Landsheer 2004; Paris 2002). В этом смысле метафора выступает средством объяснения чуждых и незнакомых концептов в более доступных понятиях. Использование языкового средства способ-

ствует извлечению сути из сложной информации и, с одной стороны, облегчает восприятие идей, с другой, – может стать приемом введения в заблуждение [Nogales 1999].

Высокая частотность обращения к метафоре подчеркивает значимость приема, но не обязательно свидетельствует об эффективности его использования в целях политического убеждения. Научные исследования, посвященные изучению убедительности политической метафоры, главным образом основаны на принципах риторики и дискурс-анализа. Эти публикации сосредоточены на языковых моделях и стратегиях убеждения, оставляя без внимания каузальные механизмы реализации приема. Исследования медиа-эффектов, в особенности те, в которых реализуется когнитивный подход к эвристике, схеме, моделированию, политическим ценностям и эмоциям, дают ключ к пониманию причинной обусловленности метафорического убеждения. Проанализировав их можно обосновать теорию, описывающую механизм убеждения посредством метафор.

Теоретические основы. Обсуждение того, как человек подвергается убеждению посредством метафор, нужно начать с процесса формирования политических взглядов. Политология имеет богатую историю изучения того, как политика концептуализируется в сознании людей. В начале прошлого века Валтер Липпманн отметил, что для большинства людей политика «недосягаема, вне поля зрения и сознания» [Lippmann 1922: 18]. По существу, политический мир для обществу подобен «фильму с участием актеров» [Lippmann 1922: 18].

Доказывая, что уровень политической грамотности среди населения был необычайно низким [Converse 1964], ранние исследования наводят на мысль о возможной манипуляции сознанием избирателей. В более поздних публикациях приводятся аргументы в пользу «познавательной пассивности» избирателей (Fiske and Tayler 1991; Lau and Sears 1986; Lodge and Hamill 1986; Lodge and McGraw 1991), которые не тратят энергию на осмысление политики и не имеют достаточных политических знаний для обоснования собственного мнения [Zaller 1992]. Утверждается, что мнения формируются по прошествии длительного вре-

мени, нежели извлекаются из банка имеющегося опыта (Delli Carpini and Williams, 1996; Zaller, 1992; Zaller and Feldman, 1992). Свидетельства познавательной пассивности нашли отражение в работах, где демонстрируется, как часто межличностная коммуникация принимает опосредованные медиа-средствами формы, а также иные формы общественного взаимодействия (Delli Carpini and Williams 1996; Lenart 1994).

Учитывая доступность политической информации, неудивительно, что люди черпают ее из публичных выступлений и СМИ. Однако нельзя сказать, что при этом информация не подвергается осмыслению. Изучение того, как общественность концептуализирует информацию, «раскрывает сложный процесс, смысл которого формируется на основе разнообразного личного и общественно-опосредованного опыта» [Neuman, Just and Crigler 1992: 60]. Разносторонний опыт влияет на желание людей принять или отвергнуть убеждение [Zaller 1992: 22]. Как идея может прорваться сквозь это разнообразие, чтобы стать убедительной? Ответ лежит в нахождении общего основания. Метафора – это способ выражения идеи посредством общего основания.

Согласно теории Лакоффа и Джонсона, метафора обращается к общечеловеческому опыту, чтобы найти оптимальный способ передачи информации [Lakoff and Johnson 1980]. К примеру, метафора Шекспира «Джульетта – это Солнце» означает, что Джульетта излучает тепло, свет, она нужна для жизни [Grand 1994]. Такая метафора эффективна, потому что основана на общности восприятия солнца большинством людей. Подобные приемы значимы, поскольку помогают человеку осознавать мир.

Чтобы «справиться с наплывом информации» [Graber 1993] политического характера, человек может задействовать эвристические или когнитивные приемы формирования собственной точки зрения (Hamill, Lodge and Blake 1985; Sniderman, Brody and Tetlock 1991; Sniderman 1986). В таком случае мнение больше строится на намеках, чем на «аргументированных доводах» [Sears 1993: 141-2]. Отсюда следует, что если политические намеки имеют под собой достаточное для ауди-

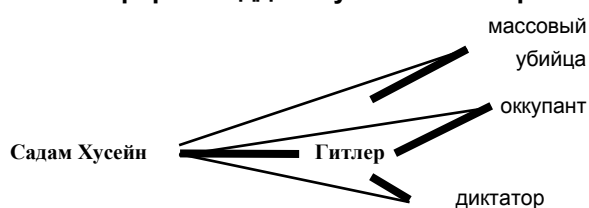
тории общее основание, призывы политиков могут стать убедительными в процессе формирования позиций каждым из индивидов. Знаки (Beniger 1983; Mills 1961; Sears 1980), – из которых метафора представляет особый интерес в нашей работе, – являются средствами выражения политических намеков через упрощение информации. До известной степени метафоры делают непонятное понятным. Они передают смысл темы, находящейся вне нашего опыта, обращением к теме в рамках имеющегося опыта.

Механизм метафоры. Метафора создает ассоциацию между двумя понятиями. Ассоциация включает три элемента – тему (топик), средство выражения и основание. Например, в метафоре «Саддам Хусейн – Гитлер» тема – *Саддам Хусейн*, а *Гитлер* – средство выражения, связывающее тему с основанием через набор релевантных характеристик, благодаря которым осуществляется перенос. В рассматриваемом примере основание может включать такие характеристики как *диктатор*, *массовый убийца*, *оккупант* и т.д. Смысл метафоры – присоединить характеристики хорошо известного средства выражения (*Гитлер*) менее известной теме (*Саддам Хусейн*). Таким образом, использование метафоры эффективно для передачи новой информации (См. схемы 1 и 2). Схемы 1 и 2 были составлены на основе теории Гранда, 1994.

Схема 1. Метафорическая структура: ее элементы

Схема 2. Метафорическая структура: Метафора «Саддам Хусейн – Гитлер»

Человек постигает неизвестное с помощью метафор, поскольку они способны проникать в суть идей, включенных в процессы понимания, которые, в свою очередь, строятся на предшествующем опыте [Mio1997]. Это создает прием, посредством которого

полученное сообщение упрощает сложный политический феномен и позволяет реципиенту быстро улавливать смысл [Ortony 1975].

Новейшие исследования утверждают, что метафора характерна не только для языка [Grand 1994]. Например, телевизионное изображение Саддама Хуссейна может совмещаться с чертами Адольфа Гитлера. Это пример визуальной метафоры. В такой метафоре характеристики средства выражения (Гитлер) переносятся на тему (Саддам Хуссейн) посредством визуального образа без выражения риторической связи [Grand 1994]. Подобная тактика в действительности использовалась в Соединенных Штатах в рекламном ролике независимой компании AFL-CIO, представляющей республиканских членов палаты представителей в 1996, фотографии которых были показаны таким образом, что их изображение смешивалось с образом спикера палаты Невта Гингрича. Вывод Грабер об особой силе визуальных средств, служащих целям активизации процессов памяти и увеличению эффективности обработки информации в телевизионных новостях, наводит на мысль о том, что визуальные метафоры обладают теми же свойствами и, следовательно, приобретают еще большую убедительность (Graber, 2001, 1990).

Метафора и политическое познание. Исследователи в области политического познания развили две ключевые концепции, – схема и эвристика, – которые помогают описать, как люди используют метафоры, обрабатывая информацию политического характера. Схема «упрощает понимание каких-либо политических фактов, организованных в единое целое» [Neuman, Just and Crigler 1992: 15]. Предложенное Дорис Грабер понимание значимости схемы сводится к тому, что она «служит организующим приемом, способствующим усвоению новой информации» [Graber 2006: 195]. Каждый человек пользуется своей схемой, которая со временем совершенствуется (Graber 1996; Lodge and Hamill 1986). Например, Мио (1997) описывает, как человек может применить схему для восприятия информации о загрязнении окружающей среды. Эта схема может сделать человека особенно восприимчивым к охране окружающей среды и нечувствительным к претензиям относительно потерь на промышленных предприятиях в результате рационального природопользования [Miо 1997: 117]. Из теории следует, что, чем больше развита схема, тем проще человеку усваивать сложную информацию [Crigler 1996]. Исследование позволяет заключить, что метафора – это тип схемы, которая облегчает усвоение и объяснение информации [Halverson 1999].

Эвристика – это второй ключевой кон-

цепт в политической когнитивистике. Иногда ее называют «когнитивным средством». В ряде случаев, именуемая «когнитивным приемом», эвристика включает организационные принципы, которые «имитируют логическую обработку информации в упрощенном виде без внимания к деталям» [Miо 1997: 117]. В силу того, что эвристики только имитируют логику, они объясняют, почему человек отступает от строгой рациональности [Miо 1997: 118]. И эвристика, и схема позволяют описывать, как люди осознают сложные политические явления. Согласно модели обработки информации, «чтобы охватить широкий диапазон сведений политического характера при ограниченности времени и сил, люди могут рационально использовать когнитивные приемы, которые позволяют справиться с задачей» [Neuman, Just and Crigler 1992: 15]. Обращаясь к общему опыту для упрощения большого количества сложной информации, метафоры функционируют как схемы и эвристические приемы, описанные в политической когнитивистике. Способ, при помощи которого метафоры решают эту трудную задачу через упрощение, известен в коммуникативистике как «активизация фреймов».

Метафора и активизация фреймов.

Если возможности метафоры заключаются в том, чтобы передавать обширные пласты информации посредством небольших частей, необходимо разобраться, каковы процедуры обработки последних. В исследованиях политической коммуникации указывается на то, что для упрощения потенциально сложной информации темы, обсуждаемые в СМИ, часто представлены через «фреймы». Фрейм делает сложную идею доступной в той мере, чтобы реципиент понял ее и получил знания о политике.

Необходимым условием формирования у реципиента окончательного смысла сообщения является установление границ в процессе упрощения информации. Фрейм определяет эти границы. Одним из лингвистических средств, создающих фрейм, является метафора. По мнению Энтмана, фрейм включает понятия «выбор» и «рельефность»: Активизировать фрейм – значит выбрать некоторые аспекты воспринимаемой реальности и сделать их более рельефными в рамках сообщения так, чтобы выдвинуть на первый план проблемное определение, причинную интерпретацию, этическую оценку и / или предписание к пониманию [Entman 1993: 52].

В таком понимании выбранные аспекты – элементы внутри фрейма – помогают особой организации мысли, передающей информацию о проблемах, людях, объектах через главные темы (Gamson and Modigliani 1989; Liebes and Crigler 1990).

Для того чтобы человек осознал и усвоил разрозненную политическую информацию,

она должна быть «упакована» с расчетом на понимание. Например, Гамсон исследовал фрейм с понятийной сферой «холодная война», использовавшийся в американских СМИ, и пришел к выводу о его фактически решающей роли в определении проводимой в отношении разных стран международной политики. В данном случае фрейм использовался, чтобы охарактеризовать гражданские войны, установить виновников их возникновения (повстанцы-коммунисты), выразить нравственное осуждение и предложить возможные пути решения (Gamson 1992). При наличии других альтернатив, – например, экономических или религиозных, – указанные аспекты холодной войны были выбраны как наиболее подходящие.

Когда в политическом контексте какая-либо ситуация выражена посредством фрейма, возникает вопрос, как она воспринимается человеческим сознанием. Фреймы «представляют карты, где нанесены перекрестки, выделены значимые ориентиры и сигналы, предупреждающие об опасных участках, которые подсказывают оптимальные пути движения» [Gamson 1996: 113]. Однако они привлекают внимание к одним характеристикам за счет других. Фокусируясь на одних свойствах, фреймы одновременно отвлекают внимание от других [Entman 1993: 54]. Такая избирательность в описании, преднамеренная или нет, ведет восприятие аудитории к одной цели, отдаляя от другой (Iuengar, 1991).

Фреймы устанавливают границы, которые помогают понять содержание и сформировать собственное мнение. Одним из средств достижения этого является метафора. Эдельман отмечает: «Единожды принятый, метафорический взгляд на мир становится организующим понятием, в свете которого люди систематизируют и интерпретируют новую информацию. Таким образом, правильность точки зрения, выражающей определенные интересы, многократно выверяется через обращение к метафоре» [Edelman 1971: 72].

Иными словами, метафора, формируя и усиливая ассоциации, способна представлять информацию в виде фрейма. Кроме позитивных ассоциаций, фрейм может включать аспекты, которые пропускаются и не ассоциируются с главной темой. Эти неассоциируемые аспекты появляются в результате омысления.

Возможности метафорического моделирования в политике зависят от метафор, которые принимаются массами (Glucksberg, Manfredi and McGlone, 1997). Энн Криглер указывает на то, что «сила политического убеждения находится в руках тех, кто задевает чувствительные струны, настраивая дискурс в пользу или против какого-либо во-

проса» [Crigler 1996: 1]. Итак, выбор удачной метафоры может представить аргумент в виде фрейма, который акцентирует внимание на определенных деталях темы, приобретая силу убеждения. Результаты исследований свидетельствуют о том, что если метафора не находит отклик у широкой аудитории, она не обладает силой убеждения (Glucksberg Newsome and Goldvarg, 2001).

Привлекая внимание к одним деталям за счет других, фрейм может придавать сообщению определенную окраску. Метафоры, относящиеся к одному фрейму, могут быть по-разному эмоционально окрашены. Например, метафора «Саддам – Гитлер» относится к фрейму конфликта с негативным оттенком (то есть, лидер противоборствующей стороны – враг). Такой фрейм создается за счет того, что метафора «Гитлер» обнаруживает противостояние сторон и подразумевает вооруженное столкновение. Это происходит потому, что большинству людей трудно, даже невозможно, представить Гитлера вне его политики и военных действий. Для многих людей идея противопоставления добра и зла, лежащая в основе метафоры, имеет негативную коннотацию. Другие метафоры также могут использоваться, чтобы задать фрейм конфликта и охарактеризовать Саддама Хусейна как противоборствующего лидера, но фрейм, представленный метафорой «Гитлер», включает ярко выраженные негативные коннотации, осознаваемые подавляющим большинством.

Посредством указанного фрейма отрицательные характеристики Гитлера переносятся на Саддама Хусейна. Набор включает такие черты, как «массовый убийца», «диктатор» и другие. Негативная окраска фрейма нивелирует положительные ассоциации как, например, «лидер, чтимый народом». Другие метафорические образы и риторические фигуры могут приобретать позитивные коннотации через обращение к фрейму конфликта, включающего положительные ассоциации, например, «Саддам Хусейн – Джордж Вашингтон» (метафоры, подобные данной, использовались администрацией Рейгана в 1980-х в отношении повстанцев организации «El Salvadorian Contra», которых Президент называл «борцами за свободу» и приравнивал к «отцам-основателям» Соединенных Штатов). Из этого следует, что, если фрейм с отрицательной коннотацией связан с определенным объектом, внимание общественности будет фокусироваться на негативных характеристиках этого объекта, что приведет к соответствующему убеждению (Bosman 1987; Bosman and Hagendoorn 1991; Bowers and Osborn 1966; Lakoff 1991).

Метафора и ценности в политике. Изучение средств массовой информации выявляет, что аргументы в политике часто ассо-

цируются с ценностями (Gamson and Modigliani 1989; McCloskey and Zaller 1984). Исследователи отмечают, что такие ценности как равенство, свобода (Ellis 1992; Rokeach 1973) и индивидуализм (Bellah et al. 1985; Wildavsky 1987) объясняют идеологические колебания. В последних публикациях подчеркивается значимость ценностей в формировании людьми собственных оценок политических кандидатов и их обращений (Gordon 1999).

Исследователи механизмов убеждения приходят к выводу о том, что большей силой воздействия обладают аргументы, обращенные к социальным ценностям, по сравнению с теми, в которых такой взаимосвязи не устанавливается (McCann 1997; Pollock, Lillie and Vittes 1993; Rokeach and Ball-Rokeach 1989; Shah, Domke and Wackman 1996). К тому же убедительная сила ценностей связывается с изменением поведения (Ball-Rokeach, Rokeach and Grube 1984). Из этого следует, что, если метафора строится на ценностях, которые важны для данного человека, сила ее воздействия на него усиливается.

Вероятно, сила метафорического убеждения зависит от индивидуальных особенностей каждого человека. Например, метафора «Саддам – это Гитлер» будет по-разному воздействовать на неонациста и еврейского раввина. Причина кроется в том, что для каждого из них средство выражения метафоры («Гитлер»), скорее всего, ассоциируется с разным набором характеристик основания. Если средство выражения метафоры символизирует ценность, разделяемую некоторой частью общества, то ее представители окажутся под сильным воздействием данной метафоры. Конечно, в приведенном примере Гитлер входит в ценностные системы обоих людей, но с разными параметрами оценки, и, следовательно, метафора будет оказывать неодинаковое воздействие на каждого из них.

Метафора и эмоции в политике. Люди также могут по-разному реагировать на метафору в зависимости от личностного отношения к средству ее выражения. Растущее число публикаций по вопросу формирования мнения затрагивает роль эмоций в политике (Abelson et al. 1982; Coover and Feldman 1986; Crigler, Just and Belt, Marcus, Neuman and MacKuen 2000). Если метафоры действительно строятся на общем опыте, в результате могут появиться рассуждения, имеющие рациональную и эмоциональную составляющие, которые иногда называют «аффективными умозаключениями» (Marcus, Neuman and MacKuen 2000). Они предполагают, что ментальные процессы основаны на взаимодействии эмоций и разума. Например, «Косово – это холокост» качественно отличается от утверждения «в Косово идет массовое ис-

ребление людей». С формальной точки зрения первое утверждение соотносится со вторым, однако, может вызвать больший эмоциональный отклик. Это происходит потому что, основание (набор черт, ассоциируемых со средством выражения «Холокост») включает эмоционально-заряженные характеристики – геноцид, газовые камеры, люди, перевозимые в вагонах для скота, голод и т.п. Следовательно, главные черты холокоста, перенесенные на Косово, могут оказывать как эмоциональное, так и когнитивное воздействие в поддержку политики военного вмешательства.

Современные исследования аффективных умозаключений и суждений подчеркивают важную роль эмоций в эффективности воздействия политических сообщений. Кроме этого, исследователи указывают на то, что люди испытывают разные эмоции по отношению к разным кандидатам (Just, Crigler and Belt 2007), их также можно заставить изменить реакцию на эмоционально-окрашенные раздражители, такие как обращения, вселяющие чувство беспокойства (Crigler, Just and Belt 2006). Отсюда следует, что если метафоры эмоционально окрашены они будут взаимодействовать с эмоциями аудитории, что таким образом приведет к эффективному воздействию.

Заключение: сила метафоры в политическом убеждении. В работах, посвященных вопросам воздействия, выделяются когнитивный и аффективный (эмоциональный) подходы к убеждению (Petty and Cacioppo 1981). Концепция фреймов в рамках развития теории схемы и эвристики способствует объяснению процесса усвоения политической информации. В теоретических исследованиях по вопросам метафоры и политической коммуникации отстаивается идея о том, что метафоры оказывают систематическое воздействие на способы понимания политических тем (Boers 1997; Eubanks 2000; Lakoff 1987; Lakoff and Johnson 1980). Странники этого подхода разделяют мнение, согласно которому метафоры, связанные со скрытыми символическими проблемами общества, оказывают влияние на то, как люди познают политику и формируют свои точки зрения.

В работах по политической коммуникации Марей Эдельман отстаивает идею о том, что использование символов формирует метафорическое видение, которое становится «организующим концептом», облегчающим осмысление разрозненных фрагментов информации (Edelman 1971). В этом смысле теоретическое исследование Эдельмана фокусируется на определяющей роли метафоры, подчеркивая, что люди через символы познают политическую информацию, но не предоставляют достаточных эмпирических доказательств.

Вслед за работой Эдельмана Джордж Лакофф разрабатывает теорию когнитивной структуры метафоры (Lakoff 1987). Эта теория основана на «идеализированной когнитивной модели». Она включает основные категории, называемые «прототипами», и когнитивное пространство, представленное связанными понятиями, которые называются «радиальными категориями» (Lakoff 1987). Согласно теории Лакоффа, под прототипами понимается общий фрейм, к которому относится метафора. Использование метафоры построено на отношениях между объектами, которые принадлежат разным радиальным категориям. Лакофф приводит несистематические примеры и не подвергает свою теорию опытной проверке. Несмотря на то, что указанные теории помогают понять связь метафоры с политикой и способность метафор убеждать, в них отсутствуют эмпирические доказательства. Теории Эдельмана и Лакоффа оставляют без ответа многие вопросы, относящиеся к тому, действительно ли описанный процесс имеет место, и существуют ли какие-либо значимые результаты, к примеру, изменение соотношения в ситуации выборов или поддержки военных действий.

Исследование в области политологии, проведенное Сирс и его коллегами (1980), показало, что обращение к символическим образам может оказаться более действенным, чем рациональные доводы. Несмотря на то, что символы иногда могут быть рациональными, они часто эмоционально окрашены (Sears 1980). Если метафора дает возможность воспринимать факты по сходству ассоциаций, как утверждает Браун (1966), а эмоции лежат в основе человеческого опыта, отсюда следует, что метафора может оказывать как эмоциональное, так и когнитивное воздействие.

Примером эмоционально окрашенной метафоры, которая обладает способностью убеждения, служит метафора «Саддам – Гитлер», приведенная выше. Для большинства американцев (хотя не для всех) метафорические ассоциации могут вызвать страшные образы, такие как лагеря смерти, истощение людей и другие акты уничтожения, связанные с войной. Как следствие, эти образы вызывают неприятные чувства к иракскому лидеру. В силу того, что негативные эмоции, такие как тревога, усиливают внимание и влияют на принятие решений (Just, Crigler and Belt 2001; Marcus, Neuman and Mackuen 2000), отсылка к образу Гитлера может стать эмоциональным компонентом, придающим метафоре большую силу убеждения. Подобные выводы допускаются и теми, кто считает, что метафора ориентируется на ценности, а также теми, кто не разделяет такой позиции.

Большой вклад в эмпирическую проверку

воздействующей силы метафор внесли Лау и Шлезингер (2000, 2005). Авторы разработали теорию, связанную с когнитивной эвристикой, которая признает роль эмоций в формировании умозаключений, но не сумели объединить оба аспекта, чтобы представить всестороннее объяснение. Исследователи демонстрируют воздействующую силу метафоры только в аспекте влияния ценностей и эмоций. Как было отмечено выше, степень воздействия метафоры на людей будет эмоционально и ценностно отличаться в зависимости от конкретной личности. Иными словами, эмпирическое моделирование должно учитывать (множественный) эффект взаимодействия эмоций и ценностей с метафорическими фреймами, а не просто констатировать воздействие отдельных элементов.

Сила убеждения метафоры не должна считаться универсальной ни в терминах области действия, ни с позиции значимости. Убеждение должно рассматриваться как один из компонентов в ряду многообразных причинных факторов. Имеющиеся у человека ценности и эмоции определяют ответную реакцию на политически-заряженную метафору. Следовательно, способность метафоры убеждать должна рассматриваться в контексте большего динамического причинно-следственного механизма. В основе метафоризации лежит предшествующий опыт каждого человека, который влияет на эффективность воздействия метафор. Он также должен рассматриваться в каузальном моделировании, которое предопределяет силу убеждения политической метафоры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Abelson, Robert P., Donald R. Kinder, Mark D. Peters and Susan T. Fiske. 1982. "Affective and Semantic Components in Political Person Perception." *Journal of Personality and Social Psychology* 42:619-630.
- Ball-Rokeach, Sandra J., Milton Rokeach and Joel W. Grube. 1984. *The Great American Values Test: Influencing Behavior and Belief Through Television*. New York: The Free Press.
- Beer, Francis A. and Christ'l de Landtsheer (eds.). 2004. *Metaphorical World Politics*. Lansing, MI: Michigan State University Press.
- Bellah, Robert N., Richard Madsen, William M. Sullivan, Ann Swidler, and Steven M. Tipton. 1985. *Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life*. New York: Harper and Row.
- Beniger, James R. 1983. "Does Television Enhance the Shared Symbolic Environment? Trends in Labeling Editorial Cartoons, 1948-1980." *American Sociological Review* 48:103-11.
- Boers, Frank. 1997. "'No Pain, No Gain' in a Free-Market Rhetoric: A Test for Cognitive Semantics?" *Metaphor and Symbol* 12:231-41.
- Bosman, Jan. 1987. "Persuasive Effects of Political Metaphors." *Metaphor and Symbolic Activity* 2:97-113.

- Bosman, Jan and Louk Hagendoorn. 1991. "Effects of Literal and Metaphorical Persuasive Messages." *Metaphor and Symbolic Activity* 6:271-292.
- Bowers, John W. and Michael M. Osborn. 1966. "Attitudinal Effects of Selected Types of Concluding Metaphors in Persuasive Speeches." *Speech Monographs* 33:147-55.
- Brown, Stephen. 1966. *The World of Imagery: Metaphor, and Kindred Imagery*. New York: Russell and Russell.
- Conover, Pamela Johnston, and Stanley Feldman. 1986. "Emotional Reactions to the Economy: I'm Mad as Hell and I'm Not Going to Take It Anymore." *American Journal of Political Science* 30:50-78.
- Converse, Philp. 1964. "The Nature of Belief Systems in Mass Publics." In David Apter (ed.). *Ideology and Discontent*. New York: Free Press.
- Crigler, Ann N. (ed.). 1996. *The Psychology of Political Communication*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Crigler, Ann, Marion Just and Todd Belt. 2006. "The Three Faces of Negative Campaigning: The Democratic Implications of Attack Ads, Cynical News and Fear Arousing Messages." In David P. Redlawsk (ed.). *Feeling Politics: Affect and Emotion in Political Information Processing*. New York: Palgrave/Macmillan.
- Delli Carpini, Michael X. and Bruce A. Williams. 1996. "Constructing Public Opinion: The Uses of Fictional and Nonfictional Television in Conversations about the Environment." In Ann N. Crigler (ed.). *The Psychology of Political Communication*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- Edelman, Murray. 1971. *Politics as Symbolic Action*. Chicago, IL: Markham.
- Ellis, Richard. 1992. "Rival Visions of Equality in American Political Culture." *The Review of Politics* 54:253-80.
- Engström, Anders. 1999. "The Contemporary Theory of Metaphor Revisited." *Metaphor and Symbol* 14:53-61.
- Entman, Robert M. 1993. "Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm." *Journal of Communication* 43(4):51-58.
- Fiske, Susan T., and Shelley E. Taylor. 1991. *Social Cognition* 2d ed. New York: McGraw Hill.
- Gamson, William. 1992. *Talking Politics*. New York: Cambridge University Press.
- Gamson, William and Andre Modigliani. 1989. "Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power: A Constructionist Approach." *American Journal of Sociology* 95:1-37.
- Glucksberg, Sam, D. A. Manfredi and M. S. McGlone. 1997. "Metaphor Comprehension: How Metaphors Create new Categories." In Thomas B. Ward, Steven M. Smith, and Jyotsna Vaid (eds.). *Creative Thought: An Investigation of Conceptual Structures and Processes*. Washington, DC: American Psychological Association.
- Glucksberg, Sam, Mary R. Newsome and Yevgeniya Goldvarg. 2001. "Inhibition of the Literal: Filtering Metaphor Irrelevant Information During Metaphor Comprehension." *Metaphor and Symbol* 16:277-93.
- Gordon, Christine Ann. 1999. *The Role of Values in Campaign Communication*. Ph.D. Diss.: University of Southern California.
- Graber, Doris. 2006. *Mass Media and American Politics*. Washington, DC: Congressional Quarterly Press.
- Graber, Doris. 2001. *Processing Politics: Learning from Television in the Internet Age*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Graber, Doris. 1993. *Processing the News: How People Tame the Information Tide* 2d ed. Lanham, MD: University Press of America.
- Graber, Doris. 1990. "Seeing is Remembering: How Visuals Contribute to Learning from Television News." *Journal of Communication* 40:134-55.
- Grand, Steven Lee. 1994. *The Battle for Imagery: Visual Metaphor and Televisual Persuasion in The Gulf War*. Ph.D. Diss.: University of Southern California.
- Halverson, Sandra. 1999. "Image Schemas, Metaphoric Processes, and the 'Translate' Concept." *Metaphor and Symbol* 14:199-219.
- Hamill, Ruth, Milton Lodge and Frederick Blake. 1985. "The Breadth, Depth, and Utility of Class, Partisan, and Ideological Schemata." *American Journal of Political Science* 29:850-70.
- Iyengar, Shanto. 1991. *Is Anyone Responsible? How Television Frames Political Issues*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Just, Marion, Ann Crigler and Todd Belt. In press, 2007. "Don't Give up Hope: Emotions, Candidate Appraisals and Votes." In *The Affect Effect: The Dynamics of Emotion in Political Thinking and Behavior*, ed. by W. R. Neuman, G. Marcus, A. Crigler, and M. MacKuen. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Khong, Yuen Foong. 1992. *Analogies at War*. Princeton, NJ: University of Princeton Press.
- Kittay, Eva Feder. 1987. *Metaphor: Its Cognitive Force and Linguistic Structure*. Oxford: Clarendon.
- Lakoff, George. 1996. *Moral Politics: What Conservatives Know that Liberals Don't*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lakoff, George. 1993. "The Contemporary Theory of Metaphor." In Andrew Ortony (ed.). *Metaphor and Thought* 2d ed. Cambridge, England: Cambridge University Press.
- Lakoff, George. 1991. "Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf." *Journal of Urban and Cultural Studies* 2:59-72.
- Lakoff, George. 1987. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lakoff, George, and Mark Johnson. 1999. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. New York: Basic Books.
- Lau, Richard R., and David O. Sears. (eds). 1986. *Political Cognition: The 19th Annual Carnegie Symposium on Cognition*. Hillsdale, NJ: Lawrence

Erlbaum.

Lau, Richard R., and Mark Schlesinger. 2005. "Policy Frames, Metaphorical Reasoning, and Support for Public Policy." *Political Psychology* 26:77-114.

Lau, Richard R., and Mark Schlesinger. 2000. "The Meaning and Measure of Policy Metaphors." *American Political Science Review* 94:611-26.

Lenart, Silvo. 1994. *Shaping Political Attitudes: The Impact of Interpersonal Communication and Mass Media*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

Liebes, Tamar and Ann N. Crigler. 1990. "Framing 'Us' and 'Them': Political Discourse in the United States and Israel." Paper presented at the International Communications Association Annual Conference, Dublin, Ireland.

Lippmann, Walter. 1922. *Public Opinion*. New York: Simon & Schuster.

Lodge, Milton and Ruth Hamill. 1986. "A Partisan Schema for Political Information Processing." *American Political Science Review* 80:505-20.

Lodge, Milton and Kathleen McGraw. 1991. "Where is the Schema?" *American Political Science Review* 85:1357-64.

Marcus, George E., W. Russell Neuman and Michael B. MacKuen. 2000. *Affective Intelligence and Political Judgment*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

McCann, James. 1997. "Electoral Choices and Core Value Change: The 1992 Presidential Campaign." *American Journal of Political Science* 42:564-583.

McCloskey, Herbert and John Zaller. 1984. *The American Ethos*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Mills, C. Wright. *The Sociological Imagination*. New York: Grove.

Mio, Jeffery Scott. 1997. "Metaphor and Politics." *Metaphor and Symbol* 12:113-33.

Neuman, W. Russell, Marion R. Just and Ann N. Crigler. 1992. *Common Knowledge: News and the Construction of Political Meaning*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Nogales, Patti D. 1999. *Metaphorically Speaking*. Stanford, CA: CSLI Publications.

Ortony, A. 1975. "Why Metaphors are Necessary and not Just Nice." *Educational Theory* 25:45-53.

Paris, Roland. 2002. "Kosovo and the Metaphor War." *Political Science Quarterly* 117:423-50.

Paivio, A. and J. M. Clark. 1986. "The Role of Topic and Vehicle Imagery in Metaphor Comprehension." *Communication and Cognition* 19:367-87.

Petty, Richard E., Joseph R. Priester and Pablo Briñol. 2002. "Mass Media Attitude Change: Implications of the Elaboration Model of Persuasion." In Bryant, Jennings and Dolf Zillmann (eds.). *Media Effects: Advances in Theory and Research* 2nd ed. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

Pollock, Philip H. III. 1994. "Issues, Values, and Critical Moments: Did 'Magic' Johnson Transform Public Opinion on Aids?" *American Journal of Political Science* 38:426-46.

Richards, I. A. 1936. *The Philosophy of Rhetoric*. New York: Oxford University Press.

Rokeach, Milton. 1973. *The Nature of Human Values*. New York: The Free Press.

Rokeach, Milton and Sandra J. Ball-Rokeach. 1989. "Stability and Change in American Value Priorities, 1961-1981." *American Psychologist* 44:775-784.

Sears, David O. 1993. "Symbolic Politics: A Socio-Psychological Theory." In Iyengar, Shanto and William J. McGuire (eds.). *Explorations in Political Psychology*. Durham, NC: Duke University Press.

Sears, David O., Richard R. Lau, Tom R. Tyler, Harris M. Allen, Jr. 1980. "Self-Interest vs. Symbolic Politics in Policy Attitudes and Presidential Voting." *American Political Science Review* 74: 670-684.

Shah, Dhavan, David Domke, and Daniel Wackman. 1996. "To Thine Own Self Be True: Values, Framing, and Voter Decision-Making Strategies." *Communication Research* 23:509-560.

Sniderman, Paul M., Richard A. Brody, and Phillip E. Tetlock. 1991. *Reasoning and Choice: Explorations in Political Psychology*. New York: Cambridge University Press.

Sniderman, Paul M., Michael G. Hagen, Phillip E. Tetlock and Henry E. Brady. 1986. "Reasoning Chains: Causal Models of Policy Reasoning in Mass Publics." *British Journal of Political Science* 16:405-30.

Wildavsky, Aaron. 1987. "Choosing Preferences by Constructing Institutions: A Cultural Theory of Preference Formation." *American Political Science Review* 81:3-21.

Zaller, John R. 1992. *The Nature and Origins of Mass Opinion*. New York: Cambridge University Press.

Zaller, John R. and Stanley Feldman. 1992. "A Simple Theory of Survey Response." *American Journal of Political Science* 36:579-616.

© Тодд Белт, 2007

© Камышева О. С., Кушнерук С. Л.
(перевод), 2007

Косарев М. И.

Екатеринбург, Россия

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ
С СУБСФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ
«КИНОЭКШЕН» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОММУНИКАЦИИ ГЕРМАНИИ**

Abstract

The article touches upon the problem of precedent phenomena as discursive signs of a society's mythology in the political communication. The source sphere of the phenomena in question is the genre of "action" of Hollywood cinema. It arises no doubts that Hollywood is the chief architect of American mythology and of "American Dream" in particular. As long as the Hollywood myths are extremely popular in the USA and throughout the world, most of the countries experience strong influence of American culture. The sphere of action films is the most active source of precedent phenomena for political commu-

nication because it is based on the main myths of Hollywood – the myth of a strong lonely hero and of a hero's "war" with his opponents, which are also central political myths of any national culture. The author analyses features of use of precedent phenomena in political texts of German print media. As the author puts it, precedent name holds central position among all types of precedent phenomena as a way of reference to a hero's image most frequently used. The characteristics of a hero's speech and conduct as well as of the situations a hero finds himself in, however, are considered to be constituents of his image, because a mythological hero lives, talks and acts in the way closely connected with what he semantically represents. Not only are the mythological plots related to a hero, they directly constitute a hero's semantic form.

В современной политической коммуникации активно используются элементы постмодернистской эстетики, важным элементом которой являются прецедентные феномены. Сфера «кино» как источник прецедентных феноменов выступает одной из наиболее активных. При этом тон в современном кинематографе задаёт американская киноиндустрия, являющаяся важной составляющей культурной политики США. Массовые культуры большинства стран мира испытывают сильнейшее влияние американской массовой культуры (к «продуктам» которой относится и голливудское кино) и в значительной степени являются производными от неё. Голливудское кино же в свою очередь не только отражает основные тенденции развития американского общества, но и оказывает на них самое непосредственное влияние. Именно голливудская мифология создала «американскую мечту», являющуюся доминирующим мифом американского общества.

Среди основных мифов, созданных и эксплуатируемых Голливудом можно выделить следующие. Магистральным мифом американского кино, образующим фундамент любого голливудского хита, является миф о сильном и справедливом герое, которым может стать каждый. Герой голливудского фильма одинок и асоциален. Миф о сверхчеловеке («Супермен» 1978 г., «Терминатор» 1984 г., «Бэтмен» 1989 г., «Терминатор 2: Судный день» 1991 г.), миф «фронтiera» (нашедшая отражение в американских вестернах идея борьбы один на один с недружелюбной природой и неожиданными угрозами, идея пространства, где

правит не закон, а кольт), миф политкорректности (связанный с разрушением расовых, национальных и половых предрассудков; «Список Шиндлера» 1993 г.), миф моралистичности (секс и насилие в голливудском кино не являются самоцелью, но служат для пропаганды корневых ценностей, доставшихся Америке по наследству от Великобритании с её пуританством и диккенсовской традицией), миф о превосходстве добра над злом (хэппи-энд) также характерны для продукции Голливуда. В целом, мифологический заряд голливудского кино, его соответствие бессознательным ожиданиям зрителей настолько сильны, что оно оказывается привлекательным не только для американского зрителя, но и для киноаудиторий других стран (Полотковский 2006, Генис 1998).

В центре политического мифа также стоит герой и его конфликт с врагом, опирающийся на архетипную семиотическую оппозицию «свой – чужой», происхождение которой уходит корнями в глубокую древность (Цуладзе 2003, Рюкова 2004). В этом смысле взаимосвязь политики и кино достаточно очевидна – связующим звеном является мифология. Предлагаемый в данной статье взгляд на функционирование прецедентных феноменов основывается на взаимосвязи прецедентных феноменов с мифами общества (Гудков <http>) и их способности актуализировать мифы в сознании человека.

Прецедентные феномены с субсферой-источником «киноэкшен» употребляются в политической коммуникации Германии и США чаще других, что можно объяснить следующим. Во-первых, фильмы данного жанра эксплуатируют центральные мифы голливудского кино о герое и его противостоянии врагу, иллюстрируют достаточно популярный тезис «добро должно быть с кулаками» и подтверждают идею о превосходстве добра над злом. Кроме того, одной из определяющих характеристик кинофильмов «экшен» является их зрелищность: они обладают высоким бюджетом, изобилуют каскадёрскими трюками и спецэффектами. Так или иначе, экшен-фильмы предлагают зрителю то, с чем он редко сталкивается в повседневной жизни. А «правильный зритель», как справедливо заметил П. Вайль, – не аналитик, а руди-

мент цивилизации: ребёнок, раскрывший в изумлении рот перед сказочником. Ребёнок, который просит непременно историю, которую слышал не раз, поскольку нужны ему не ухищрения культуры, а живое голое переживание (Вайль 1993).

Рассмотрим, в какие образы конкретизируются мифологемы экшен-фильмов голливудского кино в политической коммуникации Германии.

Среди прецедентных феноменов, использующихся в печатных СМИ Германии, в числе первых следует рассмотреть феномены, связанные с образом Терминатора. В сознании зрителя актёры всегда ассоциируются с их киногероями, поскольку чаще всего мы «встречаемся» с ними во время просмотра фильма. Однако, в данном случае речь идёт не о рядовой голливудской картине, а о настоящем хите режиссёра Камерона, культовом фильме середины 80-х годов. Интерес журналистов к образам его киногероев объясним ещё и тем, что в настоящее время сам актёр активно занимается политикой.

1. *Im Inneren des Blattes redet der Terminator dann so, wie Politiker gerne reden, wenn sie ihre wahren Absichten vernebeln wollen: „Wenn der Staat mich braucht, und wenn ich keinen sehe, der besser ist, dann werde ich kandidieren.“ (Arnold Schwarzenegger: Österreicher mit Drang zu Gouverneuramt in den USA. Süddeutsche Zeitung, 07.08.2003).*

2. *Kaum, dass sich Schwarzenegger am Mittwoch vor Millionenpublikum in Jay Lenos Talkshow erklärt hat, da geht auch schon in ganz Amerika das Wort vom "Gouvernator" um ("Shwarzenegger" will es wissen. Die Welt, 08.08.2003).*

В примере (1) прецедентное имя «Терминатор» используется для номинации, употребление имени основывается на ассоциативной связи образа Шварценегера с образом самого популярного из его героев, актуализации дифференциальных признаков прецедентного имени не происходит. Для простой номинации употребляется также и имя «Gouvernator», образованное сложением «Gouverneur» и «Terminator» (пример (2)).

3. *Terminator gnadenlos: Erste Hinrichtung unter Schwarzenegger (заголовок статьи, Die Welt, 19.01.2005).*

4. *Einzeiler sind Schwarzeneggers Schwäche. Vorgetragen in seinem steirischen Skilehrer-Amerikanisch haben sie seine Karriere befördert. Aber die textsparende Coolness von "Hasta la vista, Baby" und "I'll be back" ist gefährlich in einer politischen Fernsehdebatte.*

В примере (3) происходит актуализа-

ция дифференциальных признаков прецедентного имени «Терминатор», связанных с такими чертами характера героя, как нестигаемость, упрямство. По выражению одного из героев фильма, терминатор ни перед чем не остановится, пока не достигнет цели. В примере (4) с помощью прецедентных высказываний эксплицируется такая черта героя, как немногословность. Данная характеристика зрителем связывается с тупостью робота, решающего все проблемы с помощью оружия и силы (собственно, в этом его предназначение; само слово Terminator переводится как «уничтожитель» или «ликвидатор»), журналисты иронически указывают на ограниченность умственных способностей самого Шварценегера, подчёркивая, что его место – не в кресле главы штата, а на экране:

5. *Old Europe verdreht die Augen beim Gedanken an einen "Gouverneur Schwarzenegger". Wessen Vokabular sich auf Sätze mit maximal fünf Worten beschränke, habe als Politiker wohl seine Berufung verfehlt; außerdem seien Kaliforniens Probleme nicht mit "Terminator"-Methoden zu lösen (Acht filmische Ratschläge für Kalifornien. Die Welt, 08.08.2003).*

Автор советует Шварценеггеру решить проблемы, стоящие перед Калифорнией, руководствуясь принципами действий его киногероев и ссылается на прецедентные ситуации из разных фильмов с участием Шварценегера: 38-миллионную «дыру» в бюджете штата предлагается закрыть, получив чемодан с деньгами (как в фильме «Вспомнить всё» 1990 г.), проблему энергетического кризиса разрешить – отыскав «зелёный талисман» в комнате, освещённой десятью тысячами свечей (как в фильме «Рыжая Соня» 1985 г.) и т. д., например:

6. *Problem 1: In Kaliforniens Haushalt klafft ein 38-Milliarden-Dollar-Loch. Steuereinnahmen sind seit dem Absturz der New Economy um zwei Drittel gesunken. Lösung: In "Total Recall" wird Arnold ein Koffer zugespielt, worin dem sich große Mengen Bargelds befinden (Acht filmische Ratschläge für Kalifornien. Die Welt, 08.08.2003).*

Шварценеггера-актёра знают в основном по многочисленным экшен-фильмам, в которых его герои занимают примерно одним и тем же – преследуют злодеев, сражаются, убивают и в итоге спасают народы и целые планеты от гибели. Именно с таким абстрактным киногероем Шварценеггер-политик ассоциируется у зрителя:

7. *In seiner langjährigen Karriere als Filmstar hatte Schwarzenegger Erfahrung darin gesammelt, in Leinwandabenteuern gleich ganze Völker und Planeten vor dem Untergang zu retten (Arnold Schwarzenegger rettet Ertrinkenden. Süddeutsche Zeitung, 10.04.2004).*

8. *Seit seinem Amtsantritt als oberster Kalifornier hat sich der 56-Jährige nicht gerade mit Ruhm bekleckert. Jetzt vollbrachte der gebürtige Österreicher eine wahrlich große Tat, ganz wie in seinen Action-Filmen (Arnold Schwarzenegger rettet Ertrinkenden. Süddeutsche Zeitung, 10.04.2004).*

Д.Б. Гудков указывает, что прецедентные феномены задают определённые «сюжеты», типизированные ситуации, находящие воплощение в речи: «Илья Муромец должен громить врагов Руси <...>, коту Базилио следует мошеннически отнимать деньги у наивных простачков <...>, Гадкий Утёнок должен подвергаться несправедливым гонениям и унижениям...» (Гудков [http](http://)). Таким образом, Шварценеггер, каким его представляет обыватель, характеризуется тем, что делают его киногерои, и в этой связи неудивительно, что слова «Шварценеггер» и «экшен» часто стоят в одном ряду.

Прецедентные феномены, связанные с образом Терминатора активизируют мифологическое мышление читателя, актуализируют мифы, на которых данный фильм основывается и которые конструирует. Центральный голливудский миф отражается в мифе о сверхчеловеке и конкретизируется в образе несгибаемого Терминатора. Фильм завершается не переменным атрибутом голливудских боевиков – хэппи-эндом, актуализируя в сознании зрителя миф о превосходстве добра над злом. Развитие высоких технологий в 1990-е годы, революция «хай-тек» изменили и мышление зрителя, обогатив его новым мифом – условно назовём его «миф о чудесах науки». Развитие данного мифа сказалось и на киносюжетах – чудеса науки позволили роботу, который выглядит как человек, отправиться в прошлое, чтобы уничтожить мать человека, который возглавит людей в их войне с разумными машинами. Да и сам образ Шварценеггера как героя экшенфильмов, который не позволяет некоторым людям увидеть в нём политика, насквозь мифологичен. Как мы заметили, все эти мифы так или иначе актуализируются в сознании зрителя употреблением прецедентных феноменов.

В немецких печатных СМИ весьма многочисленны также прецедентные феномены, связанные с образом Джона Рэмбо, самого известного киногероя С. Сталлоне. Образ Рэмбо Сталлоне создал в фильме «Первая кровь» 1982 г. и двух сиквелах: супергерой, способный в одиночку справиться с полчищами врагов, принципиальный и благородный, опытный солдат и патриот, сражающийся за родину как с внутренними врагами, так и с внешними. Сиквелы («Рэмбо: Первая кровь 2» 1985 г. и «Рэмбо 3» 1988 г.) имели политический подтекст, что обеспечило Джону Рэмбо место в «тезаурусе зрителя».

9. *Der Kandidat von Union und FDP für das Amt des Bundespräsidenten, Horst Köhler, will als Staatsoberhaupt "kein Rambo sein". Als Präsident müsse er "etwas behutsamer vorgehen" als in seinem letzten Amt als Chef des Internationalen Währungsfonds, sagte Köhler dem "Stern" (Köhler will behutsam sein // Politik kompakt. Berliner Morgenpost, 19.05.2004).*

В примере (9) эксплицирован такой дифференциальный признак прецедентного имени «Рэмбо» как неосмотрительность. Кандидат в президенты ФРГ Х. Кёлер говорит, что он как глава государства не хочет «играть в Рэмбо», а собирается действовать осмотрительно. Осмотрительность и осторожность, как известно, не свойственны Рэмбо: в одиночку он отправляется сражаться с врагом во вражеских военных укреплениях (как, например, в «Рэмбо 3»), демонстрируя в первую очередь такие качества, как отчаянность и бесстрашие.

10. *Ruhe und Ordnung werde er [Simon Trinidad] wieder herstellen, die Staatsfinanzen sanieren und für Wirtschaftswachstum sorgen, hatte Uribe bei Amtsantritt versprochen. Kolumbiens Linke erhöhte ihn damals als "Anden-Rambo" - schon rein äußerlich eine Übertreibung. Denn der schmätzigte Rechtsanwalt hat wenig gemein mit Sylvester Stallone (Großer Erfolg für Kolumbiens Präsidenten. Berliner Morgenpost, 05.01.2004).*

В данном примере актуализируется дифференциальный признак «физическая сила» и связанный с признаком «физическая форма». Симон Тринидад, являющийся героем статьи, – один из руководителей революционных сил Колумбии (FARC) – до определённого времени был профессором экономики в университете в Сезаре, затем служащим в банке. Понятно, что образ профессора или банковского клерка не похож на образ сол-

дата Рэмбо, что и отмечает автор.

11. *Neben der körperlichen Leistungsfähigkeit wird besonders auf psychologische Stabilität geachtet: Rambo-Typen will die Bundeswehr in ihrer Elite-Truppe nicht haben (Deutsche Elite-Einheiten stehen vor Einsatz in Afghanistan. Die Welt, 21.09.2001).*

В примере (11) эксплицируется такой дифференциальный признак прецедентного имени «Рэмбо», как психологическая нестабильность и повышенная эмоциональность. Имя «Рэмбо» прочно вошло в число прецедентных феноменов благодаря тому, что фильм создал «сильный миф». Однако, как видно из примера (8), сильная «мифологичность» образа отрывает его (образ) от реальности. Таким образом, мифологический образ Рэмбо на сто процентов соответствует центральному мифу Голливуда (сильный герой-одиночка), но – зритель понимает – в реальности невозможно в одиночку расправиться с сотнями врагов, вне зависимости от личного благородства или силы духа. Поэтому на практике – что интересно заметить – Рэмбо превращается в психологически и эмоционально нестабильного, а потому и никуда не годного солдата. И автор, и читатель чётко разделяют для себя «войну в кино» и «войну в реальности».

12. *Das Nein der Welt war nicht nur ein Nein zum Angriffskrieg, sondern ein Nein zum American Empire, ein Aufbäumen gegen zu viel Macht, zu viel Arroganz und Rambo-Politik (George W. Bush: Der kleinlaute Rückzug. Stern, 09.09.2003).*

В примере (12) с помощью прецедентного имени характеризуется внешняя политика администрации Буша, эксплицируются такие её признаки, как «имперскость», чрезмерная силовая составляющая, бескомпромиссность, заносчивость. Прецедентное имя «Рэмбо» достаточно часто употребляется для характеристики политики Белого Дома, а также действий американских военных (После освобождения 39 заложников (пассажиров рейса 847 из Афин), захваченных террористами в июне 1985 г. в Бейруте, президент Рейган пошутил: «Вчера вечером смотрел «Рэмбо». Теперь я знаю, что делать, когда это случится в следующий раз»). С точки зрения политобозревателей и администрация президента США, и американские военные группы по отношению к соседним государствам и их населению ведут себя в точности как Рэмбо по отношению к своим врагам на киноэкране: преследуя

только свои интересы, бесцеремонно вторгаются на чужую территорию, ищут врагов, силой добиваются желаемого.

Интересно заметить, что в примерах (9-12) фигурирует только один тип прецедентных феноменов – прецедентное имя, с помощью которого характеризуются не только люди, но и их действия, и политическая линия. По словам О.М. Фрейденберг, «основной закон мифологического <...> сюжетосложения заключается в том, что значимость, выраженная в имени персонажа и, следовательно, в его метафорической сущности, развертывается в действие, составляющее мотив; герой делает только то, что семантически сам означает». В мифологическом сюжете мотивы не только связаны с персонажем, но являются его действенной формой (Фрейденберг 1997). Решающую роль здесь играет, как мы видим, персонифицированное мышление. Таким образом, в прецедентных феноменах других типов в некотором смысле нет необходимости – герой говорит и делает только то, что он сам собой представляет.

Кроме магистральных голливудских мифов, уже названных нами выше, образ Рэмбо связан ещё с одним. Рейгановские 1980-е годы стали знаком поворота к консерватизму Эйзенхауэра в 1950-е. Власть и Капитализм дают в этот период преобладающие мифы. Однако, годы президентства Эйзенхауэра – это ещё и «красная угроза», Холодная война с Советским Союзом. Холодная война разразилась с новой силой при Рейгане, подтверждением чему служит политический миф об «империи зла». В кино же лихой солдат Джон Рэмбо показывал афганским друзьям, как следует убивать «этих, с красной звездой на лбу». Миф политкорректности в фильмах о Рэмбо заменяется мифом «империи зла». И сам фильм «Рэмбо», и мифологический образ главного героя содержат такие характеристики американской нации, как «имперскость», стремление к мировому господству и политика силы.

Среди прецедентных феноменов с субсферой-источником «киноэкшен» встречаются также и следующие.

13. *Analyse "Mission impossible" für Merkel (заголовок статьи, Gelnhäuser Tageblatt, 06.02.2007).*

14. *Sollte er keine Unterstützung erfahren, wer-*

de er nicht um seinen Posten kämpfen, den man ohnehin als "Mission impossible" bezeichnen könnte (Abbas ringt um politisches Überleben, Merkur Online, 05.09.2003).

В приведённых примерах фигурирует прецедентное высказывание, являющееся названием фильма 1996 г. В политических текстах печатных СМИ Германии высказывание функционирует как клише, то есть задействует лингвистические когнитивные структуры. Высказывание обладает глубинным значением, не равным простой сумме значений его компонентов, однако лишено системного смысла, представляющего собой сумму глубинного значения и знания прецедентного феномена (текста «Миссия невыполнима»), стоящего за ним. Феноменологические когнитивные структуры, формирующие культурную компетенцию, остаются незадействованными: чтобы понять смысл высказывания знакомство с текстом не обязательно (по мнению В.В. Красных, такие высказывания не являются прецедентными [Красных 2003: 209-213, 214-221]). Прецедентные феномены мы понимаем широко, относя к ним и клише, и стереотипы – см. (Гудков [http](http://), Захаренко 1997).

В политической коммуникации Германии также достаточно многочисленны прецедентные феномены, связанные с образом Дж. Бонда.

15. LONDON. *Noch vor elf Jahren war dieser Geheimdienst so geheim, dass seine Existenz von der britischen Regierung glatt verneint wurde. Jetzt geht der Arbeitgeber von James Bond, der legendäre britische Auslandsgeheimdienst MI6 mit einem Internet-auftritt an die Öffentlichkeit (Der Spion, der aus dem Internet kommt. Kölnische Rundschau, 13.10.2005).*

В примере (15) на первый план выходит дифференциальный признак «национальность»: читатель уже узнал, о чём пойдёт речь в статье (Geheimdienst – секретная служба), даже если не смог опознать модифицированное прецедентное высказывание в заглавии (от «Der Spion, der mich lebte» - «Шпион, который меня любил»: название одного из фильмов о Джеймсе Бонде). Выражение «Arbeitgeber von James Bond» (работодатели Джеймса Бонда) позволяет понять, что речь идёт о секретной разведывательной службе Великобритании MI-6.

Отсылка к образу Бонда может осуществляться не только употреблением прецедентного имени, но и номинацией по атрибуту:

16. *Wenn 007 es schon für nötig erachtet hätte, den UN-Generalsekretär zu belauschen, hätte er sich dabei jedenfalls nicht erwischen lassen (Wenn in China Mücken husten. Kölner Stadt-Anzeiger, 04.03.2004).*

17. BERLIN. *James Bond wäre blass geworden, wenn er in den siebziger Jahren ein Ausbildungslager der Stasi-Abteilung AGM / S besucht hätte. Was dem Agenten mit der Lizenz zum Töten nur mit mürrischer Miene überlassen wurde, war bei den Kämpfern des DDR-Ministeriums für Staatssicherheit problemlos zu haben: Die zeitweilig bis zu 1024 Stasi-Killer konnten sich mit allen denkbaren Mordarten aus (Killer im DDR-Auftrag. Kölner Stadt-Anzeiger, 25.09.2003).*

Атрибут прецедентного имени – знаменитый бондовский статус «007» – агент с правом на убийство (пример (16)). В примере (17) автором обыгрывается значимость статуса «007». Журналист характеризует сотрудников Министерства государственной безопасности ГДР 1970-х годов, употребляя прецедентное имя и указывая один из его атрибутов (007). Эталон шпиона предстаёт абсолютно неопытным рядом с бойцами МГБ ГДР: последние свободно ориентируются в вопросах убийства и без проблем получают «право на убийство», Бонду же такое право было предоставлено нехотя, «с угрюмым лицом». Нам снова чётко заметен конфликт мифологической и реальной действительности: голливудский миф морализаторства (основной тезис можно свести к следующему: убивать плохо и даже Бонду – человеку, выполняющему миссию спасения государства – это позволено только в самых крайних случаях) выглядит смешным при сопоставлении его с реальной действительностью.

Среди прецедентных феноменов, связанных с образом Бонда, в политической коммуникации Германии достаточно часто используются прецедентные феномены, представляющие собой названия фильмов об агенте 007 и цитаты из его речи:

18. *Die Deutschen müssten sich von der aktuellen Politik fühlen „wie der Martini bei James Bond: Geschüttelt, aber nicht gerührt“, sagte Brüderle weiter (Opposition: Zeit mit großer Koalition war verlorenes Jahr. Die Welt, 22.11.2006).*

19. *"Sag niemals nie", war der Titel des James-Bond-Films von 1983. Wenn es nach führenden CDU-Politikern geht, sollte sich Friedrich Merz (49), Ex-Fraktions-Chef der Union, dieses Motto zu Herzen nehmen - und in den "Geheimdienst ihrer Majestät ... ääh ... Merkel" zurückkehren (Friedrich Merz.*

Berliner Kurier, 12.06.2005).

В примере (18) демократия характеризуется употреблением прецедентного высказывания Бонда, заказывающего мартини в баре: «встряхнуть, но не мешать». Аналитик предполагает, что чувства немецкого народа от актуальной политики должны быть именно такими. Прецедентное высказывание функционирует как клише (см. примеры (13-14)), употребление прецедентного имени помогает распознать высказывание и отсылает читателя к его автору. Экспрессивность высказывания проявляется в его метафоричности (чувства народа сравниваются с мартини), то есть уже на глубинном уровне его смысла, системный же не задействуется. Поэтому ни авторство прецедентного высказывания, ни знакомство с породившим его текстом не обязательны для понимания смысла.

Применённый в данной статье подход к исследованию прецедентных феноменов очень близок типологии прецедентных феноменов Г.Г. Слышкина, выделяющего в прецедентной концептосфере концепты прецедентных личностей и концепты прецедентных миров (Слышкин 2000). Употребление прецедентных феноменов в примере (19) можно объяснить, применив терминологию Г.Г. Слышкина. Прецедентным высказыванием, представляющим собой название фильма («*Sag niemals nie*» - «Никогда не говори никогда» 1983 г.), автор «вводит» читателя в прецедентный мир Джеймса Бонда, и дальнейшее повествование развивается именно в направлении, которого читатель уже ожидает: политические события, их действующие лица и их поступки истолковываются через призму виртуальной бондовской реальности и в терминах этой реальности. Таким образом, становится вполне понятно употребление прецедентного высказывания, представляющего собой модифицированное название фильма о Дж. Бонде «*In Geheimdienst Ihrer Majestät*» («На секретной службе Её Величества»).

20. *Dass derartige Aktionen in James-Bond-Manier die Glaubwürdigkeit Bushs und seiner Sicherheitsberaterin Condoleezza Rice weiter unterminieren, ist beiden wohl egal (Das Ziel heiligt die Mittel. Merkur Online, 03.03.2003).*

Стоит снова обратить внимание на особенности употребления прецедентного имени в примерах (19-20), аналогич-

ные описанным выше (см. примеры (7-8), (9-12)). Прецедентное имя «Джеймс Бонд» может употребляться как для прямой номинации образа с актуализацией дифференциальных признаков прецедентного имени, так и для экспликации особенностей его поведения, типизированных ситуаций с его участием и т. д., которые также характеризуют присущие герою черты (назовём это опосредованной номинацией образа). Обратим внимание: и бондовские, и рэмбовские фильмы не актуализируются их названиями – их названия чаще функционируют как клише – отсылка к этим фильмам происходит главным образом употреблением прецедентного имени главного героя (Rambo-film или James-Bond-Film). Это позволяет сделать вывод, что зритель чаще запоминает не название фильма и его сюжет. Читатель, следовательно, чаще реагирует не на точные названия фильмов в текстах СМИ. Главное значение имеет мифологический образ киногероя, включающий характеристики его поведения в разных ситуациях в разных фильмах.

С представленной точки зрения и как показывает рассмотренный материал центральное место среди прецедентных феноменов занимает прецедентное имя как наиболее часто используемый способ отсылки к мифологическому образу героя. Прецедентные высказывания и прецедентные ситуации используются с той же целью, поскольку герой представляет собой то, что он делает и говорит. Образ героя и его конфликта с врагом является центральным также и в мифах. С учётом того, что суггестивность является основной характеристикой политического дискурса использование в построении представленной методики основных положений современных исследований мифов и мифологического сознания даёт, как видится, новые возможности анализа манипулятивной функции прецедентных феноменов, используемых в современной политической коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вайль П. Правильный фильм для правильного зрителя // *Сегодня* № 45, 24.08.1993;

Генис А. Целомудренный распутник // *Русский телеграф*, № 44 (116), 25.03.1998;

Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // *Язык СМИ и тексты политического дискурса*.

<http://evartist.narod.ru/text12/09.htm>;

Захаренко И.В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 1. М., 1997;

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003

Полотковский С.А. Влияние современного голливудского кино на духовную ситуацию в России: межкультурные связи в контексте международных отношений. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2006;

Рюмкова О.Г. Политический миф: теоретические основания и современная политическая практика. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2004

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000

Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997

<http://www.infoliolib.info/philol/freidenberg/main.html#2>

Цуладзе А.М. Политическая мифология. М., 2003

http://media.utmn.ru/library_view_book.php?chapter_num=-1&bid=475

© Косарев М. И., 2007

Элеонора Лассан

Вильнюс, Литва

ИЗОБРАЖЕНИЕ СМИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В СВЕТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ РОССИИ И ЛИТВЫ

Abstract

This paper deals with the problem of representation of the power by the mass media viz. the means of depicting the images of the presidents of Russia (V.V. Putin) and Lithuania (Valdas Adamkus) by the mass media of «their own» countries. In the course of research the author distinguishes the three key mechanisms: 1. television presenting the image of the presidents, 2. speech acts of the statesmen represented by the press, 3. and also «the way the presidents' speeches affect the future».

Анализируя современное состояние России, Т. Кондратьева в статье «Современное государство по Домострою?» предлагает в качестве методологической установки анализа исходить из тезиса о том, что «что всякая современность (и, в частности, такой феномен, как l'Etat Moderne), какой бы новой она ни казалась, представляет собой переплетение компромиссов, которые вырабатываются в результате тяжбы между опытом прошлого, свойственным индивидууму или коллективу, и его / их планами на будущее» [2006: 50]. Россия и Литва – страны со сравнительно недавним общим и в историческом отдалении разным, хотя и постоянно соприкасающимся прошлым.

В какой мере сказанное Т. Кондратьевой о настоящем как переплетении опыта прошлого и планов на будущее может объяснить политическую реальность, и в частности, отношение к власти, и соответственно, к способам ее изображения, в двух названных странах, сегодня ведущих раздельное существование?

Думается, что президентская республика в России и парламентская республика в Литве в известной степени соответствуют общественным традициям двух стран, складывающимся на их территориях в течение веков. Определенное отношение к власти – ее «сакрализация» – считается одной из констант русского национального самосознания, унаследовавшего вместе с православием из Византии идею божественного происхождения царской власти («всякая власть от Бога»). «Русская духовность, – по словам С.С. Аверинцева, – делит мир не на три, а на два – удел света и удел мрака; и ни в чём это не ощущается так резко, как в вопросе о власти». Поэтому власть – «это нечто находящееся либо выше человеческого мира, либо ниже его, но, во всяком случае, в него как бы и не входящее». В силу свойственной русской картине мира дуальности представления бытия («верх» / «низ» – со слабо проработанной «серединой») власть в соответствии с ожиданиями помещается обычно «выше человеческого мира», а в случае нарушения ожиданий ниспровергается в преисподнюю (судьба царской семьи, на мой взгляд, – материализованное воплощение метафоры низвержения в преисподнюю).

Литва как независимое государство обладает меньшим периодом зрелой государственности – в сущности, мы, очевидно, являемся свидетелями одного из этапов ее становления (я не говорю о периоде Великого Княжества Литовского, характеризовавшегося симбиозом этносов и конфессий, сложными отношениями между княжескими династиями). Бесспорно, однако, что Литва не знала централизованной монархии, а католицизм подчинял королей и удельных князей воле Ватикана, лишая их одновременно божественного ореола.

Для современной России характерно многообразное отношение к оптимальным формам правления, однако нельзя пройти мимо того обстоятельства, что

осуществившая себя в прошлом идея единоличного правления жива в умах самых просвещенных носителей русской культуры. Все так же сильна в русском народе тяга к патернализму [Ермоленко: 1999], естественность которого иногда обосновывают необъятностью русских просторов и хранящихся в их недрах природных богатств, являющихся общенациональным наследством и в силу этого требующих справедливого распределения [Ремизов: 2005].

Очевидно, соответствие идее сильного «сакрального» правления задавало и задает определенное эстетическое решение резиденции власти, и здесь уместным является обращение к понятию «хронотопа» власти, популярного сегодня и для политологических исследований (напр., Э. Горин, А. Ю. Сунгуров). В России «топос» власти – это величественный Кремль, находящийся на возвышенности и за высокой зубчатой стеной, символизирующей отделенность власти от ее подданных, пребывание ее в верхней части общественной вертикали. Следует сказать, что ледовые шоу 2006 года у стен Кремля на Красной площади, видимо, были призваны размыть границы между «сакральным» и «профанным» пространством, с одной стороны, придавая особую величественность происходящему действию, а с другой – явно демократизируя пространство власти. Не могу не вспомнить вслед за Т. Кондратьевой, что статус резиденции власти Кремлю вернули большевики, перенесли столицу России из Петербурга в Москву. Т. Кондратьева увидела в этом водворении власти в Кремль реактуализацию традиций допетровской Руси – с моей точки зрения, в этом возвращении можно увидеть и бессознательное следование идее «высоты» власти, ее отчужденности от «профанного» пространства: ни Зимний дворец, ни Смольный этой идее по расположению не отвечают.

Литовские президенты местом своего пребывания избрали здание, где в период вхождения Литвы в состав Российской империи находилась резиденция российского генерал-губернатора. Стоял в свое время на этой площади и памятник усмирителю польско-литовского восстания 1863 года М.Н. Муравьеву. Нужно сказать, что руководители советской Литвы «обходили» это здание стороной,

предпочитая новые и более высокие здания – здесь располагался то Дом офицеров, то Дворец работников искусств. Вполне возможно, что и в «литовском» случае произошла своеобразная реактуализация прошлого – власть независимого Литовского государства утвердилась в местах, некогда символизировавших могущество Российской империи.

Сегодня Литва – страна маленькая, и причины, по которым патернализм признается некоторыми политологами необходимым для России, в Литве не срабатывают. Отсюда идея сакральной, всеведущей и отвечающей за все власти для нее менее органична. Видимо, и современное эстетико-архитектурное решение места пребывания власти отражает отсутствие представлений о ее «неземной» сущности. Президентура, где глава государства проводит свой рабочий день, располагается на небольшой по современным масштабам и скромной площади, носящей имя литовского просветителя Симона Даукантаса, – вдоль резиденции власти каждый день проходят сотни студентов, чья Alma mater находится в десяти шагах от рабочего места Президента. Здание настолько не отчуждено от «профанного» пространства, что несколько лет назад случился непристойный инцидент – один из иностранцев, будучи навеселе, решил проблему отсутствия общественных туалетов в центре столицы, помочившись на стены президентуры.

Гипотеза, возникающая естественным образом при размышлении о различном отношении к идее верховной власти в странах с разными политическими традициями, заключается в том, что и в современном мире институты, формирующие отношение к этой власти, должны вести себя в этих странах несколько различным образом, используя разные средства изображения этой власти. Разумеется, я говорю о самом могущественном инструменте формирования общественного мнения в современном мире – средствах массовой информации. Говоря об изображении власти средствами «четвертой власти», разумеется, нельзя не учитывать политической ангажированности средств массовой информации, их позиции pro и contra властных структур. Однако автор придерживается того мнения, что при любых политиче-

ских установках срабатывают бессознательные механизмы «исторической памяти», обуславливающие ту или иную форму коммуникативного поведения в социуме. Проявление этих механизмов автор полагает возможным продемонстрировать на способах изображения президентов России и Литвы средствами массовой информации «своих» стран.

Итак, объект исследования – заканчивающие президентское правление 80-летний Валдас Адамкус и Владимир Путин в зеркале СМИ.

По литовской конституции президент ответствен, прежде всего, за международную политику – сфера его участия в вопросах внутренней жизни государства весьма ограничена; роль президента во внутренней жизни страны многими политиками видится в создании некоего морального образца, «морального авторитета». Российский президент по Конституции обеспечивает взаимодействие всех ветвей власти, в силу чего его полномочия законодательно шире полномочий литовского президента.

Адамкус внешне, несмотря на почтенный возраст, сухощав (выше среднего роста), строен, элегантен, с волной хорошо уложенных седых волос (его тщательно причесанная голова иногда становится объектом нападок тех, кто к нему нерасположен); Путин – спортивен, молоджав, коренаст, коротко стрижен. Таково внешнее впечатление, формирующееся на основе телевизионных изображений. Итак, **телевизионная подача образа президентов:**

Путин появляется на телевизионных экранах практически каждый день в новостных передачах на разных российских каналах – страна видит президента обычно сидящим за столом в своем кабинете и выслушивающим отчет (доклад) своего собеседника, чиновника высокого ранга. Путин смотрит на собеседника – камера фиксирует крупным планом глаза, меняющие выражение в зависимости от характера воспринятой информации, и улыбку, бесспорно, обаятельную. Создается образ главы государства, осуществляющего контроль над многообразной деятельностью подчиненных и осведомленного в самых разных вопросах российской жизни (медицина, жилищные проблемы, энергетика, социальное обеспечение и т.д.

Валдас Адамкус появляется на экранах реже своего российского коллеги – при сообщениях о международных встречах или при посещении президента членами правительства и парламента. Находясь на международных встречах или в стенах парламента, президент периодически становится «добычей» журналистов, ставящих В. Адамкуса перед необходимостью отвечать на неожиданные и порой острые вопросы. Будни литовского президента обычно изображаются так: президент выходит из кабинета и энергичным рукопожатием приветствует гостей (зритель не может не отметить подтянутость, элегантность и энергию 80-летнего главы государства). Далее двери кабинета закрываются, и зритель остается в неведении относительно происходящего ТАМ. Ход беседы, имевшей место в президентском кабинете, как правило, освещают пресс-секретари президента или лица, побывавшие в кабинете в качестве гостей. Можно говорить, что таким образом президент несколько «отстраняется», отчуждается от сограждан.

Таким образом, если виртуально дистанция между В. Путиным и зрителем, допущенным в кабинет, сокращается (при реальном жестком разграничении пространств), то между В. Адамкусом и литовским зрителем, при отсутствии реального разграничения пространств, виртуально дистанция увеличивается. Адамкус пребывает один в своем пространстве и тогда, когда отвечает на вопросы журналистов – спрашивающие обычно остаются за кадром, президент смотрит на невидимых зрителю собеседников или в камеру, продолжая пребывать один в своем закрытом пространстве.

Значит ли сказанное, что российский президент в телевизионном изображении предстает более открытым и диалогичным, нежели литовский президент? Интересно, что М.Фрадков обычно изображается сидящим за столом и говорящим в пространство – его собеседники не показаны. Аудитория представлена обычно в другом кадре – создается некоторый эффект отчуждения говорящего от слушающих. Неясна их реакция – «внимания» (от *внимать*) или напротив, отстранения от сказанного. Возможно, российское телевидение добивается именно

эффекта открытости, однако, опираясь на собственные ощущения, могу сказать, что, несмотря на допуск в святая святых – кабинет президента, изображение В. Путина в беседе с чиновником высокого ранга оставляет у меня впечатление «клановости» происходящего. Пространство беседы, открытое взору, тем не менее обладает статусом экстерриториальности – зрителю отводится роль созерцателя, «соглядатая», в то время как говорящий в камеру Адамкус, глядя в глаза каждому, расширяет коммуникативное пространство, создавая впечатление непосредственного речевого общения.

Таким образом, каждая из технологий представления главы государства, в независимости от установок, своими средствами создает эффект открытости при одновременном (или побочном?) эффекте закрытости (сакральности) верховной власти. Интересно, что в последнее время способ телевизионного изображения президентов обеих стран несколько изменяется. Так, в последнее время двери кабинета литовского президента раскрываются перед зрителем, когда к В.Адамкусу приходит группа высших чинов в литовской иерархии власти: в этом случае гости и хозяин кабинета располагаются за круглым столом, со времен короля Артура символизирующим равенство общающихся. Создается эффект, близкий эффекту на российском телевидении: президент предстает в диалоге, однако возникает ощущение «клановости» происходящего, о котором я говорила выше. Владимир Путин чаще стал изображаться сидящим перед аудиторией на некотором возвышении за квадратным столом (один или в окружении ближайших сотрудников). При этом аудитория может показываться в другом кадре, и В.Путин обращается как будто бы не только к непосредственным собеседникам, не попавшим в кадр, но и ко всем тем, кто «за кадром».

Речевые акты глав государств в изображении прессы. Согласно оригинальнейшему мыслителю XX в. Ойгену Розенштоку-Хюсси, человек дан в тройственной природе слов: «монологе, в котором человек думает вслух; диалоге, с которым он обращается к своим слушателям; плеологе... – речи, сказанной для того, чтобы будущее удержало это в своей памяти» [Розеншток-Хюсси 1994: 76].

Два первых способа речевого проявления Адамкуса и Путина косвенно были охарактеризованы выше. Видимо, можно говорить, что, президент Литвы общается виртуально с более широким кругом сограждан, так как смотрит с экрана в глаза каждому телезрителю, а не представителям одной из ветвей власти. Очевидно, и «думанье» вслух у президента Литвы явлено в большей степени, чем у президента России. Появляясь на экранах почти каждый день, В. Путин часто показан в ходе своих официальных выступлений, где он зачитывает составленный ранее текст – в таком случае непосредственное «думанье», сопряженное с сомнением и неуверенностью в выборе слов, не открыто зрителям. В. Адамкус чаще появляется перед зрителями в процессе незапланированных интервью, и мысль президента, его эмоции, вызванные неожиданным или неприятным вопросом, обнажены перед широкой аудиторией. Позволю сказать, что российский президент более защищен телевизионной камерой от проникновения в процесс порождения текста, нежели президент Литвы.

Обратимся к третьему моменту – **как президентское говорение отзывается в будущем?**

Согласно американскому специалисту по вопросам сознания Х. Уайту, чья книга «Метаистория» (1973) сравнительно недавно вошла в научный обиход читающих по-русски и привлекла внимание лингвистов (Фрумкина), История – не есть передача фактов, а только их языковая интерпретация, «лингвистическая форма» (Уайт). И здесь весьма важным является то, как пишущие о президентском говорении, обозначают его для потомков: через *воскликнул* или *рассердившись*, *потребовал*, через *приказал* или *попросил* [Фрумкина 2006: 3]. По Розенштоку-Хюсси, будущее связано со звучащими сегодня императивами: «будущее отдано на волю всевозможных повелений, владеющих нашей жизнью, начиная от простого «Будь умницей» и кончая самым главным «Делай как должно». <...> Будущее зависит от того, существуют ли императивы в настоящем» [Розеншток-Хюсси 1994: 85, 132].

Если разговор с будущим определяется через лингвистически избранные формы, в частности, связанные с изображением императивности, устремлен-

ной в завтра, посмотрим, какие речевые акты в изображении СМИ характерны для президентского дискурса. Приведу анонсы российских Интернет-изданий, сообщающих о речевых действиях российского президента.

Путин **приказал** компенсировать пенсионерам возросшие расходы на лекарства (Новости Саратовской губернии),

Путин **приказал** разобраться (NewsTech),

Путин **приказал** правительству следить за военными квартирами (Lenta.ru),

Путин **приказал** увеличить военные расходы (Газета.RU),

Путин **приказал** помочь рядовому Сычеву (Новый регион),

Путин **приказал** создать Большую Российскую Энциклопедию (Roskoncert),

Путин **приказал** продолжить вывод российских войск из Грузии (Шахты),

Путин **приказал** обуздать инфляцию (Клерк.ру),

Путин **приказал** разобраться на рынках с иностранцами (Lenta.ru).

Из приведенных анонсов следует: 1) всесторонний охват российской жизни главой государства. Обратим внимание на широту проблем, потребовавших участия президента – жилье, социальное обеспечение, собственно военные вопросы, судьба отдельного человека и т.д. Подобное отражение деятельности В. Путина коррелирует с отмеченным выше телевизионным освещением работы российского президента; 2) характер производимых директивных актов (**приказ**). Отмечу, что сам президент не употребляет перформативного глагола *приказываю*. К перформативу, конечно, может быть приравнена подпись под президентским указом – именно об указе президента, касающегося организации деятельности по изданию энциклопедии, шла речь в сообщении, имевшем достаточно спорный по уместности заголовок «Президент приказал...». Остается неясным, то ли издательское дело буксует без вмешательства президента, то ли любое президентское речевое действие директивного характера расценивается СМИ как приказ.

Нужно сказать, что сама информация о президентских речевых действиях, помещенная в тексте статей, редко содержит глагол *приказать* – чаще *поручить*, *призвать*, *дать указание*: напр., анонс

«Путин приказал правительству...» открывает сообщение, в котором речевой поступок характеризуется глаголом *призвать* («Путин призвал правительство не допустить роста цен на жилье»), а прямая речь президента вообще включает другой глагол: «Я *опасаюсь*, что это может привести к удорожанию жилья» (Lenta.ru). Почему же из разнообразия перформативов, вводящих побудительные речевые акты, избирается обладающий наибольшей иллокутивной силой глагол *приказать*? Разумеется, я не обладаю столь сильной эмпатией, чтобы объяснять речевые действия журналистов, но, переформулировав вопрос: что дает такая характеристика речевых актов президента, – я могу попытаться на него ответить. Действия литовского президента, как будет показано ниже, характеризуются чаще глаголом *требовать* – этот перформатив также вводит речевой акт достаточно высокой иллокутивной силы, однако различие между перформативами, вводящими директивные речевые акты, заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее и, возможно, через его посредство охарактеризовать специфику создания образа власти в СМИ.

Требую – побуждение выражено достаточно энергично (высокая иллокутивная сила), однако глагол не подчеркивает иерархии адресанта и адресата (требовать могут рабочие у работодателей).

Поручаю – адресант занимает более высокую позицию на общественной вертикали, вместе с тем неисполнение поручения не связано с представлением о непреложных карательных мерах, которые могут быть предприняты поручающим.

Приказываю – глагол, подчеркивающий и иерархическое положение говорящего, и ответственность адресата за неисполнение приказа: «Когда требуют исполнить приказ, то получивший приказ должен воспринять как отданный ему, он... должен взять на себя ответственность за исполнение приказа. В наши дни, солдат, принимая и подтверждая приказ, произносит «Есть» [Розеншток-Хюсси 1994: 131]. Отмечу в приведенной цитате два момента: 1) наличие принимающего приказ, должного ответить «Есть»; 2) наличие фигуры солдата, то есть человека в форме, символизирую-

щего беспрекословное исполнение приказа.

В информационных сообщениях с анонсом «Путин приказал...», помещенных в Рунете, в ряде случаев присутствует фигура берущего под козырек:

Анонс: Путин приказал обуздать инфляцию.

Путин потребовал от правительства подготовить комплекс мер...

«Это своевременная инициатива» – выслушав пожелание президента, от- рапортовал министр финансов Алексей Кудрин.

На мой взгляд, в избранной представителями СМИ лингвистической форме есть некоторые несообразности: принимающий приказ министр финансов, с одной стороны как будто оценивает действия Президента с точки зрения их своевременности, а с другой – «рапортует», то есть, не будучи военным, совершает речевой акт, характерный для речевых действий нижестоящего по отношению к вышестоящему в ситуации военной дисциплины, не допускающей обсуждения приказов. И вот тут мы подходим к принципиально важному моменту: многочисленные анонсы «Путин приказал...» создают ощущение армейской атмосферы, в которой неисполнение приказа карается твердой и сильной рукой. В. Путин действительно является главнокомандующим, а значит, его приказы выглядят совершенно уместными в ситуации военного взаимодействия: *Путин приказал продолжить вывод российских войск из Грузии*, – однако интонация армейского приказа вряд ли уместна в ситуации книгоиздательства (*Путин приказал издать...энциклопедию*). Подобное обозначение речевого акта президента тем более неуместно, что в ситуации нет принимающего приказ, единственное обстоятельство, мотивирующее выбор такой лингвистической формы – это, как отмечалось выше, наличие препятствий на пути книжного дела, которые президент берется устранить. Создается впечатление, что наиболее близкой современному общественному сознанию в России концепцией власти можно назвать теорию «сопротивления» (Д. Картрайт, Б. Рейвен, К. Леви), согласно которой власть возникает в результате преодоления одним субъектом сопротивления другого.

Именно такая смысловая импликация

осуществляется читателем, не посвященным в специфику стиля СМИ, повествующих о речевых действиях президента. Полагаю еще раз нужным отметить, что высказывания главы российского государства не побуждают к интерпретации в терминах приказа осуществляемых им речевых актов: так, в беседе с М. Зурабовым, анонсированной «Путин приказал компенсировать...», российский президент употребил перформатив *прошу* (Вас...).

Чем же обусловлено, или какую цель (пусть неосознанно) преследует подобное коммуникативное поведение СМИ? Хотелось бы отметить, что во всех анонсах с глаголом *приказать* глава государства обозначается именем собственным – *Путин* (Интерес представляет и именование президента просто по фамилии или по имени и фамилии, но чаще всего – без отчества, что, на мой взгляд, представляет некоторую «вестернизацию» образа власти – именование по западным аналогам. Такое именование российской политической элиты практически стало нормой – употребление отчества уходит из практики СМИ. Здесь, кроме «вестернизации», можно усмотреть различные (бессознательные) мотивы: забвение традиции почитания отцов, стремление к «омолаживанию» власти – как известно, по отчеству в русском речевом этикете не называют молодых людей.) – и весьма редко через номинацию должности в российской государственной иерархии (*Президент приказал*). Формула *президент приказал* встречается по отношению к чужим президентам – президенту Украины, президенту Узбекистана, президенту Ирана. Было бы неточным говорить, что российский президент в анонсах совсем *не приказывает*, но формула *президент приказал* скорее употребляется в ироническом контексте, склонном подчеркнуть пассивность других ветвей власти, не способных действовать без приказа. Видимо, чаще таким обозначением пользуются средства массовой информации, известные стебом как доминирующей стилевой интонацией или находящиеся в некоторой оппозиции к российской верховной власти: «Президент приказал размножаться» – о послании президента Федеральному собранию в отношении демографической ситуации (<http://www.utro.ru>), «Президент приказал копать» – «Московский комсомолец» о внезапном обновлении дорог после высказанного пожелания президента (<http://www.mk.ru>).

В целом же можно говорить, что

именно Владимиру Путину как личности приписывается способность отдавать приказы и через императивные высказывания приближать будущее: «Всякое приглашение в будущее... требует определенных интонаций. Кто не знает, что на то, чтобы обрести командирский голос, без срывов и усилий, без крика и смущения, голос, внушающий доверие, уходит годы» [Розеншток-Хюсси 1994: 135]. Борис Ельцин в изображении СМИ такого голоса не имел: «*Пожури* банкиров на памятной встрече, Ельцин *сказал несколько слов упрека* в адрес молодых коллег» (ЛГ 1997, №39). В.Путин в изображении СМИ входит в будущее **человеком приказывающим**, способным на императивные интонации, видимо, отвечающие пожеланиям значительной части общества.

Литовский коллега В. Путина в свете осуществляемых речевых актов, данных в интерпретации литовских СМИ, выглядит иначе. Вообще, говоря об изображении литовскими средствами массовой информации нынешнего президента Литвы Валдаса Адамкуса, видимо, нельзя пройти мимо того факта, что в недалеком прошлом – в бытность президентами бывшего лидера литовских коммунистов А. Бразаускаса и подвергшегося процедуре импичмента Р. Паксаса – литовская пресса почитала хорошим тоном не столько сакрализовать власть, сколько понизить ее авторитет. Не буду останавливаться на политических причинах указанного положения вещей – сегодня, скорее, важно другое: традиций почитания власти практически не создано, они творятся сейчас. Приведу пример – макетировщик одной из газет, имеющих строго выдерживаемую национальную концепцию (“*Voruta*”), получил замечание за то, что фотография президента, принимающего гостей, по размеру оказалась недостаточно большой. В этой газете на первой странице очень крупным шрифтом сообщается о визите В. Адамкуса в Румынию – причем делается это в весьма торжественных интонациях, на мой взгляд, не соответствующих важности поездки: *Первый полет Президента Литвы Валдаса Адамкуса в Румынию (Pirmasis Lietuvos prezidento Valdo Adamkaus skrydis į Rumuniją)*. С моей точки зрения, эти факты достаточно красноречивы – они свидетельствуют о

концепции создания авторитета власти средствами ее невербального изображения. Интересно, что попытки «сакрализации» верховной власти, символизирующей государственность, осуществляются в одном ряду с продолжающимися выпадами в ее адрес в оппозиционных газетах, происходящими порой в бранной форме: так, Адамкус может именоваться «еще тем авторитетом», похожим на «впавшего в детство старика» (“*Laisvas laikraštis*”). При разнообразии отношения к власти, зафиксированного в российских средствах массовой информации, мне не пришлось наблюдать такой полярности избираемых средств, как это имеет место в литовских СМИ. Повторюсь, возможно, это связано с формирующимися формами изображения власти в стране, стремящейся воплотить свободу слова так, как это представляется тем, кто находится в начале пути освоения европейских демократических ценностей.

Однако вернемся к характеристике речевых действий В. Адамкуса в литовских СМИ. Президент Литвы никогда не *приказывает*, но довольно часто *требует, просит, выражает озабоченность* (приводимые ниже примеры даются в переводе автора).

Адамкус требует не обижать науку и образование (www.lrt.lt),

Адамкус потребовал от премьеры пояснений о проделанной работе по приостановке нелегального строительства (<http://www.president.lt>),

Адамкус попросил пояснить решение суда (search.delfi.lt),

Адамкус указал руководителю полицейских служб на существующие недостатки и попросил предпринять необходимые реформы (www.vpp.lt).

Если российский президент избегает в своих высказываниях директивных перформативов *требую* и *приказываю*, отдавая на волю прессы трактовать характер его речевых актов, то литовский президент сам употребляет перформатив *требую*: *Адамкус заявил: «Требую, чтобы было начато всестороннее расследование...»* (www.delfi.ltd).

Как отмечалось выше, глагол *требую* не связан ни с представлением об иерархическом ранге говорящего, ни с имплицированием обязательного исполнения требования. Тем не менее, подобное обозначение речевого акта указывает на

желание говорящего придать высказываниям императивные интонации и внести лепту в изменение существующей ситуации, а значит – в определенное оформление будущего. Правда, сама же пресса иногда снижает иллюкативную силу акта требования, помещая этот глагол в неадекватный контекст: напр., *Адамкус не без повода рассердился и потребовал / Адамкус потребовал головы двух министров*. Явная разговорность (*голова министров*) или соединение с описанием человеческих страстей (*рассердился*), не совместимых с требуемой беспристрастностью президентских поступков, способствуют «десакрализации» власти, для которой оказывается не чуждым все человеческое.

Адамкус просит. Президент Литвы достаточно часто употребляет этот перформатив, а пресса выносит его в анонсы как обозначение речевого действия президента, создавая тем самым впечатление не просто равных голосов, общающихся в пространстве властных отношений, но и голоса президента, занимающего позицию просителя – то есть иерархически более низкую. Для сравнения: В. Путин в своих высказываниях употребляет глагол *просить* в первом лице, однако анонсов сообщений с этим глаголом как обозначением речевых действий российского президента в Рунете практически нет – обычно просят Путина: «Путину ежемесячно просят о помиловании, «Из Белого дома звонили и просили Путина...» и т.д.

Подведу итоги: Нынешний президент России предстает в зеркале СМИ не столько в процессе порождения текста, сколько в процессе «сказывания» заранее оформившихся суждений по очень разнообразному кругу вопросов – так создается впечатление широкой осведомленности и твердости излагаемых позиций. Адамкус, отвечая на неожиданные вопросы в ходе незапланированных интервью, транслируемых телевидением, предстает в процессе порождения текста, сопряженного с сомнениями и выбором словесных форм. Такая подача образа в меньшей степени работает на «сакрализацию» власти, нежели принятая в российской практике изображения В. Путина.

Путин в телевизионном изображении чаще других форм общения осуществ-

ляет диалог с определенной, четко очерченной аудиторией государственных чиновников. В этих случаях подчеркивается роль ведущего (президента) и ведомых (его подчиненных). В случае общения с государственными деятелями других стран Путин предстает дружески расположенным собеседником – однако «кастовый» характер беседы сохраняется. Аудитория В. Адамкуса неопределеннее в силу того, что его собеседники чаще всего не показываются камерой. Поэтому в данном случае «свита» не «играет короля» – эту роль он должен исполнить один.

Российский президент в гораздо большей степени, нежели литовский, обладает императивными интонациями в зеркале СМИ, что не может не играть на образ сильной и властной руки. В. Адамкус интонациями приказа не владеет, что, с одной стороны, может быть связано с особенностями литовского государственного устройства, а с другой – с личными свойствами нынешнего президента, дающими повод нерасположенным к нему согражданам упрекать Адамкуса в отсутствии деятельности.

В целом же думается, что коммуникативное поведение СМИ в обеих странах связывает сущность власти с волевыми качествами отдельного человека, при этом российский президент наделяется способностью к принуждению, а литовский – стремлением к поведенческому взаимодействию. Думается, такое изображение власти, с одной стороны, коррелирует с традициями отношения к ней в описываемых странах, а с другой – базируется на так и не сложившихся демократических традициях независимости власти от свойств отдельного человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев С.С. Византизм и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988, № 9. –
- Ермоленко Т.Ф. Патернализм в России: (Опыт культурно-исторического анализа). Отв. ред. А.Н. Ерыгин; Изд-во Рост. ун-та, 1999.
- Ремизов М. Проект «Государство-цивилизация» // Конституция России. Новый строй. Москва: ИНС, 2005.
- Розеншток-Хюсси. Речь и действительность. Москва, 1994.
- Уайт Хейден. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитонова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002
- Фрумкина, Р. Лингвистика и критика соци-

Милевич Инга Г.
Даугавпилс, Латвия
**ЭТИКЕТ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Abstract

The article focuses on the problem of a politician's etiquette in the contemporary publicistic discourse of Latvia. The author scrutinizes various verbal forms of etiquette and also the reasons for breaching etiquette in political discourse.

Различные исследования в области культурологии, этнолингвистики, психоллингвистики показывают, что отношение к вербальным этикетным формам русскими неоднозначно – оно может быть как позитивное, так и негативное, и очень часто саркастическое. В этом смысле показателен пример, приведенный Евгением Евтушенко. Поэт сделал замечание служительнице аэропорта в СССР (1989г.) по поводу грубого обращения с иностранцем; ее ответом было: «А я что – на брюхе перед ним должна ползать?» Характерно, что даже такая часть этикета, как комплимент ‘лестное для кого-л. замечание, любезный отзыв’ [МАС 2: 86] характеризуется весьма неоднозначно. Так, *Словарь эпитетов русского языка* показывает следующие данные: лексема **комплимент** обладает всего лишь двумя эпитетами положительной коннотации (*лестный* и *приятный*) и 20 эпитетами негативной коннотации: *банальный, дешевый, елейный, избитый, колкий, лживый, лицемерный, ложный, льстивый, нелестный, неловкий, неуклюжий, пошлый, притворный, приторной, сладкий, слащавый, тривиальный, тяжеловесный, ханжеский*. [Словарь эпитетов 2000: 84]

Этикет принадлежит к наиболее регламентированным элементам межличностной коммуникации. Существует мнение о том, что если на рефлексорном уровне этикетные нормы носителями русского языка принимаются, то на бытийном уровне нередко наблюдается осознанный или неосознанный отказ, игнорирование или неприятие. Одно из объяснений такому положению исследователи видят в современном социальном строе и, в частности, отсутствии эталона. «Современное общество не может предложить народу какие-либо соблюдаемые

хотя бы небольшой устойчивой социальной или профессиональной группой личностей эталоны культурного поведения и общения – ни телевидение, ни государственные деятели и политики, ни учителя и преподаватели, ни государственные служащие, ни предприниматели, ни руководители образовательных и государственных учреждений». [Стернин www]

Свою роль в отсутствии эталонов играет и статус информативной референтной группы, в частности, **психолог** и **лингвист**. В современной картине мира референтные группы приобретают разные статусы – позитивный или негативный. Так, в современной публицистической картине мира более позитивным статусом обладает информативная референтная группа **психолог**, что, в частности, проявляется в том, что постоянными и популярными рубриками современной публицистики являются рубрики типа «Психология и мы», содержащие различные психологические тесты, советы психологов, в том числе и по применению этикета. **Лингвист** же как представитель информативной референтной группы имеет тенденцию к приобретению статуса негативной, поскольку он наиболее часто выступает в роли нормализатора, законодателя языковых норм, обязательных для исполнения, что также отражается в публицистических дискурсах – в соответствующих рубриках (правда, их много меньше, чем «психологических») и сообщениях, напр., в политическом дискурсе в связи с введением и разъяснении нового термина.

У нас по-простому, почувствуйте себя как дома – так приглашает гостей в свой дом радушный русский хозяин. *По-простому...* знаменитый русский моральный модализатор (квантор), указывающий на не-следование строгости этикетных норм гостеприимства и, возможно, даже приглашение к пренебрежению условностями бытового этикета. В деловом диалоге призывы *отбросим условности, официальную часть можем считать законченной, не для протокола, вне официального общения...* нередко обозначают смену регистров дискурса, переход от неинформативной этикетной части к информирующей неофициальной (неслучайно она именуется *встречей без галстуков*). За такими и подобными выражениями проявляются оппозиции ис-

кренность-неискренность, информативность – неинформативность, характерные не только для русской лингвосферы. «Скованные жесткими рамками «подобающего поведения», японцы предпочитают преодолевать наиболее острые разногласия не на заседаниях, а за выпивкой, когда алкоголь позволяет на время избавляться от оков этикета». [Овчинников 2007: 217] Думается, это стремление «избавиться от оков этикета» характерно и для других культур.

В этикете могут быть выделены различные компоненты: социальный, идеологический, культурно-национальный. Национальный компонент этикета является одним из аспектов изучения современной лингвокультурологии. Понятия такта, вежливости нередко становятся важными характеристиками той или иной нации. Так, в популярных иронических сборниках для путешественников «Внимание, иностранцы!» в качестве характерной черты национального характера практически всегда указывается отношение к этикету, который зачастую нарушается, что отнюдь не создает негативный облик нации, скорее наоборот. Напр., «*Никак нельзя сказать, что у русских отсутствуют манеры в западноевропейском смысле этого слова. Манеры у них есть, просто они не совсем такие, как на Западе.*» «*Исландцы не стесняются себя правилами приличия и не обременяют себя формальностями типа обязательного приветствия «Доброе утро! Как дела!»*» «*Французы, особенно парижане, могут быть феноменально грубы – если захотят.*» «*Манеры немцев оставляют желать лучшего.*» «*Своеобразно толкуя слово «свобода», греки часто путают хорошие манеры и подбострастное поведение, которое они вынуждены были усвоить под турецким игмом, чтобы выжить.*» «*Поведение голландцев в большей степени диктуется присущей им учтивостью, нежели строгим соблюдением этикета.*» «*Итальянцы – очень воспитанные люди, с хорошими манерами. Итальянцы, в отличие от англичан, не слишком часто говорят «извините»: если они не чувствуют за собой вины, то и говорить нечего: покаяние лучше оставить для исповеди.*» «*В большинстве своем испанцы уделяют манерам меньше внимания, чем другие нации.*»

«Широко распространено мнение, что англичане скорее демонстрируют соблюдение всяческих правил, чем внутренне стремятся так поступать.» «*Датчане уверенно освободили себя от всяких норм этикета и от остатков пресмыкательства перед старшими по чину, хотя во многих странах все это до сих пор считается хорошими манерами.*» Не-следование этикетным нормам становится отличительной чертой нации (вместе с тем и общей для многих других), знаком культуры или ее части, что отражается в публицистике в приеме, генерализирующем и/или гиперболизирующем ту или иную черту нации. Напр., *«С приближением конкурса «Евровидение» в России все сильно разнервничались, залаяли и начали кусаться (МК-Латвия. 21.-27.03.2007.); В минувшую пятницу в Киеве выбирали участника на конкурс «Евровидение-2007». Как и повелось на Украине – со скандалом (МК-Латвия. 14.-20.03.2007.)*

В различных дискурсах этикет нередко приравнивается пресмыкательству, демонстративности, формальности и противопоставляется учтивости, воспитанности, галантности. «В России не принято выделяться – белая ворона является неодобрительной характеристикой человека, таких не любят; трудно нести крест культурного, интеллигентного человека во всех ситуациях»; «люди в России не любят ни в чем строгой регламентации – поэтому фактически этикета как свода строгих и соблюдаемых всеми правил у нас нет, все правила варьируют в широких рамках», а также нелюбопытство к правилам поведения, инерционность мышления, неприятие изменений, отсутствие привычки самому наводить справки о правильном употреблении». [Стернин www] Русская национальная картина мира, таким образом, не может не отражать такие особенности, как сомнительность образцов этикета и такта, порицание демонстративности этикета и такта, игнорирование регламентированного дискурса, нежелание знакомиться с нормами вербального и невербального поведения.

«Еще одним осложняющим моментом в формировании культуры поведения, общения и речи в России является отсутствие мотивации к этому в общественном сознании». [Стернин www] Как известно, мотива-

ция, особенно общественного сознания, создается определенными институтами, в частности, велика в этом роль современных масс-медиа. Рассмотрим особенности рефлексий этикета в публицистике и, в частности, в современном политическом дискурсе Латвии.

В современных публицистических дискурсах Латвии, особенно в текстах интервью, намеренный отход от этикетных выражений свидетельствует об искренности и – часто – положительной оценке личности или события. Напр., личность: **Мне выпала честь познакомиться с Рудите Локане. Поверьте, это не банальный словесный реверанс.** Дело в том, что Рудите – привлекательная, стройная улыбчивая и энергичная женщина – служит капелланом в Ильгюциемской женской тюрьме (EVA&ADAM. 06.2005.); С днем рождения его [предпринимателя В. Луговского] приходит поздравлять множество известных людей – бизнесменов, политиков, артистов... И делают они это **искренне, а не для протокола.** (EVA&ADAM. 01.2005.) Событие: **В наши дни критиковать и обхаивать телевидение – нечто вроде признака хорошего тона.** (EVA&ADAM. 01.2004.)

Частотным контекстуальным противопоставлением в прессе становится **банальная фраза – правда**, поэтому наблюдается использование модальных конструкций, вводных конструкций и рефлексивов со значениями «оправдание значения банальной фразы». Искренность этикетной фразы подвергается сомнению со стороны читателя, что предупреждается соответствующим приемом публициста. Напр., **О темнокожей звезде [Дайана Ривз] принято говорить, закатывая глаза. По правде сказать, она того заслужила. Это настоящая «Леди Джаз».** (Час. 30.06.2006.); **Наупро после выхода фильма на экраны Дрю [Берримор] проснулась мегазвездой. Несмотря на банальность фразы, это было именно так.** (Лилит. 11.2003.)

Этикет принадлежит к той части вербального поведения, которое отличается наибольшей регламентированностью, соответственно, большой способностью воспроизводиться в вербальных блоках, конкретных коммуникативных моделях, (экстра) лингвистических ситуациях. Это

качество этикета используется публицистами в коммуникативной тактике **совет**. Причем советы по этикету нередко сочетаются с манипуляторскими тактиками или подменяются ими (отметим, что подобные советы чаще даются не в лингвистическом, а психологическом аспекте). Так, в женском журнале даются советы о том, как устроиться на работу, но по существу представляют собой именно манипуляционные техники, приемы НЛП. Напр., **Как правильно говорить с шефинею. Надо:** *Какие у вас изумительные туфли (блузка, брюки, сумка, шарфик) – вы в них выглядите просто потрясающе!* **Не надо:** *Какие у вас изумительные туфли (блузка, брюки, сумка, шарфик) – где они продаются? Я после обеда сбегая туда и куплю себе точно такие же!* **Почему:** *Она вовсе не хочет видеть перед собою свою собственную копию, к тому же не все боссы настолько демократичны, чтобы одеваться в одном магазине со своими подчиненными.* (Лилит. 01.2006.)

Референтная группа **политик** – одна из наиболее традиционных негативных групп в русской картине мира, в публицистической, в частности. Если для нас (нашей группы) отступления от норм этикета более чем нормальны, то для референтной группы **политик** такие отступления недопустимы. Для поддержания статуса негативной референтной группы часто используется именно акцентуация отступлений от норм этикета, особенно не самого известного широкой публике – дипломатического. Напр., автор-публицист выступает в роли эксперта-знатока дипломатического этикета: *Sņegirevs [Rossijskaja Gazeta žurnālists Latvijā] apmeklējis arī Krievijas vēstnieku Latvijā Viktoru Kaļuzņiju, kura augstprātīgi nevērtīgais vērtējums par visu, kas notiek Latvijā, kārtējo reizi apstiprina, ka ar **pieklājību un diplomāta etiķeti vēstnieka kungs nav draugos.*** (Latvijas Avīze. 28.06.2005.) – *Снегирев [журналист Российской газеты в Латвии] посетил также посла России в Латвии Виктора Калюжного, чья высокомерно-небрежная оценка обо всем, что происходит в Латвии, в очередной раз подтвердила, что с вежливостью и дипломатическим этикетом господин посол не дружит.*

Политическая пресса акцентирует коммуникативные и невербальные про-

махи и неудачи, то или иное нарушение этикета политиками высшего эшелона. Напр., случай, когда президент Латвийской Республики Вайра Вике-Фрейберга поднялась на борт самолета Дж. Буша, был детально описан и разобран в аналитическом дискурсе публицистики: [специалист по дипломатическому протоколу, пожелавший остаться неизвестным] пояснил, что поступок президента – это нечто новое в дипломатической практике, **конфуз**. Хотя дипломатический протокол, собственно, и существует для того, чтобы не поставить какую-либо из сторон в неудобное положение. (Час. 09.05.2005.)

К основным нарушениям этикета латвийскими политиками относятся нарушения дипломатических принципов – нарушения дипломатического этикета. Напр., *Вчера премьер Айгарс Калвитис в прямом эфире Латвийского радио **выдал дипломатическую тайну**: в подписании пограничного договора может принять участие и президент ЛР.* (Вести Сегодня. 15.02.2007.) Другим типом являются различные нарушения кодекса депутатской этики – нарушения делового этикета. Напр., *Автор письма – простой избиратель (как он сам представился) – «сигнализировал» руководству сейма о том, что отдельные депутаты голосуют не только за себя, но и за того парня, то бишь за своих отсутствующих в момент голосования коллег. Самое пикантное, что это «неприличное поведение» депутатов избиратель заметил не во время, например, экскурсии в парламент, а во время просмотра по ТВ репортажа с заседания сейма!* (Вести Сегодня. 15.01.2007.) Еще одним типом являются нарушения известных, общепринятых «негласных законов» - нарушения бытового этикета. Напр., *Г-н Репше, наверно, не знает русскую поговорку: «На чужой каравай рот не разевай».* (Вести Сегодня. 09.02.2007.) – о границе Латвии и России. Наконец, отдельные нарушения становятся типичными чертами той или иной группы политиков или отдельной личности. Напр., **Бестактность**, похоже, становится **характерной чертой Вике-Фрейберги**. *Куда только делась профессорская сдержанность? Год назад она посоветовала протестующим против школьной реформы детям оде-*

ваться потеплее, теперь же показала, что осваивает русский язык уже не по Чебурашке и знает такие слова, как «вобла», «водка» и «частушки». (Час. 07.02.2005.)

Поскольку политический дискурс принадлежит к аналитическим типам публицистических дискурсов, в нем анализируются причины нарушений этикета. К причинам такого типа нарушений относятся, прежде всего, отражающиеся в речи мыслительные способности представителей негативной референтной группы. Напр., Латвийский совет молодежи вчера озвучил пренебрежительное известие для политиков, которые поговорить любят, но делают это без сочувствия к окружающим – смысла сказанного часто не только не понять, но и вовсе не найти. (Вести Сегодня. 31.01.2007.)

Другой причиной является особое вербальное поведение политика, что проявляется в косноязычии, вульгаризации, жаргонизации, тенденциях семантического рассогласования и др. Напр., *Deputāts arī ir cilvēks. Un kā vēsta tautas teiciens: “Kā es māku, tā es maunu...” “Vakara ziņas” lūkojas, kādas valodīgas tad ritina mūsu simt gudrās galvas. (Privātā dzīve. 30.03.2007.) – Депутат тоже человек. И как гласит народная мудрость: «Как умею, так я и мычу». «Вакара Зиняс» глядит, каким же языком говорят наши сто умных голов. Рубрика Ziediņi (Цветочки) – о латвийских политиках, подрубрика Odziņas (Ягодки) этой же статьи – о российских политиках (Жириновский, Федулов, Алибасов): *Ja, izlasot Latvijas deputātu izteikumus, kāds domā, ka mūsu tautas kalpiem gan vajadzētu par valodīgas tīrību parūpēties, tad varam vien mierināt, ka tie ir tikai “ziediņi”. Piemēram, uz Krievijas deputātu mēles ir bijušas īstenas “odziņas”. – Если, прочитав высказывания латвийских депутатов, кто-то думает, что наши слугам народа нужно бы позаботиться о чистоте языка, тогда можем успокоить, что это только «цветочки». Например, на языке депутатов России бывали настоящие «ягодки».**

Еще одна причина – выбранные политической группировкой (партией) или отдельным политиком методы политической борьбы (ср. политические метафоры грязные игры, черный пиар). Напр.,

Klope "Jaunajā laikā": Kalniete plēšas ar Mūrnieci. (Privātā dzīve. 30.03.2007.) – Драка в «Новом времени»: Калниете схватилась с Мурниеце. И далее: Traki un netīkami – "Jaunajā laikā" vistrakākās domstarpības un nesaskaņas tiek izcīnītas tieši starp sieviešu kārtas un valsts parlamenta deputātēm. Un vairs nevar saprast, kas, ko un kāpēc viena pret otru karo – Sandra Kalniete pret Solvitu Āboliņu vai Lindu Mūrnieci, Ina Druviete pret Mūrnieci vai Ausma Kantāne pret Eināru Repši un pret visu pārējo pasauli. (Privātā dzīve. 30.03.2007.) – Дико и неприятно – в «Новом времени» самые сумасшедшие разногласия и противоречия разыгрываются именно между женским полом и депутатами государственного парламента. И уже нельзя понять, кто, что и почему одна воюет с другой – Сандра Калниете против Солвиты Аболини или Линды Мурниеце, Ина Друвиете против Мурниеце или Аусма Кантане против Ейнара Репше и против всего остального мира.

Т.о., политический дискурс публицистики, содержащий элементы этикета, прежде всего, отражает не-искренность, не-профессионализм, не-воспитанность политика. В отличие от представителей «нашей» группы, отступления от этикетных норм представителями референтной группы **политик** в публицистике акцентируются и оцениваются. Кроме того, во внимание следует принимать и то, что на формирование влияет негативный статус референтной группы **политик**.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Стернин И.А. Можно ли культурно формировать культуру в современной России? // http://www.csp.ru/~rpr/sternin/articles_rus.html.

Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского языка. СПб., 2000.

Словарь русского языка в 4-х т. АН СССР, Ин-т рус.яз., Под ред. А.П.Евгеньевой. М. 1981-1984.

Овчинников В.В. Калейдоскоп жизни: экзотические, драматические и комические эпизоды личной судьбы ветерана журналистики. М.

© Милевич Инга Г., 2007

Нахимова Е. А.

Екатеринбург, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В ПРЕЗИДЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ

Abstract

The basic materials to be scrutinized in this article are publications of Russian politicians and

journalists characterizing President V.V. Putin. The subject of the research is a collection of precedent names which are used for imagery representation of the incumbent President in contemporary Russian presidential discourse.

Исследование президентского дискурса – одно из перспективных направлений современной политической лингвистики. Подобные исследования особенно характерны для американских специалистов: см. специальный обзор в монографии Э.В. Будаева и А.П. Чудинова (2006). Вместе с тем показательно, что и отечественные специалисты в последние годы все чаще обращаются к этой сфере исследования. Помимо монографии и докторской диссертации М. В. Гавриловой, в которой детально рассмотрены коммуникативные особенности выступлений Б.Н. Ельцина и В.В. Путина (2004, 2005), можно выделить несколько кандидатских диссертаций (Каслова 2003, Стрельников 2006, Моисеева 2007, Чернякова 2007 и др.), а также целый ряд статей (Белкина 2002, Вепрева 2007, Маркова, Харламова 2005, Светоносова 2005 и др.). Повышенное внимание к президентскому дискурсу легко объяснимо: глава государства традиционно вызывает интерес у соотечественников и многих граждан зарубежных стран. Вполне закономерно, что президент воспринимается не только как руководитель, но и как своего рода символ страны. Показательно, что в самых разных языках существует образная модель, в соответствии с которой президент метонимически обозначает государство в целом: так, еще Дж. Лакофф подметил, что американские политические лидеры и близкие к ним журналисты предпочитали говорить не о войне с Ираком, а о борьбе с Саддамом Хусейном (Lakoff 1991).

В современной политической лингвистике выделяются два подхода к изучению президентского дискурса. В первом случае предметом рассмотрения становится идиостиль главы государства (Гаврилова 2007). Специалисты рассматривают коммуникативные стратегии и тактики президента, его образные средства, использование различных пластов лексики и фразеологии, излюбленные средства синтаксиса, способы выражения модальности, выражение оценки и др. Комплексная характеристика идио-

стилей президентов России представлена в исследованиях М.В. Гавриловой (2004, 2005). Другие авторы обращаются лишь к отдельным аспектам президентского идиостиля. Так, Т.А. Светоносова (2005) рассматривает политические ценности, представленные в выступлениях президента В.В. Путина, А.В. Сурина описывает метафоры со сферой-источником «насилие» в мемуарах первого президента России Б.Н.Ельцина.

Во втором случае (широкий подход) исследуются не только речевая деятельность президента, но пути создания образа президента в коммуникативной деятельности иных политических деятелей и журналистов. Изучение подобных материалов позволяет определить, как руководитель страны воспринимается в национальном сознании. Так, в диссертациях А.А. Касловой (2003), А.М. Стрельникова (2005), Т.И. Моисеевой (2007) сопоставлены метафоры и оценочные высказывания, которые широко использовались в избирательных кампаниях по выборам президентов США и России.

Основным материалом для рассмотрения в настоящей статье стали публикации отечественных политиков и журналистов, которые дают характеристику президенту В.В. Путину, то есть учитывается широкий подход к выделению президентского дискурса. Предметом исследования стал арсенал прецедентных имен, которые используются для образного представления действующего президента страны в современном российском президентском дискурсе.

Одно из перспективных направлений в исследовании прецедентных имен в современной российской политической коммуникации – это последовательное описание ведущих сфер-источников и сфер-мишеней прецедентности, что важно для определения того круга фоновых знаний, который необходим читателю для правильного и полного понимания соответствующих текстов (Караулов Ю.Н. 1987, Красных В.В. 2002). Изучение сфер-источников и сфер-мишеней прецедентных имен может предоставить также интересный материал для оценки эрудиции, жизненного опыта, политических предпочтений, прагматических установок и речевого мастерства автора, а также для выявления авторского отношения к концептам, составляющим сфе-

ры-мишени.

В современной теории интертекстуальности (Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. и Багаева Д.В. 1997) прецедентное имя понимается как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, *Печорин*, *Теркин*), или с прецедентной ситуацией (напр., *Иван Сусанин*); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени» [Красных 2002: 48]. Отметим также, что для обозначения рассматриваемого языкового явления нередко используются и иные термины – логоэпистема, метафора, интертекстема, текстовая реминисценция и др. Различия между рассматриваемыми терминами отчасти связаны с различным объемом соответствующих понятий, но не менее важным является и то, что названные термины относятся к различным научным парадигмам, каждая из которых предполагает особую систему взглядов на взаимосвязи рассматриваемых единиц, на их взаимоотношения и функции в тексте и дискурсе, на интенции автора и прагматическое воздействие на адресата. Вместе с тем различные подходы к изучению рассматриваемого явления, использование эвристик различных научных школ и направлений способствуют более глубокому его исследованию и более полному пониманию сущности соответствующих феноменов (Нахимова 2006).

При рассмотрении сфер-источников прецедентности обычно разграничивают литературные и социальные источники. Так, О.С. Ахманова и И.В. Гюббенет (1977), используя несколько иную терминологию, дифференцируют два вида вертикального контекста: филологический и социально-исторический. В первом случае источником служит мир, созданный творческим воображением людей искусства (и сами авторы произведений), а во втором – реальный мир, подлинные люди и события.

Несколько позднее в качестве источников текстовых реминисценций был выделен еще более широкий круг исходных сфер, среди которых Библия, античная

мифология, музыка, фольклор, популярные песни, политические тексты, наука, спорт, медицина и др. (А.А. Евтюгина 1995, А.Е. Супрун 1995, Г.Г. Слышкин 2004 и др.). При необходимости классификацию можно сделать многомерной, то есть учесть и иные критерии: например, отечественное или зарубежное происхождение прототекста, его принадлежность к современной или классической культуре, авторский или фольклорный характер, идеологические установки, степень известности на том или ином этапе развития общества, оценку авторского мастерства и др.

Следует отметить, что случаи использования для создания образа президента прецедентных феноменов, восходящих к литературной сфере, весьма немногочисленны и воспринимаются как несколько надуманные, не вполне удачные. Например, совершенно неожиданный образ находит редактор оппозиционной газеты «Завтра» Александр Проханов. Ср.: *Симпатии общества к Путину из последних сил подогреваются Леонтьевым, Пушкивым, Сванидзе. Среди бесчисленных оглуляющих мыльных опер и бессмысленных токшоу эти «три мушкетера» выглядят благородными рыцарями, воспевающими свою Даму Сердца, которая таинственно и печально, словно блоховская Незнакомка, маячит в осеннем тумане российской политики* (А. Проханов. «А в Киеве дядька...», Завтра, 2004, № 45).

Наибольшее место в фонде прецедентных имен, используемых в современной политической коммуникации для осмысления личности и предназначения действующего президента России, занимает сфера политики (Нахимова 2005). Особенно частотны в функции источника имена широко известных глав государств, а также других знаменитых политических лидеров.

Сторонники В.В.Путина, обращаясь к нему, видят в нем продолжателя традиций лучших политических лидеров нашего государства. Ср.: *На Руси все Владимиры были мудрыми – от Владимира Красное Солнышко и Владимира Мономаха до Владимира Ильича. А Вы мудры на генетическом уровне, потому что вы Владимир Владимирович* (М.Бобаков, руководитель новосибирских

профсоюзов).

Бывший лидер «Союза правых сил» Б.Е.Немцов, размышляя о программе действий В.В.Путина, вспоминает о деятельности преобразившего Россию Петра Первого.

Когда Петр надумал прорубить "окно в Европу", он стал ввозить в Россию немцев, голландцев, посылать своих "птенцов" к заграничным учителям, заложил на болоте европейский город. Это была выразительная и недвусмысленная демонстрация государевых намерений. Путину, слава Богу, уже не надо прорубать ни окно, ни дверь. Время требует от лидера нации совсем иных "царских жестов". Но несомненно, что такие жесты, а еще лучше - дела, необходимы. Хотя бы для того, чтобы общество почувствовало: на дворе - новая эра (Б.Немцов, лидер «Союза правых сил»).

Совсем иные образы для представления действующего президента Российской Федерации находят оппозиционные авторы, которые вспоминают всемирно известных диктаторов (Наполеон, Иван Грозный, Пиночет, Сталин и др.). Ср.: *Хватит. Наполеончики нам больше не нужны* (Г.Зюганов, председатель КПРФ).

Русское сердце бьется в тайной надежде – вот он выстрадавший лидер России, новый Иосиф Сталин, до времени скрывавшийся в тайниках еврейской власти и вышедший, наконец, на свет божий (А.Проханов, редактор газеты «Завтра» и один из лидеров национально-патриотического союза).

Сегодня либералы шьют для В.Путина чуть ли не кафтан Ивана Грозного (В.Костиков, бывший помощник президента РФ Б.Н.Ельцина).

Нынешняя избирательная кампания представляет собой не очередной маскарад с наполнением Государственной думы новым составом депутатов, а фундаментальный поворот путинского Кремля к формированию нового типа государственного устройства, в рамках которого все вопросы будут решаться силами фактически однопартийной системы, возглавляемой лично «русским Пиночетом» (А.Нагорный, журналист).

Журналист А.Будберг, пытаясь осмыслить динамику политических решений действующего Президента России,

обращается к широкому ряду прецедентных имен, среди которых и имена зарубежных политических лидеров. Ср.: *Создается впечатление, что Путин постепенно реализует идеи, которые казались перспективными в 1999-2000 гг. Но страна за эти четыре года проделала огромный путь. Проделала во многом благодаря самому Путину. И тогда, цитируя Стругацких, очень хотелось поставить его «в один ряд с Ришелье, Никкером, Токугавой, Иэясу, Монком». Но, неожиданно развернувшись, пойдя против того, что сам делал, Путин проявил себя не как крупный политик, который «всегда должен идти от жизни», а как доктринер. В результате он больше похож не на Ришелье, а на Николая I. Один из историков так написал об этом русском императоре: «Он считал себя ответственным за все, что делается в государстве, хотел все знать и всем руководить». Чем закончилась эпоха Николая I – хорошо известно: Россию упустила время на необходимую модернизацию, растеряла фору, которую получила после наполеоновских войн (А.Будберг, журналист и политолог).*

Для характеристики В.В. Путина нередко используются имена известных разведчиков, что легко объясняется биографией президента. Ср.: *Психологически Путин – это Штирлиц, достигший своей мечты: стать фюрером. Только у Штирлица был Центр, куда можно было направлять радиogramмы, и приближающаяся Красная Армия. А что есть у Путина? (М.Хазин, Хозяин и работник, Завтра, 2005, № 10)*

Вы, Владимир Владимирович, будете тем Рихардом Зорге, работая в российском правительстве, который будет стоять на стороне национальной экономики и на стороне трудового народа России (Н.Харитонов, лидер аграрной партии).

Даже обратившись к самому перечню прецедентных имен, нетрудно обнаружить идеологическую позицию автора, степень его воспитанности и политической корректности, а также его представления о том, по какому пути движется страна под руководством В.В. Путина, о том, кто должен стать образцом для президента и что представляет для него несомненную опасность. Действующего

Президента России сравнивают также с основоположником династии Романовых Михаилом Первым и Александром Вторым-Освободителем, однако даже враги В.В.Путина не предрекают ему судьбу Николая Второго, Павла Первого или Петра Третьего. *Исподволь, по-сталински осторожно Путин решал кадровую проблему – проводил «чекистов» и «питерцев» в администрацию, в федеральные округа, в армию, в прокуратуру. И когда в органах из сослуживцев и однокашников сложился «коллективный Ягода», а в прокуратуре «коллективный Вышинский», а олигархи, те, что покуда в России, и те, что уже в Лондоне и Тель-Авиве, сложились в «троцкистско-бухаринский блок», был нанесен удар сокрушительной силы, от которого вдребезги «разможжились о мостовую собачьи головы» (А. Проханов).*

Представленные материалы свидетельствуют, что как сторонники, так и противники президента используют для характеристики В.В. Путина прецедентные имена из социальной мегасферы, тогда как художественная мегасфера остается невостребованной. В названной функции отечественные по сфере происхождения прецедентные имена заметно преобладают над зарубежными, а прецедентные имена, восходящие к историческому прошлому, – встречаются значительно чаще прецедентными имен, которые связаны с современным этапом развития общества. Выбор прецедентного имени обычно тесно связан с политическими взглядами автора и его отношением к личности и деятельности президента.

При оценке эффективности использования прецедентных феноменов в политической коммуникации следует учитывать следующие критерии.

1) Политическая уместность прецедентного феномена. Используемые автором прецедентные имена должны в полной мере соответствовать дискурсивным характеристикам текста и особенно представлениям адресата.

2) Социальная осознанность соответствующего прецедентного имени в качестве носителя определенных качеств.

3) Доступность используемого прецедентного феномена для читателей, на которых ориентируется соответствующее

издание, способность читателей уловить смысл соответствующего образа.

4) Достаточная корректность и недвусмысленность использования прецедентного феномена. Не замеченная вовремя политиком возможность двойного понимания фразы отвлекает внимание от авторского замысла.

Дальнейшее исследование президентского дискурса позволит сопоставить прецедентные феномены, которые используют сами президенты, с прецедентными феноменами, которые используются при характеристике президентов другими политиками и журналистами. Значительный интерес может представить сопоставление прецедентных феноменов, которые используются в российском и зарубежном президентском дискурсе, а также историческое сопоставление прецедентных феноменов в политическом дискурсе высших руководителей современной России, Советского Союза и Российской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3.

Белкина О.Е. «Загадочный Путин» или... // Политический дискурс в России – 6. Материалы постоянно действующего семинара. М., 2002.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006.

Вепрева И.Т. «Мы их в сортире замочим», или штрихи к риторическому портрету В.В.Путина // Политический дискурс в России. Хрестоматия. М., 2007.

Гаврилова М.В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса. Автореф. дис... докт. филол. наук. СПб, 2005.

Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В.Путина и Б.Н.Ельцина). СПб, 2004.

Гаврилова М.В. Перспективы и направления исследования президентского дискурса // Политический дискурс в России. Материалы X юбилейного всероссийского семинара. М., 2007.

Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ, Сер.9. Филология 1997, № 4.

Евтюгина А.А. Прецедентные тексты в поэзии В.Высоцкого (к проблеме идиостиля). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1995.

Каслова А.А. Метафорическое моделирование в политическом нарративе «Федеральные выборы» в США и России (2000 г.). Автореф... дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.

Маркова О.А., Харламова Т.В. Лингвокультурологический анализ речей американских и российских президентов // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. Выпуск 16. Екатеринбург, 2005.

Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. 13. Екатеринбург, 2004.

Нахимова Е.А. Прецедентные имена в политической коммуникации // Вестник Уральского государственного технического университета – УПИ. Серия «Филология», № 60 (8). Екатеринбург, 2005.

Нахимова Е.А. Интертексты, прецедентные имена, текстовые реминисценции и метафоры // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. Вып. 19. Екатеринбург, 2006.

Светоноснова Т.А. Языковая репрезентация «свободы» как политической ценности в посланиях В.В.Путина Федеральному Собранию // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. Выпуск 16. Екатеринбург, 2005.

Сидоренко К.П. Интертекстовые связи пушкинского слова. СПб, 1999.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Автореф. дис... докт. филол. наук. Волгоград, 2004.

Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6.

Сурина А.В. Метафоры со сферой-источником «насилие» в мемуарах Б.Н.Ельцина // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Том 14. Екатеринбург, 2004.

Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf // D.Yallet (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. Honolulu, 1991.

© Нахимова Е. А., 2007

Пименов Е. А.

Кемерово, Россия

КОНЦЕПТ «УКРАИНЕЦ» В РОССИЙСКИХ СМИ

Abstract

The paper touches upon the problems of language images of the Ukrainians. The analysis of the images is based on the material of the Russian press. It must be noted that two types of images of the Ukrainians are analyzed: real images based on appearance, background, occupation etc., and images based on comparison, identification or likening to somebody or something (revised images).

В данной статье затрагиваются про-

блемы языковых образов жителей Украины – нашего соседнего государства, которые анализируются на материале российских СМИ. Следует отметить, что образы украинцев бывают двух видов: реальные образы, основанные на признаках внешности, происхождения, занятий и т.д., и образы, основанные на сравнении, отождествлении или уподоблении с кем или чем-либо (переосмысленные образы).

Начнем с реальных образов украинцев. Традиционно считается, что у украинцев особая внешность, что связано с культурой и обычаями народа; об этом часто упоминается в нашей отечественной литературе (Ср.: Олег с выражением лукавства, которое у него было не в губах и даже не в глазах, а где-то в подрагивающих кончиках бровей, с расстегнутым воротом рубахи, с выступившими на лбу под волосами капельками пота, свободно и почти недвижимо держа крупную голову и плечи, шел впрысядку с такой – оторви голову! – удалостью, что в нем, как в его бабушке, сразу стал виден **природный украинец**. А. Фадеев. Молодая гвардия; Еще в период гражданской войны в Полтаве я встретился с очаровательной Галиной, ну, знаете, **настоящая украинка**, с черными живыми глазами, черными волосами и певучим голосом. А.Е. Ферсман. Воспоминания о камне.). В российской публицистике об особой внешности украинцев пишется не часто (Но культурных черт каждому народу позволялось иметь немного: таджикам – двадцать пять косичек, **украинцам – чубы и шаровары**, русским – сарафаны и косоворотки и т. д. То, чем жил и дышал каждый народ в действительности, всегда оставалось за рамками парадного портрета нашей родины. ["Жизнь национальностей", 2001]).

Проблема самоидентификации связывается с трудностями, возникающими из-за столкновения национальных традиций и заимствованных, пришедших из-за рубежа, правовых норм (Кем считается лезгин, проживающий в Азербайджане, или **украинец** из Америки? ["Известия", 2001.10.05]; Я попыталась объяснить Анатолию Иннокентьевичу, что не имею никакого отношения к Богом избранному народу, так как мой отец – чуваш, а мама – **украинка**, но генерал-лейтенант сказал, что это неважно. ["Столица", 1997.09.29]; Кем по национальности я должен себя считать, если мои бабушки **украинка** и белоруска, а дедушки – русский и еврей? ["Известия", 2002.10.29]).

Это одна из самых актуальнейших проблем, которая затрагивается в российских СМИ. Сложности самоидентификации связаны с отсутствием запретов в украинской культуре на смешанные браки (**Украинка** Гулько **вышла замуж за коми-пермяка** Самкова, белоруска Немогай – за русского Голикова. ["Жизнь национальностей", 2001]). Возвращение потомков украинцев в Россию из Америки вызывает некоторое ироничное отношение в российских СМИ к самоидентификации таких потомков (Ушел на пенсию мой знакомый, **потомственный московский украинец, коренной москвич Стив Ферке**. ["Столица", 1997.04.15]).

Концепт 'украинец' определяется признаками 'определяемый по природе, т.е. по рождению' (ср.: Мой товарищ, **природный украинец**, приподнялся на стременах, и лицо его даже слегка покраснело под слоем загара. В.Г. Короленко. Марусина заимка), 'определяемый по крови' (И дело даже не в том, что я сам **на четверть украинец**. [forumsport.ru, 2005]; ср.: Всякие подозрения в еврействе он отвергал решительно, говорил, что он **чистокровный украинец**. А. Жигулин. Обломки "Черных камней"), 'принадлежащий к этносу, определяемый по происхождению' (Жена Дженет — **этническая украинка**. ["Столица", 1997.03.04]), 'считающий себя украинцем' (**Украинцем себя считаешь** – так и запишем. ["Столица", 1997.11.24]), 'запись в паспорте в особой графе «национальность» или ином другом документе' (И стоит ли вообще брать в расчет пятую графу, если Евгений Степанович **по паспорту** «числится» **украинцем**, а его старший брат Александр – русским? ["Наш современник", 2002]; ср.: Кроме того, в анкете № 740014 стояла русская фамилия, хотя тут же значилось, что **по национальности он украинец**. В. Кожевников. Щит и меч), 'национальность родителей' (И опять-таки не ради того, чтоб предстать в глазах патриотической общественности неким мессией, а, прежде всего потому, что ему, **украинцу по родительским корням**, было больно видеть, как год от года отдаляются друг от друга братья-славяне, как надуманно, а иногда и сознательно ставились между ними всевозможные барьеры. ["Наш современник", 2002]), 'определяемый по

месту проживания' (Место проживания: Пока я находился в больнице, во взвод прибыли новые капралы – Барени (венгр), Коллин (француз), Попов (**украинец**), Мужене (финн), Танги (француз). ["Солдат удачи", 2004]), 'воюющий на стороне чеченских боевиков' (Амнистия также не будет распространяться на иностранных граждан и лиц без гражданства — это означает, что **воюющим на стороне чеченского сопротивления арабам, украинцам** и представителям других государств прощения от федеральной власти не будет. ["Газета", 2003]).

Российская публицистика наблюдает над реалиями нового времени, отображая те политические тенденции, которые актуальны в данный момент. Появилась новая «национальность» – западный украинец (Вместо него в помощь мне был выделен боец из другой роты, **по национальности западный украинец**. ["Наш современник", 2004]). Украинцев, служащих в Иностранном Легионе во Франции, считают русскими (Единственное, **никто не желал называть** меня украинцем. ["Солдат удачи", 2003]).

Для российской публицистики не менее актуальны вопросы национальности и национальной самоидентификации украинцев, проживающих в России, и украинцев, проживающих в Украине (). В последнее время наблюдается тенденция утраты национальности русских, проживающих в Украине (Идешь в загс, говорят: «**пиши ребенка украинцем**» – так надо, такая обстановка. ["Известия", 2001.09.14]). Это было актуально для Украины еще в 1927 году (Положение, при котором каждому культурному **украинцу придется решать, желает ли он быть русским или украинцем**, это положение неизбежно повлечет за собой крайне невыгодный с точки зрения развития украинской культуры отбор культурных работников. Н.С. Трубецкой. К украинской проблеме).

Признаки концепта «украинский украинец» следующие: 'лишенный истинной национальности' (Мою жену, родившуюся на Украине, в семье украинца и **украинки**, без ее на то согласия лишили национальности. ["Советская Россия", 2003.05.15]), 'скрытый русский' (Да и что значит – **украинцам, когда среди них природных русаков полным-полно, да**

и сами они — все одно, что мы. ["Криминальная хроника", 2003.07.24]).

Особое место в этом ряду занимают признаки 'самоидентификация украинцев' и 'идентификация украинцев'. Эти признаки основываются на существующих стереотипах, когда национальность идентифицируется по фамилии – родовому имени (Иванов – русский, **Коваленко – украинец**, Рабинович – еврей. ["Владивосток", 2003.09.29]). Здесь актуальной является проблема выражения надежд и чаяний всех жителей Украины их президентом (**А украинец не Кучма** точно. [ФОМ. 2001.11.27]).

Концепт 'российский украинец' включает в свою структуру признаки 'земляк' (Вся родня моя украинская будет, и зять у нас **украинец**, им приятно ж будет на **земляка** поглядеть! ["Столица", 1997.03.04]), 'воспринимающий себя как русского' (Хотя я и **украинка** / но чувствую себя русской. [ФОМ (2001.10.02)]; **А чувствует ли он сам себя украинцем, если родился и вырос в русском селе**, где никто и никогда не интересовался, откуда ты родом? ["Наш современник", 2002]), 'этнический украинец' (Человека, **назвавшегося русским**, непременно **спрашивали: а может, он все-таки украинец** или белорус? ["Наш современник", 2004]).

Концепт 'житель Украины' формируется различными признаками, среди которых: 'спортсмен и игрок' (В немецкой шахматной цитадели юный **украинец** впервые играл в компании с великими гроссмейстерами. ["64 – Шахматное обозрение", 2004]; Обе проиграли достойным соперницам (Татьяна — индианке Хампи Конеру, Надежда — **украинке** Наталье Жуковой), причем обеим удалось в основное время отыграть черными! ["64 – Шахматное обозрение", 2004]; **Украинка** Тамара Ерофеева против болгарки Симоны Пейчевой ["Известия", 2001.10.22]; Третьим призером стала еще одна **украинка**, Анна Бессонова. ["Известия", 2002.11.11]; **Украинец** успел вкатить мяч в ворота и в этой встрече, но гол не был засчитан. ["Известия", 2002.11.24]), 'гастарбайтер' (Тогда зачем дорого платить русскому, если дешевле заплатить таджику или **украинцу**? ["Известия", 2002.11.26]; Русскому туда ехать намного лучше, чем **украинцу** сюда. [ФОМ (2003.09.09)]; «**Украинец** или мол-

даванин, приезжающие в Россию на заработки, не могут платить сверхвысокие комиссии за перевод заработанных денег родным», – рассказывает заместитель председателя правления КБ "ЕВРОСТРАТ" Игорь Ключников. ["Карьера", 2003]), 'эмигрант' (Теперь **украинцам**, армянам, казахам и представителям других союзнических стран, желающим послужить в российской армии и получить российское гражданство, на первых порах придется занять как минимум свидетельство мигранта и справку о регистрации. ["Время МН", 2003]), 'талант' (Культура развивалась, и мы радовались открываемым **талантам** независимо от наций: казах ты или **украинец**. ["Жизнь национальностей", 2000]; Не повезло **талантливой украинке** Анжелине Швачке (меццо-сопрано). ["Известия", 2002.06.23]), 'националист' ("Национально ориентированным" **украинцам** оставили преимущественно вопросы культуры и образования. ["Эксперт", 2004]; Ее создатель Олег Скрипка, написавший "Весну" и прочие хиты, считается коренным **украинцем** и **ярим сторонником всего национального**, особенно — **мовы**. ["Известия", 2002.02.06]), 'испытывающий экономические трудности человек' (В общем, новые деньги (во всяком случае, в первое время) напомнят измотанным инфляцией **украинцам** безмятежные советские времена: вместо тысяч и миллионов они будут рассчитываться бумажными купюрами достоинством 1, 2, 5, 10, 20, 50 и 100 гривен, а также монетами 1, 2, 5, 10, 25 и 50... "копек". ["Итоги", 1996]), 'нуждающийся в иностранной помощи человек' (Получается, что **украинцам** нужен иностранный инвестор. ["Известия", 2002.02.21]), 'потенциальный российский партнер' (Россияне предлагали **украинцам** осуществлять совместные поставки электроэнергии. ["Известия", 2001.06.21]). Жителя Украины отличают такие качества характера, как гордость и независимость (Гордость и независимость (несмотря на многовековое подчинение иным народам) не позволяют находиться в подчинении хорватам и словенцам – у сербов, словакам – у чехов, **украинцам** – у русских (было и такое, чего уж там), и полякам у русских, и русским у поляков (вспомним Смуту). ["Наш современник", 2003]).

В российских СМИ достаточно часто

поднимается проблема взаимоотношений между жителями нашей страны и Украины. Основными признаками таких взаимоотношений выступают 'настоящее и будущее экономическое партнерство' (И если еще несколько лет назад львиная доля контрабандного курева приходилась на импорт, то в ближайшее время **Россия может стать основным поставщиком** нелегальных сигарет белорусам, **украинцам**, прибалтам и даже странам Западной Европы. ["Известия", 2002.04.21]), 'политические разногласия' (Я убежден, что отношение к **украинцам** обостряется не по музыкальным причинам. ["Известия", 2002.02.06]), в том числе 'международные политические взаимоотношения' (В последний момент заговорили и о важнейшем для ЕС договоре о реадмиссии, который Москва не представила Брюсселю до сих пор (а предложения ЕС лежат в Москве уже почти год), уступив тут даже **украинцам**, у которых никакого Калининграда нет: ["Известия", 2002.11.11]).

Особую группу образуют признаки взаимоотношений с другими народами. Важно отметить, что эта группа дополняется аксиологическими характеристиками. В первую очередь, это касается признаков военных взаимоотношений между братскими славянскими народами (Кстати, что касается тогдашнего **отношения сербов к украинцам** как "миротворцам" и к Украине вообще, то оно было довольно **негативным**. ["Солдат удачи", 2003]), народами Кавказа и жителями Украины (А если добавить сюда их боевой опыт, то можно констатировать, что **украинцам** (да и европейцам) **встречаться с «югами» в бою не стоит**. ["Солдат удачи", 2003]). Относительно редко в российских СМИ встречается признак 'культурное партнерство' (В области действует общественная организация – некоммерческое партнерство информационного и **культурного содействия украинцам** – культурно-деловой центр «Украинский дом». ["Жизнь национальностей", 2001]).

Образы, используемые для переосмысления исследуемого понятия, с одной стороны, взяты из традиционной символики. Такими, например, являются символы путника (При этом в плане встраивания своей экономики в мировую Путин аккурратно посоветовал **украинцам не**

пытаться обогнать Россию. ["Известия", 2002.06.25]), птицы (Но к воскресным финалам в отдельных упражнениях **украинка** превратилась из мокрой цапли в уверенную, раскрепощенную, умеющую влюбить девушку – но довольствовалась одной бронзой против трех у Пейчевой. ["Известия", 2001.10.22]), звезды (Даже **украинка** Тамара Ерофеева, которую отнюдь не на этом чемпионате Европы начали анонсировать как восходящую звезду. ["Известия", 2001.06.19]) и жницы (Жница: Мама Милы, **украинка** и бывшая актриса, занимается тем, что пожинает плоды своего воспитания – всячески поддерживает и направляет свою дочурку ["Твой курс" (приложение к "АиФ"), 2004]).

Новое время корректирует образы, используемые для описания жителей Украины в российских СМИ. Украинцы предстают в образах учеников, решающих политические и экономические задачи (Этот вопрос решать **украинцам**. ["Эксперт", 2004]). Украинцы уподобляются составной части американского политического плана (Православным – сербам, болгарам, **украинцам**, равно как румынам с молдаванами, в этой модели нет места. ["Наш современник", 2004]).

Обращает на себя внимание факт многокомпонентности структуры концепта 'житель Украины'. Образы, формируемые признаками этого концепта, многолики. Они сопрягаются с различной оценкой. Столкновение культур приводит к негативной оценке современных реалий. При этом российские СМИ не упускают факт нашего национального родства, общей истории и культуры.

Макроконцепт 'житель Украины' формируется такими микроконцептами, как 'этнический украинец', 'новый украинец' (по аналогии с «новым русским»), 'русский украинец'. Исследование этих концептов – задача современной лингвистики. Обращение к темам лингвистического анализа концептосферы «жители других стран» представляется одним из приоритетных направлений политической лингвистики на современном этапе.

© Пименов Е. А., 2007

Пименова М. В.
Кемерово, Россия

КОНЦЕПТ «УКРАИНА» (на материале российских СМИ)

Abstract

The paper touches upon the problems of the basic conceptual political metaphors that give the most typical description of the Ukraine. By the conceptual metaphor we understand the way of considering one domain in terms of another one. As illustration examples taken from magazines and newspapers of 2001-2006 were used. One of the supplementary sources was «the National Corpus of the Russian Language».

Современная лингвистика развивается в направлении когнитивных исследований языка. Это направление преломляется по-разному в исследованиях концептуальных структур, языковой картины мира и ее фрагментов, способов объективации знаний о мире. Одним из таких способов выступает метафора. Когнитивная сущность переосмысления состоит в том, что метафора является способом, обеспечивающим возможность появления нового знания за счет переноса уже существующего знания из одной концептуальной области в другую.

В данной статье затрагиваются проблемы некоторых основных концептуальных политических метафор, встречающихся в российских СМИ, характерных для описания Украины. Под *концептуальной метафорой* понимается способ думать об одной области сквозь призму другой. Образы Украины, представляющие ее российскому читателю, многогранны и разноаспектны. Ограниченные рамки доклада не позволяют раскрыть все образы Украины. В качестве иллюстративного материала использовались примеры из журналов и газет периода 2001-2006 гг., одним из дополнительных источников послужил «Национальный корпус русского языка».

В последние годы в российской лингвистике появились работы по изучению концептуальной политической метафоры, которые могут быть объединены общей темой: «страна глазами жителей другой страны». Среди таких работ можно назвать диссертационные исследования О.А. Гришиной (Америка глазами русских), О.А. Куданкиной (Германия глазами русских), О.Г. Орловой (Россия глазами американцев) и др. Особую важность составляют сопоставительные исследования способов концептуализации разных стран, например, России и Фран-

ции (Шаова 2005). Изучение концептуальных метафор, описывающих страну собственными ее жителями, не менее актуально, т.к. интерес представляет изучение своей культуры через призму собственных национальных ценностей [Пименов, Пименова 2006: 184-209]. Здесь можно указать на такие проведенные исследования, как анализ зооморфной, фитоморфной и антропоморфной метафор в современном российском политическом дискурсе (Вершинина 2002), исследование артефактной метафоры в немецком политическом дискурсе (Керимов 2005).

Жизнь, существование страны и отдельного человека традиционно представляется в метафорах пути. Путь – многогранный символ многих культур. Чаще всего путь – это символ образа жизни и судьбы человека. Движение страны бывает целенаправленным (**Украина стремительно движется в одну сторону**, возник резкий конфликт интересов. "Эксперт", 2004), и тогда оно расценивается как движение вперед (Восхищает тот настрой, с которым **Украина ринулась** в высшее металлургическое сообщество. "Известия", 2001.09.17), и направленным от цели, ей невыгодной, и тогда это движение вспять (Но, увы, славянские государства, которых Россия уже после И.С. Аксакова спасла еще раз – от Гитлера, все, кроме многострадальной Белоруссии, – даже **Украина – бросились прочь**: хоть куда, в НАТО, хоть черту на рога, лишь бы **подальше от России**. "Наш современник", 2003). Метафорами движения к одной цели описывается объединение в альянс нескольких стран (Для полноты картины напомним (хотя мало кто в России вообще слышал об этом), что в те же мартовские дни, когда к Альянсу присоединилась Прибалтика и **пристроилась Украина**, администрация Буша предала гласности планы сохранения баз в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии. "Наш современник", 2004).

Ситуации политического развития соседней страны выражаются в российских СМИ различными языковыми способами и средствами. Так, политическое движение Украины может выражаться каузативными глаголами (А в субботу глава МИД Анатолий Зленко заявил, что ситуация в мире **подталкивает Украину** к пе-

ресмотру внешнеполитических приоритетов в сторону углубления отношений с ЕС и НАТО. "Известия", 2001.12.09). Лексема *Украина* в таких конструкциях находится в объектной позиции. Эта же объектная позиция свойственна *Украине* в описаниях метафорами стимулируемого движения (Столь серьезное вмешательство России и грубые попытки подтасовать результаты выборов на самом деле приводят к обратному результату и, скорее, **стимулируют Украину двигаться в прямо противоположном от России направлении**. "Эксперт", 2004).

Одним из дополнительных средств выражения развития страны являются конструкции «модальный глагол + глагол движения» (Несмотря на нынешнее неприятие Киева Западом, **Украина хочет двигаться** в НАТО и Евросоюз, а не в ЕврАзЭС. "Известия", 2003.01.28). Среди метафорических способов выражения этого значения встречаются сценарии (и соответствующие метафоры) дальнейшего продвижения по выбранному пути, движения вместе по общему пути, опережающее движение по одинаковому пути, выбор пути (см. нижеприведенные примеры).

У страны может измениться конечная цель пути: Украина меняет свои «политические» приоритеты. Встав на новый путь, страна движется дальше (Тем не менее, мы внимательно следим за этой ситуацией и видим, что **Украина идет дальше** в своих отношениях с НАТО, чем другие страны, которые подписали в свое время соглашение о «Партнерстве во имя мира»... ("Дипломатический вестник", 2004). Избирая новые цели, Украина согласовывает свое «движение» с Россией («**Россия и Украина** вроде бы **побежали в НАТО**, но это не значит, что мы должны за ними следом бежать», — говорит Александр Лукашенко. "Известия", 2002.07.12; Но **Россия и Украина** вроде бы **договаривались вместе идти** в Европу и согласовывать свои действия по отношению как к НАТО, так и ЕС. "Дипломатический вестник", 2004). Каждая страна, любой народ движется своей дорогой, опережая соседей или отставая от них (Это само по себе показывает, что в своем демократическом развитии **Украина** даже до недавней революции **опережала Россию**. "Известия". 10.02.05). Метафоры пути чаще всего ис-

пользуются в описаниях исторического выбора (В итоге **Украина уверенно встанет на восточноевропейский путь** развития. "Эксперт", 2004).

Сложности, возникающие у страны или человека, отождествляются с преградами, препятствиями на этом пути. Признаками препятствий на пути страны описываются экономические и политические проблемы наших стран (**В** своем независимом **существовании Украина и Россия сталкивались** с одними и теми же проблемами, однако Москва и Киев давали разные примеры их решения. "Известия". 10.02.05).

Атрибуты пути – перепутье (символ выбора) и препятствия (символ концентрации воли и духовного роста). Эта символика в российской публицистике характерна для Украины (**Украина на перепутье**. АиФ, 2001.02.14). Источником создания подобных метафор выступает славянский фольклор. Выбор того или иного пути Украины связан с самостоятельностью, ее независимостью (Если **Украина выберет путь** независимой, сильной европейской державы, это заставит ЕС признать, что старая стратегия больше не работает. "Эксперт", 2004). Объединение усилий позволяет стране двигаться в правильном направлении. Несогласованность в действиях политических групп приводит к разброду, выбору отдельного пути для каждого политического объединения; такие ситуации передаются концептуальными метафорами преград на пути страны (Однако, если нынешний эмоциональный порыв на юго-востоке страны оформится в четкую гражданскую позицию, **Украина столкнется с** появлением еще одной нации, противостоящей «оранжевым». "Эксперт", 2004). Вести по определенному пути всю страну может не только ее глава, но и важный политический деятель другой страны (Прошли годы, сменились президенты и премьеры, Виктор Степанович **недрогнувшей рукой ведет независимую Украину к стратегическому союзу с Россией**. "Московский комсомолец", 2003.01.14).

Взаимоотношения между Россией и Украиной чаще описываются метафорами движения разными путями (Но **Украина** в то время **резко рванула в сторону от России** и переживала бурный этап опьянения свой новообретенной

«независимостью». "Наш современник", 2003), торговли без сближения (Так что **Украина** прекрасно **может торговать с Россией безо** всякого политического сближения. "Известия", 2002.03.26), ре-же движения рядами в одном направлении (Разговоры о синхронном **вступлении в ряды ВТО Россия, Украина и Казахстан** ведут постоянно. "Известия", 2003.02.24) и ожидания (**Россия ждет от Украины** ратификации соглашения-94. "Известия", 2002.08.21).

Пространство Украины предстает в разных образах в российских СМИ, среди которых образы рынка (Да и сама **Украина – емкий рынок**. "Металлы Евразии", 2004), прибежища для критиков российской кавказской политики (Еще один дестабилизирующий фактор – **Украина может стать прибежищем критиков кавказской политики Кремля**. "Эксперт", 2004), полигоном для российской оппозиции (**Украина же, безусловно, окажется центром этого революционного движения – она уже стала полигоном, на котором набираются опыта оппозиционеры со всего СНГ**. "Эксперт", 2004), маршрута российского экспортного газа (На фоне продолжающихся тяжелых переговоров о передаче в управление консорциуму зарубежных фирм под эгидой России украинской газотранспортной системы возник совершенно неожиданный проект, который окончательно **утвердит Украину в качестве основного маршрута экспортного транзита российского газа**. "Известия", 2002.08.11).

Одним из распространенных источников создания метафор является витальный код. Украина отождествляется с живым существом и описываются витальными, перцептивными и соматическими признаками. Здесь можно указать на метафоры жизни (Но я надеюсь, что в ходе реформы политической системы ситуация изменится, и **Украина станет жить** по цивилизованным законам, а не по воле чиновников. "Известия", 2002.11.20), силы (Чем **сильнее будет Украина**, тем больше возможностей для взаимовыгодного сотрудничества. "Эксперт", 2004), активности (Сегодня, кстати, особенно **активны Украина и Казахстан**. "Эксперт", 2004). Особенной численностью отличаются метафоры большого организма. Болезнь поразила культуру Украины (**Украина больна киношной не-**

достаточностью. "Известия", 2002.01.18). Коррупция, свойственная нашим странам, выражается в метафорах ракового заболевания (Мы предлагаем вам свою политическую программу, прекрасно понимая, что **в пораженных метастазами** коррупции государствах, какими являются и **Украина**, и Россия, заявление о необходимости нашей победы не пройдет. "Правда", 2004.10.29), нужды украинской промышленности – метафорами наркотической зависимости (Возобновив работу запорожской кремниевой технологической цепочки, **Украина имеет все возможности избавиться от «наркотической» зависимости** от импорта кремния. "Металлы Евразии", 2004).

В этом ряду заметна группа перцептивных признаков, встречаемых в дискурсе российских масс-медиа. В дискурсе российских СМИ метафорами восприятия выражаются особенности политической адаптации Украиной западных идей (**Украина органично воспринимает** западные идеи. "Эксперт", 2004). Политическое восприятие, понимание определенной политической ситуации описывается через признаки зрения (**Украина изначально видела** в СНГ угрозу своей обретенной самостоятельности. "АиФ", 2003).

Одними из постоянно реанимируемых политических метафор выступают соматические, основывающиеся на уподоблении государства телу (ср.: *Питер – голова, Москва – душа*). Украина обладает внешностью, по мнению российских СМИ, «экономическая внешность» Украины привлекательная (На польском фоне **Украина** для многих инвесторов **выглядит** значительно **более привлекательно...** "Эксперт", 2004). При этом у Украины «есть» голова (На протяжении двадцати веков Священной истории **Украина поднимала свою** свободолюбивую **голову** только в Смутные времена и опускала ее ниже пояса, как только на севере появлялся очередной диктатор. "Лебедь" (Бостон), 2003.09.28) и ноги (Но с момента подписания меморандума **Украина не предприняла ни одного шага** — мы не дождалась ни одного приглашения для решения каких-либо проблем, если они есть. "Известия", 2001.06.21).

Самым плодотворным источником создания метафор выступает антропо-

морфный код. Еще Протагор заметил, что «Человек есть мера всех вещей». В публицистических текстах частотны антропоморфные метафоры, когда те или иные политические реалии выражаются признаками человека. Подобные метафоры образованы на основе социально-политических, экономических, интерперсональных и витальных признаков.

Украина концептуализируется антропоморфными признаками. У Украины есть воля, желания, потребности, намерения (**Украина** все еще **хочет** поставлять свои трубы в Россию. "Известия", 2001.12.04; **Украина намерена** делить его и по дну, и по водной поверхности, а Россия – только по дну. "Известия", 2003.01.28; **Украина должна** дать согласие на транспортировку российской электроэнергии в Молдавию и страны Европы. "Известия", 2001.06.21; При этом **Украина рассчитывает** на московские инвестиции, поднимающие ее «оборонку». "Известия", 2003.01.28). Ей свойственны различные поступки (На переговорах произошло то, что прогнозировали "Известия", — Россия **настаивала** на евроазиатском сотрудничестве, **Украина** — на двустороннем. "Известия", 2003.01.28), характер (Даже Леонид Кучма в своей книге «Украина – не Россия» (а это, надо сказать, интересная книга, его консультировали неплохие историки) красной нитью проводит мысль, что **Украина** – это страна, которая **имеет** свой **особый психологический** и политический **характер**. "Эксперт", 2004). Взаимоотношения между странами передаются антропоморфными метафорами (На фоне живых обсуждений, какими могут стать **отношения между Украиной и Россией**, исходя из нынешних тенденций, попробуем порассуждать о том, какими они должны быть, чтобы отвечать интересам народов двух стран. "Известия". 10.02.05). Страна переосмысливается как человек, который обладает особой судьбой (И если такое объединение произойдет — **Украина повторит судьбу** Эстонии. "Известия", 2001.07.23), которая зависит от сделанного ею выбора (Так-де **Украина сделает** окончательный **выбор** в пользу свободы и демократии. "Эксперт", 2004).

Антропоморфные образы Украины многоаспектны: Украина подписывает документы (Напомним, что в декабре

прошлого года Россия и **Украина** уже **подписали** два межправительственных соглашения. "Известия", 2001.10.04), вместе с Россией выступает гарантом определенных политических процессов (Россия и **Украина** давно **являются официальными гарантами** этого процесса, однако совместно с Кишиневом обсуждают его нечасто. "Известия", 2002.03.18). Поведение страны противоречиво по отношению к России (Четыре страны — Азербайджан, Грузия, **Украина** и Узбекистан **не поддержали инициативу России** ужесточить режим обращения переносных зенитно-ракетных комплексов. "Известия", 2003.03.03; Но если год назад **во главе союзников России находились** Белоруссия, Китай, Индия и **Украина**, то на сегодняшний день с отрывом в 6 процентов от Белоруссии лидируют США, а Китай вообще выпал из первой семерки. "Известия", 2001.11.11). Украина — по традиционному мнению россиян, добрый друг и близкий сосед России (Мы видим в **Украине доброго друга, соседа**. "Дипломатический вестник", 2004; Министр Алексей Гордеев уверен, что помогут **соседи** — Белоруссия и **Украина**. АиФ, 2001.04.04). Украина также должник России (Ратификация закрепит за Россией собственность, а **Украина не будет выплачивать долг**. "Известия", 2002.08.21), ее партнер (Кремль считает, что **Украина — наш стратегический партнер**, поэтому надо идти на некоторые жертвы. "Известия", 2002.08.07), потребитель и покупатель (Поскольку в советское время у нас самыми активными **покупателями** были Казахстан и **Украина**, основное внимание по ближнему зарубежью мы сейчас уделяем именно этим республикам. "Горная промышленность", 2004). Украина — поставщик своей продукции по СНГ (Крупнейшим **поставщиком** по СНГ на протяжении многих лет остается **Украина**. "Газовая промышленность", 2004).

В современной публицистике широкое развитие получила метафора обучения, которая проявляется в сценариях учительства и ученичества. Эта метафора берет свои истоки в символике пути: путь в разных культурах является символом знания, учения. Действия Украины объективированы в ученических сценариях решения задач (Но **Украина свой главный вопрос решила** — доби-

лась подписания межправительственного соглашения, по которому Россия гарантирует поставки газа ежегодно в объеме не менее 110 млрд. кубометров на период до 2013 года. "Известия", 2002.10.07).

В публицистике распространены правовые метафоры. Это связано с особой манипуляцией массовым сознанием — привлечением внимания масс посредством запланированных скандалов, откровенной клеветы, непроверенной информации и т.д. Правовые метафоры продолжают ряд антропоморфных метафор (**Украина имеет право владеть** контрольным пакетом консорциума (50% плюс 1 акция). "Известия", 2002.10.06).

Особую группу образуют признаки, источником формирования которых служит имущественный код. Украину и Россию связывают правовые имущественные отношения (С одной стороны, **Украина все еще имеет право претендовать на долю** зарубежной **собственности** бывшего СССР, а с другой — отказывается платить свою долю в его долгах "Известия", 2002.08.21). Украина продает то, что ей не принадлежит (К тому же России, по всей видимости, выгоднее урегулировать задолженности с Молдавией, чем если **Украина продаст** ее потребителям **российский же газ** "Известия", 2001.08.08). Соревнования в разных сферах, например, в сфере освоения новых технологических пространств, передаются имущественными метафорами (**Второе место поделили США и Украина** "Рекламный мир", 2003.03.31). В русской культуре в определенные исторические периоды власть передавалась по наследству. Менялись государственные системы, а имущественная метафора наследства власти сохранилась. Иногда эта метафора трансформируется в имущественную метафору передачи доли владения в другие руки (**Украина и Россия делят не только газ и имущество**, они еще и постоянно борются за перспективных футболистов. "Известия", 2002.11.10).

Имущественные признаки восходят к ценностному и предметному кодам культуры. Предметный код включает в себя также артефактные метафоры. Украина предстает в образах транспортного моста между Европой и Азией (Президент Украинского союза автомобильного

транспорта и логистики В. Липовский выступил с докладом «**Украина – транспортный мост между Европой и Азией**». "Логистика", 2003), транспортного средства, водителем которого выступает Россия (**Украина** попытается войти в Таможенный союз, но **ее притормозит** Россия. "Известия", 2003.01.27). Украина предстает в образе газовой трубы, протянутой в Европу (Сейчас **через Украину** Россия **прокачивает** около 130 млрд. куб. м. газа ежегодно, а потенциальная мощность трубопровода — 160 млрд. куб.м. "Известия", 2002.10.06), одного из слабых звеньев в цепи авторитарных государств (В этом смысле **Украина**, несомненно, является «**слабым звеном**» (наряду с Молдовой) **в цепи** консолидированных авторитарных режимов, утвердившихся на территории бывшего СССР. "Неприкосновенный запас", 2004). Западная Украина – это рисунок, картина (Традиционно наиболее яркие российские националисты **рисуют Западную Украину** в духе Макиавелли. "Эксперт", 2004). Бывшим странам СССР может быть свойственен образ мусора, который «поглощает» пылесос западного мира (**Украина** и Молдавия так или иначе **будут втянуты политическим пылесосом** в жерло западного мира — скорее всего заодно с Восточной Европой. "Известия", 2002.03.05).

Нынешний период характеризуется появлением уже подзабытых метафор, источником образования которых служит семья. Родство – основная политическая концептуальная метафора, через которую до сих пор реализуются признаки взаимоотношений между нашими странами (Мама, пережив ребенком Вторую мировую войну и сменив в эти годы вместе со своими родителями **родную Украину** на ставший потом родным Узбекистан, стала журналистом. "Известия", 2002.12.24). Россию и Украину связывают кровные узы (**Украина** больше чем просто сосед – это страна, с которой **мы все связаны многими тысячами родственных уз**, страна, которая так и не стала границей. "Эксперт", 2004). Наши страны характеризуются как родственники, имеющие общую историю (Эта акция призвана напомнить, что издавна украинский и российский народы шли плечом к плечу, что у них общая история, что **Украина и Россия соединены родст-**

венными узами. "Жизнь национальностей", 2001). *Братские страны* – частотная метафора не столько советских, сколько имперских времен (По некоторым данным, французские газовики участвовали в уговаривании Польши отказаться от своих намерений поддержать **братскую** славянскую **Украину** и согласиться на прокладку трубопровода через свою территорию. "Известия", 2001.07.03). Украина – это сосед европейской семьи (Однако и ЕС, и европейцы очень озабочены тем, чтобы такой большой **сосед**, как **Украина**, стал бы все-таки государством с настоящей демократией и верховенством закона. "Эксперт", 2004). Украина пытается прокормить себя, применяя жесткие меры в сфере импорта (Приняв жесткие законы, запрещающие ввоз на Украину каждым пересекающим границу более двух килограммов мясных продуктов, взвинтив пошлины на крупные поставки, они добились того, что уже в прошлом году мясом птицы, к примеру, **Украина снабжает себя на сто процентов**. "Завтра", 2003.04.15).

Особое развитие получила метафорическая модель 'политика – игра' (*политические игры*). В современной публицистике эта метафора реализуется по новым сценариям, где международный рынок отождествляется с казино, а игроками выступают страны – участники экономических отношений (Сейчас рассматривается возможность строительства дополнительных маршрутов по территории Украины, и это большая, масштабная работа, которая, конечно же, **позиционирует Украину как одного из ведущих игроков** на энергетическом рынке Европы. "Дипломатический вестник", 2004). При этом важно отметить, что политические игры не отличаются честностью.

Взаимоотношения нашего государства и Украины уподобляются спортивной игре, где Украина уподобляется призу, награде, которые Россия проиграла (Чем дальше, тем чаще и громче слышно мнение, что **Украину** мы "**проиграли**". "Эксперт", 2004; Чем дальше, тем чаще и громче слышно мнение, что **Украину** мы "**проиграли**". "Эксперт", 2004). Сильная и независимая Украина потеряет эти признаки («**Выиграть**» или «**проиграть**» сильную независимую **Украину**, в которой мы заинтересованы, Россия не могла

в принципе. "Эксперт", 2004).

Метафоры спортивной игры чрезвычайно частотны, они реализуются в контекстах сравнения Украины с другими странами мира. Этот же сценарий используется в контекстах, где сравниваются экономические показатели разных лет (Низкий уровень внутреннего спроса подтверждается и показателем потребления металла на душу населения, по уровню чего **Украина заметно отстает** от ведущих развитых стран: 100 кг/чел. "Металлы Евразии", 2004). Различные игры описываются посредством метафор бега (Свидлер приехал посреди боя, когда **Украина уже ушла в отрыв**, и его усилий (честь и хвала Петру, конечно) не хватило для исправления ситуации. "64 — Шахматное обозрение", 2004). Сценарии спортивных игр включают компоненты старта (Только **Украина стартовала** в 2000-м. "Московский комсомолец", 2003.01.10), лидерства (По поставкам мясных консервов **лидирует Украина** (ее доля 37%), которая поставила 27600 туб на сумму 8513 тыс. долларов по средней цене 0,31 доллара за одну условную банку. "Мясная индустрия", 2004), финишного рывка (Надо было оставить в прошлом все предыдущие Олимпиады, когда **Украина** если и **добивалась успеха**, то только **неожиданным рывком на финише**. "64 — Шахматное обозрение", 2004).

Встречаются иные метафоры игры, в основе которых находится сценарий охоты. Это сценарий реализуется через признаки добычи (Немецкая атака — туманна и непостижима: то **рвёт в клочья Украину**, США, Израиль и Австрию, то спотыкается о Финляндию и Уэльс. "Известия", 2002.05.24), ее разделки (Разделят Россию, **освежают и Украину**. "Наш современник", 2004). Призы и награды спортивной игры могут быть выражены в русском языке метафорами добычи (*добыть приз/ золото на соревнованиях*). Международная политика описывается как спортивная игра, где приз возможно уступить другой стране (Неизбежно придется **уступить** Японии Приморье и Приамурье, а Германии — **Украину**. "Наш современник", 2004).

Еще один сценарий, встречающийся в дискурсе российских СМИ, о котором следует упомянуть, — это сценарий войны, сближающий игру или борьбу за до-

бычу или награду (Вот почему Россия должна **выиграть битву за Украину**. "Эксперт", 2004). Сценарии военной метафорической модели разнообразны: причины войны, объявление войны, цель и способы ведения войны: наступление и отступление по всему фронту, нападение, борьба, захват, отпор и натиск. Значение экономического партнерства между странами Запада и бывшими странами СССР выражается сценариями войны, в котором неудобные на завоеванном мировом экономическом рынке страны испытывают мощное воздействие США (**Основной удар** американского стального **возмездия придется** на Россию, Бразилию, азиатских поставщиков металлов и **Украину**. "Известия", 2002.03.05). Признаками борьбы, войны описывается и сценарий политической борьбы за власть на Украине (Не перевелись ещё в Киеве богатыри, желающие снова **побороться за Украину** без Кучмы. "Вечерняя Москва", 2002.02.07; Процедура импичмента **ударит по Украине**, вызовет осложнения на международном уровне, снизит доверие к стране. "Известия", 2002.04.08).

Метафора 'игры' реализуется в ином виде: Страна, политика страны — это театр, на сцене которого выступают актеры, а в зале находятся зрители, реагирующие на спектакль. Политическая игра предполагает наличие сценария. Каждой стране—политику отведена своя роль (Россия должна определить для себя некие базовые принципы относительно того, какую **роль**, по нашему мнению, **должна играть Украина** в новой мировой системе. "Эксперт", 2004). Иногда политический спектакль заканчивается провалом. Политика некоторых руководителей описывается метафорами самодеятельности. Театрализация политических выступлений, заранее распланированный сценарий позволяют обозначить это действие как игру; «прагматический потенциал этой метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности» [Чудинов 2001: 114]. По словам М.В. Черняковой, театральная метафорическая модель включает по жанровой смежности кинематографическую, эстрадную и цирковую метафору [Чернякова 2004: 89], однако, как видно из приведен-

ных примеров, сама театральная метафора может быть включена в общую модель игры. Метафорическая модель игры состоит из сценариев спортивной командной и любой иной игры, театральной игры на сцене.

Среди традиционных политических обычно называют домашнюю метафору. Домашняя метафора 'страна/ государство – дом' основывается на признаках строения, внутреннего пространства здания (Все вместе это дает многим предпринимателям повод верить в то, что они могут легко **встроиться в новую Украину** Виктора Ющенко и, более того, встроить самого Ющенко в прежнюю систему отношений в стране либо, на худой конец, убедить его эту систему не менять радикально. "Эксперт", 2004). Дом-Украину посещают политические и военные деятели других стран (Господин Ошима не намерен ограничиваться визитом в Россию, в ближайшее время он **посетит Украину** и Белоруссию. "Известия", 2002.04.01; Киев всегда гордился тем, что натовские начальники **посещают Украину** на порядок чаще, чем Россию. "Известия", 2001.12.09), религиозные деятели (В это время президент находился в Душанбе на саммите стран – участниц Договора о коллективной безопасности, но даже по возвращении из Душанбе не сразу встретился с главой Церкви, а предпочел для начала **посетить Украину** и Тулу. "Еженедельный журнал", 2003),

Основными сферами-источниками образования метафор выступают человек (его тело, внутренний мир, основные занятия), семья, школа, закон (право), война, производство, строительство, образование, театр, развлечения, животные, имущество, артефакты. Многие метафоры основаны на достаточно устойчивых символах культуры: наиболее древними считаются метафоры пути-жизни, власти-наследства, религиозные метафоры.

В российском публицистическом дискурсе, характеризующем те или иные украинские политические реалии, используются следующие метафорические модели: 1) витальная (сформированная признаками живого существа, соматическими и перцептивными признаками); 2) антропоморфная (включающая духовные, религиозные, социально-политиче-

ские, экономические, интерперсональные признаки, а также признаки образования, права, основных занятий); 3) предметная (состоящая из признаков артефактов и имущества); 4) пространственная (состоящая из признаков экономического пространства – рынок, военного и политического пространства – полигон для критиков политики России, транзита – маршрута для российского газа в западные страны).

Традиционными считаются политические метафоры 'Украина – человек', 'Украина – живое существо', 'политика – игра' (спортивная игра, театр), 'политика – война', 'страна/ государство – строение/ дом', 'субъекты и объекты политики – путники', 'политический выбор – новый путь'. Новыми, получившими развитие только в последнее время, являются метафорические модели 'Украина – пространство стихий' (Бизнес готовился снимать пенки: сразу после вступления в ЕС в Восточной Европе резко выросли цены на товары первой необходимости, и люди **хлынули в соседнюю Украину** скупать все подряд. "Эксперт", 2004), 'Украина – опора дома России' (Прежде всего, нужна **опора на Украину**, Белоруссию и Казахстан. "Наш современник", 2003), 'Украина – ученик', 'страна – больной организм'.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. – 2003, №2. – С. 73-94.
- Вершинина Т.С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: Автореф. дис. ... к.ф.н / 10.02.01. – Екатеринбург, 2002. – 24 с.
- Гришина О.А. Актуализация концепта *Америка* в современном русском языке (на материале публицистических текстов): Автореф. дис. ... к.ф.н / 10.02.01. – Архангельск, 2004. – 23 с.
- Керимов Р.Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе: Автореф. дис. ... к.ф.н / 10.02.04. – Барнаул, 2005. – 18 с.
- Куданкина О.А. Способы актуализации концепта Германия в российских СМИ: Автореф. дис. ... к.ф.н / 10.02.01. – Кемерово, 2005. – 18 с.
- Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>
- Орлова О.Г. Актуализация концепта «Russia» («Россия») в американской публицистике (на примере дискурса еженедельника «Newsweek»): Автореф. дис. ... к.ф.н. / 10.02.19. – Волгоград,

2005. – 22 с.

Пименова М.В. Политика в зеркале метафоры (кулинарные концептуальные метафоры в описании политики) // Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2003. – С.131-132.

Пименов Е.А., Пименова М.В. Россия глазами русских (концептуальные метафоры как особенность национальной ментальности) // Ментальность и язык: коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 184-209.

Чернякова М.В. Театральная метафора как средство манипуляции в публикациях российских и американских СМИ, посвященных войне в Ираке // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 13. – С. 86-96.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1999-2000). – Екатеринбург, 2001.

Шаова О.А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет): Автореф. дис. ... к.ф.н./ 10.02.20. – Екатеринбург, 2005. – 22 с.

© Пименова М.В., 2007

Слободяник Н. Б.

Клайпеда, Литва

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
К ВОПРОСУ О РОЛИ СОЦИАЛЬНОГО
АНТАГОНИЗМА**

**(о концепции политического дискурса
Лаклау и Муфф)**

Abstract

The paper is based on the modern researches in the theory of political discourse (Laklau, Muff, Zizek) and the antagonistic model of democracy (Laklau and Muff). The author described the discourse mechanism of construing identity in political discourse and specified the role social antagonism plays in the sense of structuring the given discourse space (discourse of political identity).

«Современная лингвистическая наука, – пишет Э. Лассан, – как никогда ранее, может считаться прикладной – не только в смысле создания норм орфографии или совершенствования лексикографических описаний, но в смысле изучения того, что может способствовать главной цели наук, связанных с человеком – познанию самого человека, ибо именно объектом лингвистики – языком – пронизаны, согласно Лакану, все уровни человеческой психики, включая и его бессознательное» [Лассан http].

Расширение сферы лингвистики вплоть до включения в область исследо-

вания всех видов дискурсно конструируемых социальных отношений привело к тому, что в центре внимания филологических исследований по политическому дискурсу оказалась проблема идентичности социальных элементов (политических агентов), а точнее, того сложного дискурсивного механизма, который задает и поддерживает идентичность конкретного идеологического поля вне зависимости от любого возможного его содержания [Жижек 1999: 93] и, что немаловажно, позволяет тому или иному высказыванию быть сказанным и выглядеть органичным дискурсу той или иной политической идентичности.

В данной статье мы попытаемся, с опорой на современные разработки в области теории политического дискурса (Лаклау, Муфф, Жижек) и агонистической модели демократии (Лаклау и Муфф), описать дискурсивный механизм конструирования идентичности в политическом дискурсе, а также показать, какую роль играет социальный антагонизм в смысле структурирования данного дискурсивного пространства (дискурса политической идентичности).

Процесс конструирования политической идентичности неразрывно связан с процессом конструирования социальной реальности как таковой [Laclau 1994: 1]. Связи дискурса и реальности – давнему предмету дискуссии дескриптивизма и антидескриптивизма, состоящему в вопросе: как соотносятся имена и предметы, которые эти имена обозначают [Жижек 1999: 94] – в современной лингвистической теории уделяется немало внимания. Это работа Лакана «Функция и поле речи и языка в психоанализе» [http], психоаналитическое исследование идеологии Славоя Жижека «Возвышенный объект идеологии» [1999] и, несомненно, аналитическая теория дискурса Лаклау и Муфф [Laclau and Mouffe 1985].

Определяя дискурс как смысловое поле, как нечто, что превосходит любую действительную непосредственность, как область, где образуются смыслы и значения [Torfing 1999: 85-100], Лаклау и Муфф отмечают: «Тот факт, что каждый объект конституирован как объект дискурса, не имеет ничего общего с вопросом о существовании мира внешнего по отношению к мысли или с оппозицией реализм/идеализм. Землетрясе-

ние или падение кирпича – это события, которые реально существуют, в том смысле, что они случаются здесь и сейчас независимо от моей воли. Но вопрос, насколько они получают свою специфику как объекты, определенные в терминах «природного явления» или «выражения гнева Господнего», зависит от организации дискурсивного поля. Что отрицается, так это не то, что объекты существуют внешне по отношению к мысли, но совершенно иное – то, что они могут конституировать себя как объекты вне любого дискурсивного условия своего проявления» [Laclau and Mouffe 1985: 108]

Здесь концепция дискурса Лаклау перекликается с поздними работами Фуко – «Археология знания» [1996], где дискурс понимается как тонкая контактирующая поверхность, сближающая язык и реальность, где дискурсы более не трактуются как совокупности знаков (означающих элементов, которые отсылают к содержанию или репрезентации), а как практика, которая систематически формирует объекты, о которых они (дискурсы) говорят [Фуко 1996: 49]: «Не стоит воображать, что мир обратит к нам свое ясное лицо ... Мир не соучастник нашего знания, не существует никакого преддискурсивного провидения...» [Фуко [http](#)] («Вначале было Слово»).

При этом Фуко отрицает не существование некоей реальности вне дискурса, но возможность ее восприятия не через дискурс и вне дискурсивной структуры: в процессе восприятия происходит категоризация и интерпретация опыта и событий в соответствии со структурами, находящимися в (нашем) распоряжении. И выйти за рамки данных структур хотя и возможно, но непросто. [Mills 2004: 46-47]

Поддаваясь искушению радикализировать концепцию дискурса Лаклау и Муффа, вспомним лакановское [Лакан [http](#)] представление о слове как смерти, убийстве вещи, – «когда порядок символического конституируется не человеком и не духом, конституирующим человека, но он сам конституирует человека» [Эко [http](#)], а так же позволим себе процитировать Жижека, который пишет: «В той мере, в какой действительность символизирована, заключена в символическую систему, вещь как таковая оказывается представлена в слове, в своем понятии, а не в непосредственной данности»

[Жижек 1999: 135].

Таким образом, принимая во внимание вышесказанное, не можем не согласиться с Лаклау и Муффа, которые утверждают, что все так называемые нон-дискурсивные комплексы, а именно – политические интервенции, технологии и т.д., более не предстают как некая объективная реальность, но как относительные системы дифференциальных идентичностей, которые не конструируются объективной необходимостью (Богом, Природой, Разумом), и могут пониматься только как *дискурсивные артикуляции*. [Laclau and Mouffe 1985: 107]

Дискурсивная артикуляция, представляя собой такую практику, которая устанавливает отношения между элементами таким образом, что их идентичность модифицируется в результате данной артикуляционной практики [Torfing 1999: 298]; по сути, является тем процессом, в результате которого образуется дискурсивная формация – «все то, что может и должно быть сказано». Обратимся к проблеме определения границ данных «возможностей».

В отличие от концепции (политического) дискурса как языковой области в рамках социального (политического) пространства, дискурс в концепции Лаклау и Муффа как бы взаимопротяжен (*англ.* *co-extensive*) с социальным, причем конструирование идентичности социального элемента в рамках дискурса будет носить не произвольный, но очевидный (в логическом понимании данного термина – *H.C.*) характер, поскольку будет являться частью некоего целого, элементы которого взаимообусловлены. Как следствие, конструирование идентичности как процесс будет неизбежно подразумевать некое последовательное движение в границах конкретного дискурса или «определенные колебания в рамках прагматически определенных возможностей» [Torfing 1999: 95-96].

Известно, что еще Фуко, занимаясь исследованием медицинского дискурса в области психиатрии, задавался вопросом о границах дискурсивной формации, их определении и возможной последовательности в производстве значения в рамках одного и того же дискурса. Лаклау и Муффа также склонны рассматривать дискурсы как более или менее регулируемые системы рассеивания, где дискурсивные мо-

менты рассеиваются, но существуют такие организующие эффекты, которые содействуют определенной регулярности, описываемой как «совокупность». При этом дискурс (политической идентичности), не представляя собой окончательно сформированную область репрезентации, стремится выстроить идеологическую завершенность [Torfing 1999: 118] (подобно тому, как в ситуации радикальной дезорганизации возникает потребность в порядке, а Закону следуют не столько потому, что он рационален, сколько, потому, что это Закон. [Laclau 1994: 3])

При этом одну из основополагающих ролей в упорядочении данной дискурсивной формации (или дискурса политической идентичности) и конструировании границ последней Лаклау и Муфф отводят явлению *социального антагонизма*.

По свидетельству Лаклау ключевым термином для понимания процесса конструирования политической идентичности является психоаналитическая категория *идентификации* [Laclau 1994: 3], в самом широком смысле понимаемая как процесс (само) отождествления с кем-либо / чем-либо. Проблема идентификации занимает умы ученых уже не одно десятилетие. Самые яркие работы в области данной проблемы, безусловно, принадлежат психоанализу и связаны с именами Фрейда, Лакана, Жижека, а также теоретиков политического и социального пространства Лаклау и Муфф. В частности, еще Фрейд занимался проблемой процесса идентификации и конструирования коллективных идентичностей «мы» через определение «они», при этом, отмечая ту огромную роль, которую играют антагонистические отношения для установления идентификации между членами сообщества, связывающей последних в одну коллективную идентичность. [Mouffe 2005: 25-26]

Муфф также отмечает, что одной из существующих стратегий коммуникативной самопрезентации языковой личности является презентация «нас» через описание «их»: «Политика нацелена на создание единства в контексте конфликта и несходства; она всегда занимается созданием «нас» через определение «их»» [Муфф 2004: 194] Однако, проблема будет заключаться вовсе не в том, каким же образом возможно было бы преодолеть данное противостояние мы/они, а в том,

какова форма его установления. Дело в том, что конструирование «мы» через определение «они» может идти двумя путями: когда «они» – это враги, которых необходимо не только победить, но и уничтожить; и, с другой стороны, «они» – соперники, т.е. те, с чьими идеями мы боремся, но в чьем праве отстаивать их мы не сомневаемся. [Муфф 2004: 194] Тем не менее, отмечает Ш. Муфф, ошибочно было бы приравнивать категорию «соперник» к либеральному представлению о конкуренте, с которым ее иногда отождествляют, так как данная категория («соперник») все же не снимает антагонизма: «Соперник – это враг, но враг легитимный, враг, с которым у нас есть определенные точки соприкосновения ... (здесь Муфф в качестве примера приводит такие этико-политические принципы либеральной демократии как свобода и равенство – Н. С.) ... Но у нас имеются разногласия по поводу значения и осуществления указанных принципов, причем такие разногласия невозможно разрешить путем рационального обсуждения» (так как принять точку зрения соперника означало бы испытать радикальное изменение политической идентичности). «Учитывая неискоренимость плюрализма ценностей, не существует никакого рационального решения конфликта, чем обуславливается его антагонистическое измерение...» – пишет Ш. Муфф. При этом возможны и компромиссы, но их следует рассматривать как временную передышку в непрекращающемся противостоянии [Муфф 2004: 195]

Вводя категорию «соперник», Ш. Муфф считает необходимым проводить четкую грань между двумя отличными формами понятия антагонизма: между *антагонизмом* в собственном смысле слова и *агонизмом*. «*Антагонизм* – это борьба между врагами, тогда как *агонизм* – это борьба между соперниками» [Муфф 2004: 195]. Как следствие из вышесказанного, конструирование идентичности может выстраиваться по двум каналам, где в процессе идентификации, противник конструировался бы либо в качестве врага, либо в качестве соперника. Каким лингвистическим механизмам отдается предпочтение в том или ином случае, мы увидим ниже.

Предвосхищая возможные вопросы по поводу того, на сколько правомочно

было бы говорить о необходимости антагонистических отношений в условиях демократии (проблема трактования которой занимает умы ученых и политиков в настоящее время особенно остро), Ш. Муфф подчеркивает, что агонистический плюрализм, или агонистическое противоборство, является, по ее мнению, основным условием демократии и ни в коей мере не ставит (как может показаться) ее существование под угрозу: «Своеобразие современной демократии, – пишет Муфф, – заключается в признании и легитимизации конфликта и отказе от его подавления путем навязывания авторитарного порядка. Порывая с символическим представлением общества в виде органического тела, характерным для холистской формы социальной организации, демократическое общество признает плюрализм ценностей», а следовательно «...и неизбежные конфликты, которые он за собой влечет» [Муфф 2004: 195]. Соглашаясь с теми, кто утверждает, что «плюралистическая демократия нуждается в **определённом** (выделено – Н.С.) консенсусе», Ш. Муфф, отмечает, что данный консенсус неизбежно будет «конфликтным консенсусом», поскольку «этико-политические принципы» демократии «могут существовать лишь во множестве разнообразных противоречивых интерпретаций». Ш. Муфф пишет: «В идеале подобное противоборство должно вестись вокруг различных концепций гражданства, которые соответствуют различным интерпретациям этико-политических принципов: либерально-консервативной, социал-демократической, нелиберальной, радикально-демократической и т.д. Каждая из них предлагает свое понимание «общего блага» и пытается установить особую форму гегемонии». Более того, наличие таких соперничающих форм гражданской идентификации является просто необходимостью, способствующей сохранению институтов демократической системы: они создают область, в которой страсти могут быть мобилизованы вокруг демократических ценностей и антагонизма, преобразованного в агонизм. [Муфф 2004: 195]

Продолжая тему основополагающей роли социального антагонизма в установлении границ дискурса той или иной политической идентичности, вновь обратимся к работе Лаклау и, в частности, к

вводимому им понятию *внешнего составляющего* (англ. constitutive outside).

Внешнее составляющее, по Лаклау, представляет собой дискурсное проявление Другого («как его понимал Лакан – Другого с большой буквы, некоего символического порядка» [Жижек 1999: 109]) Никак иначе, а именно посредством отрицания-исключения этого внешнего составляющего (или как его еще называет Лаклау – *радикальной инаковости*) и происходит установление границ дискурсной формации той или иной политической идентичности, находящейся в условиях социального антагонизма с некоторым Другим. При этом парадокс заключается в том, что внешнее составляющее, будет одновременно и конституировать и отрицать идентичность дискурсной формации, из которой оно (внешнее составляющее) исключено: т.е. будет являться как необходимым (!) условием возможности, так и условием невозможности последней [Torfing 1999: 124].

В качестве иллюстрации-доказательства того, что внешнее составляющее является предпосылкой конструирования идентичности отрицающей его силы, границы дискурса которой могут конструироваться только по отношению к угрожающему внешнему [Torfing 1999: 299], вспомним тот факт, что по сути, окончание холодной войны ознаменовало также и конец так называемых глобальных идеологий (имеется в виду противостояние СССР и Западного мира, находящегося за железным занавесом), которые доминировали на политической арене с 1945 года. Достигнутый консенсус-перемирие, как ни парадоксально, привел к образованию очевидных пустот в идеологическом поле обеих сторон, поскольку, по всей видимости, в отсутствие Другого внятно конституировать собственную политическую идентичность оказалось весьма сложно (если вообще возможно). Это проявилось, в конце-концов, в поиске-нахождении внешнего составляющего (в терминах Лаклау) – мировой террористической угрозы, в результате чего родилась та самая «ось зла», вербализированная Бушем младшим в ходе выступления перед конгрессом 29 января 2002 года. Таким образом, перефразируя Э. Лассан, скажем: необходимо иметь образы Других в своей рефлексии, чтобы создать Себя. [Лассан

http]

Обратимся непосредственно к механизму конструирования идентичности, находящейся в отношениях социального антагонизма с некоторым Другим и выстраивающей себя посредством описания «мы» через определение «они» (или внешнего составляющего).

При таких условиях центральными в процессе конструирования идентичности моментами, по Лаклау и Муфф, являются: отношения сходства и различия (*логика эквивалентности* и *логика различия*), а также унификационный эффект *узловых точек* (*фр. point de captation*).

Логика эквивалентности выстраивает различные элементы дискурса в цепь эквивалентных идентичностей, которые рассматриваются при этом как обладающие сходством. Логика различия, соответственно, сопоставляет дискурсные моменты на основании их различия. [Torfing 1999: 300-301] При этом в основе логики различия будут лежать синтагматические отношения элементов структуры (дискурса), в основе логики эквивалентности – парадигматические, что, в свою очередь, объясняет тот факт, что между эквивалентными элементами цепи нет идентичности, но лишь сходство в том или ином аспекте и различие в остальных. Однако, несмотря на это, при развертывании цепей эквивалентностей акцент на моменте сходства настолько ограничивает игру различий, что, практически, сводит ее на нет. [Torfing 1999: 97]

Следует отметить, что, как правило, конструирование внешнего составляющего в условиях, когда политический противник рассматривается как враг, а не легитимный соперник, происходит посредством развертывания именно цепей эквивалентностей (т.е. данная субстратегия является доминирующей). Причем происходит это не случайно – все дело в том, что отрицательность (коей в данном случае предстает внешнее составляющее), по свидетельству Лаклау и Муфф, не может при таких условиях быть представлена прямым способом, т.е. как позитивное (!) различие, но лишь косвенно, через цепь эквивалентностей (в терминах того или иного «подобия»), которые, в свою очередь, разрушают дифференциальный (с положительной коннотацией) характер дискурсивных идентичностей [Laclau and Mouffe 1985: 128]. При

этом выстраивание «подобия» будет происходить таким образом, чтобы аннулировать всю возможную позитивность отрицаемых элементов и, как следствие, будет порождать негативность как таковую [Torfing 1999: 124].

Ярким примером подобного выстраивания цепи эквивалентностей явилось известное определение "оси зла", в которую Джордж Буш включил такие различные по своим этико-политическим воззрениям страны, как Иран, Ирак и КНДР (при этом КНДР и Иран, пожалуй, с полным правом могли бы задать Бушу тот самый истерический вопрос, сформулированный Лаканом: «Почему я именно тот, кто я есть по-твоему?» «... что это за прибавочный, избыточный объект во мне, который является причиной интерпелляции Другого ко мне ...» [Жижек 1999: 118], т.е. что во мне есть такого, помимо меня самого?). Таким образом, была сделана попытка (хотя и не до конца удавшаяся) навязать мировому сообществу мнение о том, что эти страны (Иран, Ирак и Северная Корея) ведут скоординированную политику против всего остального мира (помимо всего прочего, по свидетельству Клиффорда Гэдди, данное определение – «ось зла» – также может наводить на определенные исторические реминисценции: например, о существовании в период Второй мировой войны своего рода "оси зла", в которую входили нацистская Германия, фашистская Италия и Япония, по отношению к которым применение термина "ось" было вполне обоснованным, так как эти страны как раз и проводили скоординированную политику против всего остального мира). Однако Ирак, Иран и Северная Корея, как известно, вовсе не действуют как единая "ось", понимание чего и привело к неоднозначной реакции на выстраивание данного «подобия» не только в мире, но и в самих США, когда бывшая госсекретарь Мадлен Олбрайт в интервью NBC подвергла критике слова Буша об "оси зла" и сообщила, что ставить Ирак, Иран и КНДР в один ряд нельзя, так как "эти страны сильно отличаются друг от друга". [Мехтиев http]

Любой дискурс (в том числе и политический), следуя Лаклау и Муфф [1985: 112], конструируется путем попытки захвата дискурсивного поля за счет развертывания *цепей означающих* (*англ.*

signifying chains), которые, являясь продуктом либо логики тождества, либо логики различия, акцентируют, каждый в свою очередь, сходство и различие элементов структуры и частично фиксируют значение так называемых *плавающих означающих* (англ. floating signifiers) – означающих без внятного референта [Жижека 1999: 95], когда, в терминах Крипке, не представляется возможности жесткой отсылки имени (*жесткого десигнатора*) к предмету, таким образом, чтобы имя указывало на один и тот же объект во всех возможных мирах, в которых этот объект существует. При этом значение внутри цепей означающих частично фиксируют некие привилегированные дискурсные точки, в терминах Лакана – *узловые точки* (фр. points de capiton – «*точки-пристежки*»), зачастую оказывающиеся *пустым означающим* (англ. empty signifier), которое может быть заполнено содержанием ряда плавающих означающих вследствие артикуляции последних посредством цепи эквивалентностей. [Torfing 1999: 98, 303] В качестве примера можно привести такие часто встречающиеся в политическом дискурсе узловые точки, как имена 'нация', 'демократия', 'порядок' (о 'демократия' и 'порядок' см. статью Э. Лассан и В. Макаровой «Народовластие как конец демократии? Несколько слов о «новой» русской риторике» [http](http://)), а в последнее время и 'терроризм' (см. статью Gololobov I. «Terrorism»: the present indefinite sense in contemporary political language. [http](http://)), которые характеризуются не столько насыщенностью значением сколько отсутствием содержания, что, как ни парадоксально, и содействует их роли структурирования и унификации дискурсного поля. [Torfing 1999: 98] В целом, механизм можно было бы описать следующим образом: ряд означающих «плавает», попеременно присоединяясь то к одному, то к другому означающему в рамках дискурсного поля, до тех пор пока некоторое *господствующее означающее* (англ. master signifier) не вмешивается и не конструирует идентичность последних путем их (плавающих означающих) фиксации через парадигматическую цепь эквивалентностей: «В конечном счете, как говорит Шалтай-Болтай, «важно, кто здесь хозяин», чтобы заставить слово значить то, что ему предназначено этим

хозяином» [Лассан [http](http://)].

Жижек приводит следующий пример: «в идеологическом пространстве «плавают» те или иные означающие – «свобода», «государство», «справедливость», «мир». Затем в их цепочку включается некое господствующее означающее – «коммунизм», ретроактивно придающее им «коммунистическое» значение. Тогда оказывается, что действительная «свобода» возможна только при условии преодоления формальной природы буржуазной свободы, которая на самом деле представляет собой одну из форм порабощения; «государство» оказывается основанием господства правящего класса; рыночный обмен не может быть «справедливым и равным», поскольку сама форма эквивалентного обмена между трудом и капиталом предполагает эксплуатацию; «война» оказывается неизбежным следствием деления общества на классы; только социалистическая революция приведет к прочному миру и т. д. (либерально-демократическое «пристегивание» артикулирует значение совершенно иначе, консервативное «пристегивание» противостоит обоим указанным полям, и так до бесконечности) [Жижек 1999: 107].

В заключение, хотелось бы коротко остановиться еще на двух понятиях, столь значимых для рассматриваемой в данной статье теории конструирования идентичности в политическом дискурсе. Это понятия *мифа* и *социального воображаемого* (англ. social imaginary).

Как отмечают Лаклау и Муфф, идеология есть конструирование частных (англ. particular) дискурсных форм в рамках притязаний на универсальное (англ. universal) [Torfing 1999: 114]. Данная концепция идеологии неразрывно связана с понятием *мифа* и *социального воображаемого*. В частности, миф в области политического Лаклау определяет как такой принцип толкования ситуации, в основе которого будет всегда лежать описание некоего идеального общества [Torfing 1999: 115]. Условием появления мифа является так называемая *структурная дислокация* (англ. structural dislocation), или нарушение имеющейся дискурсной формации, а функция мифа заключается в том, чтобы восстановить (или дословно – связать (англ. suture)) нарушенную область путем конституиро-

вания новой области репрезентации. Иными словами, роль мифа в основном гегемоническая: «миф формирует новую объективность посредством реартикуляции смещенных (*англ.* *dislocated*) элементов» [Torfing 1999: 115]. Однако, миф – это не просто утопическое описание некоего недостижимого общества. Будучи той поверхностью, на которой фиксируются неудовлетворенные требования, миф может трансформироваться в *социальное воображаемое* [Torfing 1999: 115].

В качестве примера социального воображаемого Торфинг приводит идеализированную концепцию прогресса в период Просвещения и коммунистическую мечту о бесклассовом обществе. Примером социального воображаемого, связанного с исконными ценностями русской культуры, пожалуй, по праву может считаться понимание «справедливости» (см. статьи Э. Лассан «Лингвистика как ангажированное знание» [http](http://www.auditorium.ru/conf/conf_fulltext/gololob.pdf), Э. Лассан и В. Макаровой «Народовластие как конец демократии? Несколько слов о «новой» русской риторике» [http](http://www.auditorium.ru/aud/p/lib.php?id=2230))

Торфинг, цитируя Лаклау, пишет: «Понятия мифа и социального воображаемого концептуализируют идеологические формы дискурса, цель которых – конструировать общество и социального агента как полностью и окончательно сформированные (дословно – сшитые (*англ.* *sutured*)) идентичности. Социальное воображаемое обеспечивает горизонт для значения ..., которое структурируется вокруг пустых, допускающих двойное толкование означающих», а «... миф обеспечивает принцип толкования, воплощенный в ряде норм, ценностей и пресуппозиций, что помогает конституировать новую объективность. ... Иными словами, идеология заставляет забыть о так называемой *неразрешимости* (условности и спорности той или иной дискурсивной формации в области политического – *Н.С.*) ... и конструирует реальный мир в терминах якобы до конца конституированных существностей ...» [Torfing 1999: 115-116]

Таким образом, можно говорить, что необходимым элементом конструирования идентичности в политическом дискурсе является внешняя составляющая, реализующаяся через логику эквивалентностей. В свою очередь необходи-

мым языковым элементом, обеспечивающим создание цепи эквивалентностей становятся плавающие означающие, структурированные в единое поле господствующим означающим. Отношение к внешней составляющей определяет тип политического пространства: **антагонизм / агонизм** его элементов. Можно также говорить, что поиск идентичности осуществляется через общность мифов, объединяющих политических субъектов в пространстве дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Gololobov I. «Terrorism»: the present indefinite sense in contemporary political language. // http://www.auditorium.ru/conf/conf_fulltext/gololob.pdf

Laclau E. and Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 1985.

Laclau E. (ed.) The Making of Political Identities. London: Verso, 1994.

Mouffe Ch. On the political. London: Routledge, 2005.

Mills S. Discourse. London: Routledge, 2004.

Torfing J. New Theories of Discourse: Laclau, Mouffe and Žižek. Oxford: Blackwell, 1999.

Голобов И. В. Теория политического дискурса Эрнесто Лаклау: Антропология, Меньшинства, Мультикультурализм. Вып. 3 (сент. 2003) // <http://www.auditorium.ru/aud/p/lib.php?id=2230>

Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.

Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. // http://lacan.narod.ru/ind_lak/lac_r2.htm

Лассан Э. Лингвистика как ангажированное знание. // <http://ling.x-artstudio.de/st9.html>

Лассан Э. Плюрализм возможен консенсус исключен: роман Ю. Давыдова “Бестселлер” в свете “лингвистического поворота” в гуманитарных науках. // <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/197/24/>

Лассан Э. и Макарова В. Народовластие как конец демократии? Несколько слов о «новой» русской риторике. // <http://ling.x-artstudio.de/st1.html>

Мехтиев А. Перспективы системы международных отношений (11 февраля 2002) (интервью с Клиффордом Гэдди) // <http://www.strana.ru/stories/02/01/31/2442/111323.html>

Муфф Ш. К агонистической модели демократии. // Логос # 2 2004 (42), стр. 180-197.

Фуко М. Археология знания. К.: Ника-Центр, 1996.

Фуко М. Порядок дискурса. // <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/foucault/fukovolya/fukovolyaall.html>

Эко У. Структура и отсутствие. //

Солопова О. А.
Челябинск, Россия
КРИЗИС «НАСТОЯЩЕГО»
В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ

Abstract

The present article deals with the problem of modeling "the present moment" in Russian political discourse. The author argues that the fact of predominantly negative representation of "the present moment" can be explained not only by some objective factors existing in Russian political reality but also by peculiarities of Russian culture and human perception of time.

*Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого нет.*

А. Блок

Изучение концептуальной метафоры привлекает к себе внимание многих современных исследователей, поскольку позволяет раскрыть когнитивные механизмы осмысления и моделирования действительности посредством языка. Одной из важнейших сфер бытия человека социального является политический дискурс, представленный многими жанрами и тематическими областями. Борьба за власть, составляющая суть политического дискурса, неизбежно требует сравнения данной политической ситуации с некоторым положением дел раньше, теперь и в будущем. Среди исследований метафорического моделирования огромное количество работ посвящено изучению настоящего момента политической действительности: развитию тех или иных метафорических моделей, исследованию концептосфер, тематических областей, конкретных политических событий, идиостилей и др. (В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, В. Г. Костомаров, Н. А. Кузьмина, Н. А. Купина, Т. Г. Скребцова, А. П. Чудинов, G. Fauconnier, L. B. Hinds, G. Lakoff, M. Turner, T. O. Windt). Менее изученным является моделирование образов прошлого (F. J. Antzac, D. Graber, I. Hellsten, R. Paris, R. Slaughter, M. E. Stuckley) и будущего (П. Бурдые, Шмелева, D. Graber, A. Judge, P. Watzlawick, M. Zdenek). В частности, вне поля зрения ученых осталось метафорическое пред-

ставление триады базовых темпоральных отрезков «прошлое – настоящее – будущее» в целом, в совокупности аксиологической значимости данных темпоральных концептов для социума, а также влияние образов прошлого и будущего на формирование и концептуализацию образа настоящей действительности.

Исследователи современного политического дискурса неизменно отмечают, что при моделировании современной действительности наибольшее развитие получают модели (их отдельные фреймы и слоты) с концептуальными векторами жестокости, агрессивности, соперничества, неестественности, отклонения от естественного порядка вещей, возбуждающие агрессивное состояние адресата, которые, негативно представляя предмет речи, создают в предвыборном дискурсе образ враждебной политической реальности.

Используя концептуальные метафоры, политики и публицисты осуществляют «смысловую перепланировку мира» читателя, его рефреймирование [Иссерс 1999: 240]. Проводя многозначное событие через тот или иной метафорический «оценочный фильтр», интерпретируя его в рамках определенной концептуальной модели, политические деятели и СМИ представляют настоящее в светлых или темных красках: одни и те же концепты могут приобретать в зависимости от задач политика как позитивную, так и негативную эмоциональную окраску.

При создании образа «светлого настоящего» подчеркиваются размах и всеохватность позитивных преобразований, определяемых профессиональным чутьем пребывающего у власти правительства и пониманием им насущных проблем общества, выдвигается на первый план нужная информация, «способная представить их в выгодном свете и отвлечь внимание общественности от информации, способной нанести ущерб их интересам» [Чудинов 2003: 57]. Однако заявлений подобного плана немного на страницах периодической печати:

- *Либеральный патриотизм – патриотизм деятельный: мы выстраиваем страну, которая стоит того, чтобы здесь жить, работать и растить детей (предвыборная программа партии СПС (2003);*
- *Политическая система России, мне*

кажется, выздоровливает, взрослеет (Е. Шишкунова // Газета, 02 сент. 2003).

Метафоры, продуцирующие образы «светлого настоящего», как правило, стерты, «бесцветны», не рожают манящих образов прекрасного настоящего, в котором так хочется жить и восклицать: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!».

Позитиву всегда противопоставляется негативный полюс. Он гораздо более насыщен и образен. При метафорическом отображении настоящей действительности метафоры с негативным оценочным потенциалом создают отталкивающую, порой пугающую картину проживаемой нами реальности. Сферы-источники разнообразны. В «темной» метафорической картине настоящего варьируются различные оттенки: от мрачно-серого до бездонно черного:

- Мы в тупике, страшном, безнадежном, глухом, куда завели нас слепые поводыри, увечные и хромы проводники, злые обманщики и невежды. Горбачев, пустой, целлулоидный, наполненный трескучим горюхом. Ельцин, тупой, как изрубленная топором колода, какие стоят на рынках в мясных отделах. Путин, покрытый из пульверизатора золотой пылью, оставшейся от реставрации кремлевских дворцов (А. Проханов // Завтра, 21 окт. 2003);

- Страна разлагается, другого не скажешь, и никакие валовые продукты ее не спасут, потому что это разложение касается души государства (И. Винниченко // Журнал социологии и социальной антропологии, Т.2 №1, 06 дек. 2006);

- Завершается «предвыборная кампания» на ТВ. Она стала публичным физиологическим актом путинской власти. То есть власть 4 года тужилась, пыхла, надувала щеки, делала важный вид. И вот, наконец, облегчилась. Средства массовой коммуникации загодя были переоборудованы в систему канализации. Через телеканализацию осуществлялся слив на мозги электората всего выношенного, высиженного властью. Смысл и существование большинства телеперсонажей оказался в целевом накоплении внутренних нечистот «против КПРФ». Пожирать страну и копить внутри себя грязь – вот предназначение «Еды» и ее «журналистов» (А. Ефремов // Завтра, 03 дек. 2003);

- Я попал на работу в, скажем так, южные регионы нашей Родины и понял, что детская мечта сбылась: у меня появился собственный зоопарк. В нем есть гиены, шакалы, змеи и даже упыри, только вот львы и куропатки попадают крайне редко. Да и убивают их быстро и часто (Е. Крути-

ков // Версия, окт. 2003);

- Кончается ноябрь — самый угрюмый месяц в году, с его снеговыми тучами, осыпавшими недолговечным снегом, с осенними мелистыми далями, с непролазной грязью на дорогах и в российском (грузинском, литовском, N-ском) политическом ландшафте. Не зря говорят в народе: «В ноябре рассвет с сумерками среди дня встречается». Надвинулись мрачные сумерки сознания, замутненного телевидением (критик Наталья Иванова вопреки сетке вещания и здравому смыслу пугается, что оно становится советским), пронизывающий ветер разносит пиаровские завывания, крики тбилисской толпы и подавленное молчание москвичей и липчан, качает гигантские рекламные щиты с примелькавшимися лицами, а ложь падает крупными хлопьями и, в отличие от снега, не тает под солнцем правды и дождевыми слезами опыта. Порой, глядя в тоскливое предвыборное пространство, хочется повторить грустную фразу Чехова: «Рано или поздно правда победит. Но это — неправда...» (А. Сафаров // Советская Россия, 29 нояб. 2003);

- Б. Грызлов: Сегодняшняя бюрократия – это препятствие на пути реализации планов президента, это болото, в котором тонут все инициативы, направленные на благо страны. (А. Никольская // Газета, 10 нояб. 2003).

- Предвыборная кампания любой партии сегодня напоминает какой-то сетевой маркетинг, когда всеми силами и средствами потребителю пытаются всучить свой товар, не особенно задумываясь о том, нужен ли он потенциальному покупателю или нет. Вполне естественно, что у залежалого и попросту негодного товара может оказаться очень качественный рекламный ролик, и потом купившиеся на броскую рекламу будут долго думать, как избавиться от своего «приобретения». Вот и кампания по выборам в Государственную думу напоминает рынок, где «продавцы», в роли которых выступают партии и кандидаты, предлагают «покупателям» – избирателям – товар в виде предвыборных программ и обещаний. Это сходство, причем именно с российским «диким» рынком, усиливается тем, что, купив некачественный товар, вернуть его обратно вы уже не сможете (С. Глазьев // Завтра, 18 нояб. 2003).

При моделировании настоящего для российского политического дискурса характерно доминирование метафор с негативным оценочным потенциалом. Разочарование в идеологии, компрометация социальных идеалов, общая нестабильность социально-политических отноше-

ний, неверие в возможность освободить общество от пороков определяют выбор метафорических единиц: концепты, присутствующие в качестве источников метафорической экспансии, представляют собой яркие знаки явной дисгармонии в обществе «мрачного настоящего».

Но неужели наше настоящее действительно настолько ужасно?

На наш взгляд, доминирование негативной оценки настоящего момента, помимо объективных причин, связано с рядом других факторов:

1) Дуализм русской культуры. В семиотических работах Ю. Лотмана и Б. Успенского вскрыты дуалистические модели русской культуры, которая обычно избегала третьего, нейтрального члена в смысловой оппозиции [Lotman, Uspensky 1985: 31, 35]. К примеру, отношение России к Западу проходило через стадии возвышения «новой» России над «ветхим» Западом (концепция «славянофилов») или принижения «ветхой» России перед «новым» Западом (концепция «западников»).

И сегодня в российском общественном мнении сосуществуют и взаимодействуют два полюса, два основных идеологических компонента, носители которых условно могут быть названы «западниками» «почвенниками».

Прозападные политики полагают, что единственный шанс для России – это реформирование и ускоренное встраивание в западную модель, в западную цивилизацию:

- Я уверен, что к 2030 году все будет хорошо. В России будут открыты границы, Россия будет в стратегическом и тактическом союзе с демократическими странами Запада. Вместе с ними она будет противостоять угрозам фундаментализма и той агрессии, которая возможна в адрес демократических стран сегодня (Л. Гозман // Телеканал «1 канал», 02 нояб. 2005);

- Россия имеет значение и будущее только тогда, когда она склоняется к своей настоящей судьбе, которой является Европа (Апология Диогена (Руководители издательства «Ad Marginem» отвечают на вопросы корреспондента «Завтра»).

Им противостоят «почвенники», которые говорят об особом русском пути и русской цивилизации:

- Развал экономики России и вопиющая неэффективность пореформенной экономики связаны как раз с тем, что про-

водники этой политики изо всех сил пытались проводить в жизнь именно те рецепты, которые советуют западные эксперты. Факт остается фактом – эти рецепты и формы отторгаются Россией как кровь чужой группы, порождают химерический симбиоз (Е. В. Гильбо // Журнал «Мост» №30, нояб. 1999);

- Я совершенно не могу понять, как может прийти в голову кому-то всерьез пытаться строить нынешнюю российскую государственность по американскому образцу. Образец прогнил до основания, трухляве как пень. И идти по его стопам – самоубийство (А. Гордон // Завтра №29 (609), 20 июля 2005).

В одной, оценочно нейтральной плоскости Россия и Запад в настоящий момент не рассматриваются и почти никогда не рассматривались.

Также в русском религиозном сознании языческие божества древности либо представлялись нечистой силой, либо сливались с образами христианских святых, но никогда не помещались в нейтральную оценочную зону. Если говорить о мире политики, то вожди – «божества» прошлого, настоящего и потенциального будущего – никогда не оцениваются современниками и последующими поколениями ни однозначно, ни нейтрально. Им либо приписывают характеристики идеальных борцов за процветание страны и народа, либо обвиняют во всевозможных грехах. К примеру, еще недавно Б.Н. Ельцин фигурировал на страницах средств массовой информации преимущественно как «преступник», «сатанист» и «расстрельщик»:

- Ельцинский период был самой жуткой, кровавой, позорной эпохой в жизни нашей страны и, наверное, всего человечества. Ельцинизм повинен в многомиллионной убыли населения; политика Ельцина была политикой неприкрытого геноцида. Этот режим и его служители — куда большие преступники, чем все нацисты, повешенные в Нюрнберге, и заслуживают суда и казни (М. Вербицкий // Завтра №43 (623), 26 окт. 2005);

- Ельцинские приближенные и их подельники разделили между собой основные источники дохода в российской экономике. Это разграбление не могли остановить ни парламент, лишенный новой Конституцией властных полномочий, ни прокуратура, фактически подчиненная президентской администрации, ни погрязшая в коррупции судебная система. Ельцинские подручные, подобно оккупантам, захватывали и при-

сваивали все, что можно было превратить в валюту на зарубежных счетах. Присвоенное чужого стало главным способом обогащения в российской экономике (С. Глазьев // Духовность. Вера. Возрождение, 20 окт. 2006);

- Ельцинизм привел Россию в исторический тупик, подвел ее к Пределу своего существования (А. И. Субетто // Русская цивилизация, 23 окт. 2005);

- В годы горбачевско-ельцинской диверсии на магистральных путях страны машинистом паровоза штабного эшелона нашей партии оказался затаившийся до поры до времени предатель. Оборотнями оказались и многие «кондукторы» состава, перешедшие на службу дегенератам (В. Чурилов // Советская Россия, 27 сент. 2003).

После его смерти ситуация изменилась. СМИ обвиняют себя в нелояльном отношении к первому президенту РФ, воспевая его профессиональные и личностные качества:

- Главное в Ельцине то, что он был прирожденным политиком, Политиком с большой буквы, политическим животным в самом полном и позитивном смысле этого слова. У него обостренный инстинкт власти, он чувствовал ее кончиками пальцев, кожей, каким-то шестым чувством (Е. Киселев // Лента.ру, 25 апр. 2007);

- Он рано ушел – во всех отношениях, этот удивительно мужской мужчина, этот невероятный политик, этот строитель-разрушитель, этот бывший партноменклатурщик-рыночник (Н. Геворкян // Газета.ру, 24 апр. 2007);

- Он был сильным президентом слабого государства – редчайшее сочетание. Его авторитет был непререкаем в стране, которая с 1997 года его не уважала (А. Крайчек // Утро.ру, 24 апр. 2007);

- Умер Борис Николаевич Ельцин – первый президент России. С этим званием он навсегда вошел в историю страны и всего мира. Ушел из жизни человек, благодаря которому началась целая эпоха. Родилась новая, демократическая Россия – свободное, открытое миру государство. Государство, в котором власть действительно принадлежит народу. Сила первого президента России заключалась в массовой поддержке его идей и устремлений гражданами страны (из обращения В. Путина к гражданам России).

В религиозном сознании русского народа всегда существовали ад и рай, но не существовало чистилища. В современном политическом дискурсе образы рая и ада часто являются некой проекцией положения дел минувших лет или

будущей реальности, а нейтральный член оппозиции – чистилище – не зафиксирован ни в едином метафорическом употреблении:

- Ныне, во тьме пребывая, терзаясь упадком всех душевных сил, должны мы раскрыть в своих сердцах и воплотить в слова видение будущего торжества России. В оккупации, на развалинах государства, на пороге новых бед — восхвалять, лелеять, ковать, сновидеть, тянуться к картинам грядущего русского Рая (Д. Тукмаков // Заветра №36 (301), 07 сент. 1999);

- Ад открывался нам и в чеченской войне, и при взрывах домов в Москве и Волгодонске, при штурме театра на Дубровке и школы в Беслане. Сейчас черная пропасть ада открылась за антигрузинской истерией и убийством Анны Политковской. И это еще далеко не дно пропасти, в которую сползает страна (В. Белоцерковский // Грани.ру, 2006).

Быть может, данная закономерность объясняет, почему настоящее в русской культуре отмечено слабо: оно является средним, нейтральным членом оппозиции «прошлое – настоящее – будущее»:

- Если прошлое соответствует молодости, настоящее – зрелости, а будущее – старости, то Россия – это одновременно и молодая и старческая страна, незаметно минующая стадию зрелости (Хроноцид. Пролог к воскрешению времени (Lettre International (Берлин), окт. 1998).

В России будущее часто прорастает прошлым, минуя стадию настоящего.

2) Переворачивание оппозиции «прошлое – настоящее – будущее». В любом действии человека и государства как-человека должны сходитьсь, сплавляться все три цвета времени: прошлое, настоящее и будущее, становясь одним длящимся актуальным временем. Способность человека судить о времени позволяет образовать временное измерение, некую ось времени, на которой могут быть довольно точно размещены события. Текущий момент отмечает особую точку на этой оси, события прошлого размещаются до него, а события ожидаемого будущего – после этой точки. Актуальное время вбирает в себя прямую и обратную временные перспективы. Любое событие сначала выступает как будущее, потом – как настоящее, наконец – как прошлое, разыгрываясь во всех трех регистрах времени. Временные горизонты существуют в неразрывном единстве, дополняя и уточняя друг друга;

именно настоящее выступает границей совмещения двух других временных пластов: прошлого и будущего.

В ходе восприятия содержательные проекции временной перспективы «прошлое – настоящее – будущее» должны накладываться друг на друга, сливаясь в единое целое. Однако согласно дуалистической модели Лотмана-Успенского, «русская культура движется не сглаживанием и опосредованием оппозиций, а их переворачиванием» [Lotman, Uspensky 1985: 39]:

- *Нигде проекты «поворота времен» не осуществлялись с такой безумной последовательностью, как в России, где жертвой взаимного «освобождения» будущего от прошлого делалось настоящее. По нему проходил кровавый рубец распавшейся связи времен. Настоящее здесь почти никогда не имело собственной цены, а воспринималось как отзвук прошлого или подступ к будущему (Хроноцид. Пролог к воскрешению времени (Lettre International (Берлин), окт. 1998).*

В России модусы будущего и прошлого стыкуются прямо, без плавного опосредования в настоящем. То срединное, переходное состояние, в котором будущее и прошлое должны находить свою живую связь, отсутствует. К примеру, то, что еще вчера воспринималось как будущее – коммунизм, бесклассовое общество, – вдруг, не успев стать настоящим, становится прошлым, от которого нужно поскорее избавиться, как от тяжкого наследия и пережитка. И наоборот, то, что казалось далеким прошлым – свободный рынок, развитие капитализма, учредительное собрание, – вдруг перемещается в зону желаемого будущего:

- *В России прошлое скрепляется непосредственно с будущим, как бы повисая над пропастью неощутимого настоящего (Хроноцид. Пролог к воскрешению времени (Lettre International (Берлин), окт. 1998).*

И для большинства политиков современности прошлое и будущее более реальны, чем «непотребное, жалкое настоящее». Политические силы, тяготеющие к разным идеологическим полюсам, по-разному понимают Россию. Они видят существенно различные направления для выхода страны из настоящего кризиса, которые могут быть обозначены как

- «назад в СССР» (прошлое): *Сегодня для молодых людей легенда о Советском Союзе — это мечта о Будущем, это Русская Мечта о новом творении, новом чело-*

веке, о новом небе и новой земле. Сегодня в землю падают семена грядущего русского социализма, которые в нужное время взойдут и принесут свой плод (О. Дробышевская // Завтра №12 (329), 21 марта 2000).

- «назад в дореволюционное прошлое» (прошлое): *В прошлом веке граф Уваров сказал об этом просто и ясно: «Православие, Самодержавие и Народность». Это государственность, это власть, которая народом осознается как своя власть, поскольку она будет отражать веру народа в добро и справедливость, чего никогда не даст власть республиканская. На практике это означает, что единственная власть органично присущая России — это Православная Самодержавная Монархия. Вот тогда можно будет сказать, что над Россией воссиял Крест и что Господь помиловал и воскресил Россию (А. Верховский // www.patriotica.ru, июль—август 1995).*

- «вперед на Запад» (будущее): *Я абсолютно убежден: нас не должно разъединять прошлое – переписать историю мы не можем. Задача сегодняшнего дня – совместно создавать будущее России и Евросоюза как партнеров и союзников. Россия к этому готова. Надеюсь, что такой же позитивный подход возобладает и в Европейском союзе (В. Путин // Известия, 23 нояб. 2006).*

Русская цивилизация одновременно пессимистична, т.е. ориентирована на прошлое и футуристична, т.е. одержима жаждой будущего. Все в строгом соответствии с изречением Н. Бердяева: «Интеллигенция не могла у нас жить в настоящем, она жила в будущем, а иногда в прошедшем».

Но без «настоящего» бессмысленно выстраивать модели и концепции политического и экономического развития страны, поскольку любая новая смена правящих элит может вновь спровоцировать тотальное разрушение всего уже достигнутого, резкую смену вех и мучительный поиск своего особого исторического пути:

- *Без ясной идеологии, ценностных ориентаций мы рискуем оказаться в плену нашей стародавней традиции: на историческом переломе, выстраивая новую жизнь, до основанья ломать и то лучшее, что было достигнуто при старом порядке вещей. При этом худшее как-то незаметно и тихо всегда приживалось и в новой жизни (Н. Слонов // Стратегия России №10, окт. 2005).*

3) Психологическое восприятие времени человеком. Линейное время, общее восприятие временной перспек-

тивы «прошлое – настоящее – будущее», основано на взаимодействии с последовательностью событий. Человек и общество существуют в пространстве времен.

В прошлом:

- Советский Союз – наш дом и оплот, построенный великими усилиями всех народов и наций, спасший нас от позора и рабства в годы черных нашествий! (Ю. Бондарев // *Завтра* №20 (50), 12 дек. 2000);

- Русское время, текущее из полноты к трагедии, где древнее ценнее настоящего и где смысл настоящего в постоянном стремлении обратиться вспять, к корням, к истокам, к началу, к Слову (А. Дугин // *Завтра* №1 (318), 01 апр. 2000).

В будущем:

- Мы верим в будущее России и призываем вас разделить с нами эту веру. И строить с нами новую страну – сильную, нравственную и цивилизованную (К. Титов, председатель СДПР // *Уроки Первояма и будущее России*, 30 апр. 2003);

- Таковы ближайшие вехи нашего пути в безопасное, обеспеченное, достойное будущее. Мы верим, что России по силам пройти этот путь. Успех России – в наших руках! (предвыборная программа партии «Единая Россия» (2003);

- Человечество вступило в XXI столетие с тяжелым грузом прошлого и с большими надеждами на лучшее будущее. Вывести наше Отечество из всеобщей разрухи и кризиса, добиться его возрождения и расцвета – такую задачу ставит перед собой Либерально-демократическая партия России (предвыборная программа ЛДПР (2003).

В безвременье:

- Сейчас мы живем не в эпоху всецелья США, а в переходный период, период безвременья, когда одна эпоха противоборства двух систем уже закончилась, а другая еще не началась. Кто мы в это безвременье: заштатный Гондурас с ядерным оружием или все еще один из мировых политических центров? (Будущее создаем все мы: вопрос – какое? Аналитическая записка // <http://>);

- Россия сегодня на распутье (Ю. Рот // *Собеседник*, 02 сент. 2003).

Во времена временщиков, в межвременье:

- Ельцинизм — редкостный случай политического режима, сплоченного не каким-то идеальным проектом, не целостной идеологией с определенными программными установками, а мобилизацией низменного инстинкта временщиков (А. Зиновьев // *Завтра* № 01, сент. 2004);

- Потому-то нынешние кремлевские временщики и оказывают столь небывалое

покровительство и поддержку «русской» православной церкви (разумеется, за счет дальнейшего обнищания народа) (*Доброслав // Русская Правда* №1 (3), 1996);

- Меняются времена и регионы, страны и континенты, одни персонажи уходят с арены и уступают место другим временщикам, однако в принципе всегда происходит одно и то же, везде моделируется и воспроизводится один и тот же и смысловой и эмпирический контекст (Е. Г. Соколов // *Метафизические исследования* № 2, 1997).

В параллельном времени:

- Пусти нас к власти и в стране возникнет параллельный мир, со своими экономикой, политикой и культурой. Пусть черномырдины или путины сходят с ума по нефтегазовой «трубе». Мы-то знаем, что главное богатство – интеллект и воображение. В нашем «параллельном мире» собрались бы русские технологии совместного творчества и думания (М Калашников // *Кредо говорящего ангела*, 01 июля 2005).

И практически никогда в счастливом настоящем времени. Возможно, данная особенность связана с нашим психологическим восприятием времени. Перебирая в памяти события минувших дней, мы наверняка найдем в них много счастливых дней, но как бы удивителен ни был день, проживаемый сегодня, счастливым мы его назовем, лишь когда он останется позади, станет прошлым. Человек всегда воспринимает настоящее более критично, чем прошлое и будущее. Мы каждый день просыпаемся с мыслью, что «завтра будет лучше, чем вчера».

Безусловно, к важным качествам линейного понимания времени как прошлого – настоящего – будущего относится способность принимать на себя долговременные обязательства, создавать и поддерживать сложные социальные структуры, планировать и предвидеть. Однако линейное осознание времени часто приводит к стремлению жить будущим, т. е. завтрашними делами и заботами. Человек и общество настолько увлекаются «планированием», что полностью теряют вкус к жизни и способность воспринимать ее во всей полноте сегодняшнего дня. Поэтому кажутся своевременными слова Ю. М. Лужкова:

- Мы помним наше великое прошлое. Мы мечтаем о нашем великом будущем. Но самое главное – пора создавать наше великое настоящее (Ю. Лужков // *Стратегия России* №12, дек. 2006).

Резюмируя все вышесказанное, мож-

но сделать следующий вывод: восприятие времени является важной особенностью, тесно связанной как со структурой сознания отдельного индивида, так и с типом социума. Временная перспектива разнообразными способами вплетается в поведение человека и государства-как-человека и определяет многие аспекты этого поведения. На политической сцене России в главных ролях театра времени – прошлое и будущее, что обусловлено определенными социокультурными предпосылками, индивидуальными предпочтениями различных политических сил, преследуемыми ими целями, а также специфическим восприятием времени человеком в целом. Настоящее мгновение, если и появляется на сцене, то, как правило, выступает в качестве основного отрицательного персонажа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Lotman Y. M., Uspensky B. A. The Semiotics of Russian Cultural History // Ed. by A. D. Nakhimovsky and A. S. Nakhimovsky. – Ithaca & London, 1985.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск, 1999.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). – Екатеринбург, 2003.

Щербаков М. Восприятие времени в эволюционно-структурной психологии // <http://www.psychology/ipd.ru>

© Солопова О.А., 2007

Джейн Хенсон

Колумбия, США

Перевод: Наумова И. А.

ГЛОБАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Abstract

The article in question dwells upon the problem of political socialization. The author focuses on political and societal messages and their influence on political participation. The article argues that the formation of the public must be studied from the holistic perspective.

Совсем недавно специалисты стали признавать, что идеи, влияющие на политическую и социальную жизнь общества, не всегда исходят от политических деятелей и кандидатов на выборах. Хотя большая часть научных исследований посвящается выборам президента; тем не менее, в последнее время в научных работах отмечается значительное влияние зрелищных и развлекательных ме-

роприятий и сайтов в Интернете на формирование мнений и взглядов американской общественности (Calavita 2003; Holbert 2005). Появление исследований, касающихся нетрадиционной политической коммуникации, должно привлечь наше внимание к возможности существования ошибочных подходов к изучению политической коммуникации. Авторы настоящей научной работы полагают, что для исследования вопроса формирования общественного сознания требуется целостный подход, и исследователи политической коммуникации имеют все условия для проведения подобной работы.

Поскольку большинство исследований проводится во время и вокруг выборных кампаний, специалисты, как правило, не рассматривают идеи, которые не имеют очевидного влияния, а также идеи, озвученные ранее, или в период между проводимыми кампаниями. Если бы специалисты стали исследовать идеи, исходящие от общества не только в период избирательной кампании, нам пришлось бы рассматривать всю совокупность идей в информационном пространстве масс-медиа. Несмотря на то, что в большинстве наших исследовательских работ приводятся доводы об отсутствии гражданского сознания, общественного недоверия и неучастия в политической жизни общества, реалистичный подход в оценке нашей текущей политической ситуации представляется весьма полезным по нескольким причинам.

Во-первых, мы должны признать взаимное влияние партийной принадлежности и политической идеологии. Если мы признаем что, президентские дебаты или телереклама не агитируют республиканцев голосовать за представителя демократической партии, это не нанесет большого урона предмету нашего исследования. Это не умаляет значимости идей, с которыми мы действительно имеем дело; но нас просто сочтут нерадивыми, если мы будем продолжать изучать влияние идей таким выборочным образом.

Поскольку мы исследуем коммуникацию, мы понимаем, что идеи, которые содержат убеждения, взгляды и мнения, окружают нас ежеминутно, где бы мы ни находились. Это «окружение» отвечает за наше быстрое и прочное овладение нашими собственными убеждениями. Например, прочная взаимосвязь между

партийной принадлежностью детей и родителей не устанавливается посредством давления. Таким образом, формирование партийной структуры в нашем обществе начинается и возрождается с каждой последующей социализацией поколений. Если нам действительно нужно понять, почему происходит рост числа избирателей, которые не принадлежат ни к одной партии, очень важно суметь определить, какие идеи адресуются таким избирателям, и как эта социализация влияет на настоящую и будущую политическую активность.

Центральная мысль настоящего исследования заключается в том, что исследование вопроса социализации будет более полезно для ученых, которые действительно желают оценить современное состояние политической активности и понять, почему растет внимание к демократии в Америке. Калавита (2003) полагает, что «сравнительно небольшое внимание, которое уделяется роли СМИ в политической социализации, является одной из двух серьезных проблем с существующими исследованиями того, как люди приобретают и демонстрируют свои политические убеждения и ценности и то, как они себя ведут» [2003: 244]. Следующие разделы наглядно показывают, что современные исследования не достигают этих целей, а так же способы усовершенствования и более глубокого понимания нашего исследования и служат образцом для исследования политической социализации с точки зрения целостности.

Традиционные научные работы. Традиционный интерес исследователей к политике является ценным для общества. Исследователи политической коммуникации изучили, как идеи обрабатываются, какие идеи доступны народу, и как граждане их используют. Сотировик и Маклауд (2004) отмечают, что «влияние СМИ выявляется в процессе интерпретаций, когда идеи оцениваются в свете уже существующих ментальных представлений и проникших в сознание людей» [2004: 387]. Таким образом, проникшие в сознание мнения становятся убеждениями действенных общественных структур, которые исследователи оценивают сквозь призму политической активности. Большая часть изученных идей передаются традиционными СМИ:

репортажами газет, теледебатами, теленовостями и аналитическими программами. Большинство идей общества определено политические по характеру и, очевидно, поэтому вызывают особый интерес исследователей, которые постоянно следят за новостями, мало интересуясь прочими средствами информации (Garromone & Atkin, 1986). Идеи, исходящие от нетрадиционных средств информации, могут быть также конкретными и привести к аналогичным результатам.

Новые средства массовой информации. Специалисты, занятые в СМИ, давно установили, что образы и идеи, представляемые в популярных программах средств массовой информации, влияют на общественное мнение и общественные проявления. Внимание к политическому климату и информационному пространству, в которое поступают новости средств массовой информации, является неотъемлемой составляющей все более развивающейся науки о политической социализации. Поскольку разные виды масс-медиа охватывают почти все грани нашего существования, то мы вынуждены признать их влияние, как на отдельную личность, так и на общество в целом.

Граждане любого возраста восприимчивы к явным и скрытым идеям, которые имеют место в программах СМИ. Значительное внимание уделяется молодым гражданам и спорам о степени влияния СМИ (особенно отрицательное влияние). Остин и Нильсон (1993) объясняют это тем, что юношество усваивает основные социальные нормы, которые в процессе межличностных отношений либо разрушаются, либо укрепляются. Они отмечают, что и средства информации, и общественные и межличностные отношения одновременно способствуют вовлечению отдельных личностей в мир политики. Кроме того, Чейф и Макдейвтт (2002) отмечают, что социализация не всегда имеет одностороннюю направленность. Они объясняют это тем, что юношество может оказывать влияние на то, какие СМИ выбирают их родители. Ситровик и Маклауд (2004) пришли к такому же выводу. Они установили, что «собственно структура и нормы межличностных отношений воздействуют на работу структур по связям с общественностью, значительно повышают количество политических дискуссий в средствах

массовой информации. Вместе взятые они оказывают сильное влияние на формирование политического общественного сознания» [Ситровик и Маклауд 2004: 382]. В то время когда это исследование подтверждает влияние традиционных СМИ, другие СМИ развлекательного характера также содержат политические идеи (Holbert, 2005). Голберт предложил 9-ти элементную типологию пересечения развлекательных телепередач и политических новостей. По вертикальной оси контент располагается в области значений политических сообщений (новостей), от центральных к периферийным. Кроме того, горизонтальная ось смещается от ясно выраженных идей к предполагаемым. Данная типология представляет разницу между развлекательными токшоу, политическим документальным кино и контентом живого эфира. Цель данной типологии заключается в том, чтобы привлечь исследователей к изучению социополитического контента с иной стороны в области совершенно аполитичных развлекательных программ. Нет ничего удивительного в том, что музыка, чаще рассматриваемая как явление чисто развлекательное, может содержать явные и скрытые социополитические идеи.

Новые СМИ имеют такое же огромное потенциальное влияние на восприятие политики обществом, как и традиционные СМИ. Кроме того, использование этих СМИ гражданами всех возрастов может изменить их политические убеждения и позиции. Настоящее исследование в большей степени касается молодежи.

Молодые граждане. Влияние СМИ особенно сказывается на молодежи. То, что многие еще не достигли возраста голосования, усложняет изучение этой группы населения, но совершенно очевидно, что со временем они сформируют часть электората.

Исследователи продолжают выдвигать предположения о том, почему молодые избиратели разочарованы в современной политике, анализируя идеи, высказанные молодыми гражданами на организуемых дискуссиях.

Однако исследование этой проблемы указывает на тот факт, что голосование на выборах происходит по инерции и основывается на одних простых сводках. В то время как исследованиями в области

социализации давно доказано, что формирование общественного мнения и выбор позиции – это процессы, вызванные мощным воздействием, усвоением других идей и интеграцией различных направлений мысли. Макдейвитт (2005) отмечал, что дискуссии родителей и детей повышают вероятность того, что дети приобретут политические взгляды и мнения. В этой связи необходимо отметить, что наш долг изучать информационное пространство, которое способствует формированию взглядов лиц, не достигших возраста, дающего права на голосование. Молодые люди редко смотрят новости и не являются большими поклонниками политических новостей по сравнению с представителями более старшего поколения (Sitrovic & MacLeod, 2004).

Сегодня в исследованиях в области социализации, касающихся молодых граждан, часто приводятся лишь ограниченное количество коммуникационных факторов, и совсем не учитываются прочие источники влияния. Чейф и Макдевит пытались выяснить: какое влияние оказывает школа на отношение детей к политике и к интересу их родителей к политическим новостям. Они обнаружили, что дети обладают способностью подстегивать интерес к политике. Социализация нашей молодежи – это будущее нашей демократии. Тем не менее, нам следует проанализировать оценку, которую молодые дают идеям.

Лидеры общественного мнения. Специалисты в области политической коммуникации отмечают, что лидеры общественного мнения и влиятельные люди имеют способность оказывать влияние на формирование мнения. Некоторые исследования признают эффект личного влияния (Weimam, 1991). Исследователи часто внимательно изучают мнения авторитетных лиц, полученные в результате многочисленных межличностных общений. Авторитетные мнения лучше всего определяются в подгруппах, и не все авторитетные лица выражают мнения каждой группы. Более пристальный взгляд на то, как авторитетные лица определяются людьми, вполне оправдан, если нам необходимо понять явление политической социализации с точки зрения целостности.

Один такой способ исследования пытается объяснить политические идеи в

нетрадиционных медийных текстах. Маки и Пардэн (1996) отмечают, что популярные образы превалирует в музыкальных видео, и они предоставляют возможность точного анализа религиозных и сексуальных образов в христианских видео фильмах, рок и кантри музыке. Авторы не пытаются анализировать культурную значимость, но многочисленность образов и идей требует рассмотрения этих явлений с точки зрения культуры. Конечно, можно поспорить с тем, что репрезентация религиозности, сексуальности и сексуального поведения имеют политическую подоплеку, следовательно, необходимо изучение явных политических идей и образов.

Политические идеи широко распространены в нетрадиционных СМИ; лидеры общественного мнения, такие как знаменитые музыканты и художники оказывают значительное влияние на некоторых людей. Таким образом, исследователи должны сконцентрироваться на явных и скрытых идеях в СМИ, которые на первый взгляд могут показаться неполитическими.

Сопrotивление ученых специалистов. Следуя логике этой позиции, необходимо ответить на вопрос: почему эта точка зрения не встретила широкого понимания в научных кругах. Существует несколько причин, почему ученые неохотно изучают проблему социализации, особенно, которая происходит за рамками отношений родителей и детей.

Первейшая проблема в исследовании идей, которые могут оказывать влияние на общество, связана с тем, что ученые специалисты, прежде всего, интересуются избирательными кампаниями. В США почти всегда происходят выборы, которые можно изучать. Кроме того, мы погружены в непрекращающуюся выборную кампанию, борьба в которой не прекращается с наступлением дня голосования, а продолжается все оставшееся время. Таким образом, абсолютное большинство проведенных исследователей концентрируется на постоянной избирательной кампании.

Более того, избирательная кампания и следующие за ней выборы дают ученым уверенность, которую другие способы исследования не дают. На пример, нет необходимости в том, чтобы изучение влияния идеи на выбор в пользу того

или иного кандидата происходило на фоне предстоящих выборов. Выборы дают гражданам импульс для более осторожного отношения к идеям даже в экспериментальных работах. Опрос граждан и выявление мнений кандидатов или представителей политических деятелей, а также анализ идей, оказывающих влияние на общественное мнение, не представляются столь насущными, если проводятся в какой-либо конкретный момент.

Существует также некоторое опасение, что всесторонний принцип социализации приведет к тому, что большая часть исследований в области политических отношений будет признана незаконной. Например, если специалисты возражают против того, что показателем принятия идеи является не фактические данные или убедительное заявление, а музыка, которую слушает гражданин, то, разумеется, ученые могут отказаться участвовать в большинстве исследований проводимых в последнее время. Ученые не хотят признавать, что наблюдения за политическими дискуссиями не имеют большой важности, вот почему ученые постоянно спорят об этой особой форме изложения идей.

И, наконец, исследование социализации – это постепенный подход к пониманию политического климата, политической активности и эффективности.

Поскольку мы знаем о ней относительно мало, ученым следовало бы начать с нуля. Например, дети в настоящее время общаются меньше со своими родителями, чем предыдущие поколения, потому что современные семьи имеют не один телевизор, и не два и, конечно же, больше телеканалов. В действительности, доступность средств информации для всех граждан значительно возросла. Кроме того, исследование необходимо постоянно повторять, чтобы оценить различия между поколениями. Иными словами, политическая социализация как область научных исследований чрезвычайно трудно осуществима.

Ответная реакция на сопротивление ученых специалистов. Настоящая работа не предлагает всем специалистам отказаться от выполнения текущих исследовательских программ и разработки теорий. Тем не менее, остается надеяться, что удастся убедить некото-

рых исследователей применять более передовую теорию социализации. В этой связи, важно обратиться к проблемам, изложенным выше.

Во-первых, предвыборная кампания является главным предметом исследования в политической коммуникации. Тем не менее, нельзя сказать, что постоянные выборы – это характерная черта демократических государств и большинства государств вообще. По этому, если бы нам требовалось проводить исследования только в США, то с применением данного подхода к социализации мы бы имели меньше всего проблем. Но, имея в виду, что политическая социализация происходит всегда и во всех странах, мы, однако, сосредоточимся на программах, приемлемых и для других стран, аналогичных США, но которые ретроспективно или с точки зрения прогнозирования будут полезны для любого государства.

Ученые должны вернуться к сути предмета исследования: коммуникации. Наша дисциплина является единственной, которая способна в полной мере изучить явление социализации. Предмет изучения коммуникации, в первую очередь, – это совокупность психологии, социологии, и социопсихологических теорий и исследований. По этому, мы привыкли использовать интегрированный, многоплановый подход в исследовании. Использование психологии и политических социологических теорий и исследований не должно показаться странным, а совершенно естественным. Более того, социализация должна иметь коммуникативную направленность. Благодаря подготовке, которую получают лица, квалифицируемые как специалисты в области коммуникаций, специалисты в области политических исследований, фактически являясь единственными в своем роде, должны быть способны проводить исследования в области политической социализации.

Другая проблема в связи с этим – это недостаток поощрений и обеспечения усилий ученых. Несомненно, польза перевешивает расходы. И это последнее утверждение подтверждается в новой модели вовлечения общества в политическую жизнь, политической социализации.

Глобальная модель социализации. Несомненно, если нам необходимо по-

нять: почему граждане ведут себя так, а не иначе, мы должны исследовать всю совокупность идей, которой они окружены. Это означает проведение тщательного анализа различий в плане социализации между активными участниками и людьми, которые относятся к политике скептически, республиканцами и демократами. Представленная здесь модель предложена и доработана Хайманом (1959). Хайман (1959) возражает против утверждения о том, что родители, сверстники и школа в значительной степени определяют отношение граждан к политике. Модель Хаймана скорректирована с учетом влияния масс-медиа.

Данная модель лучше предыдущих концепций политической социализации. Она подходит для изучения детской социализации и изменений взглядов и мнений взрослых. Иллюстрация модели в дальнейшем объяснит эту динамику.

Доля масс-медиа включает воздействие всех средств массовой информации на общество. Например, программы, которые смотрит человек, и музыка, которую он слушает, должны содержать явные и скрытые политические идеи. Очевидно, что родители делают выбор в политике и составляют свое мнение в раннем возрасте. Однако в более зрелые годы своей жизни родители могут изменять свои взгляды под более сильным влиянием. Школы могут оказывать большее влияние на ранних стадиях, а религия может оказывать большее влияние на более поздних стадиях.

Эта модель пригодна для многократных методологических исследований политических идей и показывает важность изучения явных и скрытых идей. Исследователи, проводящие количественный анализ, могут оценить, так сказать, сравнительный вес влияния идей на каждом этапе социализации общества. Напр., когда дети становятся старше, соотношение между их убеждениями и убеждениями родителей уменьшается. Более того, модель может предсказывать эти изменения и оценить, как скептическое отношение к политике или недоверие развиваются с течением времени.

Исследователи, проводящие качественный анализ, могут пролить свет на то, как граждане понимают политику и политическую активность, скрытые идеологические подтексты в повседневной речи.

Несомненно, эта информация является ценной, если нам необходимо всесторонне изучить современный политический климат. Кроме того, если бы политическая активность снижалась, это исследование могло бы дать объяснение, почему такие изменения происходят. По этому ученые, интересующиеся данным вопросом, должны придерживаться целостного подхода.

Заключение. Имеющиеся попытки понимания политической социализации с точки зрения коммуникации довольно редки. Вместо этого ученые концентрируются на традиционных СМИ, новых СМИ и молодых гражданах. Эти попытки имеют свою ценность. Тем не менее, мы должны признать, что политическая культура, как и любая другая грань общества, – это комбинация нескольких составляющих, которые формируют мнения, убеждения и взгляды.

Некоторое сопротивление ученых кругов к данному подходу объясняется в основном сегодняшним интересом к кампаниям и выборам, происходящим в тот или иной момент. Несомненно, настоящее исследование значительно помогает понять процесс политических кампаний, но не очень эффективно для верной оценки того, как граждане в государстве становятся скептиками, или политически активными, или безразличными. Возможность изменения программы по общественному введению, согласно которой родители должны будут обсуждать политические вопросы со своими детьми, и мотивация общества принимать участие в политических событиях – это лучший стимул для принятия участия в этом исследовании.

Если цель нашего исследования заключается не только в том чтобы объяснить и описать состояние политической коммуникации, а также в том чтобы оценить политический климат, мы должны быть в состоянии исследовать формирование и разрушение демократических идеалов в нашем обществе. Таким образом, исследование социализации не только даст ответы на современные нерешенные вопросы, но и возможно предотвратит бедствие. Исследование социализации потенциально может помочь сформировать будущее нашего политического общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Austin, E. W., & Nelson, C. L. (1993). Influences of ethnicity, family communication, and media on adolescents' socialization to. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 37(4), 419.

Calavita, M. (2003). Within the Context of Many Contexts: Family, News Media Engagement, and the Ecology of Individual Political Development Among 'Generation Xers'. *Communication Review*, 6(1), 23.

Chaffee, S., & McDevitt, M. (2002). From top-down to trickle-up influence: Revisiting assumptions about the family in political socialization. *Political Communication*(3), 281-301.

Garramone, G. M., & Atkin, C. K. (1990). Effects of negative political advertising on the political process. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 34(3), 299.

Holbert, R. L. (2005). A typology for the study of entertainment and television and politics. *American Behavioral Scientist*, 49, 436-453.

Hyman, H. H. (1959). *Political socialization: A study in the psychology of political behavior*. New York: The Free Press.

McKee, K. B., & Pardun, C. J. (1996). Mixed messages: The relationship between sexual and religious imagery in rock, country, and christian videos. *Communication Reports*, 9, 163-171.

Sotirovic, M., & McLeod, J. (2004). Knowledge as understanding: The information processing approach to learning. L. L. Kaid's *Handbook of Political Communication Research*, (pp. 357-394). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum & Associates.

Weimann, G. (1991). The influentials: Back to the concept of opinion leaders? *Public Opinion Quarterly*, 55(2), 267-279.

© Джейн Хенсон, 2007

© Наумова И. А. (перевод), 2007

Фелберг Т.

Осло, Норвегия

Перевод: Аникин Е. Е.

ПУТЬ СЕРБИИ В ЕВРОПУ ПО МЕТАФОРАМ ЗОРАНА ДЖИДЖИЧА

Abstract

Serbian (Slobodan Milošević had different political functions in the former Yugoslavia in the 80's and 90's. He was the president of Federal Republic of Yugoslavia when he lost elections in 2000. Federal Republic of Yugoslavia at the time, consisted of Serbia and Montenegro. In this article, only Serbia will be addressed.) politics changed noticeably after Slobodan Milošević lost power in October 2000. A new, different politician who spoke different political language took over and became Prime Minister in 2001. His name was Zoran Đinđić. As a politician, he was loved by some and hated by many during his political and economic reforms that lasted until his assassination on March 11, 2003. Energy, speed, knowledge and innovative use of political language were positive concepts connected with Zoran Đinđić. The aim of this paper (This is a pilot study preceding a bigger study that will include broader contextual analysis and analysis of other linguistic and semiotic resources used by Đinđić.) is to analyze the new conceptualization of Serbia and Europe and their rela-

tions through analysis of metaphors used by Zoran Đinđić in his speeches and interviews published in the book *Put Srbije u Evropu (Serbia's Road to Europe)* edited by Ivanović [2005]. The analyzed speeches and interviews were given in the period from 2001 to 2003. Analyzing metaphors in this paper is done using the critical metaphor theory developed within the cognitive linguistics paradigm. [Charteris-Black 2006; Chilton 2004; Klikovac 2004; Lakoff and Johnson 1980; Lakoff 1991; Musolff 2004].

Политическая ситуация в Сербии претерпела значительные изменения с тех пор, как Слободан Милошевич потерял власть в 2000 году. Совсем другой политик, использовавший иной политический язык, пришел к власти, став Премьер-министром в 2001. Его имя – Зоран Джинджич. Одни любили его – другие ненавидели из-за экономических и политических реформ, которые продолжались вплоть до его убийства 11 марта 2003 г. Энергия, быстрота, знание и нетрадиционные политический язык – это те позитивные характеристики, которые связывают с именем Зорана Джинджича. Целью данной работы является анализ нового способа концептуализации Сербии, Европы и их взаимоотношений посредством анализа метафор, использованных Зораном Джинджичем и опубликованных в книге «Путь Сербии в Европу» (*Put Srbije u Evropu*), которая была издана в 2005 г. [Ivanović 2005]. Рассмотренные тексты относятся к периоду с 2001 по 2003 г. Анализ метафор в данной работе осуществляется на основе концепции критической метафоры, разработанной в рамках парадигмы когнитивной лингвистики [Charteris-Black 2006; Chilton 2004; Klikovac 2004; Lakoff and Johnson 1980; Lakoff 1991; Musolff 2004].

Фон. 1990-е годы стали сложным периодом для стран, составлявших бывшую Югославию. Войны принесли много смерти и разрушенных семей, огромные материальные потери, так же как и продолжительную политическую, экономическую и социальную нестабильность. Вследствие агрессивной политики Слободана Милошевича, Сербия подвергалась жесткой критике и бойкоту. Изоляция от других стран, кроме иных факторов, осложнила задачу оппозиции по свержению Милошевича. Одной из ярких фигур в оппозиции являлся Зоран Джинджич.

Политическая карьера Джинджича началась в его студенческие годы в 70-х. Он критиковал существовавшую тогда политическую систему и был вынужден покинуть страну. Он уехал в Германию, где получил степень доктора философии, а его научным руководителем был Юрген Хабермас. В 1989г. он вернулся в Белград и вместе со своими друзьями организовал Демократическую Партию (*Demokratska Stranka*). Поскольку Джинджич встал в жесткую оппозицию Милошевичу, его идентичность в СМИ строилась на основе противопоставления личности Милошевича. Дихотомии: новое vs. старое, социалист vs. демократ, медленный vs. быстрый, старомодный vs. современный – представляли Джинджича в СМИ превосходящим своего конкурента. После 72-дневной студенческой акции протеста в Белграде он стал мэром Белграда в 1997 г. Во время бомбардировок НАТО Федеративной Республики Югославия в 1999 г. ему пришлось скрываться в Черногории из-за возможной попытки его устранения правительством Милошевича. Он вернулся в Белград, чтобы стать ключевой фигурой во время Пятой Революции, свергнувшей Милошевича. Он также причастен к направлению Милошевича в Международный Трибунал по бывшей Югославии в Гааге (2001 г.).

Джинджич был политиком, которого любили и ненавидели многие в Сербии. Некоторые аналитики определяли его как “политика нового типа, критиковавшего старые порядки, сербский менталитет, медленное реформирование системы, коррупцию и преступность”. Другие клеймили его как предателя, оппортуниста и шпиона.

В данной работе мы сконцентрируемся на положительной оценке Джинджича. С его именем связывают энергию, скорость, знания и новый политический язык. Он был хорошим оратором и рекомендовал себя благодаря своему свежему, прямому и необычному стилю речи. Наш анализ фокусируется на политическом языке Джинджича, особенно на употреблении им метафор, внесших вклад в концептуализацию Сербии и Европы в их взаимоотношениях.

Теоретические предпосылки и методологическая основа. Данное исследование проведено в традициях теории

критической метафоры, разработанной в рамках когнитивно-лингвистической парадигмы. В когнитивной лингвистике метафора понимается не только как способ применения языка, но и как средство концептуализации. Другими словами, метафора представляет “понимание одной концептуальной сферы в терминах другой концептуальной сферы” [Kövecses 2002]. Одна из этих концептуальных сфер называется сферой-источником, а другая – сферой-мишенью. Конкретное помогает понять абстрактное. Например, в рассмотренных текстах страны и континенты (сфера-мишень) концептуализируются как личности (сфера-источник). Как и люди, страны вступают в социальные отношения с другими странами/людьми, завязывают дружбу и наживают врагов, отправляются в путь, могут заболеть и т.д. Данный подход значительно отличается от ‘традиционного’ Аристотелевского понимания метафоры как стилистического приема (Критику понимания метафоры Аристотелем см.: [Givón 2005]). Метафора в нашем понимании – это средство концептуализации [Lakoff & Johnson 1980; Charteris-Black 2006; Chilton 2004; Kļikovac 2004; Lakoff 1991; Musolff 2004 и т.д.].

Метафоры в политическом дискурсе. Так как метафоры имеют концептуальную природу, они могут оказывать влияния на наши мысли, действия и отношения. Данная возможность структурирования опыта через метафоры имеет чрезвычайное значение для политического дискурса. Сложные политические ситуации становятся проще для понимания в случае использования метафор, т.к. они облегчают интерпретацию действительности посредством высвечивания одних признаков и одновременного затенения других качеств. Роль метафор в политической жизни Сербии и Черногории активно обсуждалась в период после убийства Зорана Джинджича в 2003 г. Он пытался изменить положение дел в Сербии и Черногории с помощью использования свежих метафор. Это отличало его от Милошевича, который использовал старые метафоры, что убивало политическую осведомленность [Billig and Mac-Millan 2005] и способствовало сохранению статус-кво [Radanović-Felberg в публикации].

Существование связи между мета-

форами и политическим дискурсом было отмечено во многих исследованиях [Lakoff 1996, Chilton 2005, Musolff 2004, Bugarski 1997, Charteris-Black 2006, Будаев и Чудинов 2006]. Во всех этих работах продемонстрировано, что метафоры являются важными ресурсами, помогающими политикам конструировать собственную версию реальности.

Метафоры в политическом дискурсе употребляются для достижения различных целей. Двумя важными стратегиями, выделенными Хартом [2006], являются референциальная стратегия и стратегия оценивания. Референциальная стратегия используется в дискурсе для представления социальных действующих лиц в определенном контексте. Данная стратегия включает конструирование и поляризацию групп “свои – чужие”. Стратегия оценивания проявляется в позитивном представлении группы “своих” и в негативном представлении группы “чужих”.

Основу анализа составляют речи, интервью и доклады Джинджича за период с 2001 по 2003 г., собранные в книге «Путь Сербии в Европу» (*Put Srbije u Evropu*). В данном исследовании не проводился количественный анализ, но его проведение предполагается при продолжении проекта.

Некоторые общие характеристики политического языка Джинджича. Джинджич являлся политиком, который открыто и прямо говорил о проблемах, и его стиль речи часто комментировали в СМИ. Другие политики также пытались “употреблять метафоры в стиле Джинджича и копировать его жестикуляцию, мимику и стиль речи” (Skrozza 2007). Джинджич полагался на свежие метафоры. В качестве примера приведем одну часто цитируемую метафору: “Если Вам надо проглотить лягушку, не надо смотреть на нее, просто глотайте. Если же лягушек несколько, начните с самой большой” (При проведении неформального, личного исследования среди знакомых в Белграде метафора с лягушкой была выявлена в качестве новаторской метафоры). Подобные метафоры хорошо запоминались и закреплялись. Они продолжают интертекстуальную жизнь в различных типах дискурса. Поиск в системе Google с заданными параметрами Зоран Джинджич и лягушки (*žabe*) выдает до 300 результатов.

Еще одной характеристикой использования метафор Джинджичем являлись дополнительные разъяснения через примеры, которые он приводил, особенно если метафоры требовали фоновых знаний для понимания. Вероятно, Джинджич обращался к аудитории с различным уровнем образования, когда использовал этот прием. Например:

а) То je bila prava rašomonijada (Сербизированное слово *рашомонеада* образовано от названия фильма Рашомон, снятого японским режиссером Акиной Курасавой в 1950 г. В фильме четыре человека дают четыре разных версии одного трагического события – убийства и изнасилования. Существование одной правды ставится под сомнение), *svako je drugačije video stvari, zavisno od toga iz kog je ugla gledao.* (247 (Цифры в скобках обозначают номера страниц в основном источнике *Путь Сербии в Европу* [Иванович 2005]))

То был Рашомонеанский период, каждый видел вещи по-разному в зависимости от угла зрения (Предлагается почти дословный перевод. Его цель – максимальная приближенность к оригиналу).

Джинджич мог бы остановиться на употреблении метафоры Рашомонеанский, предположив осведомленность аудитории о метафорическом значении фильма Рашомон, но он продолжил объяснения.

Подобный случай мы видим и в следующем примере:

б) *Zbog toga naša nacionalna istorija ponekad podseća na Sizifov posao.* Kamen je uz velike žrtve doguran skoro do vrha, ali onda proradi neki usud i sve se vraća na početak. (26)

Поэтому история нашей нации иногда напоминает Сизифов труд. С огромным трудом, камень все же затащили на вершину, но затем – внезапный жизненный поворот и все возвращается к началу.

Огромное значение имели тон голоса Джинджича, его жесты, мимика, энергия и харизма, но мы не обращаемся к ним в данном исследовании.

Наиболее важной темой в политической повестке Джинджича являлось вхождение Сербии в Европу. Далее я продемонстрирую концептуализацию Сербии, Европы, а также пути Сербии в Европу посредством анализа некоторых из метафор, использованных Джинджичем.

Сербия. В анализируемых речах Джинджича, Сербия концептуализировалась посредством олицетворения, т.е. метафоры ГОСУДАРСТВО – ЭТО ЧЕЛОВЕК. Как и человек, Сербия может играть, двигаться, болеть и выздоравливать.

а) Сербия на качелях между Западом и Востоком

Географически позиционируя Сербию между Западом и Востоком, Джинджич одновременно позиционирует ее и метафизически (см. пример 1). Данный тип позиционирования предполагает такую дискурсивную модель, при которой Сербии необходимо сделать односторонний выбор – либо Восток, либо Запад. Таким образом, активизируется старое, времен холодной войны деление мира. Неспособность выбрать одну из сторон в данном контексте означает неспособность продолжить прогресс. Данный момент подчеркивается употреблением метафоры качелей (пример 1). Когда дети катаются на качелях, один находится сверху, другой – снизу. Позиции меняются. Положение в середине не доставляет удовольствия никому. Таким образом, возможность комбинирования Западной и Восточной идентичности, на самом деле, отсутствует и, как следствие, нежелательна. Далее Запад представлен только с положительной стороны с помощью таких прилагательных, как быстрый, открытый, динамичный, тогда как Восток (Концепт Востока имеет сильную негативную эмоциональную коннотацию – он актуализирует долгую борьбу Сербии против турецкого правления. Как и в русском языке, в сербском существует только одна лексема для обозначения понятия Восток (в отличие от английского, где мы встречаем лексемы “Orient” и “East”)) концептуализирован негативно и с подозрением (примеры 2 и 3). Решение проблемы предъясняется в виде Демократической Партии, ‘очищенной от восточных ценностей’ (пример 3). Таким образом, Демократическая Партия берет в союзники западные ценности и становится членом группы “своих” Джинджича.

1. *Još od Prvog srpskog ustanka, Srbija je puna dva veka neprestano na klackalici između Orijenta i Zapada. Na jednoj svojoj unutrašnjoj klackalici, unutar gotovo svakog pojedinca i naroda kao celine. Zapravo, svi najvažniji poli-*

tički sukobi u Srbiji se prelamaju oko toga gde nam je mesto: na Istoku ili Zapadu? (41)

Со времен Первого Сербского восстания Сербия находится на качелях между Востоком и Западом. На своих собственных внутренних качелях, которые присущи каждому человеку и народу в целом. Действительно: все самые серьезные политические конфликты в Сербии возникают из-за вопроса о том, где наше место – на Востоке или на Западе?

2. .. *ali dubinski u Srbiji, i u sistemu vrednosti i u ponašanju, još uvek postoji dijalektika Istok-Zapad. Pri čemu je Istok ovde nešto sporo, nešto 'videćemo', jedan sumnjičavi stav, a Zapad nešto brzo, otvoreno, dinamično. I to još nije prelomljeno u srpskom nacionalnom biću.* (91)

... но глубоко внутри, в системе ценностей, определяющих поведение, до сих пор существует диалектика Востока-Запада. Восток есть что-то медленное, что-то типа "по-смотрим", какие-то подозрения, тогда как Запад представляет собой нечто быстрое, открытое и динамичное. И это противоречие не решено в существовании сербской нации.

3. *Tek onoga trenutka kad smo mi (Demokratska partija (Комментарии автора)) uspeli da se pozicioniramo kao proevropska alternativa, i bili očišćeni od svega orijentalnog, mi smo i u narodu postali jasno prepoznatljivi kao ozbiljna alternativa.* (42)

Только после того, как мы (Демократическая Партия) сумели позиционировать себя как про-европейскую альтернативу и очистить себя от всего восточного, народ также признал нас в качестве серьезной альтернативы.

b) Сербия – пациент, Джинджич – доктор.

Способом аналогии, Джинджич ставит Сербии диагноз (примеры 4-10). Состояние болезни настолько же нежелательно для страны, насколько нежелательно оно для человека. Когда человек узнает, что он болен, он обычно идет за помощью к врачу. То же самое можно отнести и к стране. Джинджич считает себя этим столь необходимым доктором (пример 6). Серьезность заболевания, мучающего Сербию, подчеркивается тем фактом, что прописанный метод медицинского вмешательства – операция, что предполагает необходимость хирурга (пример 6) или психиатрический сеанс, предполагающий наличие психиатра (пример 7). Болезнь так же связана с новыми временами (пример 5). Выводы из данной метафоры представлены в таблице 1.

СФЕРЫ	КАТЕГОРИИ	ВЫВОДЫ
-------	-----------	--------

	общие	специфические	
ИСТОЧНИК	Организм (человек)	Специфическая часть тела	Организм состоит из нескольких частей, которые иерархически организованы
		Здоровье/болезнь	Организм может заболеть и тогда ему необходимо медицинское лечение с целью гарантированного выживания.
МИШЕНЬ	Сербия	Институциональный центр Периферические политические единицы, т.д.	Сербия состоит из нескольких частей, которые иерархически организованы.
		Политический кризис	Сербия может заболеть – т.е. стать нефункциональной (вследствие воздействия различных агентов) и тогда, чтобы выжить, ей понадобится помощь врача.

Таблица: Метафора организма (болезни) и выводы из нее согласно Musolf (2004)

Здоровье далее связано с Западной Европой и, следовательно, болезнь Сербии связана с Восточной Европой.

4. *Naša država se može uporediti sa bolesnikom čiji je organizam propao. Od pre dve godine se može videti da se njegovo stanje popravlja, ali on još ne može da živi bez aparata koji ga održavaju u životu.* (138)

Нашу страну можно сравнить с пациентом, организм которого разрушен. За два последних года ее состояние начало улучшаться, но она все равно не может жить без аппарата жизнеобеспечения.

5. *Mi smo, praktično, jedna ostarela nacija, prilično iscrpljena, nacija iz koje je veliki deo ljudi otišao i nije se vratio, a oni koji su ostali nisu baš, da tako kažem, zmajevi.* (90)

Практически говоря, мы – старая, измученная, нация, большое количество представителей которой покинуло ее и не вернулось, а те, кто остался, так скажем, не драконы.

6. *Svakog dana govorim ljudima: ja sam lekar. Ne morate da me volite, ali treba da mi verujete da ću ovu operaciju profesionalno obaviti. Neće vam odjednom biti bolje, ali će zemlja ozdraviti.* (158)

Каждый день я говорю людям: я – доктор. Вы не обязаны любить меня, но Вы должны верить, что я проведу данную операцию профессионально. Вам не станет моментально лучше, но страна станет здоровой.

7. *Nama bi bilo bolje da u Beogradu započnemo kolektivnu terapiju i da kroz proces protiv Miloševića organizujemo savladavanje prošlosti.* (159)

Нам в Белграде лучше бы начать коллективную терапию и именно через процесс над Милошевич мы пытаемся разобраться в на-

шем прошлом.

8. *Još su nam rekli da su takvi principi Zapada. To je kao da odlučite da teško obolelom dajete lekove tek pošto bude mrtav.* (186)

Они сказали нам, что таковы Западные принципы. С таким же успехом Вы бы могли дать лекарство тяжело больному после того, как он уже умер.

9. *.. ukoliko odmah ne dobijete finansijsku injekciju, doći do demonstracija i socijalnih nemira, jer nećemo biti u stanju da ispunimo svoja obećanja.* (186)

... если мы сейчас же не сделаем финансовую инъекцию, будут демонстрации социального недовольства, из-за того, что мы не можем выполнить наши обещания.

10. *Na žalost, verujem da u prelaznim fazama, dakle, u fazama bolesti, kada se izvode operacije, hirurzi nisu veoma popularni. Oni postaju popularni naknadno, kada operacija uspe.* (241)

К сожалению – это мое убеждение – на переходных этапах, в фазах болезни, когда проводятся операции, хирурги не очень популярны. Они становятся популярными позже, когда операция успешна.

с) Сербия – футбольная команда, Джинджич – тренер.

Мы увидели, что Джинджич определяет состояние Сербии как тяжелое, прибегая к метафоре болезни. С другой стороны, он также активизирует положительное умозаключение из данной метафоры – человек, т.е. страна, могут пойти на поправку. В своих речах он давал различные примеры способов излечиться от болезни – экономические, политические и социальные реформы. Для того чтобы сделать эти общие концепции доступнее народу, Джинджич прибегал к игровой метафоре. Сербия концептуализировалась как футбольная команда, которой необходимо тренироваться, чтобы побеждать. Джинджич является тренером (пример 11), и если игроки слушают тренера и осознают свои слабые стороны, они добиваются успеха. Это один из многих случаев, когда Джинджич указывал на собственные слабости и ошибки Сербии. Большинство людей в Сербии неохотно принимают самокритику, и это могло быть одной из причин того, почему Джинджич не был популярен.

11. *Ja sebe ne vidim kao nekog ko vlada, već kao trenera jednog tima koji posle deset godina bez treninga iznenada treba da igra na svetskom prvenstvu.* (159)

Я не вижу себя в качестве правителя, скорее, в качестве тренера команды, которой после десяти лет без практики необходимо

сыграть на мировом чемпионате.

12. *Na isti način kao što fudbalski tim, koji sjajno igra u prvom poluvremenu, a uvek izgubi utakmicu u drugom, ne može zahtevati da se ukine drugo poluvreme, nego on sam treba da uvidi svoje slabosti i zablude, da promeni svoj trening i da postane spreman da celu utakmicu odigra istim tempom i kvalitetom.* (21)

Точно также, как футбольная команда, которая фантастически проводит первый тайм и всегда проигрывает игру во втором, не может просить о том, чтобы второго тайма не было; команде необходимо осознать свои собственные слабости и просчеты для того, чтобы изменить свою практику и сделаться способной играть всю игру в одном темпе и с тем же качеством.

Выводы. Этот небольшой обзор некоторых из наиболее ярких метафор в речах Джинджича продемонстрировал нам, каким образом Джинджич использовал метафоры с целью позиционирования и оценивания Сербии. Состояние страны оценивается как предельно тяжелое, в первую очередь, благодаря метафорам организма/болезни (болезнь представляет собой переходное состояние), а также посредством позиционирования Сербии через восточную/западную категории, также представляющую ее в негативном свете. Вместе с тем существует выход из затруднительного положения, вполне возможно излечение пациента, излечение Сербии. В качестве куратора лечебного процесса предстает сам Джинджич и его Демократическая Партия.

Европа. Европа концептуализируется позитивно: она соответствует норме (пример 15), отличается хорошим здоровьем и демократичностью. Позитивные чувства в отношении Европы проявляются также при концептуализации ее в качестве семьи (пример 13, 14). Образ Европы создается на контрасте с больной, ненормальной, традиционной, недемократической и разобщенной Сербии.

Европа метафорически концептуализируется как кислород, без которого, как мы знаем, люди не могут жить. С другой стороны, Сербия представлена как человек, который кем-то (Под этим кем-то подразумевается коммунизм, что имплицировано пресуппозициональной фразой “в течение 50 лет”) был лишен кислорода и теперь задыхается (пример 13), для сохранения жизни необходима интеграция (пример 16)

13. *Kao čoveka koga drže pod vodom 50*

godina, u njegovoj želji da dođe do vazduha, do kiseonika, tako i Srbiju, ne može ništa da zaustavi na tom putu do kiseonika, a to je Evropa, to je porodica demokratskih, modernih, razvijenih zemalja... (10)

Подобно человеку, которого 50 лет поддерживали под водой и потому жаждущему кислорода, Сербию ничто не может остановить на пути к кислороду, и этот кислород – Европа, т.е. семья демократических, современных, развитых стран.

14. *Evropa danas polako postaje jedna porodica – svi centri koji su nekada destabilizovali Balkan su blizu integracije i nikada evropske 'zvezde' nisu bile tako pogodne za Balkan.* (123)

Сегодня Европа медленно становится одной семьей – все центры, которые destabilizovali Балканы, близки к интеграции в Европу и никогда ранее европейские звезды в такой степени не благоволили Балканам.

15. *Ponovo smo normalni. Ponovo smo se priključili Evropi.* (175)

Мы снова пришли в норму. Мы вновь связаны с Европой.

16. *Ubacili smo u igru magičnu reč 'evropska integracija' i u roku od nekoliko meseci je ovaj cilj u anketama ocenjen od neutralnog ka pozitivnom.* (70)

Мы бросили волшебное слово евроинтеграция в игру и в за несколько месяцев, согласно опросам, оценка данной цели прошла путь от нейтральной до положительной.

Географически контекстное значение Европы не включает Сербию, так как предполагается, что Сербия должна быть интегрирована в (примеры 14, 15) или связана с Европой. Европа также не включает Балканы (14), что ведет нас к выводу, что Европа на самом деле означает Европейский Союз (вне новых членов из Восточной Европы).

Выводы. Европа в речах Джинджича выстраивается в позитивный образ посредством ее персонификации в качестве нормального, здорового человека, надежной семьи или кислорода, необходимого как воздух. Сербия и Балканы противопоставлены Европе как противоположность. Контекстное значение понятия Европы не включает Сербию, т.е. Европа географически урезана до рамок Европейского Союза.

Путь Сербии в Европу. Целью Демократической Партии и Джинджича являлось вступление Сербии в Евросоюз. Данный процесс концептуализировался как путь. Сценарий пути включает следующие элементы:

МЕТАФОРА ПУТИ согласно [Musolff 2004]

- Политический процесс (переход в Сербию) представляет собой путь из пункта отбытия (старой политической системы, унаследованной от Милошевича) до цели/пункта назначения (Европа – Евросоюз - демократия) по определенной дороге или нескольким дорогам (экономические, социальные и политические реформы в Сербию)

- Политической подоплекой, мешающей реализации реформ, являются барьеры (экономические, политические и социальные проблемы) на пути – правильном или ложном – заводящие в тупик (политический статус кво или возврат к старой системе)

- Участники политического процесса являются путниками (Демократическая Партия, Джинджич, народ), вместе путешествующими по одной или нескольким дорогам (экономических, социальных и политических реформ)

- Степень включенности участников в политический процесс определяется скоростью, с которой они путешествуют (непрекращающиеся требования Джинджича проводить реформы быстрее)

Как мы видели в параграфе, посвященном Сербии, Сербия концептуализировалась как больной, нуждающийся в лечении. Под лечением понимаются реформы, проводимые доктором – Демократической Партией и Джинджичем. Предполагается, что после выздоровления Сербия присоединится к Европе. Данный процесс концептуализируется как путь по дороге или на поезде (примеры 20, 24), как в пространстве, так и во времени. В пространстве путешествие начинается с Востока, характеризуемого негативно, в направлении Запада, характеризуемого позитивно (пример 22). Во времени, путешествие происходит в истории (пример 17), где прошлое оценивается негативно как что-то, от чего необходимо отказаться, а будущее – позитивно, как нечто, связанное с европейскими ценностями (Концептуализация времени зачастую реализуется через концептуализация пространства).

Само путешествие оценивается как тяжелое, а препятствиями на пути считаются внутренние экономические и социальные проблемы (пример 19). Про-

водником выступает Демократическая Партия, концептуализированная как лидер (пример 21) или как мост на Запад (пример 22). Демократическая Партия быстро движется по этому пути и элементы, замедляющие ее скорость, оцениваются отрицательно (пример 23).

17. *Na 200 godina Prvog srpskog ustanka mi treba da zaokružimo tu predistoriju i da uđemo u svoju novu istoriju. Naša nova istorija je Evropska zajednica, evropska integracija.* (53)

К 200-летию юбилею Первого Сербского восстания мы должны провести черту под этим доисторическим периодом и начать свою собственную новую историю. Наша новая история – это Евросоюз, евроинтеграция.

18. *Naš cilj je bio i ostao evropska Srbija. To znači zdrava ekonomija, dobra radna mesta i plate, efikasni sistemi zdravstva i školstva, bezbednost granica i bezbednost građana na ulicama.* (101)

Нашей целью была и остается европейская Сербия. Это означает здоровая экономика, хорошие рабочие места и зарплаты, эффективные системы здравоохранения и образования, надежные границы и безопасность граждан на улицах.

19. *Mi se kao i Vlada Srbije i kao narod nalazimo na jednom vrlo uskom putu kroz Scilu i Haribdu. Scila je jako loše stanje naše ekonomije koja nije u stanju da proizvede veći nacionalni proizvod a Haribda – to su veliki socijalni izdaci ostarelog stanovništva sa milion i tristo hiljada penzionera... Na tom tankom, uskom putu moramo da napredujemo i zbog toga je važno da se ljudima u Srbiji objasni da reforme koje mi sprovodimo ne mogu odmah da donesu rezultate...* (12)

Мы, как правительство Сербии и как народ, идем по очень узкой дороге между Сциллой и Харибдой. Сцилла – это ужасное состояние экономики, неспособной производить больше национального продукта, а Харибда – высокие затраты на социальные выплаты пожилым гражданам (количество пенсионеров составляет миллион триста тысяч). Мы должны продвигаться по тоненькой крошечной тропинке и потому важно объяснить людям в Сербии, что проводимые нами реформы не могут принести немедленных результатов.

20. *U Evropu danas, u stvari, vode tri puta. (politički, ekonomski, jačanje javnih servisa* (Комментарии автора))

На самом деле существует три дороги, ведущие в Европу (политические, экономические и укрепление общественной службы).

21. *Naš zajednički cilj jeste da Srbiju doveđemo u Evropu.* (158)

Наша общая цель состоит в том, чтобы привести Сербию в Европу.

22. *Druga mogućnost bila je da krenemo u*

rizičnu operaciju investicija u budućnost, nedvosmisleno se okrećući prema Zapadu. Da, dakle, budemo onaj most koji će Srbiju konačno povezati sa Zapadom, bez ikakve garancije da ćemo u tome ikad uspeti. Hteli smo, dakle, da preuzmemo na sebe ulogu da budemo most koji je krenuo ka drugoj obali, ali je stalno visio u vazduhu, jer je ta druga obala bila isuviše daleko – na Zapadu. (32)

Другой возможностью было движение в направлении рискованной затеи инвестирования в будущее, безвозвратный поворот на Запад. Статья тем мостом, который в конце концов соединит Сербию с Западом без гарантий успеха. Мы хотели взять на себя роль этого моста, моста, который начал движение в сторону другого берега, но постоянно оставался подвисшим в воздухе, потому что другой берег был слишком далеко – на Западе.

23. *Nas demokrate da je neko pitao u merodavnom smislu ovih godinu dana ne bi bilo kočenja i bilo bi brže. Ali ne žalimo se. Ono što želimo jeste – kada ubrzavamo, kada pretičemo, dajte da sve snage skoncentrišemo na kretanje napred. A u naredne tri godine moramo da pretičemo jer smo mnogo zaostali. Ja sam siguran da vi ovde imate dovoljno snage da još dodate gas. Našim međunarodnim prijateljima kažem – vrlo brzo ćemo vam se pridružiti u Evropskoj zajednici i onda ćete videti šta je brzina u Srbiji.* (54)

Нас, демократов, часто спрашивают: а могло ли все пройти быстрее, если бы не было этого разлома? Но мы не жалуемся. Мы хотим того, чтобы – когда мы пойдем быстрее, когда мы возьмем власть – Вы бы позволили нам сконцентрировать все наши усилия на движении вперед. И в течение ближайших трех лет нам необходимо взять власть, потому что мы слишком отстали. Я уверен, что у всех Вас здесь присутствующих достаточно сил, чтобы добавить газа. Я говорю нашим международным друзьям: “Очень скоро мы вступим в ЕС, и Вы увидите скорость Сербии”.

24. *Onda bi trebalo da pokušamo da sarađujemo na regionalnom nivou, da pokažemo Evropi da smo zreli za Evropu, da ne želimo sami da uđemo u taj voz, već da smo sposobni da zajednički rešimo svoje probleme.* (71)

Значит, мы должны сотрудничать на региональном уровне, чтобы показать Европе, что мы созрели для нее, что мы не просто хотим влезть в поезд, но вместе с тем способны решать наши проблемы вместе.

Данный тип концептуализации отношений между Сербией и Европой заметен в одной из частей сегодняшней политической жизни Сербии (2007). Сербия до сих пор идет в Европу, до сих пор существуют преграды на этом пути, а Де-

мократический блок – как он называется – до сих пор остается инициатором, движущей силой и организатором этого путешествия.

Выводы. Убитый Премьер-Министр Сербии Зоран Джинджич обозначил прорыв в политической жизни после Милошевича. Этот прорыв так же проявился через использование новых политических метафор. В фокус данной работы вошли функции некоторых из данных метафор, способствовавших концептуализации Сербии, Европы и отношений между ними.

Метафоры, использованные Джинджичем, также способствовали созданию групп “чужих” – “своих” посредством референциальных и оценивающих стратегий. Группа “своих” (включая Демократическую Партию и самого Джинджича) отождествляется с демократичной, динамичной, современной Западной Европой, тогда как группа “чужих” характеризуется как медлительный, недемократичный, старомодный Восток. Так как Сербия содержит в себе элементы, принадлежащие как первой, так и второй группам, она метафорически концептуализирована как больной человек. Устранение элементов группы “чужих”, ассоциируемых с Востоком, ведет к выздоровлению Сербии и создает предпосылки для ее пути к демократии, т.е. в Европу. Таким образом, Сербия движется, а Европа неподвижна. Европа концептуализирована как цель, и Сербия идет к этой цели. Стратегии оценки, использованные Джинджичем, служили маркером позитивного движения в сторону Запада. Политические изменения концептуализированы как движение вперед, и вступление в Евросоюз представлено единственным способом выживания и успеха Сербии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric; The Persuasive Power of Metaphor - Basingstoke/New York: Palgrave Macmillan, 2006.

Chilton, P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice. - London: Routledge, 2004.

Givón, T. Context as Other Minds; The Pragmatics of Sociality, Cognition and Communication. - Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005.

Hart C. Containers, conceptual blends and discourse space in immigration metaphors: referential and evaluative strategies, paper given at CADAAD, University of East Anglia <http://www.cadaad.org/files/WebBook%20of%20Abstracts.doc> – 2006.

Ivanović Ž. (ed.) Put Srbije u Evropu, Dr Zoran

Đinđić - Beograd: Trag, Drašlar partner, 2005.

Klikovac D. Metafore u mišljenju i jeziku - Beograd: XX vek, 2004.

Kövecses Z. Metaphor, a Practical Introduction - Oxford: Oxford University Press, 2002.

Lakoff G. Metaphor in Politics: an Open Letter to the Internet from George Lakoff. <http://philosophy.uoregon.edu/metaphor/lakoff-1.htm>, accessed 8.12.1996.

Lakoff G. and Johnson M. Metaphors We Live By - Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Musolff A. Metaphor and Political Discourse: Analogical Reasoning in Debates about Europe - Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.

Skrozza T. Političko nasleđstvo Zorana Đinđića // Vreme, 15.3.2007. P. 12-18.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Историческая динамика политической метафоры // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика, выпуск 19, 2006. С. 50-61.

© Фелберг Т., 2007

© Аникин Е. Е. (перевод), 2007

Шейгал Е. И.

Волгоград, Россия

МНОГОЛИКИЙ НАРРАТИВ

(Исследование осуществлялось при поддержке Образовательного фонда Американской ассоциации женщин – университетских преподавателей (American Association of University Women Educational Foundation)).

Abstract

The paper aims to present the analysis of usage and to reveal the variety of meanings of the term «narrative» in the British and American political discourse. This allowed to specify the structure, types and functions of narrative. The author concludes that in the contemporary British and American political discourse the term «narrative» retaining its semantic connections with the original meaning «a story, a description of events» acquires a variety of new meanings: «a motto, a concept, an idea, a doctrine, an explanation, a version, a myth, a stereotype».

Для политического дискурса характерно наличие смысловых доминант, выступающих в роли центров притяжения, вокруг которых разворачивается дискурс (дискурс конкретного политика, дискурс политической проблемы, дискурс политического события и т.п.). Эти доминанты обладают порождающей силой, генерируют дискурс определенной идеологической модальности, определяют направления его развертывания.

Для обозначения способов экспликации смысловых доминант используются термины *ключевое слово, лозунг, слоган, идеологема, мифологема, slogan, catch phrase*. В последнее время этот ряд пополнился термином *narrative (нарратив)*.

В традиционном понимании *нарра-*

тив определяется как текст, описывающий некую последовательность событий; то же, что *история, рассказ, повествование*. Д. Шифрин определяет нарратив как «форму дискурса, через которую мы реконструируем и репрезентируем прошлый опыт для себя и для других» [Schiffrin 2006: 321].

Исследователи нарратива в социолингвистике разграничивают повествование как текст и как процесс [Labov 1972; Fairclough 1995, Schiffrin 2006]. В классической работе У.Лабова по структуре устного нарратива рассказывание истории включает не только сюжетные, но и несюжетные элементы, связанные с интерпретацией истории рассказчиком и ее восприятием аудиторией (Labov 1972).

Восьмидесятые годы XX века ознаменовали собой начало «нарративного поворота» в социальных науках, лейтмотивом которого стало утверждение, что функционирование различных форм знания можно понять только через рассмотрение их нарративной, повествовательной, природы (Лиотар 1998). Нарративный поворот связан с осознанием важности повествования в человеческой жизни. Не вызывает сомнения значимость нарратива не только в художественной литературе и ораторском искусстве, но в научном дискурсе и в бытовом общении. В обыденной жизни люди часто прибегают к нарративу как к средству придания смысла или осмысления действительности.

Нарратив предстает как своеобразное окно в индивидуальный человеческий опыт (взгляд на мир глазами автора-рассказчика), как особая эпистемологическая форма – окружающая реальность может быть освоена человеком только через повествование, через истории (Ochs and Capps 1996; Троцук 2004). «Нарративы играют роль линз, сквозь которые независимые элементы существования рассматриваются как связанные части целого. Они задают параметры повседневного и определяют правила и способы идентификации объектов, которые подлежат включению в дискурсивное пространство» (Розенфельд 2006).

Предложенный в свое время автором для анализа политического дискурса подход к нарративу коррелирует с понятием сверхтекста. Под политическим нарративом понимается совокупность

дискурсивных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определённого политического события (Шейгал 1998). В качестве политического нарратива-сверхтекста рассматривается избирательная кампания, политический скандал, парламентские дебаты по определенной проблеме. Политическому нарративу-сверхтексту присущи такие характеристики, как общественная значимость сюжета, сюжетная двуплановость (денотативный прототип нарратива и сам нарратив как коммуникативное событие), сочетание первичных и вторичных текстов (дискурс-стимул и дискурс-реакция), множественность повествователей и, в связи с этим, сочетание содержательного единства с множественностью модальных установок.

Термин *нарратив* очень активно фигурирует в американском и британском политическом дискурсе последних лет, причем содержание понятия «нарратив» в современном политическом дискурсе значительно расширилось. Б. Робертс отмечает, что *нарратив* используется в связи с политической биографией и автобиографией, рассказам о политических репрессиях и преследованиях, повествованием из области политической истории, политической аналитикой, системой политических взглядов и др. (Roberts 2002).

Противопоставляя нарратив слогану, Д.Бойл характеризует его как «модное словечко» политического маркетинга (a marketing buzzword), которое в силу своей новизны еще не успело утратить воздействующую силу. Оно возникло в ответ на возрастающее неприятие публикой политического пиара. Хотя политики уделяют много внимания поиску сильных, воздействующих слоганов, но народ выработал против них иммунитет, слоганы утратили свою силу убеждения, стали семантической пустышкой. Люди не доверяют рекламе и слоганам, но к историям они все еще прислушиваются (Boyle 2005).

Д. Бойл справедливо полагает, что важным свойством нарратива является его «объяснительность»: «It provides an explanation for the policies we have, a way of remembering and believing them!». Значимость «объяснительной силы» как конститутивного признака нарратива отмечает также и Дж. Веллеман, который полагает, что его можно в принципе охарак-

теризовать как жанр объяснения. «Нарратив не просто излагает события, но делает их доступными для понимания, систематизирует причинно-следственные связи» (Velleman 2003).

Доступность для понимания обеспечивается тем, что нарратив в каком-то смысле упрощает реальность. Придумывается история, под которую подгоняются реальные факты и события: «We seek to understand the struggle in Iraq by constructing narratives and fitting events into them» (Barone 2006). Благодаря этому нарратив дает возможность осмысления сложных и запутанных политических ситуаций.

Успех того или иного политического лидера объясняется наличием у него внятной и убедительной истории, понятно и приемлемо для избирателей объясняющей его основные цели. Политическое противоборство, особенно в рамках избирательной кампании, это, прежде всего, соперничество историй. Так, «каждый кандидат на участие в президентской гонке 2008 фигурирует в качестве героя хотя бы одного нарратива, завязанного на одну из ключевых проблем нации: Мак-Кейн и сага о благородном воине, Эдвардс и борьба с бедностью, Ромни и права религиозных меньшинств, Джулиани и 11 сентября, Хиллари Клинтон и история американской женщины, Обама и повесть о двух расах» (Carroll 2007).

Партии, перед которыми стоит задача прихода к власти, осознают, что их проблемы в значительной степени связаны с отсутствием внятного нарратива. Так, в аналитике, посвященной Демократической партии США, нередко констатируется потребность в «сильном», впечатляющем нарративе.

«The Democrats **need a compelling narrative of their own**, in particular a populist narrative» (Nunberg 116).

Аналогичную задачу ставят перед собой британские либерал-демократы: «The challenge is clear: **we need to develop our own story** to explain what is going wrong in this country and why we, the Liberal Democrats, are uniquely placed to put things right. Such a story must be capable of attracting voters from all sides of the political spectrum. As a third party, we cannot rely on distaste for Labour and Tories alone to sweep us to power» (Meeting the

Challenge).

Анализ контекстов употребления и выявление спектра значений термина *narrative* в британском и американском политическом дискурсе позволили сделать выводы о структуре, типах и функциях нарратива.

Итак, что представляет собой политический нарратив как текст (дискурсивная единица), в отличие от традиционно понимаемого повествования?

Нарратив можно определить как текст лозунгового типа: он сближается с лозунгом как в формальном, так и в содержательном плане. Нарратив объединяет с лозунгом лапидарность: это не полноценный развернутый текст, а такой же мини-текст, как и лозунг, как правило, заключенный в рамки одного предложения, максимум абзаца. По остроумному замечанию Дж. Нанберга, этот текст выглядят так же как анонс фильма в программе телепередач: *Простодушный трубоч из Вермонта наследует состояние и вынужден бороться с корыстолюбивыми жуликами из городской администрации; Наивный молодой сенатор борется с политической коррупцией* (Nunberg 2006: 203).

В поверхностной структуре нарратив выглядит как содержащий сжатую формулировку сюжета заголовок со структурой полного предложения, как в вышеприведенных примерах, или с номинативной структурой, как в примерах базовых американских историй. По мнению Р. Райха, демократам, для того, чтобы возродить утраченное ими искусство нарратива, необходимо апеллировать к базовым американским мифам и архетипам. Поэтому их нарратив должен основываться на базовых американских историях, к которым автор относит следующие: *Победоносная личность* (*The Triumphant Individual*); *Содружество единомышленников* (*The Benevolent Community* – о том, как соседи, засучив рукава, вместе работают на общее доброе дело) *Толпа у ворот* (*The Mob at the Gates* – США предстает как «маяк добродетели» в мире, которому угрожают силы варваров); *Рыба гниет с головы* (*The Rot at the Top* – о враждебности народу властных элит). (Reich 2005).

В содержательном плане так же, как и слоган, который выражает самое главное, например, в политической про-

грамме кандидата (воплощает суть избирательной кампании), мини-текст нарратива содержит концептуальное ядро, которое может быть развернуто в варианты «большого» текста (аналогично тому, как произведения художественной литературы могут представлять собой варианты одного и того же сюжета).

Однако, если лозунг представляет собой самостоятельный завершённый текст, то лингвистический статус нарратива достаточно неопределённый: это одновременно и сюжет, и заголовок текста, и аннотация, и сам текст, который существует виртуально, как инвариант в дискурсивном сознании социума. Политический нарратив всегда содержит в себе то, что, пользуясь образным выражением И. Сандомирской, можно определить как «нарративное ожидание». В исследовании И. Сандомирской на базе корпуса фразеологизмов деконструируются нарративы, составляющие в совокупности дискурс Родины. Она рассматривает имя (номинацию) как нарративное ожидание, «предчувствие сюжета». Так, топик любви к Родине содержит сюжеты «Перекасти-поле», «Далекий замуж», «Изгнанник Родины», топик долга перед Родиной – истории «Сыновья (и дочери) Родины», «Защитник Родины», «Изменник Родины»; топик величия Родины – истории «Семья народов», «Военная мощь Родины», «Счастливое детство» (Сандомирская 2001).

В зависимости от характера референта можно выделить три типа нарративов: личностный (нарратив политика), идеологический (нарратив-доктрина), событийный (нарратив политических событий и ситуаций).

Личностный нарратив. Этот тип нарратива выполняет презентационную функцию, играет важную роль в создании имиджа политика. Как ни парадоксально, но успешные политики – это, как правило, люди, которые умеют рассказывать истории: «Наилучший способ для политика описать свою позицию, свои убеждения – это передать свои идеи в виде истории. <...> Маргарет Тэтчер считается выдающимся идеологом, но на самом деле она была гением нарратива» (Finkelstein 2007).

А. Дуранти соотносит нарратив политика с дискурсивной стратегией построения нарратива причастности (narrative of

belonging). Последовательность жизненных событий политика представлена таким образом, чтобы продемонстрировать, что его жизненный опыт такой же, как у большинства аудитории, и это позволяет ему морально и эмоционально идентифицироваться со своими избирателями (Duranti 2006).

Кроме того, в данном жанре для политика важно продемонстрировать непрерывность опыта, т.е. обосновать свои политические решения, в том числе решение участвовать в избирательной кампании, как естественное продолжение своего прошлого опыта или опыта предшественников.

Например, сенатор-демократ Б. Обама начал свою избирательную кампанию в столице своего родного штата Иллинойс, что даёт основание СМИ связать его нарратив с историей знаменитого предшественника А. Линкольна. Так же, как и Обама, Линкольн до избрания в Конгресс и впоследствии в Белый дом был членом Генеральной ассамблеи штата; и у него до президентства не было большого политического опыта. Символично, что Обама, сын африканца, начинает свое политическое восхождение рядом с домом человека, который дал свободу африканским рабам.

Личностный нарратив может иметь проспективную и ретроспективную направленность. Проспективный нарратив представляет политика на этапе борьбы за завоевание политических высот. Нарратив в форме биографии (автобиографии) является устоявшимся жанром предвыборного дискурса.

Ретроспективный нарратив создается на финише политической карьеры – это своеобразное подведение итогов, осмысление того, какое место политик оставил в истории. В лингвокогнитивном плане ретроспективный нарратив представляет собой ядро концепта политика как прецедентной личности.

В качестве примера ретроспективного нарратива приведем два варианта нарратива М. Тэтчер: 1) *рассказ об отважном человеке из низов, поднявшемся к высотам власти, чтобы поразить пессимистический истеблишмент и спасти пришедшую в упадок некогда великую нацию* (Finkelstein 2007); 2) *история о победе, одержанной в 1945, затем забытой на три десятилетия все-*

дозволенности, халатности и инфляции и восстановленной при помощи железной воли (Boyle 2005). Несмотря на различие в поверхностной структуре, оба варианта содержат общее концептуальное ядро: экстраординарность личности Тэтчер и масштаб ее вклада в развитие страны.

Идеологический нарратив. Для политической партии нарратив – это, прежде всего, некая идея или комплекс идей, доктрина, лежащая в основе партийной идеологии. Можно сказать, что данный тип нарратива есть партийный манифест: *The Democrats need a manifesto, a 'compelling narrative' of their own.*

Примером идеологического нарратива является концепция американской исключительности (*Exceptional America*). Существует точка зрения, что для того, чтобы иметь успех у избирателей, демократы должны вернуть себе этот нарратив – самый важный в американской политической истории (Kurlantzick 2006). Суть данного нарратива в том, что Америка является не одним среди многих мировых лидеров, но лидером из лидеров – исключительной, высоконравственной и великодушной страной, которая может воодушевлять другие нации. «Европейцы могут приводить примеры аморальных и меркантильных действий во внешней политике США. Однако нарратив исключительности, восходящий к утопической доктрине основателей нации, всегда находит отклик у американцев» (Kurlantzick 2006).

К числу идеологических нарративов, вошедших в фонд прецедентных текстов американской политической культуры, относятся *Утро в Америке* Р. Рейгана и *Сострадательный консерватор* (*Compassionate Conservative*) Дж. У. Буша.

Рейгановский нарратив родился как предвыборная телереклама его второго президентского срока. Реклама под названием «Prouder, Stronger, Better» открывалась словами «И снова в Америке утро»; видеоряд (кадры американцев, идущих на работу) сопровождался рассказом в спокойной оптимистической тональности о подъеме в экономике, связанном с политикой республиканцев.

Нарратив Буша возник вследствие стремления республиканцев привлечь демократически настроенных избирателей. Он представляет собой попытку со-

единить традиционно консервативный подход к экономике (принцип индивидуальной ответственности) и нацеленность на улучшение социального обеспечения, помощи нуждающимся гражданам.

Событийный нарратив. Данный тип нарратива выступает как обоснование определенного политического курса, тех или иных политических акций, как объяснение сложившейся политической ситуации.

Ярким примером событийного нарратива является военный нарратив (*war narrative*) – «связное и непротиворечивое повествование, которое многократно циркулирует в обществе, подготавливая почву к началу военного конфликта» (*Asian News*). Таким образом, создается определенный период «созревания» для того, чтобы физически и психологически подготовить народ к войне

В американской истории военный нарратив всегда играл критическую роль в обеспечении общественной поддержки военных действий. Информационным поводом к возникновению соответствующего нарратива послужило падение форта Самтер – в Гражданской войне, потопление крейсера «Мейн» в Испано-американской войне 1898 г., нападение японцев на Перл-Харбор во II мировой войне.

Для обоснования начала войны с терроризмом после атаки 11 сентября администрация Буша разработала следующий нарратив. *На США напали враги свободы, это была битва Добра со Злом, поэтому насаждение свободы в тылу врага – самый верный способ победить носителей зла. Америка выполнит свою историческую миссию, перенеся военные действия на территорию врага, победит его на поле боя и обеспечит замену деспотических ближневосточных режимов на демократию* (O'Reilly 2006).

Событийный нарратив нередко представляет собой определенную версию политической ситуации или события (версия = вариант изложения/ объяснения).

Этот аспект нарратива, в частности, очень ярко проявился в «нарративе Плейм», связанном с одной из самых скандальных утечек секретной информации из Белого дома. Скандал разразился после того, как в СМИ прошла серия пуб-

ликаций, в которых называлось имя секретного агента ЦРУ Валери Плейм – жены бывшего дипломата Дж. Уилсона. Сразу после этого Уилсон заявил, что это было сделано с целью его дискредитации в наказание за то, что он выступил в СМИ с критикой президентской администрации в искусственном преувеличении угрозы, исходящей от Ирака. Истоки конфликта восходят к 2002 году, когда ЦРУ организовало поездку Уилсона в Нигер для того, чтобы он провел расследование в связи с сообщениями о том, что Ирак пытался купить уран в этой африканской стране. В июле 2003 года Уилсон публично вступил в спор с представителями Белого дома и заявил, что Ирак не занимался покупкой урана.

Развертывание этого нарратива представляет собой поединок двух конкурирующих версий (*competing narratives*) – республиканской и демократической. Стороны обвиняют друг друга во лжи и с большой долей сарказма представляет нарратив другой стороны.

Демократы. По версии республиканцев, рассекретив агента Плейм, высокопоставленные представители администрации президента благородно пытались защититься от несправедливых обвинений в иницировании расследования ЦРУ в Нигере. «На самом деле» это всемогущая Валери Плейм надавила на начальство ЦРУ и потребовала, чтобы в Нигер послали ее мужа. Вся эта история является тщательно спланированным заговором «антивоенного активиста» Уилсона и «группы заговорщиков из ЦРУ» с целью помешать Бушу выступить в поход.

Республиканцы. По версии демократов, Белый дом похоронил доклад Героического Джо-правдолюбца о результатах его расследования в Нигере и вообще отрицал в своей «ручной» прессе существование этого доклада, для того чтобы иметь основание начать военные действия в Ираке.

Контексты употребления термина *narrative* в рамках анализируемого коммуникативного события однозначно позволяют интерпретировать его семантику как «версия»: *Liberals also loved the original narrative in the Plame case: Bush aides persecute whistle blower* (Либералам нравится первоначальная версия в деле Плейм: советники Буша преследуют ра-

зоблачителя). *Any deviation from The Plame Narrative is dismissed as Administration propaganda* (Любое отклонение от основной версии отвергается как президентская пропаганда). *According to Gibson's narrative, the motive behind the Plame outing pasckrymue was simple* (По версии Гибсона, мотив рассекречивания Плейм прост...).

Объяснительность нарратива позволяет ему выступать в качестве инструмента воздействия. Простая и доходчивая история, резонирующая с народными ценностями, формирует в массовом политическом сознании желаемые для политика каузальные фреймы и тем самым создает мотивационную базу для определенного политического поведения. Именно в этом смысле говорят о популистских лозунгах и нарративах.

Суть популистского нарратива можно обобщить как «история о противостоянии слабых и сильных мира сего, история несбывшихся надежд и праведного гнева» [Nunberg 2006: 116]. Это прекрасно понимал Б. Клинтон, построив свою избирательную кампанию 1992г. на апеллирующем к среднему классу нарративе о несправедливости власти по отношению к честным труженикам: *I am tired of seeing people who work hard and play by the rules get the shaft*. Дж. Нанберг подчеркивает, что риторический талант Клинтона заключается в его способности передать людям, что он чувствует не только их боль, но и их гнев [Nunberg 2006: 117].

Иной аспект функции воздействия на политическое поведение масс представляет «нарратив ненависти», в котором политологи видят движущую силу этнических конфликтов.

По мнению С. Кауфмана, истоки межэтнической агрессии коренятся в «мифо-символических комплексах», которые представляют собой не что иное, как мифологизированные нарративы этнокультуры (Kaufman 2006). В этих нарративах воплощается исторический опыт этноса, результатом которого является восприятие определенных этнических групп сквозь призму отношений преследователя и жертвы. Подобного рода нарративы порождают эмоции враждебности, а агрессия, в свою очередь, является следствием этих эмоций.

Рассмотренные функции политического нарратива (идентификация поли-

тика, создание имиджа, воздействие, представление версии события) так или иначе вытекают из его базовой функции – объяснительной, интерпретационной.

Интерпретация действительности всегда носит субъективный характер, поэтому естественно, что в своем семантическом развитии термин *narrative* приобрел коннотацию недоверности. В разных дискурсивных ситуациях градация достоверности варьируется от упрощенного (стереотипного) представления реальности до лжи, несоответствия фактам.

The New York Times apparently unwilling to dig into the story any farther than the good guy/bad guy narrative allows... (Явно не желая копать эту историю глубже, чем это позволяет нарратив уровня «хорошие парни / плохие парни»).

Противопоставление нарратива и правды (*The Narrative vs. The Truth*) подкрепляется утверждением о предвзятости нарратива, тогда как правда связывается с двухпартийным (следовательно, более объективным) изложением событий: *Ideally, someone should hold Mr. Wilson accountable for what his lies have wrought. Instead, he is feted and celebrated as a hero. A movie is in the works about the entire affair – all the better to reinforce The Narrative in the public's mind. And the left will continue to flog the story, positing ever more fantastic conspiracy theories while the truth – contained in two bi-partisan Congressional reports struggles to be seen the light of day.*

Контексты употребления термина *narrative* (и его синонимов) эксплицируют ядерные компоненты его семантики, фиксирующие базовые характеристики нарратива как дискурсивного феномена.

Интерпретативность, объяснительность нарратива: *a story line explaining their basic purpose; a cohesive narrative that the American people can readily understand; the narrative explains the problem; this narrative answers a lot of nagging questions; narratives of the conflict that fail to account for a number of important facts.*

Агональность нарратива как следствие агональности политического дискурса: *the battle of (competing) narratives; a battle for control of the dominant political narrative; the dominant narrative; to challenge the narrative; to present a competing narrative; an effective rival narrative; the*

enemy of the Republican narrative; the narrative can be contested by...; a successful counter-narrative.

Воздействующая сила нарратива: *a compelling / convincing narrative; the pro-war saga that will galvanize a demoralized nation; a narrative that motivated their voters; recognized the power of narrative; used this narrative to great effect; power and status maximization are also consequences of certain narratives.*

Нарратив выступает как объект дискурсивной деятельности, как сознательно конструируемый с определенной целью текст: *to construct/develop a narrative; to spin better narratives than...; to cultivate hate narratives toward...; to test, compare, and refine those narratives.*

В рамках коммуникативного события метафора персонификации представляет нарратив как субъект дискурса в его темпоральной динамике, проходящий определенные этапы своей «дискурсивной» жизни: *emerging narrative; the narrative started to unravel; the narrative stuck; collapse of narrative.*

Подведем итоги сказанного. В современном британском и американском политическом дискурсе термин *narrative*, сохраняя семантические связи с исходным значением «история, повествование», приобретает целый спектр новых значений: «лозунг, концепция, идея, доктрина, объяснение, версия, миф, стереотип».

Политический нарратив представляет собой текст лозунгового типа, содержащий в качестве понятийного ядра ключевые концепты актуального политического дискурса. В отличие от лозунга, за мини-текстом нарратива стоит развернутый текст культуры. Нарратив отличается ясностью и простотой, доступностью для понимания, что делает его мощным инструментом политического воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб., 1998.

Розенфельд И. Дискурс и нарратив (www.cursorinfo.co.il/analyze/2006/03/01/discurs).

Сандомирская И. Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001.

Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН, серия Социология, 2004, № 6-7.

Шейгал Е.И. Политический скандал как нарратив // Языковая личность: социолингвистиче-

ские и эмотивные аспекты. Волгоград, 1998.

Asian News: Bush's 'war on terror' only one in American history without a war narrative // Report from the Asian News International published by Hindustan Times, August 7, 2006.

Barone, M. A New Narrative // U.S. News & World Report. September 18, 2006.

Boyle D. In search of a political narrative //Liberator, August 2005 (<http://david-boyle.co.uk/politics/narrative.html>).

Carroll, C. Candidates' stories tell us what we've become //The Boston Globe, March 5, 2007.

Duranti, A. Narrating the political self in a campaign for U.S.Congress // Language in Society, 2006. Vol. 35. Issue 4.

Fairclough N. Media Discourse. London, 1995.

Finkelstein, D. Mr Blair's final magic trick will begin shortly //The Times (London) February 7, 2007.

Kaufman, S.J. Symbolic Politics or Rational Choice? Testing Theories of Extreme Ethnic Violence // International Security, 2006. Vol. 30, No. 4.

Kurlantzick, J. Exceptional America // Prospect, December 14, 2006.

Labov, William. The Transformation of Experience in Narrative Syntax //Language in the Inner City. Philadelphia, 1972.

Meeting the Challenge //Liberal democrats (www.meetingthechallenge.net/?page_id=25).

Nunberg, G. Talking Right. New York, 2006.

Ochs, E., Capps, L. Narrating the Self // Annual Review of Anthropology. No.25.1996.

O'Reilly, S.D. The Unraveling of Bush's Political Narrative // Intervention Magazine. May, 2006(www.interventionmag.com/cms/index.php?name=News&file=article&sid=1291).

Reich, R. The Lost Art of Democratic Narrative: Story Time //New Republic, March 28, 2005.

Roberts B. Political Activism and Narrative Analysis: The Biographical Template and The Meat Pot //Forum: Qualitative Social Research. Vol. 5, No. 3. September 2004 (<http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/3-04/04-3-10-e.htm#g3>).

Schiffrin, D. In Other Words: Variation in reference and narrative. Cambridge, 2006.

Velleman J.D. Narrative Explanation //The Philosophical Review, 2003. Vol. 112, No.1.

© Шейгал Е. И., 2007

Щипицына А. А.

Уфа, Россия

СООТНОШЕНИЕ ДЕСКРИПТИВНЫХ И ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ-АТТРИБУТОВ В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ

Abstract

The present paper is concerned with the quantitative correlation of descriptive and evaluative adjectives in attributive function and their role in the realisation of the category of evaluation in political discourse in present-day news in British national broadsheets.

Целью настоящего исследования является определение количественного соотношения дескриптивных, обще- и частнооценочных прилагательных-атттрибутов в британском политическом дискурсе газетных новостей.

Предлагаемое исследование политического дискурса проводилось на материале дискурса масс-медиа, поскольку, по справедливому замечанию проф. Е.И. Шейгал, в настоящее время масс-медийный дискурс является основным каналом осуществления политической коммуникации [Шейгал 2000: 11]. Выбор материала для исследования был также обусловлен существованием определённой традиции в исследовании политического дискурса на материале текстов масс-медиа (см. работы А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского, А.П. Чудинова, Norman Fairclough, Paul Chilton). В рамках настоящей работы под «медиа-текстами» мы понимаем «тексты массовой информации» (Определение Т.Г. Добросклонской [2005: 7]), а политический дискурс СМИ трактуем как комплекс медиа-текстов о политике. Таким образом, мы исходим из того, что текст есть продукт дискурса, и, следовательно, текст может служить основой для изучения особенностей дискурса.

Несмотря на широкое использование новых средств массовой информации, газеты остаются самым главным и уважаемым источником новостей для большинства людей [Graber, McQuail, Norris 1998: 16]. Выбор именно качественной прессы как материала для исследования обусловлен тем, что в настоящей работе поддерживается точка зрения исследователя журналистики С.А. Михайлова, который пишет, что качественная пресса оказывает своё влияние на общество информированностью, аналитичностью, способностью предвидеть будущее, а также может влиять на умонастроения элиты, принимающей важные решения [Михайлов 2004: 337]. В обзоре состояния рынка средств массовой информации Великобритании за 2004г. исследователь Г.А. Голованова указывает на то, что национальные качественные газеты увеличили свой тираж, в то время как тиражи всех массовых («бульварных») газет Великобритании падают [2005: 13-14]. Необходимо также подчеркнуть, что

в настоящее время Великобритания продолжает занимать одно из ведущих мест в мире по насыщенности прессой. При этом национальные или местные газеты читают трое из четырех англичан, а всего в стране издается 160 ежедневных газет и 1300 ежедневников [Соколов, Виноградова 2000].

Отбор материала для настоящего исследования осуществлялся в несколько этапов. На первом этапе происходил отбор материалов из разделов *Front Page News* и *I* или *UK News* (газета *The Daily Telegraph*); *Front page, UK News, Politics* (газета *The Guardian*), *UK News, Politics* (газета *The Independent*); *Britain* и *I* или *Politics* (газета *The Times*). Разделы газет, материалы из которых были подвергнуты анализу, представлены в таблице 1:

Таблица 1. Разделы британских национальных качественных газет, послужившие источником материала для исследования.

Издание	<i>The Daily Telegraph</i>	<i>The Guardian</i>	<i>The Independent</i>	<i>The Times</i>
Разделы	Front Page News	Front page	UK News	Britain
	UK News	UK News	Politics	Politics
	-	Politics	-	-

На следующем этапе отобранные материалы группировались в соответствии с темой, которую они освещали. В рамках настоящего исследования мы рассматривали внутривнутриполитический медиа-дискурс британских качественных газет о новом законопроекте об образовании.

Вопрос о возможности совершенно нейтрального, чуждого оценочности использования языка пока ждёт своего решения. Некоторые исследователи полагают, что в процессе коммуникации «в некотором смысле нейтральное использование языка в принципе невозможно», поскольку многочисленные факторы (как, например, отбор частей обсуждаемой ситуации, последовательность введения в текст участников, экспликация отношения говорящего к передаваемой информации и т.д.) воздействуют на понимание речевого сообщения адресатом [Баранов и др. 2004: 5, 10]. Отмечается, что в ходе политической коммуникации эффект языкового воздействия сохраняется на достаточно высоком уровне и, следова-

тельно, политическая коммуникация, отражённая в текстах СМИ, оказывает огромное влияние на общественное сознание и на формирование политических диспозиций граждан [Баранов и др. 2004: 5-6]. В этой связи необходимо подчеркнуть, что, согласно точке зрения некоторых учёных, одной из специальных функций масс-медиа в современных демократических обществах является информирование и побуждение граждан к активному участию в политических процессах, а не просто к их пассивному наблюдению [McLeod, Kosicki, McLeod 1994: 126]. Как справедливо отмечают исследователи, занимающиеся изучением особенностей газетных текстов различных жанров, помимо информации об объективной действительности текст сообщает информацию о личности автора (адресанта) путём оценки явлений объективной действительности и побуждает адресата принять точку зрения адресанта, отправителя информации [Городникова и др. 1987: 18].

Несмотря на то, что в британской и американской прессе новости и комментарий к ним помещаются на разных страницах газеты, сложно представить себе абсолютно беспристрастное освещение таких событий, как, например, выборы в парламент или военные действия в материалах разделов новостей. Это предположение подтверждается результатами ряда исследований, среди которых можно выделить работы Теуна ван Дейка (например, [Дейк 1989; van Dijk 1988a-b]), а также группы исследователей масс-медиа из университета г. Глазго – одного из самых известных объединений, занимающегося вопросами функционирования СМИ. Так, в публикации этой группы учёных мы находим следующую трактовку понятия «новости»: ‘news is not a neutral and not a natural phenomenon: it is rather the manufactured production of ideology’ («новости не являются нейтральным и естественным явлением: скорее это промышленное производство идеологии» (*перевод наш*)) [Glasgow University Media Group 1980].

Особый интерес в связи с исследованием того, как описывают события различные СМИ, представляет категория оценки. Несмотря на то, что оценочности как языковой категории посвящено существенное количество научных трудов, не-

которые исследователи отмечают, что оценочные моменты с трудом поддаются классификации, количественному измерению. Вопросы, касающиеся оценочности, до сих пор не получили однозначного решения и, соответственно, остаются актуальными. Как справедливо отмечает исследователь языка газеты Г.Я. Солганик, категория оценочности охватывает весь лексический состав языка и конституируется прежде всего как выражение отношения говорящего к предмету высказывания [Солганик 1981: 9].

Оценка как ценностный аспект значения может быть выражена в языке разными способами. Согласно концепции Е.М. Вольф, оценка может быть ограничена элементами меньшими, чем слово, но может характеризовать и группу слов, и целое высказывание [Вольф 1985: 6]. По мнению исследователей, прилагательные являются одним из основных слоёв лексики, предназначенных для выражения оценки [Вольф 1985: 6]. Отмечается также тот факт, что в морфологическом отношении прилагательные наиболее склонны к приобретению оценочности, что связано с их категориальной сущностью (атрибутивностью) [Солганик 1981: 34]. О важной роли прилагательных в выражении оценки говорит и то, что в рамках газетно-публицистического стиля к основной функции прилагательного (выражение признака) нередко присоединяется функция оценки выражаемого прилагательным качества. Выбор прилагательных в атрибутивной функции в качестве предмета нашего исследования был также обусловлен той важной ролью, какую они играют в языке новостей, согласно данным корпусных исследований в рамках работы над словарём 'Longman Grammar of Spoken and Written English' ([LGSWE 2000]) на материале британского и американского вариантов современного английского языка показали, что по сравнению с разговорной речью и художественной литературой в текстах новостей и научной литературе наблюдается самая высокая частотность употребления существительных и прилагательных (по сравнению с частотностью употребления глаголов и наречий) [LGSWE 2000: 65].

Исследователи указывают на то, что в новостных текстах британских СМИ словосочетания, построенные по модели

«прилагательное + существительное», являются синтаксическими соединениями наиболее распространённого типа [Добросклонская 2005: 84, 127]. Однако, в соответствии с целями настоящего исследования большее внимание было уделено семантике прилагательных и окружающего их контекста, чем классификации структурных типов словосочетаний (подробнее о типах см. в работах О.С. Ахмановой, Т.Г. Добросклонской, А.И. Смирницкого и О.С. Ахмановой, С.Г. Тер-Минасовой, A.W. Groot).

В основу настоящего исследования была положена классификация оценочных значений Е.М. Вольф [Вольф 1985]. Мы разделяем точку зрения этого исследователя на то, что «оценочная модальность определяется высказыванием в целом, а не отдельными его элементами» [Вольф 1985: 11]. Однако поскольку одной из задач нашего исследования является получение количественных данных о доле атрибутивных дескриптивных, обще- и частнооценочных прилагательных в британском политическом медиа-дискурсе новостей, анализировалась именно семантика прилагательных (на основе словарных дефиниций и помет), но с обязательным учётом контекста.

Поскольку язык газеты тяготеет к экономичности, одной из характерных черт новостных материалов является использование многокомпонентных словосочетаний. Необходимо отметить, что в ходе исследования каждое употребление прилагательного фиксировалось и учитывалось отдельно вне зависимости от количества компонентов синтаксического соединения, частью которого является данное прилагательное (В таких случаях анализируемое прилагательное выделено в примерах подчёркиванием: например, *normal financial arrangement*). В предлагаемом исследовании не анализировались прилагательные, входящие в состав имён собственных (например, прилагательное *daily* в названии газеты *The Daily Telegraph*), и прилагательные в номинативной функции (например, прилагательное *lucky* в заголовке новостного материала *Cleared but lucky // The Guardian 2006, March 3*).

Содержащиеся в выбранных газетных материалах прилагательные в атрибутивной функции были сгруппированы в

соответствии с классификацией прилагательных, основанной на принципах классификации в работе Е.М. Вольф [Вольф 1985]. Таким образом, в настоящей работе были рассмотрены следующие группы прилагательных: 1) дескриптивные прилагательные (далее: ДП); 2) прилагательные-атрибуты общей положительной оценки (далее: ОП+); 3) прилагательные-атрибуты общей отрицательной оценки (далее: ОП-); 4) прилагательные-атрибуты частной положительной оценки (далее: ЧП+); 5) прилагательные-атрибуты частной отрицательной оценки (далее: ЧП-). Если знак оценки того или иного прилагательного обусловлен контекстом его употребления, это прилагательное обозначено в настоящей работе как «КЧП+» (прилагательное с контекстуально обусловленным значением частной положительной оценки) или «КЧП-» (прилагательное с контекстуально обусловленным значением частной отрицательной оценки). В случае контекстуально обусловленного значения прилагательного в таблицах и примерах в настоящей работе рядом с этим прилагательным ставится символ (К): например, *secretive* (К).

По справедливому замечанию В.Т. Титова, «в настоящее время актуальным является синтезирование качественной и количественной традиций исследования языка, использование количественных методов в интересах изучения качественных параметров языка и проверка качественных методов и содержательных суждений количественными данными» [Титов 2005: 5]. Задачей предлагаемого исследования является определение в британском политическом медиа-дискурсе новостей следующего количественного параметра: доля прилагательных-атрибутов указанных выше групп (т.е. (ДП), (ОП+), (ОП-), (ЧП+), (ЧП-)) по отношению к совокупному количеству прилагательных в атрибутивной функции в данном типе дискурса (в процентах).

Для этого обратимся к анализу семантики прилагательных-атрибутов в рамках исследуемого типа дискурса: сначала на материале конкретного медиа-текста, а затем – на материале комплекса медиа-текстов на тему, условно названную нами, 'Education Bill' («Законопроект об образовании»).

Зимой 2006 года в британском правительстве рассматривался новый законопроект лейбористов об образовании. Одной из основных целей предлагаемой реформы является поддержка независимых государственных общеобразовательных школ (*independent state secondary schools* или *independent trust schools*). Согласно законопроекту, новые школы будут самостоятельно вести свои дела при поддержке бизнесменов, родительских советов и религиозных организаций. Такие школы станут собственниками земли, активов, а также смогут внедрять свою политику приёма новых учеников. В партии лейбористов происходит раскол по отношению к этому законопроекту, и это ведёт к внесению в него поправок, но может также стать причиной недостатка голосов лейбористов при голосовании по проекту закона в палате общин. Не исключено, что правящей партии (лейбористам) придётся рассчитывать на голоса членов партии консерваторов, чтобы проект закона был утверждён парламентом.

Рассмотрим, как распределились исследуемые нами типы прилагательных в политическом медиа-дискурсе новостей, на материале одного из медиа-текстов на тему 'Education Bill' – *Kelly 'confident' over school reforms bill* // *The Independent*, 28 February 2006 (By Andrew Woodcock, PA). Хотелось бы отметить особое значение заголовка и концовки в данном материале. Во-первых, под сомнение ставится уверенность министра образования г-жи Келли в успехе законопроекта: журналист ставит прилагательное *confident* («уверенный») в кавычки и выносит его в заголовок – *Kelly 'confident' over school reforms bill*. Во-вторых, материал завершается обширной цитатой из речи одной из женщин-парламентариев из числа «заднескамеечников». Она также выказывает неуверенность в успехе предлагаемого закона в применении к школам: *Indeed, removing powers from the local authorities, who are there to act in the interest of the whole community, is not likely to achieve success for areas which need more support. "I think that is the big question mark hanging over this."*

Интересен также тот факт, что, высказываясь в пользу предлагаемого законопроекта, г-жа Рут Келли неоднократно использует прилагательные по-

ложительной оценки, включая довольно редкое в политическом дискурсе новостей общеоценочное прилагательное *good*. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с примером гендерной преференции в выборе прилагательного *good* для выражения положительной оценки законопроекта в отличие от других прилагательных, как, например, *successful* или *fair*.

Итак, перечислим дескриптивные прилагательные в атрибутивной функции (в составе словосочетаний), используемые в новостном медиа-тексте *Kelly 'confident' over school reforms bill* // *The Independent*, 28 February 2006 (By Andrew Woodcock, PA): *secondary schools, academic selection, a new generation, independent "trust" schools, key proposals, local (2) authorities, new schools, new breed, former party leader, a large group, an alternative set, the Labour-dominated House of Commons, public attack, new community schools, the original measures, last night, general direction, the last nine years, the vast majority, educational proposals, local community, local authorities, whole community, the big question mark* (Итого: 25 прилагательных, или 67,56% от совокупного количества использованных в данном медиа-тексте прилагательных-атрибутов).

В анализируемом медиа-тексте было зарегистрировано два случая употребления прилагательных общей положительной оценки, т.е. ОП+ =5,4% от совокупного количества использованных в данном медиа-тексте прилагательных-атрибутов: *a good Bill, good schools*. Прилагательные общей отрицательной оценки, однако, в данном медиа-тексте не были использованы ни разу, т.е. ОП– =0%.

К частнооценочным прилагательным-атрибутам, используемым в новостном медиа-тексте *Kelly 'confident' over school reforms bill* (*The Independent*, 28 February 2006) можно отнести следующие – ЧП+: *legal (K) force, clear and robust framework, higher standards, every (K) child, every (K) (2) school* (итого: 7 прилагательных, т.е. ЧП+=18,91%); ЧП–: *a highly-unusual (K) public attack, disadvantaged communities, low-achieving areas* (итого: 3 прилагательных, т.е. ЧП– =8,1% от совокупного количества использованных в данном медиа-тексте прилагательных-атрибутов).

Значения, в которых используются некоторые частнооценочные прилагательные-атрибуты в данном медиа-тексте, а также знак оценки, для выражения которой они используются, могут быть прокомментированы следующим образом.

Прилагательное *clear* использовано в анализируемом случае для характеристики законопроекта по образованию и является частью цитаты из речи министра образования Рут Келли, которая отстаивает этот законопроект: *The Bill now provided the "clear and robust framework which will ensure equity as well as excellence" which her colleagues were looking for*. Прилагательное *robust* является частью той же цитаты и также использовано для выражения положительной оценки законопроекта г-жой Рут Келли. Ср. дефиниции: **clear** *adj* 3 easy to hear, read, or understand [LDELС 1992: 225]; **robust** *adj* 2 *euph* using string arguments; forceful and effective: *rather robust criticism* / *a robust defence of the Administration's record* [LDELС 1992: 1137].

Полученные количественные данные о частотности использования прилагательных-атрибутов в медиа-тексте *Kelly 'confident' over school reforms bill* (*The Independent*, 28 February 2006) позволяют заключить, что в соответствии с общей для новостных материалов тенденцией в настоящем медиа-тексте среди всех использованных прилагательных-атрибутов преобладают дескриптивные прилагательные-атрибуты (ДП=67,56%). Однако необходимо отметить, что в данном медиа-тексте использовано значительное количество прилагательных частной положительной оценки – около одной пятой от совокупного количества прилагательных-атрибутов в данном медиа-тексте (ЧП+=18,91%; например, *legal (K) force, robust framework*). Это свидетельствует о том, что автор данного газетного новостного материала довольно открыто выражает оценку событий, лиц или явлений, описанных в данном медиа-тексте.

Анализ количественных подсчетов показал, что в исследованных медиа-текстах на тему 'Education Bill' прилагательные-атрибуты распределились согласно принятой в данной работе классификации следующим образом: ДП =72,47%; ОП+ =4,26%; ОП– =0,55%; ЧП+=15,47%; ЧП– =7,26% (от совокупного количества

прилагательных-атрибутов, использованных в исследованных медиа-текстах). Таким образом, в политическом новостном дискурсе британских национальных ежедневных газет о реформе образования и введении нового типа школ дескриптивные прилагательные в атрибутивной функции преобладают над обще- и частнооценочными в 2,63 раза (ДП=72,47%; сумма долей обще- и частнооценочных прилагательных составляет

27,53%=4,26%+0,55%+15,47%+7,26%).

Это свидетельствует о стремлении авторов новостных материалов к объективному описанию прений в британском парламенте по поводу реформы образования – по крайней мере, о сравнительно низкой частоте использования обще- и частнооценочных прилагательных-атрибутов.

Прилагательные частной положительной оценки преобладают над прилагательными частной отрицательной оценки в 2,13 раза (ЧП+=15,47% и ЧП-=7,26%), что отчасти обусловлено обширным цитированием политиков, высказывающихся в пользу предлагаемого законопроекта: ср., например, *successful schools*, *able middle class pupils*, *sensible colleagues* ('Tories may hold key to vote as Blair stands firm against rebels' // The Guardian, 1 March 2006).

Эта же тенденция прослеживается при сравнении количества используемых прилагательных-атрибутов общей положительной и общей отрицательной оценки в рамках исследуемого политического медиа-дискурса новостей. Однако, несмотря на то, что количество атрибутивных прилагательных общей положительной оценки, превышает количество прилагательных общей отрицательной оценки практически в 8 раз (ОП+=4,26% и ОП-=0,55%), совокупное их количество (ОП+ + ОП-=4,26%+0,55=4,81%) несравнимо меньше количества дескриптивных прилагательных-атрибутов (72,47%) и совокупного количества частнооценочных (см. параметр (1): ЧП+ + ЧП-=15,47%+7,26%=22,73%) прилагательных. Следовательно, в данном комплексе медиа-текстов сохраняется тенденция к минимальному использованию общеоценочных прилагательных: например, *best interests of pupils* // 'Schools Bill published with a complete absence of trust'

(The Times, 1 March 2006), a "timid step in the right direction" // 'Tories may hold key to vote as Blair stands firm against rebels' (The Guardian, 1 March 2006).

Проведённое исследование позволяет сделать некоторые выводы. Анализ показал, что в британском политическом медиа-дискурсе новостей на тему законопроекта об образовании количество используемых дескриптивных прилагательных в атрибутивной функции значительно превосходит количество обще- и частнооценочных прилагательных-атрибутов (в 2,6 раза). При этом общеоценочные прилагательные (*good*, *bad* и их синонимы) в атрибутивной функции практически не используются, что обусловлено одним из основных требований, предъявляемых к журналистам при написании новостных материалов, – сохранять объективность изложения фактов. В атрибутивной функции частнооценочные прилагательные значительно чаще общеоценочных используются в исследованном британском политическом медиа-дискурсе новостей в силу указанных особенностей жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов А.Н. и др. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафоры / Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А., Шипова Е.А. – М.: [Фонд ИНДЕМ], 2004. – 94 с.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.

Голованова Г.А. Средства массовой информации Великобритании // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2005. – № 5. – С. 13-19.

Городникова М.Д. и др. Лингвистика текста и обучение ознакомительному чтению в средней школе: Пособие для учителя / М.Д. Городникова, Н.И. Супрун, Э.Б. Фигон и др. – М.: Просвещение, 1987. – 160 с.

Дейк Т.А. ван. Структура новостей в прессе // Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ / Пер. с англ. яз., сост. В.В. Петрова; Под ред. В.И. Герасимова; Вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 228-267.

Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.

Михайлов С.А. Журналистика Соединенных Штатов Америки. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2004. – 448 с.

Соколов В.С., Виноградова С.М. Периодическая печать Великобритании: Уч. пос. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. – 112 с.

Солганик Г.Я. Лексика газеты: Уч. пос. по

спец. «Журналистика». – М.: Высш. Школа, 1981. – 112 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Автореф. дисс. ... д. филол. н. – Волгоград, 2000. – 32 с.

Glasgow University Media Group. More Bad News / Peter Beharrell et. al. London: Routledge and Kegan Paul, 1980. – [xviii], 483 p.

Graber D., McQuail D., Norris P. Introduction: Political Communication in a Democracy // The Politics of News: The News of Politics / ed. by D. Graber, D. McQuail, P. Norris. – Washington, D.C.: CQ Press, 1998. – P. 1-16.

McLeod J.M., Kosicki G.M., McLeod D.M. The expanding boundaries of political communication effects // Media Effects: Advances in Theory and Research / Ed. by Bryant J. and Zillmann D. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1994.

van Dijk T.A. How 'They' hit the headlines. Ethnic minorities in the press // Discourse and Discrimination / G. Smitherman-Donaldson & T. A. van Dijk (Eds.) – Detroit, MI: Wayne State University Press, 1988a. – P. 221-262.

van Dijk T.A. News Analysis. Case studies of international and national news in the press. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1988b.

СЛОВАРИ

LDELС – Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman Group UK Ltd., 1992 – [F32], 1528, [B27] p.

LGSWE 2000 – Longman Grammar of Spoken and Written English / Douglas Biber... [et al.]; foreword by Randolph Quirk. – 3rd impression. – Pearson Education Limited, 2000. – [xxviii], 1204 p.

© Щипицына А. А., 2007

РАЗДЕЛ 2.

ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Будаев Э. В., Чудинов А.П.

Нижний Тагил, Екатеринбург

«МЕТАФОРЫ, КОТОРЫМИ МЫ ЖИВЕМ»: ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО НАЗВАНИЯ

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФНФ (грант 07-04-02002а)

Abstract

This article reviews a number of works, titles of which contain intertextual references to G. Lakoff

and M. Johnson's well-known book on metaphors. The authors both introduce various cognitive researches of theoretical and practical value to readers and analyse five types of intertextual transformations of the precedent title "Metaphors We Live by": 1) noun-transformation; 2) pronoun-transformation; 3) verb-transformation; 4) preposition-transformation; 5) expansion.

Индекс цитируемости в современном науковедении рассматривается как важнейший показатель значимости публикации. При определении этого индекса во внимание принимаются не только собственно цитаты, но и другие формы ссылок на соответствующее исследование, в том числе упоминание в тексте названия книги. При таком упоминании название может быть использовано как в точном, так и в трансформированном виде. В настоящей статье речь пойдет именно о трансформациях названия книги, которые обнаруживаются в заглавиях других публикаций.

В современно науке трудно найти книгу, влияние которой оказало бы столь значимое влияние на становление когнитивной методологии научного исследования, как классическая работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона "Metaphors We Live by" [Lakoff, Johnson 1980], название которой обычно переводят как «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф, Джонсон 2004]. В этой книге представлена теория концептуальной метафоры, согласно которой метафора является не просто средством украшения речи, а представляет собой когнитивный процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. В результате однонаправленной метафорической проекции сформировавшиеся в результате взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют более сложную для осознания концептуальную сферу-мишень.

Многообразие современных исследований по концептуальной метафоре свидетельствует не только о продолжающемся, но и о растущем интересе к теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Утверждение о том, что концептуальные метафоры охватывают всю сферу человеческого опыта и обладают значимым когнитивным потенциалом, на сегодняшний момент подкрепляется многочислен-

ными исследованиями концептуальной метафоры в большинстве сфер человеческой деятельности. Среди ученых даже сложилась своеобразная «мода» называть научные работы по образцу классической монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Интертекстуальные референции на названия научных работ время от времени встречаются в научном дискурсе, но в случае с книгой Дж. Лакоффа и М. Джонсона «*Metaphors We Live by*» это явление получило небывалое распространение.

Предварительные наблюдения показывают, что интертекстуальные трансформации рассматриваемого названия фокусируются на всех четырех компонентах источникового заголовка: существительном *metaphors*, местоимении *we*, глаголе *live* и предлоге *by*.

1. **Трансформации местоимения *we*.** Трансформации указанного местоимения могут быть связаны с его заменой на другое местоимение, на существительное или же с полным устранением подлежащего.

Первый вариант данной трансформации связан с заменой местоимения. Например, П. Мюльхейслер использует трансформацию местоимения в названии своей статьи «*Metaphors others live by*» («Метафоры, которыми живут другие») [Mühlhäusler 1995]. Как отмечает автор, западная лингвистика выработала такой подход к исследованию концептуальной метафоры, при котором уделяется мало внимания фактору межкультурных различий, что связано с превалированием исследований, выполненных на материале европейских языков. Поэтому П. Мюльхейслер заменяет «мы» на «другие», фокусируя внимание на метафорах, относящихся к иным языкам и культурам.

Второй вариант трансформации состоит в том, что местоимение заменяется существительным, которое показывает, кто именно «живет» соответствующими метафорами. Соответствующее существительное может обозначать группу людей, объединяемых определенным видом профессиональной деятельности. Одним из первых примеров подобной трансформации стала публикация А. Вежбицкой [Wierzbicka 1986]. В рецензии на книгу Дж. Лакоффа и М. Джонсона А. Вежбицкая пишет о «метафорах, которыми живут лингвисты» («*Metaphors*

Linguists Live by»). Такую же трансформацию обнаруживаем в статье Д. МакКлоски, изучившего «метафоры, которыми живут экономисты» («*Metaphors economists live by*») [MacCloskey 1995], а исследование метафор, принятых среди биологов, отражено в названии статьи Р. Теммерман: «*Metaphors the life sciences live by*» («Метафоры, которыми живут науки о жизни») [Temmerman 2001].

Разумеется, профессиональная деятельность не единственный способ группировки субъектов метафорогенеза. Например, в статье П. Друлака использован географический критерий ограничения круга коммуникантов: «*Metaphors Europe Lives by*» («Метафоры, которыми живет Европа») [Drulák 2004]. В ряде научных заголовков задействован гендерный критерий как, например, в статье М. Хирага «*Metaphors Japanese Women Live by*» («Метафоры, которыми живут японские женщины») [Hiraga 1991]. Также П.Ф. Мерфи, выявив, что в речи мужчин при обсуждении вопросов, связанных с дружбой и сексуальными отношениями, доминируют метафоры войны, механизма, спорта и работы, использует в названии своей книги интертекстуальную трансформацию: «*Metaphors Men Live by*» («Метафоры, которыми живут мужчины») [Murphy 2001].

Третий вариант рассматриваемой трансформации состоит в преобразовании субъектно-предикатной конструкции в инфинитивную, в результате чего подлежащее оказывается совершенно ненужным. Примером такой трансформации может служить название статьи А. Фиенуп-Риордан «*Clearing the Path: Metaphors to Live by in Yup'ik Eskimo Oral Tradition*» («Расчищая тропу: метафоры, которыми живут, согласно устной традиции эскимосов юпика») [Fienup-Riordan 1994].

2. **Трансформации глагола *live*.** Рассматриваемые трансформации могут быть связаны с изменением грамматических признаков (и особенно модальности), с заменой сказуемого *live* на глагол другой семантики и параллельной трансформацией лексических и грамматических признаков.

Примером первого вида трансформации грамматических свойств предиката может служить название статьи «*Metaphors We Shouldn't Live by*» («Ме-

тафоры, которыми не следует жить») [Adamson et al. 1998]. В этой публикации широко известные американские лингвисты-когнитологи провели исследование метафор в идиоме влиятельного политика-консерватора Р. Лимбау и выявили, что ведущие метафорические модели несут крайне негативные смыслы («СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА – ЭТО ВОЙНА», «ОБЩЕСТВО – ЭТО СЕМЬЯ СВИНЕЙ», «ЛИБЕРАЛЫ – ЭТО ПРЕСТУПНИКИ», «АМЕРИКА – ЭТО БОЛЬНОЙ»). Название данной статьи воспринимается как своеобразный лозунг, как призыв к выработке компромиссного, основанного на диалоге подхода к решению политических проблем, который устраивал бы и либералов и консерваторов.

Значительно чаще в рассматриваемой конструкции вместо глагола *live* используются обозначения других действий.

В названии статьи Е. Эль Рефайе, посвященной исследованию метафорического представления курдов-иммигрантов, ищущих убежища в Европе, когнитивный подход совмещается с критическим дискурс-анализом, что уже предугадывается по названию научной публикации: «Metaphors We **Discriminate** by» («Метафоры, которыми мы дискриминируем») [El Refaie 2001]. Исследуя осмысление иммиграции в австрийских газетах 1998 года (в этот период иммиграция значительно усилилась), Э. Эль Рефайе выявляет, что доминантные метафоры изображают курдов, как нахлынувшую водную стихию, как преступников, как армию вторжения. Регулярная апелляция к этим образам во всех исследованных газетах представляется показателем того, что «метафоры, которыми мы дискриминируем», стали восприниматься как естественный способ описания ситуации [El Refaie 2001: 352].

В диссертации Н. Бреннер [Brenner 2005] исследуются милитарные метафоры, задействованные в доктрине армии США. Как показывает автор, сфера-источник «Война» оказывается доминирующим способом осмысления концептов в сферах-мишенях, не связанных напрямую с военной деятельностью. Методология и материал для исследования отразились в интертекстуальной трансформации: «Metaphors We **Kill** by» («Метафоры, которыми мы убиваем»).

С. Торнбери рассматривает вопрос о том, как знание о метафорическом представлении преподавания в сознании действующих педагогов можно использовать в программе подготовки будущих учителей, что отразилось в заголовке как «Metaphors we **work** by» («Метафоры, с которыми мы работаем») [Thornbury 1991].

В названии исследования Дж. Тейлора мы также обнаруживаем трансформацию глагольного элемента: «Metaphors We **Serve** by» («Метафоры, которыми мы обслуживаем») [Taylor http]. Трансформация указывает на то, что автор опирается на теорию концептуальной метафоры и применяет данную теорию при изучении концептов, связанных со сферой услуг.

Популярность теории концептуальной метафоры и многочисленность исследований приводят к тому, что в заголовках научных статей появляются однотипные интертекстуальные трансформации. К примеру, трансформация «Metaphors We **Compute** by» («Метафоры, с которыми мы работаем на компьютере) использована и в исследовании Т. Ропера [Rohrer 1995], и в публикации Дж. Лолера [Lawler 1987/1995]. Показательно, что автор более позднего исследования никак не проявляет своего знакомства с работой предшественника.

Во многих публикациях использование нового глагола сопровождается одновременным преобразованием грамматических свойств.

Примером может служить трансформация в статье Д. Понтеротто: «Metaphors We **Can Learn** by» («Метафоры, которыми мы можем научить») [Ponterotto 1994]. По мнению автора, одна из проблем в обучении/изучении иностранных языков – это понимание метафор. Хотя компетенцию в сфере вторичной номинации относят к продвинутому уровню владения иностранным языком, Д. Понтеротто связывает трудности осмысления метафор с недостаточным вниманием учителей к этому вопросу, с отсутствием соответствующих методических разработок. Знакомство с теорией концептуальной метафоры должно позволить изучающему иностранный язык понимать незнакомую метафору благодаря знанию базовой метафоры, реализующейся в многообразных вариантах на

языковом уровне.

Прагматический аспект метафорики эколого-экономического дискурса отражен в публикации Р. Норгарда. Фиксируя важную роль метафор в концептуализации еще одной сферы человеческой деятельности, автор использует интертекстуальную трансформацию: «Metaphors We **Might Survive** by» («Метафоры, с которыми мы могли бы выжить») [Norgaard 1995].

В заголовке публикации Дж. Мейера «Metaphors We **(Still) Teach** by (?)» («Метафоры, которыми мы (все еще) учим (?)») [Mayher 2003] используется не только замена знаменательного глагола, но и изменение модальности всей фразы, поскольку автор использует риторический вопрос. Исследователь выявил ведущие метафоры и, отметив их традиционность, призвал к поиску новых способов осмысления действительности. В этой статье отразились и когнитивно-семантические и прагматические аспекты исследования педагогической метафорики.

Примечательно, что исследования, в которых местоимения «we» меняется на другое местоимение или на существительное, связаны в первую очередь с выявлением когнитивной картины мира, свойственной определенным социумам. Соответственно публикации, в которых интертекстуальная трансформация затрагивает глагол, часто относятся к прагматически ориентированным работам. В первом случае ученые анализируют когнитивные картины мира учителей, политиков, детей, мужчин, женщин и др., а во втором – ученые ищут пути для того, чтобы *выжить* в условиях ухудшающейся экологии, *научить* студентов или, наоборот, препятствовать тому, чтобы общество *дискриминировало* иммигрантов или политики *жили* агрессивными метафорами.

Такая корреляция вполне закономерна, хотя она и не имеет тотального характера. К примеру, в исследовании Х. Тиссари [Tissari 2001], в названии которого использована трансформация («Metaphors We **Love** by» – «Метафоры, которыми мы любим»), анализируются способы метафорического представления концепта LOVE на примере нескольких корпусов английского языка, охватывающих период с 1450 г. вплоть до современности. Анализ содержания позво-

ляет отнести эту публикацию к исследованиям, ориентированным скорее на семантику, чем на прагматику. Отметим также, что в диссертации С. Озчалискана [Özçaliskan 2002] трансформация «Metaphors We **Move** by» связана с сопоставительным анализом метафор передвижения в английском и турецком языках. Хотя результаты таких исследований могут быть использованы в практике преподавания, они не относятся к прагматике. С другой стороны, в статье Л.М. Алексеевой под названием «Метафоры, которые мы выбираем (опыт описания индивидуальной концептосферы)» [Алексеева 2002] речь идет об индивидуальных метафорах, свойственных идиостилю Е.С. Кубряковой. Следует подчеркнуть, что весьма символично использование трансформированной цитаты из названия когнитивного исследования при характеристике идиостиля признанного лидера российской когнитивистики.

В некоторых публикациях применяется одновременная трансформация двух рассматриваемых элементов. Примером может служить интертекстуальная референция в названии диссертации Р. Стоукс: «The Metaphors **They Become Literate** by» («Метафоры, с которыми они становятся грамотными») [Stokes 1995]. В этом названии наблюдается замена местоимения, использование в сказуемом иного знаменательного глагола (*literate*) и изменение грамматических свойств сказуемого (*they become literate*). В данной статье Р. Стоукс рассмотрела метафоры, используемые в образовательном процессе для осмысления концепта literacy (грамотность, умение читать и писать). Автор отмечает превалирование онтологических и структурных метафор над ориентационными и советует преподавателям выявлять доминирующие метафоры своих студентов, чтобы знать, способствуют ли эти метафоры эффективному процессу обучения чтению и письму или препятствуют ему. Таким образом, интертекстуальная референция позволила автору указать на методологию исследования, на сферу применения эвристики этой методологии и отчасти на круг субъектов дискурса.

3. **Трансформации существительного metaphors.** Популярность теории концептуальной метафоры давно вышла

за рамки лингвистики, а название книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона используется при исследовании смежных с метафорой феноменов. Вполне закономерно, что в этом случае интертекстуальной трансформации подвергается слово *metaphors*, указывающее на объект исследования.

Результатом такой трансформации является, в частности, название книги по антропологии «*The Myths We Live by*» («Мифы, которыми мы живем») [Midgley 2003]. Такую же трансформацию обнаруживаем в названии исторического исследования Дж. Гиллиса «*The Myths and Rituals We Live by*» («Мифы и ритуалы, которыми мы живем») [Gillis 2002].

Не исследуются метафоры и в книге Л. Монк [Monk 2003], но в названии прослеживается интертекстуальная референция на книгу Дж. Лакоффа и М. Джонсона: «*The Words We Live by*» («Слова, которыми мы живем»). Автор проводит детальный анализ статей американской конституции, освещает историю ее интерпретации, а с помощью интертекстуальной трансформации подчеркивает важность и актуальность своего исследования для жизни каждого американца.

Ряд заголовков с рассматриваемой трансформацией использованы в исследованиях по психотерапии: «*Stories We Live by*» («Сюжеты, которыми мы живем») [McAdams 1993], «*Six Archetypes We Live by*» («Шесть архетипов, которыми мы живем») [Pearson 1998] и др.

4. Трансформация предлога *by*.

Среди компонентов названия рассматриваемой книги наименее подвержен трансформациям предлог *by*, можно предположить, что он служит едва ли не главным маркером интертекстуальной референции. Изменение предлога заставляет сомневаться в наличии интертекстуальной референции, особенно если автор не упоминает Дж. Лакоффа и М. Джонсона и не использует когнитивную методологию. Например, несмотря на наличие нескольких весьма показательных элементов, присутствующих в «*Metaphors We Live by*», сложно усмотреть интертекстуальную трансформацию в следующем заголовке: «*The Reflective Life: Character and the Values We Live With*» («Жизнь в рефлексии: Характер и ценности, с которыми мы живем»)

[Tiberius 2003]. Трудно с полной достоверностью предположить, что соответствующие межтекстовые связи возникают и в сознании большинства читателей, которые обращаются к статье К. А. Андреевой под названием «Метафоры, которые нам так близки, но так оригинальны и поэтичны» [Андреева 2005].

5. Расширение исходной конструкции. Следующий вид использования в заголовках рассматриваемого прецедентного высказывания – это его расширение за счет включения в заголовок разного рода уточнений.

Одним из вариантов такого уточнения может быть включение в структуру фразы разного рода дополнительных компонентов. Например, в статье В. Эггингтон «*The English language metaphors we plan by*» речь идет не просто о метафорах, а о «метафорах английского языка» [Eggington 1997].

Значительно чаще для уточнения смысла соответствующей конструкции в заголовках включаются дополнительные компоненты, оформленные как автономные предложения. Примерами могут служить, в частности, следующие названия: «*Green grammar and grammatical metaphor, or Language and the myth of power, or Metaphors we die by*» («Зеленая грамматика и грамматическая метафора, или Язык и миф о власти, или Метафоры, с которыми мы умираем») [Goatly 1996], «*Metaphors They Live by: Metaphorical Expressions in the Context of the Soviet Crisis 1991*» («Метафоры, которыми они живут: Метафорические выражения в контексте советского кризиса 1991 г.») [Palo 1993], «*Metaphors we kill by: Rhetoric and Conceptual Structure in U.S. Army Doctrine*» («Метафоры, которыми мы убиваем: Риторическая и концептуальная структура в доктрине армии США») [Brenner 2005] и др.

Как видно из примеров, расширение используется наряду с рассмотренными выше трансформациями элементов названия книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Вместе с тем расширение с полным правом можно считать отдельным видом трансформации, так как возможны варианты, при которых оно является единственным маркером отличия заголовка от источникового названия. В качестве примера можно привести заго-

ловок статьи, посвященной исследованию концептуальных метафор в ирландском языке: «Metaphors We Live by: **Some examples from Donegal Irish**» («Метафоры, которыми мы живем: некоторые примеры из ирландского языка в районе Донегола») [Ó Laoire 2000].

Дистинктивная функция расширения в полной мере реализуется в уже трансформированных заголовках, что можно проследить при сопоставлении следующих названий: «Lies We Live by: **The Art of Self-Deception**» («Ложь, которой мы живем: искусство самообмана») [Giannetti 2000], «Lies We Live by: **Defeating Double-Talk and Deception in Advertising, Politics, and the Media**» («Ложь, которой мы живем: борьба с лицемерной болтовней и обманом в рекламе, политике и СМИ») [Hausman 2000].

Наконец, расширение позволяет не только детализировать сферу применения когнитивной методологии или обособить определенное исследование от других изысканий с аналогичными трансформациями, но и предоставляет возможность для использования дополнительных интертекстуальных референций, что невозможно при других типах трансформаций. Примером может служить заголовок исследования С. Ромейн, изучившей концептуальные метафоры в дискуссиях по проблемам биологической вариативности и глобального потепления: «**War and Peace in the Global Greenhouse: Metaphors We Die by**» («Война и мир в глобальной теплице: Метафоры, с которыми мы умираем») [Romaine 1996].

В настоящей статье в основу категоризации исследований был положен формально-структурный, грамматический критерий. Разумеется, можно выделить и другие ракурсы для рассмотрения оснований интертекстуальных трансформаций. Так, особую группу составят случаи, когда название «Метафоры, которыми мы живем» метонимически обозначает теорию концептуальной метафоры в целом, то есть научное направление, которое впервые получило обоснование в соответствующей книге М.Джонсона и Дж.Лакоффа. Одним из примеров такого использования указанного названия может служить статья Э.В. Будаева и А.П. Чудинова «Когнитивные и риторические истоки «Метафор, которыми мы живем»

[Будаев, Чудинов 2006].

Обзор публикаций, в названиях которых присутствует рассматриваемая цитата можно продолжить. И конечно, в данной статье указаны далеко не все публикации, в названиях которых представлены соответствующие компоненты. Однако материалы настоящей статьи вполне позволяют сделать вывод о высокой частотности соответствующих заголовков и значительном разнообразии используемых видов трансформации.

Примечательно, что новые компоненты в большинстве рассматриваемых научных заголовков относятся к компонентам в названии книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона как гипонимы к гиперонимам. Разработав теоретические основы когнитивной теории метафоры, авторы фундаментального труда подобрали название, которое оказалось удобной моделью для заголовков более частных, практических исследований. По содержанию критерию интертекстуальные трансформации позволяют автору уже в заголовке отразить приверженность когнитивной методологии и вместе с тем указать на новую сферу применения когнитивных эвристик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Л.М. Метафоры, которые мы выбираем (опыт описания индивидуальной концептосферы) // С любовью к языку. Сборник научных трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. Москва – Воронеж, 2002.

Андреева К.А. Метафоры, которые нам так близки, но так оригинальны и поэтичны // Новая Россия: новые явления в языке и в науке о языке: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 14 - 16 апр. 2005 г. – Екатеринбург, 2005.

Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Когнитивные и риторические истоки «Метафор, которыми мы живем» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Лингвистика. – Челябинск, 2006. №6.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004.

Adamson T., Johnson G., Rohrer T., Lam H. Metaphors we ought not live by: Rush Limbaugh in the Age of Cognitive Science // <http://philosophy.uoregon.edu/metaphor/rush.htm> – 1998.

Brenner N. Metaphors We Kill by: Rhetoric and Conceptual Structure in U.S. Army Doctrine: Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. –

College Park, 2005.

Drulák P. Metaphors Europe Lives by: Language and Institutional Change of the European Union. EUI Working Papers, SPS No. 2004/15 // www.arena.uio.no/events/documents/Paper_001.pdf – 2004.

Eggington W. The English language metaphors we plan by // Language Policy: Dominant English, Pluralist Challenges. – Amsterdam: John Benjamins, 1997.

El Refaie E. Metaphors we discriminate by: Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers // Journal of Sociolinguistics. – 2001. – Vol. 5. – № 3.

Fienup-Riordan A. Clearing the path: metaphors to live by in Yup'ik Eskimo oral tradition // The American Indian Quarterly. – 1994. – Vol. 18. – № 1.

Giannetti E. Lies We Live by: The Art of Self-Deception. – Bloomsbury Pub Ltd, 2000.

Gillis J. R. Our Imagined Families: The Myths and Rituals We Live by // http://www.marial.emory.edu/pdfs/wp007_02.pdf – 2002.

Goatly A. Green grammar and grammatical metaphor, or Language and the myth of power, or Metaphors we die by // Journal of Pragmatics. – 1996. – Vol. 25. – № 4.

Hausman C. Lies We Live by: Defeating Double-Talk and Deception in Advertising, Politics, and the Media. – London: Routledge, 2000.

Hiraga M. K. Metaphors Japanese Women Live By // The Working Papers on Language, Gender and Sexism. – 1991. – Vol. 1.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Lawler J. M. Metaphors We Compute By // <http://www.virtualschool.edu/mon/Academia/Metaphors.html> – 1987/1995.

MacCloskey D.N. Metaphors economists live by // Social research. – 1995. – Vol. 62 (2).

Maglio P.P., Matlock T. Metaphors we surf the web by // <http://www.almaden.ibm.com/cs/people/pmaglio/public/meta4surf.ps> – 1998.

Mayher J. S. Metaphors We (Still) Teach By (?) // English in Australia. – 2003. – № 136.

McAdams D. P. Stories We Live By. – New York: The Guilford Press, 1993.

Midgley M. The Myths We Live By. – London/New York: Routledge, 2003.

Monk L. The Words We Live By: Your Annotated Guide to the Constitution. – New York: Hyperion Books, 2003.

Murphy P. F. Studs, Tools, and the Family Jewels: Metaphors Men Live By. – Madison: University of Wisconsin Press, 2001.

Mühlhäusler P. Metaphors others live by // Language and Communication. – 1995. – Vol. 15(3).

Norgaard R. B. Metaphors we might survive by // Ecological Economics. – 1995. – Vol. 15(2).

Özçaliskan S. Metaphors we move by: A crosslinguistic-developmental analysis of metaphorical motion events in English and Turkish: PhD in Developmental Psychology. – Berkeley: University

of California, 2002.

Ó Laoire L. Metaphors We live by: Some examples from Donegal Irish // <http://www.humnet.ucla.edu/humnet/celtic/22papers/olaoire.pdf> – 2000.

Palo T. Metaphors They Live By: Metaphorical Expressions in the Context of the Soviet Crisis 1991 // SKY: The Yearbook of the Linguistic Association of Finland. – 1993. – Vol. 9.

Pearson C. S. The Hero Within: Six Archetypes We Live By: Ph. D. – San Francisco: Harper San Francisco, 1998.

Ponterotto D. Metaphors we can learn by: How insights from cognitive linguistic research can improve the teaching/learning of figurative language // Forum. – 1994. – Vol. 32(3).

Rohrer T. Metaphors We Compute by: Bringing Magic into Interface Design // <http://www.uoregon.edu/~uophil/metaphor/gui4web.htm> – 1995.

Romaine S. War and Peace in the Global Greenhouse: Metaphors We Die By // Metaphor and Symbol. – 1996. – Vol. 11 (3).

Stokes R. The metaphors they become literate by: Peer tutors as undergraduate readers and writers. – Madison: University of Wisconsin, 1995.

Taylor J. Metaphors We Serve By: Critical and Constructive Play with the Discourses on Service, National Service, and Service-Learning // http://www.umbc.edu/lrc/diss/Joby_Taylor_diss.pdf.

Temmerman R. Metaphors the life sciences live by // Translation and Meaning. – 2001. – Part 5.

Thornbury S. Metaphors we work by: EFL and its metaphors // English Language Teaching Journal. – 1991. – Vol. 45(3).

Tiberius V. The Reflective Life: Character and the Values We Live With // <http://www.scotsphil.org.uk/documents/TiberiusReflectiveLifeCh1-Introduction.pdf> – 2003.

Tissari H. Metaphors we love by: On the cognitive metaphors of LOVE from the 15th century to the present // Studia Anglica Posnaniensia: International review of English Studies. – 2001. – Vol. 36.

Wierzbicka A. Metaphors linguists live by: Lakoff and Johnson contra Aristotle // Papers in Linguistics. 1986. Vol. 19. № 2.

© Будаев Э. В., Чудинов А. П., 2007

ВОРОШИЛОВА М. Б.

Екатеринбург, Россия

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ:

КИНОТЕКСТ

Abstract

The article is the continuation of the research aimed at studying the notion of the creolized text. This time we focus on the notion of the text of cinema. We presented a historical review of the works on which the given notion is based. We considered at length the modern linguo-cultural approach which is presented in researches of the Volgograd school.

Настоящая статья продолжает цикл

работ, посвященных понятию креолизованного текста. Термин «креолизованный текст», как нами было отмечено ранее, принадлежит отечественным лингвистам Ю.А. Сорокину и Е.Ф. Тарасову (1990): это «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)». В качестве примеров авторы приводятся кинотексты, тексты радиовещания и телевидения, средства наглядной агитации и пропаганды, плакатов, рекламные тексты [Сорокин, Тарасов 1990: 180-181]. Не случайно в числе первых авторы упоминают именно кинотекст. Стоит согласиться, что «среди восторжествовавших в культуре креолизованных текстов ведущее место принадлежит кинотексту. Кино стало «самым массовым из искусств», поставщиком моделей поведения для среднего носителя современной культуры» [Слышкин, Ефремова 2004: 4].

Подходы к определению понятия кинотекста. В начале XX века – период утверждения кинематографа как нового вида искусства – кино рассматривалось как довольно примитивная форма рассказывания истории средствами изображения. Первые попытки концептуализации кинофильма как знаковой системы, как «текста» были предприняты теоретиками русской формальной школы (В. Шкловским, Ю. Тыняновым и др.). Ю. Тынянов в работе «Об основах кино» (1927) предложил описание «лексики» (значимых единиц фильма как фигур киноязыка – киноэпитета, кинометонимии, киносинекдохи и др.) и «грамматики» (наплывов, ракурсов, диафрагм, «повторных перебивок», правил следования планов, композиционного синтаксиса внутрикадровых элементов, выражающих пространственные, временные и смысловые отношения вещей и событий в фильме) киноязыка. Посредством такого «языка» киноизображение трансформируется из картинки-иллюстрации в определенное значение (из «видимой вещи» – в «смысловую вещь» (Ю. Тынянов)), в значение особого порядка, совокупность которых в рамках фильма и образует так называемый кинотекст.

Следующим этапом разработки концепции кинотекста стала теория монтажа С. Эйзенштейна, который систематизи-

ровал и развил положения формальной кинотеории о том, что «природой кино-смысла является членение реальности кинематографическими средствами — освещение, ракурс, планы съемки, движение камеры — и «перемонтаж» полученных элементов в новом порядке» [Горных <http>]. Другими словами, характеристики кинотекста определяются так называемым «монтажным порядком» или ритмико-поэтическими правилами (контрапункта, параллелизма доминирующего движения или образа и др.).

В своих поздних работах, в частности, «Неравнодушная природа» (1945-1947), С. Эйзенштейн разрабатывает своеобразную философию киномонтажа как синтетического способа производства значения. Базовым алгоритмом этого производства является такое сопоставление двух элементов, при котором на основании их формальных свойств возникает «третий элемент», качественно превосходящий оба исходных. Этот алгоритм и вербален (в плане поэтического языка и его базовой единицы – метафоры), и визуален (принцип внутрикадрового и межкадрового монтажа). И именно из этих «третьих элементов», располагающихся в монтажных стыках видимого, слагается динамический, кинематографический текстуальный смысл фильма. Из формальных же монтажных элементов (изгибов форм, выхваченных траекторий движения, мелодических линий музыки) далее складываются смысловые фигуры или, так называемые «кино-иероглифы», в которых определенным образом переосмысливается классическое противопоставление видимого (визуального, динамичного) и невидимого (вербального, смыслового, неподвижного).

Данная структурно-семиотическая концепция иероглифического кинописьма в конце 1950 годов приобретает лингвоцентричную, семиотическую трактовку. В рамках данного направления была предпринята попытка систематического описания кинофильма как знаковой системы, построенной по модели естественного языка, то есть в основу была положена идея тождества экранного и вербального языков. Так итальянский писатель, режиссер театра и кино П.П. Пазолини полагал, что звукозрительный язык кино можно описать в терминах грамматики по

аналогии с вербальным языком: он разложил кадр (обозначенный им как «монема») как сложную единицу на составляющие его знаки кинемы («реальные проблемы, формы, события и действия реальности»).

Ю.М. Лотман как несомненный лидер данного научного направления в России в свое время писал следующее: «Мы обнаруживаем своеобразную систему сходств и различий, позволяющую видеть в киноязыке разновидность языка как общественного явления» [Лотман 1998: 312]. Итак, основная идея семиотического подхода к кинотексту заключается в том, что кинофильм имеет свой язык, который может быть описан с точки зрения синтаксиса, грамматики.

Структурно значащей единицей кинотекста исследователями признается кадр, как «основной носитель значений киноязыка» [Лотман 1998: 309]. Кадр делает кинотекст приближенным к речи в естественном языке, так как вносит в него дискретность, то есть он становится прерывным, повествовательное пространство и время членятся. «Мир кино – это зримый нами мир, в который внесена дискретность», – пишет Ю.М. Лотман [1998: 306]. Кинофильм распадается на кадры, которые соединяются посредством монтажа. Монтаж кадров функционально идентичен соединению морфем в слова и соединению слов в предложения [Лотман 1998: 343-344].

Рассматриваемое направление берет начало в теории отечественной кинематографии, где первостепенное влияние, как известно, уделялось монтажу. Так, кинорежиссер Л.В. Кулешов считал, что кадр должен быть однозначным, а соединение нескольких кадров образует кинематографическое «слово» или даже «фразу».

Несколько иное решение данной проблемы предложил У. Эко. По его мнению, «проблемы кино должны обсуждаться с акцентом на семиотику иконического знака и анализ его компонентов» [Эко <http>]. Независимо от сложности структуры все единицы кинотекста формируются на основе кодов. Помимо традиционных иконических кодов в визуальном тексте могут быть найдены, согласно точке зрения У. Эко:

- а) иконографические коды;
- б) коды вкуса и сенсорные коды;

- в) риторические коды;
- г) стилистические коды;
- д) коды бессознательного.

Психоаналитически настроенные исследователи (К. Метц, Ж. Лакан) в свое время будут связывать язык кино с работой бессознательного, утверждая, что значения его элементов следует искать в области символического. Так известный кинотеоретик К. Метц полагает, что в видеоизображении взаимодействуют два блока кодов:

1) культурно-антропологические коды, которые усваиваются с мига рождения, в ходе воспитания и образования (код восприятия, код узнавания, иконические коды);

2) технически сложные специальные коды, которые управляют сочетаемостью образов (иконографические коды, правила построения кадра, монтажа, коды повествовательных ходов).

Итак, термин «кинотекст» не нов в мировой научной литературе. Производство киноискусства, отмечают исследователи, представляет собой особую знаковую систему и может рассматриваться как определенный тип текста: Ю.М. Лотман (1992), Ю.Г. Цивьян (1984), Ю.Н. Усов (1993), А.В. Федоров (2000), Е.Б. Иванова (2000), Ю.Н. Тынянов (1977), У. Эко (1972). Так Ю.Г. Цивьян, представитель таллиннской научной школы, пишет: «в определенном приближении любой фильм можно определить как дискретную последовательность непрерывных участков текста. Назовем эту последовательность кинотекстом. ... единицей кинотекста всегда является пара ядерных кадров» [Цивьян 1984: 109-111].

Такой подход вполне правомерен и обоснован, но в рамках современного лингвистического исследования требует уточнения, расширения, а может изменение «ракурса рассмотрения». Такой «ракурс» и был предложен в рамках волгоградской научной школой (Е.Б. Иванова, Г.Г. Слышкин, М.А. Ефремова), исследователи которой определяют кинотекст как разновидность креолизованного текста – это «связное, цельное и завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и / или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функ-

ционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями [Слышкин, Ефремова 2004: 32].

Состав кинотекста. Кинотекст несомненно является одной из самой сложной семиотической структурой в ряду иных креолизованных текстов. Описывая сложный состав кинотекста, исследователи также предлагают различные подходы. Так, Ю.М. Лотман указывает, что кино по своей сути – это синтез двух повествовательных тенденций: изобразительной («движущаяся живопись») и словесной. У. Эко выделяет в составе кинотекста 3 основополагающих кодовых системы: портретная (видеоряд), лингвистическая и звуковая.

Ефремова М.А. [2004: 17-18], обобщая все сказанное выше, предлагает следующее определение состава кинотекста: лингвистическая и нелингвистическая семиотические системы, оперирующие знаками различного рода. Лингвистическая система в кинотексте представлена 2 составляющими: письменной (титры и надписи, являющиеся частью мира вещей фильма) и устной (звучащая речь актеров, закадровый текст, песня и т.д.). Нелингвистическая система кинотекста включает звуковую часть (естественные и технические шумы, музыка), видеоряд (образы персонажей, движения персонажей, пейзаж, интерьер, реквизит, спецэффекты). Все указанные элементы особым образом организованы и находятся в неразрывном единстве.

Собственно кинотекст, далее рассуждают исследователи, создается при помощи кинематографических кодов, к числу которых относятся ракурс, кадр, свет, план, сюжет, художественное пространство, монтаж. Каждый из названных кинематографических кодов может стать элементом режиссерского языка, посредством которого зрителю будет передана некая информация.

Общетекстовые категории кинотекста. Во-первых, определенные сложности в ходе исследования кинотекста возникают в связи с попыткой ученых связать кинотекст с замыслом режиссера. Порождение любого кинотекста связано с многократной семиотической

его трансформацией. За кинотекстом стоит авторский литературный сценарий → на основе литературного сценария при участии оператора-постановщика и художника создается режиссерский (или монтажный) сценарий, выполняющий функции производственного и технического проекта фильма → непосредственно в ходе съемок режиссер организует и согласует между собой творчество актеров, декораторов, музыкантов, осветителей, операторов и звукооператоров и т.д.

Современные исследователи единогласно отмечают, что кинотекст всегда есть некое коллективное произведение (хотя от себя отметим, что инструмент адекватной оценки вклада каждого из участников кинопроцесса пока отсутствует), так как в его порождении участвует весь штат съемочной группы. Безусловно, что «режиссер находится как бы над всеми остальными, но при этом... не представляется возможной редукция съемочной группы как творца только к фигуре режиссера» [Велижев: www.ru]. Итак, важнейшим конститутивным признаком кинотекста является коллективный функционально дифференцированный автор [Иванова 2001: 5].

Коллективное авторство является одним из наиболее важных отличий кинотекста от, например, художественного текста, несмотря на тот факт, что художественный текст также может быть результатом деятельности коллектива авторов. Художественный текст не позволяет точно дифференцировать авторство, тогда как в кинотексте при коллективном авторе наблюдается функциональная дифференциация – известно, кто написал сценарий, изготовил костюмы, исполнил роли, написал музыку и т.д. [Слышкин, Ефремова 2004: 25-26].

Далее в качестве конститутивных признаков кинотекста Иванова Е.Б. (2001) выделяет важнейшие общетекстовые категории (адресованность, интертекстуальность, целостность, членимость, модальность). Специфика большинства общетекстовых категорий фильма определяется свойственной кинематографу двухуровневой структурой и преобладанием в фильме зрительского уровня. Представители волгоградской научной школы предлагают следующие характерные черты кинотекста как текста [Слышкин, Ефремова 2004: 28-32].

1. Кинотекст является дискретной единицей, так как его структура допускает членимость.

2. Исследователи отмечают связность кинотекста: содержательная самостоятельность эпизода относительна, ибо требует опоры на кинотекст целиком. А значит мы можем говорить о кинотексте как «о едином когерентном целом».

3. Направленность развития событий в кинотексте может быть как движущейся вперед (в соответствии с ходом событий в реальном мире), так и «возвращающейся». Имеют место также проспекция и ретроспекция в узком смысле – предвосхищение будущего, забегание вперед и воспоминание о прошлом. Данные категории создают ощущение многомерности мира кинотекста.

4. В центре кинотекста независимо от конкретной темы повествования, как правило, стоит человек, что говорит об антропоцентризме кинотекста.

5. Кинотекст также обладает локальной и темпоральной отнесенностью. Пространство в кинотексте чаще несвободно от присутствия персонажа, неотделимо от времени действия, а время течет для зрителей неравномерно.

6. Кинотекст характеризуется многоканальной информативностью: с одной стороны, информационный поток разделяется по способу восприятия информации (зрительный и слуховой), с другой – по типу воспринимаемой информации (содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная, содержательно-подтекстовая [Гальперин 1981: 67]).

7. В кинотексте ничто не существует случайно, само по себе: каждый элемент включает в общую систему (системность), которая создается коллективным автором как результат множественных семиотических трансформаций и функционирует для выполнения единой цели.

8. Специфика категории целостности в кинотексте заключается в следующем: а) тесная интеграция лингвистической и нелингвистической составляющих; б) наличие четких временных и пространственных рамок; в) наличие сигналов, обозначающих начало и конец фильма.

9. Кинотекст является продуктом субъективного осмысления действительности коллективным автором. Учитывая дифференцированный полиавторский характер кинотекста, исследователи го-

ворят о сложном типе модальности. Кинотекст – это отражение мира, увиденного глазами группы людей.

10. Прагматическая направленность кинотекста представляет собой побуждение реципиента к ответной реакции, которая в данном случае предполагает некоторое имплицитное действие, т.е. изменение в чувствах, мыслях зрителя, что не обязательно находит вербальное выражение.

Дифференциация кинотекста. Особо внимания заслуживает и проблема дифференциации кинотекстов.

Киноведы традиционно описывают кинотекст с опорой на следующие технические характеристики:

- а) анимационный – неанимационный;
- б) черно-белый – цветной;
- в) широкоформатный – широкоэкранный – панорамный – стереоскопический;
- г) короткометражный – полнометражный;
- д) односерийный – многосерийный;
- е) немой – звуковой;
- ж) дублированный – недублированный (для зарубежного фильма).

Наивна классификация кинотекстов представляет собой их деление на 3 группы: художественной – документальной – анимационное.

Но так как ни наивная, ни киноведческая классификация не отвечают интересам лингвистического исследования, авторы работы «Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа», предлагают собственную лингвосемиотическую классификацию, основанную на типе превалирующих в кинотексте образительных знаков и доминирующем стиле [Слышкин, Ефремова 2004: 34-39]. Таким образом, дифференциация кинотекстов носит лингвосемиотический характер и определяются на невербальном уровне доминированием индексальных или иконических знаков, а на вербальном уровне – речевым стилем.

1. Художественным является кинотекст, в котором доминируют иконические знаки и стилизованная разговорная речь;

2. нехудожественным – тот, в котором доминируют индексальные знаки и научная или публицистическая речь;

3. в особую группу необходимо выделить анимационные кинотексты, в которых всегда используются иконические

знаки, поэтому при их классификации, считают исследователи, необходимо исходить из тематики и стилевых характеристик аудиоряда.

Также исследователям представляется возможным выделить классы кинотекстов по общетекстовым категориям:

а) по адресату (по возрастному признаку, по степени закрытости);

б) по адресанту (профессиональный – любительский);

в) по степени оригинальности сценария;

г) по жанру;

д) по степени прецедентности (по ценности для данного лингвокультурного сообщества).

В заключении настоящего этапа исследования мы отметим, что кинотекст, несомненно, представляет собой сложное лингвосемиотическое образование и может рассматриваться в рамках науки о языке, в современной же научной парадигме актуально его определение как одного из типа креолизованных текстов, состоящих из нескольких негомогенных частей. Представленные выше многочисленные определения кинотекста, к сожалению, раскрывают лишь отдельные его характеристики, но не отражают его как некое неделимое целое. Но справедливости ради отметим, что данное положение обусловлено тем ограниченным набором лингвистического «инструментария», который находится в распоряжении современного ученого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Велижев М. Режиссер и оркестр в трактовках Теодора Адорно и Федерико Феллини // <http://www.ut.ee/cno/third/fellini.html>

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: НАУКА, 1981. – с. 139

Иванова Е.Б. Интертекстуальные связи в художественных фильмах: Автореф. дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 16 с.

Иванова Е.Б. Художественный видеофильм как текст и его категории // Языковая личность: проблемы креативной семантики. К 70-летию профессора И.В. Сентенберг: Сб. науч. тр. / ВГПУ. √ Волгоград: Перемена, 2000. С. 200-206.

Иванова Е.Б. Художественный видеофильм как тип текста // Языковая личность: проблемы межкультурного общения: Тез. науч. конф., посвящ. 50-летию фак-та иностр. яз. Волгоград, 3-4 февр. 2000 г. / ВГПУ. √ Волгоград: Перемена, 2000. С. 30-31.

Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. с. 492.

Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998.

Лотман Ю.М., Цивьян Ю.Г. Диалог с экраном. Таллинн, 1994 – с. 215

Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). – М.: Водолей Publishers, 2004 – 153 с.

Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.

Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977 – с. 572

Усов Ю.Н. Основы экранной культуры. М., 1993. с.91

Цивьян Ю.Г. К метасемиотическому описанию повествования в кинематографе // Труды по знаковым системам, 17. Структура диалога как принцип работы семиотического механизма / Отв. ред. Лотман Ю. Тарту, 1984 (Ученые записки Тартуского гос. ун-т; вып. 641) с. 109-121

Эко У. К семиотическому анализу телевизионного сообщения. Сокращ.пер. с англ. Дерябин А.А. (1972 / 1998) // <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/eco.htm>

Эко У. Отсутствующая структура. – М., 1998.

© Ворошилова М. Б., 2007

Дьячок М. Т.

Новосибирск, Россия

ПАЦАН: СЛОВО И ПОНЯТИЕ

Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность В.И. Беликову и А.Ф. Журавлеву, прочитавших первоначальный вариант статьи и сделавших ряд ценных замечаний и дополнений.

Abstract

In this research the author highlighted such subjects as the history and etymology of the word «patsan» («boy, lad») and its derivatives, peculiarities of «patsan» culture. The history and the contemporary usage of the word «patsan» is quite significant for understanding the processes that happened in the Russian-speaking society during the 20th century and during the last decades in particular.

Слово *пацан* – стилистически нейтральное слово русского просторечия, эквивалентное русским литературным словам *мальчик*, *юноша*. Его история и современное употребление весьма показательны и поучительны для понимания процессов, происходивших в русскоязычном обществе в течение XX века в целом и последних десятилетий в частности.

История и этимология слова *пацан*. Насколько нам известно, слово *пацан* не зафиксировано в текстах и словарях XIX века. Первым письменным сви-

детельством его существования является, видимо, отрывок из "Тихого Дона" М.А. Шолохова: "Пацан, неси сюда!" (среди реплик на привокзальной площади в Ростове; кто говорит, непонятно, возможно, один из упомянутых чуть выше матросов-черноморцев) (Шолохов. Тихий Дон. Книга 2, 1928 г.). Чуть позже слово *пацаненок* в нейтральном значении использовано у Н.А. Островского в речи кочегара Андрея Птахи: "Василек, братишка! Пацаненок... Васька, стервец!" (Островский. Рожденные бурей, 1936 г.). Эти два примера по-своему показательны. Во-первых, они явно указывают на южное (причерноморско-южноукраинское) происхождение слова. Во-вторых, и в том, и в другом случае слово *пацан* использовано для характеристики представителей люмпенизированной среды.

На южное происхождение слова *пацан* указывает и его этимология. Наиболее вероятным представляется заимствованный характер слова: из идиш *поц* "половой член", переносно также "глупец, мерзавец", с добавлением распространенного в просторечии и жаргонах суффикса *-ан* (Суффикс *-ан* отсутствует в идише, отсюда несостоятельны попытки возвести слово *пацан* непосредственно к идишскому источнику. Что касается происхождения просторечно-жаргонного суффикса *-ан*, здесь также отсутствует полная ясность, не исключено воздействие "галантерейных" слов типа *маман*, *папан* и др), ср. *братан*, *друган* (и *дружбан*), *чушкан* (и *чухан*), *брюхан*, *губан*, *лобан*, *картофан*, *корифан*, *пахан* и др, ср. также просторечно-жаргонные формы имен собственных: *Колян*, *Толян*, *Костян*, *Вован* и т.п. [Ср.: Дьячок 2005: 171.]. Другие этимологии: от южнорусского *пацюк* "поросенок, крыса" ("Вероятно, образовано с экспрессивным суф. *-ан*: *пац-ан* – от *пац-юк* "поросенок; крыса", распространенного на юге") [См.: Фасмер 1987: 222.] или украинского *паць*, *паць-паць* "возглас, которым подзывают свиней" – кажутся менее вероятными по соображению словообразовательного и морфологического характера (Пока что совершенно непонятно отношение к этому слову румынско-молдавской фамилии *Пацан* и влашско-цыганского (из румынского?) имени собственного *Пацан*. Если это не случайное совпадение и не позднее заимствование из русского просторе-

чия, то здесь может быть очень интересное поле для исследования.).

В конце 1920-х гг. слово получает и свою первую словарную фиксацию. А.В. Миртов включает его в словарь "Из лексикона ростовских беспризорников и босяков" (1929 г.), определяя значение слова очень лаконично: *пацан* "мальчуган" [Миртов 1929: 250].

Однако в 20-30-е годы XX в. слово *пацан*, судя по всему, воспринималось все-таки как региональный экзотизм. Характерно, что оно не встречается в произведениях таких писателей, как М. Горький, А. Платонов, М. Зощенко, М. Булгаков, С. Есенин, Ю. Олеша, А. Мариенгоф, О. Мандельштам, Л. Сейфуллина, И. Бабель, В. Катаев, А. Пантелеев и многих других.

Очень интересны свидетельства современников той эпохи. Так, по словам писателя и филолога Г.П. Помазкова (род. в 1922), уроженца станицы Тацинской Ростовской области, слово *пацан* не использовалось в речи жителей казачьих станиц в 30-е гг., но его можно было услышать в Ростове, Таганроге и других крупных городах юга России. При этом слово *пацан* обозначало мальчишку 12-13 лет – сорванца и хулигана.

В сталинскую эпоху с ее жестким контролем над литературой и литературным языком слово *пацан* не часто появляется в произведениях печатной словесности. Ср., однако, следующие примеры: *Я, пацаном когда был, в Америку совсем уже бежать собрался, золото в Клондайке искать. Стащил двустволку у отца, сухарей набрал. Даже на норвежскую шхуну забрался. Мы во Владивостоке тогда жили.* (Некрасов В. В окопах Сталинграда, 1946); - *Не ходи с ними, пацан, - вязался вдруг Борька. - Давай лучше в расшибалочку постукаем.* (Рыбаков А. Кортик, 1948).

Для понимания семантики слова показателен следующий, чуть более поздний, пример: *Он [Эдуард Багрицкий] напоминал то ленивого матроса с херсонского дубка, то одесского "пацана"-птицелова, то забубенного бойца из отряда Котовского, то Тилля Уленшпигеля* (Паустовский К. Золотая роза, 1955).

Однако широкое распространение в литературе слово *пацан* получило, видимо, только с начала 60-х годов. Одним из первых популяризаторов слова стал

В. Аксенов, активно использовавший его в своих произведениях в самых разных значениях: *Вдруг он начинает делать успехи в спорте, играет в команде мастеров, и на улице пацаны говорят про тебя: "Это братан того самого".* (Аксенов В. Звездный билет); – *Я извиняюсь, – сказал пацан лет двадцати с сержантскими погонами.* (Аксенов В. Остров Крым). В то же время или чуть позже слово начинают употреблять и другие авторы, ср. *Если за колосками отправлялась для храбрости не одна девка, а три ("организованная шайка"), за огурцами или яблоками – несколько двенадцатилетних пацанов, – они получили до двадцати лет лагерей* (Солженицын А. Архипелаг Гулаг); *Где-то на нижних улицах трещали без умолку мотоциклы - гоняют, поди, обучаясь, пацаны.* (Распутин В. Прощание с Матерой); *Застыл у дороги пацан, и по его позе понятно, что он сейчас намертво решил: вырасту большим – буду мотоциклистом на красном мотоцикле. Становись мотоциклистом, пацан, не становись только исследователем...* (Савченко А. Открытие себя) и др.

Особенно активно слово *пацан* стало использоваться в художественной литературе, начиная с 90-х годов. Характерно, что в произведениях многих литераторов (обычно авторов массовой литературы, рассчитанной на "широкий круг" невзыскательного читателя) оно практически полностью утрачивает свой просторечный характер и начинает употребляться в значении "мальчик, юноша" без какой-либо стилистической окраски. Ср.: *Реализовывать его придется шестнадцатилетним пацанам, которых сейчас натаскивают в наших лагерях* (Лазарчук А. Опоздавшие к лету); – *Да, – подтвердил и Сергей Иванович и стал еще важнее, чем выглядел обычно, очень важный пацан.* (Кабакон А. Невозвращенец); *Но наверху сочли, что это – жирно пацану будет, и ограничились медалью "За Боевые Заслуги".* (Веллер М. Оружейник Тарасюк); *Нашим потом возиться было лень и незачем – посадили железную дверь, чтоб пацаны не лазили* (Акунин Б. Кладбищенские истории) и др.

Об активной адаптации слова *пацан* и его производных свидетельствуют и совсем уже, казалось бы, курьезные примеры, которые, тем не менее, явля-

ются достаточно многочисленными в современной массовой беллетристике – случаи, когда слово *пацан* используется в литературе исторической, фантастической, географической и тому подобной – не отражающей быт носителей русского просторечия. Ср. в историческом романе о России XVII в.: *Умница пацанка – о зверях, леших, ночной дороге слова сказано не было – малая, а понимает, чего бояться следует.* (Логинов С. Колодезь); в романе-фэнтези, интерпретирующим темы "Властелина колец": *У стойки потягивали ром двое морячков, судя по одежде и говору – анфаласцы, один постарше, другой совсем еще пацан.* (Еськов К. Последний кольценосец); в романе на темы альтернативной истории: *Впрочем, для девятилетнего пацана он плакал на удивление тихо.* (Романецкий Н. Убьем в себе Додолу); в повествовании об Африке (!): *Двое курчавых пацанов в одинаковых белых пальто и чернотелых клетчатых штанах, очень грустные, предложили свои услуги.* (Ерофеев В. Пять рек жизни).

В последние годы слово *пацан* стало использоваться и в переводах иностранной художественной литературы, пока, правда, еще достаточно робко и по отношению к мальчикам или подросткам из неблагополучных слоев общества. Ср. в описании быта марсельских цыган: *Они же, в благодарность за нашу тактичность, открыли у нас оптовый рынок; теперь мы можем посылать туда своих пацанов отовариваться бесплатно.* (Ковелер Д. Путь в один конец. Пер. Н. Мавлевич, Г. Зингера). Ср., впрочем, в некачественно выполненном переводе романа-фэнтези: *Я остался по-прежнему всего лишь глупым пацаном, рыдающим в пустом замке над телами убитых слуг* (Сапковский А. Последнее желание. Пер. Е. Вайсброт).

И уж совсем забавный пример, когда слово *пацан* использовано как дефиниция в иноязычно-русском словаре (правда, помещенном в интернете): *бала "пацан"* (sic!) (Казахско-русский словарь (<http://sozdik.kz>)).

Все это свидетельствует о том, что слово *пацан* активно проникает в русский письменный язык. Однако нельзя сказать, что оно становится также частью литературного языка, т.е. того языка, который зафиксирован в словарях и грам-

матиках и употребляется образованными слоями русского общества. Судя по проведенным опросам и беседам, слово *пацан* по-прежнему остается чуждым носителям русского литературного стандарта, которые воспринимают его как характерную черту русского просторечия и не используют его в разговорах на нейтральные темы, хотя в принципе могут употреблять его, говоря о носителях просторечия или имитируя просторечие.

Значение слова *пацан* и его производных. Как уже отмечалось, слово *пацан* является характерным именно для русского просторечия, причем в просторечии оно абсолютно нейтрально по своей стилистической окраске. Напротив, употребление русских литературных слов *мальчик* или *юноша* в разговоре носителей просторечия между собой выглядит довольно необычным и, судя по имеющимся примерам, просто не встречается.

Слово имеет два основных значения:

1) "Мальчик или юноша – носитель просторечия". *Пацаны, пойдете курить! У него двое пацанов. Там какие-то пацаны подрались.* Верхняя возрастная граница составляет примерно 30-35 лет и зависит от внешнего вида конкретного человека, его манеры одеваться, вести себя и других подобных факторов, т.е. *пацаном* можно назвать того, кто пока еще не перешел в категорию *мужиков* – мужчин – носителей просторечия.

В некоторых речевых контекстах может специально подчеркиваться тот факт, что *пацан* – именно носитель просторечия и просторечных культурных ценностей в противоположность носителям литературного языка. *Санька – наш пацан. Он – настоящий пацан* (т.е. агрессивный, драчливый, грубый молодой человек).

Примеры из художественной литературы: *Пацан в красно-зеленом клетчатом пиджаке и девочка в черном балахоне с вырезами на самых необычных местах пели о том, как им хорошо вдвоем на этом необитаемом острове.* (Лазарчук А. Иное небо); *- Мне, чего, так и стоять? - спрашиваю я этих пацанов с автоматами.* (Кунин В. Русские на Мариенплац); *Есть у нас в классе пацан.* (Житинский А. Параллельный мальчик).

2) "Рядовой боевик, член преступной группировки". *Тут подвалил Серый с па-*

цанами. А он возьмет и пацанов подошлет. Это значение развилось в последние два десятилетия в связи с усилившейся криминализацией русскоязычного общества и появлением фактически легализованных социальных групп, связанных с криминальной и полукриминальной деятельностью.

Примеры из литературы: *Заехав за Кентом и взяв одного из своих пацанов, Рында порулил в "Нахаловку". Дав инструкции пацану, он аккуратно обошел ряды киосков И сразу заметил за прилавком Попугая. Сделав условный знак, он вернулся в машину, а пацан пошел задавать нужные вопросы.* (Корецкий Д. Антикиллер); *Примчались какие-то пацаны. Скоро двое суток, а Пospelова найти не могут.* (Алексеев С. Пришельцы).

В близком значении слово встречается в речи арестантов, ср. комментарии А. Сидорова: "*Пацан* – похвальное определение представителя блатного братства. Это даже вовсе не обязательно молодой босьяк. Пацанами бывают и люди в возрасте. Он честный пацан – говорят о зэке. Это – похвала" [Сидоров <http://>].

От слова *пацан* образован ряд дериватов:

Пацаненок (мн.ч. – *пацанята*) "Мальчик – носитель просторечия". *Чё это там пацаненок носитя?*

Примеры из литературы: *Молодая мама, указывая на меня пальцем, что-то горячо втолковывала сразу забывшему о своем игрушечном паровозике пацаненку: мол будешь плохо себя вести, с тобой случится то же самое.* (Рыбаков А. Гравилет "Цесаревич"); *В прихожей их встретил круглощекий большеглазый пацаненок лет четырех.* (Крапивин В. Журавленок и молнии).

Пацанчик "Мальчик – носитель просторечия". *Глянь на того пацанчика!*

Пример из литературы: *Вылез совершеннейший пацанчик, мне до подмышки, чумазый и зареванный.* (Лазарчук А. Иное небо).

Пацанка часто неодобр. "Девочка или девушка – носительница просторечия". *У тебя кто – пацан или пацанка? (о детях). Танюха, блин, - настоящая пацанка.*

Пример из литературы: *А пацанку свою получишь, когда нам ключи от хаты отдашь.* (Кабаков А. Последний герой).

Слово *пацанка* в настоящее время

имеет эмоционально-оценочный характер. Нейтральным словом в просторечии для обозначения понятия "девочка, девушка" является *девчонка*, ср. также *дев-ка*, *тёлка*. Слово *пацанка* обычно используется тогда, когда говорящий хочет подчеркнуть "мужское" поведение девочки или девушки, не одобряемое в среде носителей просторечия.

Пацанва собир. недобр. "Мальчики или юноши – носители просторечия". *Тебе, дураку, уже двадцать лет. Зачем ты связался с этой пацанвой?*

Примеры из литературы: *Светловолосая сероглазая Ксанка, девчонка свое-нравная и драчливая, была единственной, кого куреневская пацанва приняла в свои игры.* (Болгарин И. Адъютант его превосходительства); *Пару месяцев пацанва лихо сражалась по дворам и улицам кто добротню выструганными шпагами, кто палками.* (Бушков А. Сва-рог).

Пацаньё собир. неодобр. "Мальчики или юноши – носители просторечия". *Пацанье вечно во дворе собирается, курят, пьют...*

Пацанский "1. Свойственный молодым людям – носителям просторечия. 2. Модный, современный (в понимании носителей просторечия)". *Пацанские приколы. Это настоящая пацанская тачка.*

По-пацански "1. Как это свойственно молодым людям – носителям просторечия. 2. Модно, современно (в понимании носителей просторечия)". *Тут мы зава-ливаем, по-пацански прикинутые.* Слово используется в ряде устойчивых оборотов: *сказать по-пацански* "сказать грубо, но откровенно", *отвечать по-пацански* "отвечать за свои поступки по законам носителей просторечия", *не по-пацански* "недостойно, не так, как следует, исходя из моральных норм носителей просторечия" и т.д.

Характерно, что вторые значения двух последних слов возникли уже в последние годы и активно эксплуатируются в молодежной среде, в частности на различных форумах и блогах интернета, при этом они сопровождаются появлением рядом устойчивых коннотатов, свойственных, по мнению молодых носителей просторечия, данному понятию.

Ср: *Аааа, чисто пацанский авто нужен* (<http://www.boards.auto.ru>); *Настоящий пацанский джип-бутерброд*

(<http://phitofile.ru>); *Джуд Ло сделал пацанский поступок* (<http://journal.lv>); *Пацанский кодекс поведения на дорогах* (<http://malinka.us>); *Проверьте свою способность мыслить по-пацански уже сейчас* (<http://kurilka.citforum.ru>); *Лучше скажи прямо – пусть недипломатично зато по-пацански* (<http://forum.realmusic.ru>); *Когда из гнома пытаюсь конкретно по-пацански системой порулить, он спрашивает пароль рута* (<http://forum.posix.ru>); *Купить винду (2000 или XP, чтобы все по-пацански)* (<http://www.opennet.ru>); *Пока прекратить ники регить разные и везде отвечать на вопрос откуда словом "орел" не по-пацански!!!* (<http://www.hip-hop.ru>).

В первом своем значении слова *пацанский*, *по-пацански* проникают и в публичную речь. Ср., например, диалог двух радикальных журналистов А. Венедиктова и С. Доренко в передаче "Особое мнение" по радиоканалу "Эхо Москвы" (1 ноября 2004), речь в которой идет о практике брать людей в заложники.

С. Доренко: Да, но он [Тамерлан] жил не в XXI веке. И второе я хотел сказать, это не по-кремлевски и не *по-пацански*, если мы серьезно, как я говорил в свое время.

А. Венедиктов: А мы на Дмитровке сидим, при чем здесь кремлевские?

С. Доренко: Нет, такие меры, поскольку у нас власть и верхушка наша пользуется моралью бандитской, насколько я успел заметить, общаясь с ними...

А. Венедиктов: *Пацанской*.

С. Доренко: *Пацанской*, бандитской, я хотел бы сказать, что это не *по-пацански* членов семьи-то трогать. Генпрокурор Устинов, например, перед своими врагами будет отвечать *по-пацански*, сам, а членов его семьи никто не будет брать в заложники, как мне представляется, если бандитская мораль все еще торжествует в России [Цит. по <http://echo.msk.ru>].

Пацанская культура. Являясь одним из слоев носителей просторечия, пацаны в силу своей молодости и активности во многом являются творцами и представителями просторечной культуры. Исследователи культуры носителей просторечия неоднократно отмечали ее "мужской" характер: как просторечие является наиболее характерным именно для молодых мужчин [Крысин 2000: 75-76.], так и про-

сторечная культура во многом опирается на ценности и понятия, сложившиеся именно в среде *пацанов*. Несколько упрощая ситуацию, просторечную культуру можно также условно назвать *пацанской культурой*.

Пацанская культура обладает рядом особенностей, которые отчетливо противопоставляют ее культуре носителей русского литературного языка. Если последние в целом ориентируются на общемировые (европейско-американские) культурные ценности, то носители просторечия создали свою оригинальную культуру, представляющую своеобразный сплав архаичной общинной культуры, элементы которой порой восходят еще к языческим, дохристианским временам, и культуры лагерно-уголовной, игравшей большую роль в России XX века.

При этом надо отметить, что пацанская культура не является чем-то новым, возникшим в последнее время. Напротив, она является логическим продолжением и развитием культуры "простого" советского человека. Можно сказать, что пацанская культура есть не что иное, как культура "простого" советского человека, вышедшая из подполья и своеобразно институционализованная. Все то, что в советское время обычно не предавалось гласности, стало очевидным и само собой разумеющимся. Мало того, уже в течение нескольких последних лет просторечная культура настойчиво позиционируется как культура собственно русская, противостоящая западной и восточным культурам. На это во многом направлены усилия средств массовой информации, кино, массовой литературы, и, несмотря на всю кажущуюся абсурдность этой претензии, подобный манипулятивный подход уже начинает приносить свои плоды.

Исследователи русской просторечной культуры В. Аллахвердиева и А. Плущер-Сарно так характеризует нынешнее положение пацанов в России: "Это им посвящаются отечественные блокбастеры, они регулярно фигурируют в СМИ, они присягают Родине, на их крепких плечах держится наша культура и наше будущее. Так принято считать. Потому что "пацаны" или "гопники" или "дворовая субкультура жилмассивов" – и есть те самые дети пролетарской России, которым "езде у нас дорога" и почет. Пацаны – патриоты России. Они слушают на-

шу музыку, болеют за наш футбол, покупают наше пиво, курят наши сигареты, нюхают наш клей. У пацанов есть свой язык, своя риторика, свои законы, своя жестикация" [Аллахвердиева [http](http://)].

Исследования пацанской культуры – пока еще дело будущего. Несмотря на то, что в последнее время появляется довольно значительное число публикаций, посвященных этой проблеме (Ср., напр., о социолингвистическом аспекте проблемы: Крысин 2003; Шалина 2005; Купина 2004; Химик 2000 и др.), обобщающих монографических работ на эту тему пока не издано [Дьячок 2005: 84-100; 2006.]. Тем не менее, исследования в этой области представляются сейчас особенно актуальными для русской социолингвистики и культурологии, так как они во многом помогут понять, что происходит в настоящее время с русским языком и русским обществом, а также дать практические рекомендации для оптимизации нынешней ситуации.

Главная особенность современного этапа развития культуры носителей просторечия и пацанов как наиболее характерных ее представителей состоит в том, что в настоящее время происходит активная легализация этой культуры. Однако исследователя проблемы при этом никак не покидает мысль о том, что подобное развитие ведет в какой-то очень темный тупик, из которого будет очень непросто выбраться. И это несмотря на то, что сегодня "пацаны – гордость и слава нашей родины, они сидят в правительстве, они участвуют в выборах, они, распальцованные и заикающиеся на каждом слове, решают, как должны жить все остальные и навязывают нам свои идеалы, свою феню и свои "понятия". Они устанавливают законы, финансируют культурные проекты, руководствуясь своими, пацанскими представлениями о прекрасном, выступают перед публикой, жертвуют на строительство храмов и фигурируют в светской хронике..." [Аллахвердиева [http](http://)].

Хочется надеяться, что научные исследования этой проблемы помогут решить ее и в практическом плане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аллахвердиева В., Плущер-Сарно А. Фотопроект Алика Якубовича "Пацаны" // <http://fotonovosti.ru>
Дьячок М.Т. Русский язык в начале XXI в.: Основные тенденции развития. – М., 2006.

Дьячок М.Т. Формы обращения и клички в солдатском аргю // Наука. Университет. 2005. Материалы Шестой научной конференции. – Новосибирск, 2005..

Дьячок М.Т., Моисеев С.В. Социолингвистический портрет носителя просторечия // Вестник Университета права, бизнеса и политики. – Худжанд, 2005, № 3-4.

Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. № 5. – Сеул, 2000.

Крысин Л.П. Формы существования (подсистемы) русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М., 2003.

Купина Н.А., Шалина И.В. Современное просторечие: взгляд изнутри // Русский язык в научном освещении. № 7. – М., 2004.

Миртов А.В. Из лексикона ростовских беспризорников и босяков // Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. – Ростов-на-Дону, 1929.

Сидоров А. Комментарии к переводам текстов на уголовный жаргон // <http://www.zona.com.ru>.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т. 3. – М., 1987.

Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. – СПб., 2000.

Шалина И.В. Просторечная языковая культура: стереотипы и ценности // Известия Уральского государственного университета. № 35. – Екатеринбург, 2005.

<http://echo.msk.ru>

© Дьячок М. Т., 2007

Кушнерук С. Л.

Челябинск, Россия

ИМЕНА, КОТОРЫЕ ОТКРЫВАЮТ КОШЕЛЬКИ:

МИР КИНО В РОССИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ РЕКЛАМЕ

Abstract

The article presents a study of the precedent phenomena in advertising texts. Both precedent names and titles are viewed in detail with regard to the part they play to increase the sales of a product or service.

Современный мир в большой степени формируется под влиянием средств массовой коммуникации, к которым относят рекламу. Закономерно, что внимание исследователей привлекает рекламный дискурс, определяемый как социальный процесс, в который включен текст, а текст является конкретным материальным объектом, получаемым в дискурсе [Почепцов 2001: 493, Лазарева 2007: 213]. Помимо основной функции продвижения товаров / услуг, рекламный текст является единицей общения и во многом определяет речевую культуру целевой аудитории (Е. С. Кара-Мурза, Э. А. Лазарева,

Ю. К. Пирогова, Б. С. Терemenko, О. М. Федосова, Н. В. Щербина и др.). Вместе с тем рекламный текст может рассматриваться как источник лингвокультурологической информации, отражающей определенные социальные приоритеты и культурный уровень создателей и потребителей рекламы.

Настоящая статья продолжает серию публикаций, ориентированных на сопоставительное исследование прецедентных феноменов в российской и американской рекламе [Кушнерук 2006, Кушнерук, Чудинов 2007а, 2007б], и посвящена анализу прецедентных имен, восходящих к понятийной сфере «кино». Эти имена рождают целый спектр позитивных эмоций, следствием которых становится желание достать кошелек (или кредитную карточку) и купить рекламируемый товар или услугу.

В неумолимом поиске эффективных способов воздействия на покупателя, современная реклама умело пользуется яркими находками зрелищных видов искусства. Коммерческую выгоду можно извлечь даже из фильма про безжалостного убийцу?! «Амур и Психея», «Грималь», «Бальдини» ассоциируются с киноверсией шедевра немецкого драматурга и прозаика Патрика Зюскинда «Парфюмер». Теперь это еще и популярные ароматы, которые предприимчивый европейский дизайнер разработал исключительно ради того, чтобы фильм обрел запах, а кинопрокат увенчал успехом экстравагантную промо-акцию.

Такой творческий прием характеризует ассоциативную рекламу, которая укрепляет позиции не только за рубежом, но и в России. Рассмотрим механизм того, как ассоциативный потенциал прецедентных имен из области кинематографа служит основой создания социально-психологических установок, предопределяющих выбор покупателя в пользу рекламируемого продукта в российской и американской рекламе.

Аксиоматична мысль о том, что человек анализирует новую информацию сквозь призму имеющихся знаний и представлений. В терминах рекламной коммуникации это означает, что выгодно повлиять на решение покупателя может правильная подсказка, восходящая к его прошлому опыту. Такой подсказкой становятся имена героев полюбившихся ки-

нофильмов, режиссеров и, конечно, актеров, играющих ключевую роль в трансляции типажа.

В числе выдающихся актеров современности, чьи имена и образы используются в российской рекламе, – М. Монро, Дж. Лопес, М. Дитрих, С. Лорен, Э. Тейлор, Ч. Чаплин, Д. Мур, С. Дж. Паркер, Э. Макдауэлл, В. Галкин, Н. Михалков, М. Голубкина, Е. Стриженова, М. Башаров, М. Шукшина и др. В широком смысле за каждым из них стоит брэнд, то есть определенная совокупность отличительных черт, формирующих в сознании адресата представление о носителе имени, как правило, связанное с творческими успехами. Рекламуемый товар как бы присоединяется к брэнду, уже пользующемуся необыкновенной популярностью, и в результате становится «улучшенным».

В глазах любой женщины стразы *Swarovski* заблестят ярче, если сама Мэрилин Монро поделилась с ними звездным статусом. Ср.:

В самой запоминающейся сцене двадцатого века Мэрилин Монро исполняет песню «Бриллианты – лучшие друзья девушек» – В платье с кристаллами Swarovski... Сияющие, притягивающие внимание украшения являются самым ярким отражением стиля и звездного статуса (NZ).

Туфли на высоком каблуке превратятся в элемент самовыражения и еще на шаг приблизят представительницу прекрасной половины к гламурной жизни, если, узнав из броского журнала, что «эти шпильки украшали стопы Орнеллы Мути, Дженнифер Лопес и Моника Белуччи» (Я покупаю), она решится купить их в близлежащем бутике.

Включение имен знаменитостей в рекламный текст служит психологическим аргументом, призванным оказывать воздействие не на разум, а на чувства потенциального покупателя, затрагивать его мнения, настроения, внушая необходимость приобретения рекламируемого предмета, который в таком ракурсе становится не просто престижной, но культурной вещью. Ср. (реклама обуви):

Обувь от Джузеппе Дзанотти носят Мадонна и Катрин Денев, Дженнифер Лопес и Пенелопа Крус, Камерон Диас и Кристина Агилера, Шакира, Бритни Спирс и Бейонсе – и этот список можно продолжать до бесконечно-

сти (Я покупаю).

Судя по рекламе, которая безошибочно определяет и тонко играет на существующих в культуре приоритетах, американская киноиндустрия безраздельно владеет умами и сердцами россиян. Невероятным спросом у отечественных рекламистов пользуются не только имена актеров, но и героев голливудских блокбастеров, в числе которых – Джедаи, Кэрри Брэдшоу, Форрест Гамп, Бонни и Клайд, Индиана Джонс, Джеймс Бонд, Бильбо Бэггинс и др. Ср. (реклама женских сапог):

*Что-то в них есть, в этих сапожках. Может, все дело в кожаных вставках? Кажется, именно такие полусапожки носили Бонни и Клайд в молодости. Даже если вы не в восторге от вестернов, и у вас нет привычки носить пистолет за поясом, стоит приглядеться к обуви от *Paco Rabanne* (Я покупаю).*

Большинство киногероев в прошлом персонажи художественной литературы, получившие экранную интерпретацию. Существенная разница между двумя в рекламе прослеживается в связи с тем, что образ литературного героя является результатом творческих усилий одного автора, его восприятие требует от адресата активной работы воображения, а, следовательно, дополнительного времени. Образ киногероя дается «в готовом виде», его не нужно «домысливать», поскольку он уже ассоциируется в сознании с конкретным актером (*Д’Артаньян* – М. Боярский, *Атос* – В. Смехов, *Каменская* – Е. Яковлева, *И. Плахов* – К. Хабенский, *Терминатор* – А. Шварценеггер, *Рэмбо* – С. Сталлоне, *Крокодил Данди* – П. Хоган и т. д.). Время на узнавание резко сокращается, а эффект, предположительно, увеличивается. Рекламный текст не был бы самым дорогим в мире, если бы не эта простая арифметика.

Многочисленные сериалы, передающие друг другу эстафету телеэфира в утешение закоренелым домохозяйкам, вдохновляют российских рекламистов на коммерчески ориентированное творчество. Положительные ассоциации закладываются как названия фильмов («Секс в большом городе», «Убойная сила», «Моя прекрасная няня», «Не родись красивой» и др.), так и имена героев (Кэрри Брэдшоу, Вася Рогов, Игорь Плахов и др.). Ср.

(реклама услуг туристического агентства):

Если вы всегда хотели стать путешественником, но не знаете, с чего начать, поможет клуб «Дикий ветер». Названия туров говорят сами за себя: «В стране Властелина Колец» – приключения в Новой Зеландии; реальный шанс почувствовать себя эльфом. А если вы вдохновились последними приключениями Васи Рогова и Игоря Плахова, вам предложат африканское сафари «По следам “Убойной силы”» (City Гид).

По мысли рекламиста, читатель (он же потенциальный покупатель услуг) подсознательно захочет примерить на себя поведенческий шаблон героя, имя которого вызывает яркие зрительные образы (эмоционально окрашенные «картинки») из популярного фильма.

Специальные наблюдения показывают, что на «кинематографической карте» российской рекламной реальности расположены две неравнозначные области – «свое» и «чужое». Если «свое» (отечественное кино) составляет примерно треть по количеству прецедентных антропонимов, используемых в рекламе, то «чужое» (главным образом, американское кино) служит их основным источником.

Карта американской рекламы в преломлении на киноискусство дает совсем иное представление. Удельный вес прецедентных имен, относящихся к кинематографу, максимально высок. В числе наиболее частотных – имена американских актеров, режиссеров и героев, которые уже стали привычными и для российского кинозрителя, – Р. Зеллвегер, М. Райан, М. Монро, К. Гейбл, Т. Хэнкс, Дж. Робертс, Л. Дикаприо, К. Уинслет, Р. Гир, Н. Кидман, Дж. Клуни, Г. Пэлтроу, М. Мур, К. Тарантино, В. Аллен, Тарзан, Терминатор, Бонни и Клайд, Крокодил Данди, семейка Аддамс, Супермен, Томас Краун и др. Ср. (реклама женской одежды):

[Vintage couture has never been hotter. Actresses like Nicole Kidman, Renee Zellweger and Julia Roberts regularly sport vintage evening dresses on the red carpet, and modern designers are reaching back in time for inspiration] (Newsweek). Классические модели еще никогда не пользовались таким успехом. Передовые дизайнеры

черпают вдохновение в прошлом, а актрисы Николь Кидман, Рене Зеллвегер и Джулия Робертс смело щеголяют по красной дорожке в винтажных вечерних нарядах.

Использование прецедентных имен и названий, связанных с фильмами, приобретшими культовую популярность, в подтверждение внешнего сходства рекламируемых предметов – точных копий кинематографического реквизита – отличительная особенность американской рекламы. Молниеносная реакция на экранный успех подстегивает производство разнообразных безделушек-сувениров. Возникает спрос на «воссозданные» предметы, такие как волшебная палочка Гарри Поттера (фильмы по мотивам романов Дж. К. Ролинг), ручки в виде посохов Гендальфа и Сарумана, ковры-карты перемещений Бильбо и Фродо, подвеска Арвен, брошка в виде листка, которую носили члены Братства («Властелин колец»), меч Ахиллеса («Троя») и пр. Описанное явление находит непосредственное отражение в рекламных текстах. Ср. (реклама сувениров):

[Harry Potter's wand. An authentic recreation of the famous wizard's wand as seen in the movie Harry Potter and the Prisoner of Azkaban. Comes complete with a replica of the original Ollivanders wand box, featured in the film Harry Potter and the Sorcerer's Stone. Wand measures 14 inches in length] (Sky Mall). Волшебная палочка Гарри Поттера. Точная копия знаменитой волшебной палочки из фильма «Гарри Поттер и узник Азкабана». В набор входит детально воссозданная шкатулка мистера Олливандера, известная по фильму «Гарри Поттер и колдовской камень». Длина волшебной палочки 14 дюймов.

Другой пример – в рекламе меча-сувенира, созданного по модели меча Ахиллеса (Брэд Питт) в фильме В. Петерсена «Троя»:

[Throughout times, men have waged wars. Some for power, some for glory, some for honor – and some for love. From the epic motion picture. Troy. The Noble Collection brings a recreation of the Sword of Achilles. Crafted to exact detail, the sword has a bronze plated stainless steel blade] (Sky Mall). Во все времена люди вели войны – за власть, за славу, за честь и за любовь. Эпическая кинолента.

«Троя». В коллекции представлена копия меча Ахиллеса. Мастерски воссоздана каждая деталь, лезвие из нержавеющей стали покрыто слоем бронзы.

Стремясь заинтересовать потенциальных покупателей, американские специалисты, также как и российские, учитывают культурно-языковую компетенцию своих соотечественников. Новое создается через хорошо зарекомендовавшее себя старое. Помещая прецедентное имя в непривычный контекст, копирайтеры моделируют рекламную действительность так, чтобы снизить рациональность решения потребителя.

Прецедентное имя *Крокодил Данди* («пришедшее» из одноимённого фильма с П. Хоганом в главной роли) наполнено представлениями о бесстрашном и смелым охотнике на крокодилов, который занимается сафари-бизнесом в Австралии. Ср.: (реклама экскурсий):

[Do you want to give your family, or out of town guests a memory that they will talk about for years to come? A Safari Tour with Captain George Warthen down the St. Johns River will do just that! This two-hour trip around Goat Island, through the logging canal and the Hontoon Dead River will make you feel like a veritable Crocodile Dundee] (Travel). *Хотите, чтобы воспоминания надолго стали предметом обсуждения ваших домашних и гостей? Тогда сафари-тур вниз по реке Сент Джонс с капитаном Джорджем Вазерном как раз для вас! Двухчасовая экскурсия вокруг острова Гоат по лесозаготовочному каналу и реке Хонтун Дэд, и вы почувствуете себя настоящим Крокодилом Данди.*

Апелляция к прецедентному имени нацелена на переориентирование читателя в ситуацию желаемого будущего, т. е. превращение позиции внешнего наблюдателя в позицию активного участника действия, связанного с рекламируемой услугой.

Риторический эффект могут усиливать «скопления» прецедентных имен и названий, восходящих к кинематографу и к другим культурным сферам, обладающим зрелищностью. Подсмотреть в замочную скважину предлагают скандальные реалити-шоу – развлекательные телевизионные программы, составленные из фрагментов записи жизни и общения людей, помещенных, согласно правилам,

в особые условия, – что находит отражение в американской рекламе, которая так же, как российская, ищет различные способы проникновения в эмоциональную сферу человека. Ср. (М. Мур, «Большой брат» и «Властелин колец» в рекламе видеокамер):

...whether you are looking to bring out your inner Michael Moore, put a «Big Brother» spin on your next family reunion or produce a remake of «The Lord of the Rings» trilogy in your backyard, the latest digital video cameras have more than enough features to make it happen (Newsweek). *... хочешь открыть в себе Майкла Мура, чтобы Большой брат наблюдал за каждым на очередном семейном собрании, или сделать во дворе римейк трилогии «Властелин колец», в новых цифровых видеокамерах есть все для этого.*

Вполне понятно, почему прецедентные имена из области кинематографа востребованы в современной рекламе. Имена актеров, режиссеров и героев кинофильмов используются в рамках стилистического приёма, способствующего реализации закреплённых за рекламой функций – привлечь внимание, вызвать интерес, проинформировать о предлагаемых товарах или услугах с тем, чтобы убедить читателя совершить потребительское действие. Большой объем энциклопедической информации, стоящий за каждым прецедентным именем, дает рекламисту возможность вызывать ассоциации, которые активизируют стремление к престижу – мотив, основанный на представлениях о том, что каждый человек желает получить признание со стороны окружающих и занять достойное место в жизни.

С когнитивной точки зрения имя актера или героя фильма, выступает речевым стимулом разворачивания некоторой последовательности «кадров» (ментальных образов), которая создает эффект кинематографической вовлечённости и облегчает восприятие рекламного текста. Так, подчеркнуто ненавязчиво коммерческая реклама воздействует на систему оценок покупателей и формирует лояльное отношение к рекламируемому товару или услуге.

Единство социально-психологической сущности рекламы, сходство большинства ценностных установок, составляющих основу мотивации и убеждения в

жизни человека, а также общий характер оценивания по шкале «хорошо – плохо», объясняют однотипность механизмов воздействия в российской и американской рекламе. Различия обусловлены культурной идентичностью, которая проявляется на уровне несовпадения социально одобряемых образцов для подражания. Отождествление со «своим» в американской рекламе обнаруживает крайний индивидуализм и герметичность как ведущие характеристики культуры, повсеместно расширяющей границы своего влияния. Распространение американских ценностей сказывается на российской рекламе, в которой доминирует «чужое», преимущественно представленное именами голливудских актеров, режиссеров и героев кинофильмов, что свидетельствует о высокой степени проницаемости отечественной культуры, ее чувствительной восприимчивости к процессам глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кушнерук С. Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе / С. Л. Кушнерук // Дисс. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2006. – 213 с.

Кушнерук С. Л., Чудинов А. П. Имена, открывающие кошельки. Статья первая // Русская речь. – 2007. – № 2.

Кушнерук С. Л., Чудинов А. П. Имена, открывающие кошельки. Статья вторая // Русская речь. – 2007. – № 3.

Лазарева Э. А. Об ошибочном рекламном дискурсе / Э. А. Лазарева // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. – Вып. IX. – СПб.: «Сударыня», 2007. – С. 213–219.

Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 2001. – 656 с.

Федосова О. М. Особенности рекламной коммуникации / О. М. Федосова // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. – Вып. IX. – СПб.: «Сударыня», 2007. – С. 220–222.

© Кушнерук С. Л., 2007

Русова И. А.

Сургут, Россия

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В СОНЕТАХ В. ШЕКСПИРА И ИХ ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Abstract

The paper deals with the analysis of political metaphors in poetic discourse. The research is based on W. Shakespeare's sonnets. Taking into consideration the linguo-cultural nature of metaphor the author revealed the ways the political life of the medieval England was reflected in Shakespeare's political

metaphors, and specified the devices translators apply to make every single metaphor comprehensible to a bearer of Russian culture.

В последние десятилетия всё большую популярность приобретает изучение политической метафоры в когнитивном аспекте. Наиболее известные работы по данной тематике посвящены исследованию метафоры политическом дискурсе (В.Н. Базылев, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Э.В. Будаев, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.). Мы же попытаемся рассмотреть политическую метафору в поэтическом дискурсе, где материалом исследования выступают сонеты В.Шекспира. Учитывая, что метафора имеет лингвокультурный характер, мы проследим, как в ней отразилась политическая жизнь средневековой Англии и к каким приёмам прибегают переводчики, чтобы сделать каждую отдельную метафору понятной носителю русской культуры.

В эпоху Возрождения распахнувшийся перед человеком мир подтолкнул поэтов к включению в свои произведения образов, почерпнутых из различных областей жизни: политики, военного дела, экономики, юриспруденции. Сонеты В. Шекспира отличаются обилием в них подобных жизненных реалий. Одновременно шла ориентация на культуру античности. Именно поэтому в эпоху Возрождения любовь часто представлялась как отношения повелителя и подданного.

В. Шекспир регулярно прибегает к использованию в сонетах социально-политической лексики: *slave (раб)*, *vassal (вассал, зависимый)*, *servant (слуга)*, *servant (прислуживающий)*, *homage (почитание, почтение)*, *sovereign (монарх, повелитель)*, *monarch (монарх)*, *lord (господин)*, *owner (хозяин)*, *tyrant (тиран)*, *reign (господство, верховная власть)*, *crowned (коронованный, увенчанный короной)*, *majesty (величество)*, *excellence (превосходительство)*, *embassage (посольство)*, *kingdom (государство, царство)*, *politic (политический)*. Таким образом, мы обнаруживаем концептуальную метафору ЛЮБОВЬ – это СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. Причём, данная метафора позволяет рассматривать две более конкретные метафоры. Первая из них ЛЮБОВЬ – это РАБСТВО: влюблённый уподобляется рабу, призванному служить своему господину, сносить от

него унижения и обиды, проявляя покорность, преданность и восхищение. Другой образ ЛЮБОВЬ – это ВОЙНА (В данной статье мы не станем называть метафору Любовь – это Война военной, т.к. заострим внимание главным образом на иерархическом характере взаимоотношений героев): влюблённые предстают как участники битвы, в которой лирический герой, испытывающий более сильные чувства, «терпит поражение», «попадая в плен» красоты возлюбленной. Вариантом этой же метафоры является представление влюбленных как генерала и рядового. Именно специальная лексика, характеризующая отношения между влюблённым и объектом любви, придаёт шекспировской образности социально-политический оттенок.

Обращаясь к понятийному полю «Любовь», выделим фреймы, подлежащие «политической интерпретации»:

1) тип взаимоотношений между влюблёнными (феодалы или военные отношения);

2) испытываемые чувства (уважение, почтение, поклонение; тирания);

3) действия / деятельность влюблённых (выполнять приказы, прислуживать; приказывать, командовать).

Наиболее часто встречаемые общественно-политические термины в сонетах В. Шекспира – *раб* и *повелитель* – обозначают главных действующих лиц на любовной арене, каждый из которых имеет свою собственную политику.

В сонете 57 В.Шекспир пишет: «*Being your slave (...) I have no (...) services to do, till you require*» (будучи твоим рабом, я жду твоего приказа, чтобы услужить тебе) [The Complete Works of William Shakespeare 1994: 1232]. Открыто признавая себя рабом, лирический герой не пытается противостоять своему положению. Напротив, он довольно почтительно относится к своему повелителю и готов выполнить его любой приказ. В русских переводах данная мысль подтверждается. Так, А. Финкель переводит: «Я – твой слуга, и вся моя мечта / Лишь в том, чтоб угадать твои желанья / Душа тобой одною занята, / Стремясь твои исполнить приказанья» [Шекспир 1999: 147]. Перевод сохраняет исходную метафоризацию и не выходит за рамки заложенного В.Шекспиром концепта. С этой же позиции выстроен перевод

В. Брюсова: «Твой верный раб, я все минуты дня / Тебе, о мой владыка, посвящаю. / Когда к себе ты требуешь меня, / Я лучшего служения не знаю» [Шекспир 1999: 146], но рабские нотки звучат здесь более отчётливо. Перевод сонета 57, выполненный С. Маршаком, начинается со строк: «Для верных слуг нет ничего другого, / Как ожидать у двери госпожу. / Так, прихотям твоим служить готовый, / Я в ожиданье время провожу» [Шекспир 2004: 139]. В переводах В. Брюсова и С. Маршака использовано прилагательное «верный», которое в данном контексте приобретает двойную интерпретацию: с одной стороны, оно характеризует человека преданного в служении своему наставнику, с другой – указывает на преданность в любви. Кроме того, С. Маршак подчеркивает, что лирический герой – это мужчина («служить готовый»), который обращает свою речь к женщине («госпожа»).

В сонете 141 мы встречаем развернутую метафору, которая полностью охватывает третий катрен: «*But my five wits nor my five senses can / Dissuade one foolish heart from servicing thee, / Who leaves unsway's the likeness of a man, / Thy proud hearts slave and vassal wretch to be*» [The Complete Works of William Shakespeare 1994: 1242] (ни мои чувства, ни разум не в силах повлиять на моё сердце, и я стал только подобием человека, рабом и вассалом «смуглой дамы») [Шекспир 2004: 418]. В переводе Н. Гербеля данная метафора не отражена. Очень смутно она проявляется и в переводе О. Румера: «*Но все пять чувств моих разубедить / Не могут сердце глупое, в котором / Горит желание тебе служить*» [Шекспир 1999: 393]. Более ясная картина предстаёт в переводе С.Маршака: «*И всё же внешним чувствам не дано - / Ни всем пяти, ни каждому отдельно - / Уверить сердце бедное одно, / Что это рабство для него смертельно*» [Шекспир 2004: 307], которая базируется на использовании более ёмкого слова «рабство». Наиболее точно и полно выполнил перевод рассматриваемого катрена А.Финкель: «*Но все пять чувств и разум заодно / Спасти не могут сердце от неволи. / Моя свобода – тень, а я давно / Немой вассал твоей надменной воли*» [Шекспир 1999: 395]. В данном переводе сохраняется шекспировский «вассал»,

«раб» выражается словом «неволя», а словосочетание «надменная воля» подразумевает служение господину. Таким образом, при переводе сонета 141 Н.Гербель и О.Румер предпочли в большей или меньшей степени отступить от метафоры В.Шекспира, в то время как С.Маршак и А.Финкель сохраняют её, что, безусловно, положительно сказывается на качестве перевода и позволяет сохранить прагматику оригинала.

Сонет 94 построен на противопоставлении двух типов людей: одни владеют своими страстями и остаются холодны и беспристрастны, другие же – рабы страстей, готовые преклоняться перед объектом любви. В.Шекспир пишет: «*They are the lords and owners of their faces, / Others but stewards of their excellence*» [The Complete Works of William Shakespeare 1994: 1236] (Одни - господа и хозяева своей красоты, другие – всего лишь поклонники их превосходства). Н.Гербель несколько нарушает концепт оригинала, упомянув в переводе лишь первый тип: «*Он внешности своей хозяин и властитель*» [Шекспир 1999: 258]. Несмотря на то, что в переводе всё же присутствует лексика оригинала, значительной её частью Н.Гербель пренебрег, что помешало выражению шекспировской метафоры. Перевод С.Маршака выполнен более точно: «*Ему дано величием обладать, / А чтить величье призваны другие*» [Шекспир 2004: 213]. Здесь уже отчётливо видны отношения типа «господин – слуга». Но самая детальная передача метафоры присутствует в переводе А.Финкеля: «*Обличьем, станом – царь он величавый, / Другие – лишь прислужники царя*» [Шекспир 1999: 260]. В данном случае мы можем говорить о полной передаче социально-политической метафоры, что происходит благодаря привлечению переводчиком более конкретных терминов.

Сонет 26 В.Шекспир открывает словами: «*Lord of my love, to whom in vassalage / Thy merit hath my duty strongly knit, / To thee I send this written embassy, / To witness duty, not to show my wit*» [The Complete Works of William Shakespeare 1994: 1228]. Сонет построен на уподоблении влюблённого вассалу, который обязан принести дань («duty») сюзеру, чтобы заслужить его расположение. Своим посланием («written embassy») ли-

рический герой выполняет роль данника [Шекспир 2004: 359]. В переводе М.Чайковского данные строки звучат: «*Мой властелин, твоё очарованье / Меня к тебе навеки приковало. / Прими ж моё горячее посланье. / В нём что не ум, а преданность вассала*» [Шекспир 1999: 71]. Не менее удачен перевод С.Маршака: «*Покорный данник, верный королю, / Я, движимый почтительной любовью, / К тебе посольство письменное шлю*» [Шекспир 2004: 77]. А.Финкель также следует шекспировской метафоре: «*Любви моей властитель. Твой вассал / С почтительной покорностью во взгляде / Тебе посланье это написал / Не остроумья, преданности ради*» [Шекспир 1999: 73]. Таким образом, перевод сонета 26 во всех перечисленных вариациях отражает метафору оригинала.

Метафора ЛЮБОВЬ – это ВОЙНА в сонетах В.Шекспира служит средством, которое помогает в очередной раз подчеркнуть слабость и податливость влюблённого лирического героя и превосходство позиций его возлюбленной. В сонете 139 лирический герой Шекспира сперва произносит «*thy might is more than thy o'er-press'd defense can bide*» [The Complete Works of William Shakespeare 1994: 1242] (твоя сила может вынести больше, чем моя броня) и позднее – «*her pretty looks have been mine enemies*» [The Complete Works of William Shakespeare 1994: 1242]. (Её взгляд – мой враг). С.Маршак, переводит строки, сохраняя исходную метафоричность: «*Твой взгляд – разящий меч, / И нет брони на любящей груди*» [Шекспир 2004: 388]. Перевод Н.Гербеля также не меняет метафору: «*Могущество твоё меня без всяких средств к защите оставляет*» [Шекспир 1999: 386]. В переводе О. Румера метафора уже не настолько развёрнута, но, всё же, передаёт основную идею: «*твой взор мне враг*» [Шекспир 1999: 387]. В сонете 149 С.Маршак эксплицирует шекспировскую неявную метафору первого катрена, что приводит к появлению следующего метафорического образа в переводе: «*Разве я, ведя войну с тобою, / Не на твоей воюю стороне / И не сдаю оружия без боя?*» [Шекспир 2004: 414]. Как мы видим, в большинстве случаев, в переводах, присутствует военная лексика, используемая в оригинале. Но порой переводчик, при-

бегают к метафоре ЛЮБОВЬ – это ВОЙНА самостоятельно, обращаясь к уже известному шекспировскому образу.

В выявленных нами концептуальных метафорах базовый концепт может быть представлен в виде следующих метафорических моделей:

1) влюблённый – это раб /слуга /вассал; возлюбленная (возлюбленный) – это господин / владыка / суверен / монарх;

2) влюблённый испытывает благоговейные чувства по отношению к возлюбленной, в то время, как она предстаёт как тиран или враг;

3) лирический герой, не имея личной свободы, призван исполнять указания любимой, прислуживать, удовлетворять прихоти; при этом сама возлюбленная склонна раздавать указания, приказы и командовать.

При изучении компонентного состава рассматриваемых слов *политика, война, господин, повелитель, сюзерен, правитель, тиран, слуга, вассал, раб, рабство* легко обнаружить в их семантике компоненты власть и свобода. Опираясь на рассмотренные нами метафорические модели, можно сделать вывод, что отличительной чертой возлюбленной в сонетах В. Шекспира является наличие *власти*, а отличительным признаком влюблённого – отсутствие свободы духа и свободы действий, иными словами *подчинение*.

Таким образом, очевидно, что дама сердца, в рамках рассматриваемых метафор ЛЮБОВЬ – это ВОЙНА и ЛЮБОВЬ – это РАБСТВО, выступает в качестве военачальника или госпожи, а лирический герой предстаёт в позиции подчинённого: рядового или слуги.

Отметим, что переводчики, используя рассмотренную лексику (*властелин – король – властитель; вассал – данник – вассал; преданный – покорный – верный*), не отклоняются от заявленной В.Шекспиром «любовно-политической» темы.

Лексика сонетов В.Шекспира отражает определённый этап истории страны поэта. И хотя рассмотренные русские переводы были сделаны в конце XIX – начале XX веков, переводчики стараются сохранить своеобразие лексического материала конкретной исторической эпохи.

Когнитивные метафоры ЛЮБОВЬ –

это ВОЙНА и ЛЮБОВЬ – это РАБСТВО продолжают своё функционирование и в современном языке. Причём, присущий им межкультурный концепт, делает рассмотренные метафоры понятными для представителей как английской, так и русской культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникст А. Лирика Шекспира // Шекспир У. Сонеты / Пер. с англ. С.Я. Маршака. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 432 с.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М., 1991.

Дж.Лакофф, М.Джонсон. Метафоры, которыми мы живём: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н.Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российской академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. - 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). - Екатеринбург, 2001. – 238 с.

Шекспир У. Сонеты. На англ. яз. с параллельным русским текстом. сост. А.Н.Горбунов. М.: Радуга, 1984, 368 с.

Шекспир У. Сонеты. – СПб.: «Терция», «Кристалл», 1999. – 448 с.

Шекспир У. Сонеты / Пер. с англ. С.Я. Маршака. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 432 с.

The Complete Works of William Shakespeare. The Shakespeare Head Press Edition; Wordsworth Poetry Library, 1994.

© Русова И.А., 2007

Отто Санта Анна

Лос-Анжелес, США

Перевод: Аникина Т. В.

ЧТО ПОСЕЕШЬ, ТО И ПОЖНЕШЬ: МЕТАФОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА АМЕРИКА

Abstract

On large representative sets of newspaper articles, I undertake a critical analysis of the contemporary discourse U.S. print media uses to discuss U.S. public education. I interpreted the findings using metaphor theory, a strand of cognitive science, which offers an account for how humans make sense of their world. This study suggests how everyday Americans and policy makers tend to conceptualize public education. Three discourse-formulating conceptual metaphors are discerned: school as factory, curriculum as path, and socialization as river. However, also following metaphor theory, these conventional metaphors impede changes in policy. Beyond identifying these naturalized metaphors, I offer alternative "guerrilla metaphors" as another way to advance national understanding of American public educa-

Американские газеты постоянно пишут о том, что образование в Америке переживает кризис. В большинстве случаев американский электорат и его представители подтверждают это постоянное затруднительное положение в образовании. Избиратели и их представители на всех уровнях (в местных выборах правления, на собраниях правления, на государственных референдумах и на федеральном уровне) пытаются улучшить положение этого общественного института. Все же, несмотря на многие действия, голосования, новые программы, и миллиарды инвестированных долларов, американские государственные школы подверглись минимальным изменениям. Прозвучало много экономических, социологических и педагогических причин, объясняющих неспособность страны сделать существенные шаги в данном направлении. В тоже время, многие осуждали этот общепризнанный кризис (см. Berliner и Biddle (1995) или Varenne и McDermott (1998) – критика искусственно созданного кризиса. Dennis и LaMay (1993) и Maeroff (1998) – роль средств массовой информации в кризисе).

В данной статье представлено эмпирическое изучение восприятия государственного образования американским обществом. В ней также исследуется язык, используемый в печатных СМИ в дискуссиях о государственном образовании. Подобные дебаты наблюдались в течение политических кампаний, проходивших в Калифорнии в 1998 году на антивуязычном образовательном референдуме, законопроект 227.

С целью оценивания общественного мнения изучение печатных СМИ прошло двумя способами. Специально отобранная команда всесторонне исследовала газету *Los Angeles Times* в течение двух лет перед голосованием на референдуме. Таким образом, была получена глубокая оценка местного и регионально-общественного мнения. Для более качественного изучения общественного мнения об американском государственном образовании дополнительно было проанализировано два десятка других крупных газет на английском языке в течение того же самого периода. Полученные данные были интерпретированы в

понятиях когнитивной науки. Целью этого исследования была оценка значимости повседневной метафоры в понимании электоратом социальных проблем. Данное исследование существенно отличается от многих других исследований образовательного дискурса, к которым мы обратимся ниже.

МЕСТО ДАННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДИ ДРУГИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА.

В связи с "лингвистическим поворотом" в социальной теории конца 20-го столетия [Chilton 1996: 37-40; Fairclough 1989: 13], многие ученые обратили свое внимание на изучение профессиональных дискурсов. Для решения этой задачи ученые использовали два метода – критический анализ дискурса и когнитивную теорию метафоры. Что касается первого метода, Льюк приводит содержательное описание цели исследований критического дискурса – "денатурализовывать ежедневный язык." Мы пытаемся сделать "заметными и доступными для анализа ежедневные образцы разговоров, письма и символического обмена, которые часто являются невидимыми для участников." Мы также доказываем, что текстовые представления – не прямые и естественные описания, а "обоснованные артефакты", которые "маскируют собственный статус и значения посредством лингвистических методов." [Luke, 1995–1996: 12, 19].

В соответствии со вторым методом, фундаментальное значение теории метафоры может быть выражено кратко. Люди не воспринимают свое окружение в понятиях логики и причины. Вместо этого образы составляют центральную часть человека думающего. Люди строят собственные концепции мира в понятиях образов. В тексте и речи эта функция создания образа принадлежит метафорам. За последние пятнадцать лет Джордж Лакофф создал полный список таких метафор, известный как Воплощенный Реализм (Lakoff, 1993 и 1999; Lakoff и Johnson, 1980).

Метафорический анализ государственного образования проходил в нескольких направлениях. С литературной точки зрения, Данахи (Danahy, 1986) предложил первоначальное изучение метафор, используемых в профессиональной сфере для характеристики сту-

дентов, изучающих второй язык. Ранее Гуэрра (Guerra, 1998) использовал методы познавательной науки при описании метафор, которыми пользовались педагоги для определения такого явления как ГРАМОТНОСТЬ. Вульф (Wolfe, 1999) сравнил наиболее частотные метафоры, ИЗУЧЕНИЕ – ПРИОБРЕТЕНИЕ и ИЗУЧЕНИЕ – ПРАКТИКА, которые использовали преподаватели для описания процесса обучения учащихся, изучающих английский язык как второй. Некоторое время назад Кук-Сашер (Cook-Sather, 2003) составил список корневых метафор для описания образовательного процесса, ОБРАЗОВАНИЕ – ПРОИЗВОДСТВО и ОБРАЗОВАНИЕ – ЛЕЧЕНИЕ. Эти ученые занимались исследованием метафоры во многих профессиональных дискурсах. Для изучения метафор, используемых в выражениях классного обихода, обращайтесь к Саггерон (2002). Для знакомства с анализом внеклассного дискурса, обращайтесь к Pinar (1988 и 1995).

С помощью первого метода Кумарвадивелу (Kumarvadivelu, 1999) критически проанализировал дискурс выражений классного обихода, в то время как Феннимор (Fennimore, 2000) основывается на концепции "семантического окружения" Постмена и Вейнгартнера (Postman & Weingartner, 1969). Феннимор предлагает рассмотрение всего языка, используемого преподавателями в школах, как создание "языковой среды", которая оказывает существенное влияние на результаты обучающихся. Эта проблема особа актуальна среди тех учащихся, у которых английский язык не является профилирующим предметом. Выше указанные ученые сосредоточили свое внимание на изучение речи профессионалов, а не на речи простых людей.

В отличие от вышеупомянутых исследований, данная работа посвящена изучению общественного мнения об американском государственном образовании. Ранее многие ученые различными способами исследовали образовательный дискурс. Однако в своих работах они не применяли когнитивную теорию метафоры, связанную с критическим анализом дискурса. Ногуэра (Nogueira, 1995) сравнивает публичное высказывание относительно школьной десегрегации в двух городах. В этом обращении в образовательном дискурсе наблюдается тен-

денция отказа от открытых форм обсуждений о расовой принадлежности, и прослеживается переход к вопросам о школьной безопасности и академических стандартах. Среди всех лингвистических течений Ногуэра основывает свой анализ на понятиях расы и рационализации Оми и Винанта (Omi & Winant, 1987). С другой стороны некоторые антропологические лингвисты сосредоточили свое внимание на лингвистических знаниях говорящих и на референциальных и неререференциальных функциях языка. Силверштейн определяет лингвистические знания как "набор суждений о языке, сформированный пользователями с целью улучшения или уточнения воспринимаемой языковой структуры и ее использования" [Kroskrity 2000: 5].

В данной статье метафора используется как единица измерения для изучения семантического выражения в языке. Считается, что ключевые концептуальные метафоры лежат в основе идеологии американского государственного образования. Изучение языковой идеологии лингвистами-антропологами сосредоточено на различных вариантах языка, так, например, американском английском, как ключевом символе языковой идеологии. Четыре аспекта определяют их работу. Во-первых, "языковые идеологии предполагают понимание языка и дискурса, созданного в интересах определенной социальной и культурной группы" [Kroskrity 2000: 8]. Во-вторых, "языковые идеологии представляют собой многократные ... в пределах социокультурных групп, которые обладают неким потенциалом для достижения определенных перспектив, выраженных как индексы членов группы" [Kroskrity 2000: 12]. В-третьих, "члены [социокультурных групп] могут показать различную степень понимания местных языковых идеологий" [Kroskrity 2000: 18]. Наконец, "языковые идеологии членов группы могут являться посредниками между социальными структурами и формами разговора" [Kroskrity 2000: 21].

Несмотря на то, что данная статья посвящена изучению метафор в образовательном дискурсе, я разделяю первое и последние утверждения ученых, занимающихся исследованием языковых идеологий. Я заинтересовался их вторым утверждением и для выявления идеоло-

гического разнообразия целенаправленно просмотрел американский образовательный дискурс на уровне метафоры. Как будет указано ниже, практически не было выявлено никаких отличий. При этом в большинстве случаев ни общественность, ни профессионалы не согласились с тем, что метафора формирует идеологию. Несмотря на то, что данная статья посвящена изучению общественного мнения в период политических кампаний за и против двуязычного образования, ее целью не является анализ самого языка, использованного общественностью (см. Santa Ana, 2002, глава 6).

Для изучения общественного мнения об образовании предварительно были объединены когнитивная теория метафоры и критический анализ дискурса. Льюк (Luke, 1995-1996) использовал критический анализ дискурса для того, чтобы показать значение учебного предмета и чтения в различных условиях обучения, включая взаимодействие преподавателя с учениками начальной школы по воскресеньям, беседу преподавателя с местными и англо-австралийскими учащимися четвертого класса и возможное чтение преподавателем одного школьного справочника. Джи (Gee, 1999) шуточно рассматривает распространенность дискурса как основу социальной структуры. В своей работе он предлагает яркие примеры выражений классного и внеклассного обихода, которые появились из-за большого количества общественных дисциплин, ставших ответом на "лингвистический поворот". Наконец, Миллер и Фредерикс (Miller и Fredericks, 1990) использовали теорию метафоры для определения скрытой идеологической позиции авторов весьма влиятельного сообщения 1983, *Нация в опасности*. Это заявление послужило поводом для объявления кризиса в американском образовании.

В представленной работе теория метафоры (Cook-Sather, Miller и Fredericks) объединена с критическим анализом дискурса (Luke и Gee). Подобно вышеупомянутому ученому, я убежден в том, что сам язык, используемый в дискуссиях об образовании, сдерживает понимание пользователями образовательного дискурса. Тем не менее, метафора рассматривается как единица исследования. По этой причине, результаты интерпретиру-

ются в терминах когнитивной теории метафоры в соответствии с тем, как публика воспринимает учреждения общественного образования.

РАСПОЛОЖЕНИЕ И АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА. В течение 1990-ых годов в Калифорнии в новостях регулярно сообщалось о нарастающем кризисе в образовании. В результате этого страдали латиноамериканцы и другие языковые меньшинства учащихся. Большинство исследований того времени указали на то, что причиной кризиса стало уменьшающееся государственное инвестирование образования. Можно привести много фактов. Напр., должностные лица ежегодно подтверждали, что преподаватели в Калифорнии, где обучение ведется только на английском языке, выполняли программы несколько не лучше, чем их коллеги, обучающие на двух языках. Некоторые ученые сосредоточили свое внимание на языке преподавания, видя в нем причину тяжелого положения учащихся некоторых языковых меньшинств (Carroll и другие, 2005). Однако в качестве причин кризиса были выдвинуты методы обучения. Рон Унз, бизнесмен, миллионер без соответствующего образования, сделал неуместный вывод. Он проигнорировал очевидный факт крупного государственного инвестирования образования, связанный со структурным неравенством районов, близко расположенных со школами латиноамериканцев. Вместо этого, Унз сделал вывод о том, что обучение на двух языках мешает изучению английского языка англоговорящим учащимся. Латиноамериканцы составили восемьдесят процентов учащихся таких двуязычных классов. Следовательно, утверждал Унз, что в большинстве случаев к академическим неудачам ведет преподавание на испанском языке, а не какая-либо структурная причина. Он предложил избирателям Калифорнии на государственном референдуме законопроекта 227 устранить двуязычное образование в государственных школах. Унз был достаточно проницателен. Он указал не причину этого затруднительного положения в образовании, а лишь некоторые взгляды неспециалистов на проблемы таких учащихся. Законопроект 227 сразу же привлек внимание и стал предметом обсуждения общественности. В конечном итоге он был одобрен

в июне 1998. В течение этого двухлетнего периода общество сосредоточило свое внимание на образовании латиноамериканцев. В связи с этим в печати появилось большое количество сообщений, которые и стали предметом анализа в данной статье.

Результаты моих исследований таких политических проблем как законопроект 227 часто рассматриваются достаточно скептически из-за того, что я являюсь чикагским социологом. Безусловно, критический анализ дискурса должен быть одновременно научным и нормативным документом [van Dijk 1993: 253]. Далее весь анализ политических проблем носит нормативный характер (Himmelfarb, 1996). Следовательно, занимаясь изучением политических проблем, я должен предвидеть некоторые сомнения, которые появятся у скептиков относительно такого исследования. Во-первых, скептики отвергнут исследования, которые проводятся на основе отбора материала. Эти сомнения возникают в случае, если отбор материала ведется в соответствии с политическими взглядами исследователя. Во-вторых, скептики отклонят любой анализ, который интерпретирует данные с определенной позиции. Таким образом, читатель должен быть уверен, что политические предубеждения исследователя не влияют на результаты исследования. Приведем схему исследования, использованную во избежание таких неясностей.

Для отбора материала было принято несколько действий. Выбрав законопроект 227 как тему исследования, я решил изучить газетные тексты как источник общественного мнения по теме. Была использована электронная база данных LexisNexis®, так как она автоматически расставляет индексы к выбранным газетным статьям. Необходимо было собрать статьи интенсивным (много статей из одной газеты) и экстенсивным (статьи со всей страны) способами. Чтобы определить достоверность полученных данных и диапазон охвата общественного дискурса применялось два метода. Используя формулу Булеана, которая определяет временную рамку и источник печати с помощью одного нажатия клавиши, я мог автоматически загружать серию пронумерованных газетных статей. Эта подборка статей стала примером

выражения общественного мнения, которое и стало предметом анализа специально отобранной команды. Так как я не принимал участия в индексации статей, а каждая из них была проанализирована, можно говорить о том, что данные отбирались нецеленаправленно. Таким образом, анализ основан на всестороннем изучении полученных данных.

Для устранения второго недостатка я лично не читал и не анализировал большую часть текстов статей. Вместо этого, я разработал план исследования, в соответствии с которым разные группы читателей знакомились и анализировали эти газетные статьи для меня. Я обучил студентов калифорнийского университета основам критического анализа дискурса и теории метафоры, используя статьи газет из спортивных и бизнес рубрик. Знакомя их с теорией и методами, используемыми при анализе статей, я умышленно дал им возможность выражать свое мнение относительно метафор, которые использовались в статьях, описывающих законопроект 227.

Каждого участника эксперимента «научили» находить концептуальные метафоры – объект данного исследования – и определять сферу-источник и сферу-мишень каждого образца метафоры. Используя терминологию Лакоффа и Джонсона (Lakoff, Johnson 1980), метафора – это перенос из одной области – сферы-источника в другую – сферу-мишень. Приведем пример из газеты *Los Angeles Times*: *"It's such a demanding profession," Miyagawa said. "And yet, kids are great. They surprise you. And when they blossom! Wow. It's awesome, it really is."* ("Это – такая требовательная профессия," заявила Миагава. "И все же, дети великолепны. Они удивляют нас. А когда они расцветают! Невероятно. Это действительно великолепно.") (*Los Angeles Times*, 18 Sep 95, с. А-1). Чтобы охарактеризовать своих студентов, преподаватель использует слово **blossom (расцветать)**. В данном примере FLOWER (ЦВЕТОК) выступает в качестве сферы-источника, а сфера-мишень – STUDENT (УЧАЩИЙСЯ). После того, как студенты стали достаточно опытными в решении подобных задач, дополнительно была отобрана группа читателей для интерпретации всех представленных статей. Таким образом, различные люди незави-

симо друг от друга читали и изучали одну и ту же статью. Я не вводил понятия, в которых можно было определить сферу-источник и сферу-мишень. Каждый читатель самостоятельно находил метафоры, которые встречались в газетной статье, и давал свои собственные названия для сферы-источника и сферы-мишени. После того, как все читатели закончили первоначальное знакомство со статьями, они собрались в группы, чтобы сравнить свои интерпретации. Им необходимо было представить примеры метафор друг другу, чтобы понять смогут ли они прийти к единому мнению относительно каждой метафоры в представленных статьях. Я объяснил им, что нужно попытаться прийти к единому мнению относительно примера каждой метафоры. Если их мнения совпадут, то данный пример будет добавлен в базу данных метафор. В том случае, если членам группы не удастся достичь единого мнения, пример будет удален из дальнейшего рассмотрения. Моя цель заключалась в том, чтобы добиться высокого уровня достоверности полученных данных. Предполагалось, что различные читатели, возможно, получат одинаковые результаты при интерпретации примеров из одного и того же текста.

Для глубокого изучения общественного мнения различные группы читателей полностью интерпретировали 113 газетных статей под общим названием "Законопроект 227". Эти статьи печатались в газете *Los Angeles Times* за два года до начала референдума, с июня 1996 по июль 1998. Для исследования была выбрана газета *Los Angeles Times*, так как она издавалась в Калифорнии самым большим тиражом. Для дополнительного изучения мнения об американском образовании были отобраны еще 23 крупные газеты за тот же период.

Газета *Los Angeles Times* была выбрана для тщательного анализа как одна из наиболее распространенных и читаемых газет каждый день. Я утверждал, что критический анализ одного источника СМИ, например *Times* по любому политическому вопросу (в данном случае американское государственное образование) вероятно, покажет те же метафоры, которые используются в других средствах печатных СМИ. (Santa Ana, 2002). Большинство национальных политически

консервативных и прогрессивных средств массовой информации используют те же самые концептуальные метафоры для выражения общественного мнения по основным политическим вопросам. Ранее предпринимались подобные попытки анализа в различных дисциплинах, например Hall и другие (1978); Foucault (1979); Mc Gee (1980). Это было отражено в общественном дискурсе других колониальных наций, например Danso и McDonald (2000). Что касается Америки, обращайтесь к Ono и Sloop (2002).

В 2003 в базе данных LexisNexis насчитывалось более сорока источников новостей под общим названием "главные газеты". Исследовательская группа внесла в базу данных статьи, опубликованные с мая 1996 по июнь 1998 в следующих газетах: *Chicago Sun-Times, Daily News (New York), Omaha World-Herald, St. Louis Post-Dispatch, Atlanta Journal and Constitution, The Boston Globe, Boston Herald, Denver Post, Denver Rocky Mountain News, Houston Chronicle, New York Times, Plain Dealer, San Francisco Chronicle, Seattle Times, Washington Post, and USA TODAY.*

Таким образом, каждый пример метафоры был проанализирован самостоятельно более чем одним человеком для определения сферы-источника и сферы-мишени. С самого начала читатели имели полную свободу при выборе названий для сферы-источника и сферы-мишени относительно каждого примера метафоры, так как автор принимал минимальное участие в этой работе. Те не менее, читатели легко находили одинаковые примеры метафор в одной и той же статье. После этого они подбирали соответствующее название для сферы-источника и сферы-мишени. В итоге им удалось достигнуть единого мнения относительно 90 % метафор, первоначально представленных в газетных статьях, посвященных законопроекту 227. Исследовательская команда приступала к обсуждению возможных классификаций подобных метафор после того, как только группа читателей приходила к единому мнению относительно каждого примера метафоры в газете.

Метафоры в общественном дискурсе могут быть случайными или продуктивными. Случайные метафоры семантически не связаны с другими метафорами,

появляющимися в одном или нескольких лингвистических выражениях. Они несут незначительную смысловую ценность. С другой стороны, продуктивные метафоры не ограничены конечным набором лингвистических фраз. Они могут встречаться в различных формах. При отображении ключевых политических понятий такие метафоры соотносятся с другими семантически связанными понятиями из хорошо известных рассказов, затрагивающих банальные аспекты нашей жизни. Когда подобные фигуры речи превращаются в традиционные, они становятся частью определенной структуры, в данном случае, американское общественное образование. На заключительном этапе исследования я сосредоточил внимание команды на трех высоко продуктивных метафорах, встречающихся в газетах. Они будут рассмотрены ниже.

АМЕРИКАНСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ. Я обнаружил, что американское общество использует только три продуктивные концептуальные метафоры для характеристики государственного образования. Первая доминирующая метафора, ШКОЛА – ФАБРИКА, используется для того, чтобы понять, зачем созданы государственные школы. Этой метафоре более ста пятидесяти лет. Значения данной метафоры и в настоящее время помогают понять американскому обществу, что представляет собой ученик и как учится ребенок. Вторая неродственная метафора, УЧЕБНЫЙ ПЛАН – ДОРОГА, сообщает об образовательных программах. Третья метафора, СОЦИАЛИЗАЦИЯ – РЕКА, определяет процесс адаптации к школьному образованию. Важность этих трех метафор для американского государственного образования будет раскрыта ниже. Начнем со школы.

Что такое школа? Ключевая концептуальная метафора, определяющая понимание государственного образования, вращается вокруг понятия школы. В 1840-ых годах в период расцвета американской промышленности этот, вновь появившийся, общественный институт стал предметом обращения для нового понимания государственного образования. В начале 21-го столетия эта метафора все еще представляет школы как производственные центры образованного населения: ШКОЛА – ФАБРИКА. Многие

из базовых элементов фабрики перенесены на составляющие школы – учеников, процесса обучения, преподавателей, стандарты и инструкции по управлению школой. В базе данных метафор, предназначенных для изучения общественного мнения о государственном образовании, были представлены следующие отрывки из газеты *Los Angeles Times*. Каждая из приведенных дословно выдержек взята из газеты *Los Angeles Times* за 1993-1998 года, за исключением специально отмеченных выдержек. Следующие примеры проиллюстрируют метафору ШКОЛА - ФАБРИКА:

1. "The first **batch** of students is tested" (28 Feb 97, page B1) - "Первая **партия** учащихся проверена"

2. "**drill** more English into nonfluent students" (14 Apr 97, A3) - "**Вбить** как можно больше английского языка в неговорящих учащихся"

3. "I am telling [teachers], 'You know in my heart that I am your friend, but, collectively, we simply have to **produce a better product**,'" [said California Governor Gray Davis] (13 Mar 98, A1, A24) - "Я говорю [преподавателям], 'В своем сердце вы знаете, что я - ваш друг, но, все вместе, мы просто должны **произвести лучший продукт**,'" [сказал губернатор Калифорнии Грей Дэвис]

4. "a two-year study to **measure the effectiveness** of these [educational] programs." (29 Mar 95, B3) - "Двухлетнее изучение, чтобы **измерить эффективность** этих [образовательных] программ".

Метафора ФАБРИКИ выражена и во многих других формах, например:

5. *Plenty of us do not feel this [ESL program] is **running smoothly*** (18 Apr 98, B3) - Многие из нас не чувствуют что, это [электронное лицензирование программ] **проходит гладко**.

6. *training teachers to spot the initial signs of reading problems and **fix** them* (4 Oct 98, B1) - обучение преподавателей, чтобы определять начальные признаки проблем, связанных с чтением и **устанавливать** их

7. *The proposed **overhaul** of...bilingual education* (17 May 96, B-1) - Предложенная **реконструкция**... двуязычного образования

8. ***revamp** the way [a school] teaches students* (Oct 10, 1998, B7) - **Обновить** способ [в школе] преподавания учащимся

9. ***dismantle** language programs* (9 Mar 95, A1) - **Демонтировать** языковые программы

10. ***teacher shortages*** (25 Nov 98, B2) - **Недостаток преподавателей**

11. ***scrapping** bilingual instruction* (9 May 97, B5) - **Списать** двуязычную инструкцию

Повседневная метафора, иногда используемая в обычных газетных текстах, является показательной способом и помогает увидеть то, как общество формулирует и воспроизводит социальные отношения. Первоначально может показаться, что эти метафорические выражения не более чем незначительные риторические выражения. Значение метафоры в создании социального заказа бурно обсуждается в когнитивных теориях. Точка зрения, согласно которой метафора просто украшение, исходит из того, что метафорическое понимание является производным литерального выражения. Следовательно, метафора – незначительный элемент в материале дискурса. Отказ от метафоры как украшения связан с лингвистическим поворотом в социальных науках. Подтверждение тому, что язык и дискурс оказывают огромное влияние на организацию социального мира, можно найти в работах немецкого лингвоантрополога Александра вон Гумбольда и философа Готтлоба Фрега, которые провели первые исследования социальной теории в этом направлении. Фрег обратил внимание на известную логическую дилемму, согласно которой вечерняя и утренняя звезда логически не могут быть идентичны, но на самом деле идентичны. Его метод решения проблемы вызвал волну философского анализа, который показал первенство понятия над объектом. Фрег выявил, что объект, в данном случае планета Венера, может одновременно обладать двумя характеристиками – значением и протяженностью. Лафонт перефразирует эту мысль следующим образом: "Лингвистические выражения существуют для того, чтобы определить, если не то, что *есть*, то, по крайней мере, что *может быть* в лингвистическом сообществе – или во что, такое сообщество *может поверить*. В этом смысле ключевая функция языка заключается в его способности к мировому раскрытию" (1999).

Чтобы оценить социальное воздействие метафор общественного дискурса, необходимо рассмотреть значения, которые составляют сферу-мишень ШКОЛА, подразумевая структуру сферы-источника ФАБРИКА. Теоретики метафоры доказывали, что конструктивная метафора составляет основу взглядов на мир и отражает их в составляющих сфе-

ры-источника (Lakoff, 1990, 1993; Gibbs, 1994). Соответственно, мы оцениваем влияние, которое имеет метафора, в данном случае, на понимание американским обществом государственных школ. Рассмотрим составляющие сферы-источника ФАБРИКА, которые помогают раскрыть сущность ШКОЛЫ. Эти составляющие будут знакомы большинству, так как сегодняшнее общество находит свойства фабрики повсюду, и оно воспринимает её предназначение и продукты как некую данность. Фабрики производят всевозможные товары от витаминов до автомобилей. Фабрики владеют различными видами собственности. Например, данные товары стандартизированы, поэтому вновь произведенная резинка для доски или школьный автобус не будут отличаться друг от друга. Составляющие ФАБРИКИ автоматически оказывают влияние на наше восприятие школы как таковой при широком использовании метафоры в общественном дискурсе.

Естественно, что на фабриках процесс производства товаров потребления разбит на стадии и систематизирован. Машины связаны между собой конвейерными ремнями. Дешевое сырье, поставляемое на фабрику, движется с помощью конвейерных ремней от одной машины к другой. Каждая машина выполняет определенную последовательность задач. Рабочие фабрики стоят вдоль сборочной линии. Каждый из них обслуживает узко специализированный процесс при изготовлении изделия. Рабочие многократно выполняют часть производственного процесса, что превращает его в рутинный процесс. Монотонность и рутинность, а не творческий потенциал и изобретательность, являются характерным для рабочих мест на фабрике.

Кто такой – школьный ребенок? Что есть изучение? Исходя из определения ШКОЛЫ КАК ФАБРИКИ, сегодняшние взгляды общества на процесс изучения совпадают с точкой зрения Томаса Граджринда, героя, созданного Чарльзом Диккенсом 150 лет назад:

"Все, что мне нужно – это факты. Учите мальчишек и девчонок только фактам. Только одни факты требуются в жизни ... Вы можете сформировать умы разумных животных только посредством фактов: ничто другое им не потребуется. ... Говорящий, педагог и третья подрас-

тающая личность, все немного поддерживаемые, и охватывающие глазами наклонную плоскость небольших сосудов, установленных прямо здесь для того, чтобы быть готовыми заполнить этот английский галлон фактами до тех пор, пока он не будет заполнен до края " [Dickens 1854: 1].

Градждинд, глава самопровозглашенной образцовой городской школы в 1850, разъясняет устаревший взгляд на процесс изучения и учащихся, который в свое время высмеивал Диккенс. К сожалению, эта метафора и по сей день оказывает значительное влияние на жизненный опыт американских школьников. С точки зрения сторонников традиций механистические метафоры, характеризующие процесс изучения, все еще пользуются популярностью. Сюда входят следующие метафоры: УЧАЩИЙСЯ – ПУСТОЙ СОСУД, который необходимо наполнить знаниями, УЧАЩИЙСЯ – КОМПЬЮТЕР, который нужно запрограммировать или УЧАЩИЙСЯ – МАШИНА, собранная и отрегулированная педагогами. Пауло Фрер известен своей критикой, так называемой банковской модели образования. Фрер изображает банковскую модель, в которой педагоги усиленно трудятся, пытаясь донести знания механическим способом, тем самым, формируя в умах детей единое представление о мире [Freire 1970: 57-60]. Обратите внимание на то, что метафора пустого сосуда для отражения процесса изучения семантически совместима с банковской метафорой школы как учреждения.

С другой стороны, образовательные конструктивисты говорят о том, что каждый учащийся самостоятельно творит свои знания. В соответствии с этой моделью педагога – не творцы знания или компьютерные программисты. Педагог – помощник, принимающий участие в строительстве собственных знаний учащихся. Знания добываются самостоятельно каждым учащимся; они не могут быть посторонними по отношению к ребенку. Даже решение примера $1+1=2$ должно быть найдено каждым ребенком самостоятельно для того, чтобы это стало его собственным знанием. Ребенок очень динамичен; конструктивисты скорее бы согласились с метафорой ЗНАНИЯ – КОНСТРУКТ, чем с традиционной точкой зрения, согласно которой знания –

это дискретные внешние факты.

Дебаты между механистами и конструктивистами проходили в профессиональных кругах десятилетия назад. Безусловно, это заслуживает более широкого освещения в печати, так как они значительно повлияли на американское государственное образование. Если бы американское общество пользовалось этими фундаментальными метафорами, то оно смогло бы пересмотреть принципы обучения американских детей. Однако, как показывают примеры метафор из газет, читатели остались равнодушными к дебатам, проходившим ранее в образовательной среде, в результате которых механисты проиграли. Следовательно, современный образовательный дискурс не освещается данной концептуальной метафорой, её примеров гораздо меньше, чем в последнем исследовании, посвященном обучению детей. Вместо этого, образовательный дискурс продолжает пополняться архаичными понятиями.

Механистические метафоры, характеризующие процесс изучения, являются неотъемлемой частью дискурса, определяя этапы американского государственного образования сегодня. В американском дискурсе ортодоксальность рассматривается как некая данность. С другой стороны конструктивистские образы встречаются довольно редко, затем они представляются как "теория", выступающая более поздним конкурентом и заменителем ортодоксальности. В американском образовательном дискурсе большинство метафор, как показывают примеры, взятые из газеты *Los Angeles Times*, отражают точку зрения, согласно которой дети рассматриваются как пассивные получатели знаний.

Чтобы оценить роль ортодоксальных метафор в понимании обществом процесса обучения, необходимо исследовать глаголы, используемые для характеристики учащихся и преподавателей.

Используя подборку статей из различных газет, появившихся с мая 1996 по июнь 1998, мы рассмотрели образ ученика как пассивного реципиента знания, сравнивая использование глаголов: *teach* (обучать) и *learn* (учить). Это исследование было ограниченным. Мы рассмотрели все изучаемые газетные статьи, отобранные базой данных LexisNexis из "главных газет", напечатанные с мая

1996 по июнь 1998, с заголовком, содержащим фразу *Законопроект 227*, в двух направлениях. Были использованы следующие условия Булеана:

- Все заголовки, содержащие в пределах одного предложения слова с корнем *learn* (учить) и слова с корнем *student, child* или *kid* (ребенок).

- Все заголовки, содержащие в пределах одного предложения слова с корнем *teach* или *educate* (обучать) и слова с корнем *student, child* или *kid* (ребенок).

Первое исследование выявило 95 газетных статей, содержащих слово *teach* (и его производных *taught, teaching*, но не *teacher*). Во втором исследовании оказалась 51 статья со словом *learn* (учить) (и его глагольными производными). В большей части статей (95 статей против 51) видно, что общественное мнение сосредоточено на деятельности взрослых, а не на процессе изучения у детей. Более того, когда используется слово *teach* (обучать), педагоги ясно рассматриваются как активные деятели, в то время как учащиеся - получатели действий педагогов. Приведем несколько примеров:

12. *hundreds of thousands of immigrant children who will at last be **taught English** when the school year (New York Times, 16 Jul 98, A14) - сотни тысяч детей иммигрантов, которые будут, наконец, **обучены английскому языку**, когда учебный год;*

13. *Teachers who heed parents' explicit requests to **teach** their children English need (New York Times, 16 Jul 98, A14) - Педагоги, учитывающие определенные запросы родителей - **научить** их детей английскому языку – нуждаются ...;*

14. *theory of bilingual education is that non-English speaking **children are taught** in their native language until they are proficient enough to be **taught in English** (Rocky Mountain News, 6 Jun 98, 61A) - Теория двуязычного образования заключается в том, что не носители языка обучаются на своем родном языке, пока они не достаточно опытны, чтобы **обучаться** на английском языке;*

15. *They claimed their children were being **taught no English**. (Financial Times, 6 Jun 98, 11). - Они потребовали, чтобы их детей не **обучали английскому языку**.*

Как видно из вышеприведенных примеров (рассматривается двуязычное образование и изучение английского языка) учащийся не учит английский язык, он или она обучаются ему. Язык, на котором они говорят в конце обучения, представляет собой не последовательный про-

цесс получения знаний, а продукт обучения. В американском дискурсе, рассматривающем обучение и выражения классного обихода, педагог не тратит свое время на подготовку к занятиям, на создание новых условий обучения и на повторение отдельных моментов занятия. Американское общество верит, что педагоги обучают. *Teach* (обучать) – переходный глагол, объект его воздействия – это учащийся школы. Устаревшая теория изучения Эдварда Торндайка, в соответствии с которой педагоги должны «вдалбливать» знания в ребенка, до сих пор актуальна для общества и многих преподавателей. В теории Торндайка, опубликованной в 1913 году, изучение представляет собой устойчивую связь между вопросом и ответом, достигнутым в результате многократных повторений. Чем лучше знания, тем, очевидно, быстрее ответ на тот же самый вопрос. При достаточном количестве повторений правильный ответ «отпечатывается» в уме учащегося, а ошибки ликвидируются. При этом роль педагога – регулировать действия учащихся на занятиях для того, чтобы добиться необходимых вариантов ответа. Позже эту теорию заменила бихевиористская теория стимула и ответа, которая, в свою очередь, была заменена разнообразными формами конструктивизма. Для ознакомления с теорией обращайтесь к Byrne, 1996.

Если бы удалось найти другие фреймы для обсуждения процесса обучения, такие как конструктивизм (гораздо меньше социального опыта), то большая часть всех профессиональных/ученических отношений была бы выражена в таких понятиях. В обсуждении классно-урочной деятельности (также как и когнитивных аспектах изучения) ребенок рассматривался бы как активный деятель, а педагог выступал бы как распространитель знаний. В настоящее время образовательный дискурс показывает, что педагоги – это распространители знаний, а учащиеся – их получатели.

Рассмотрев более подробно 51 статью, содержащую производные глагола *learn* (изучать, учить), можно дальше продолжить классификацию дискурса относительно процесса изучения. Иногда наблюдается обращение к деконтекстуализированным процессам. В данном исследовании были объединены статьи,

посвященные изучению познания (например, при соотношении познания с билингвизмом). Дополнительно глаголы *learn* (учиться) в некоторых случаях были объединены с глаголами *teach* (обучать). Например:

16. *But what Rojas was declaring, in essence, was that he would rather go to jail than work to **teach young children to learn English** in a year. (San Francisco Chronicle, 12 June 98, A25) – на что Роджерс заявил, что, в сущности, он скорее бы отправился, чем **научил бы этих маленьких детей английскому языку за год.***

17. *"If the schools **don't teach them English**, how are they going to learn it?" (Plain Dealer, 1 June 98, 1A) – Если школы **не обучают их английскому языку**, как они собираются его изучать?*

18. *"The idea that children best **learn English by teaching them only in Spanish** doesn't have a lot of evidence to support it." (USA Today, 27 May 98, 4A) – Идея, в соответствии с которой дети лучше всего **изучают английский язык**, в том случае, если им **преподают его на испанском**, не имеет достаточных доказательств.*

Следовательно, в данной подборке статей общественного дискурса обучение предполагает участие некоего наставнического института. В статьях, посвященных выражениям классного обихода, учащийся – пассивный получатель деятельности преподавателя. Повторение не является только вопросом семантики. Когнитивные лингвистические исследования показывают, что метафора отражает взгляды на мир (Lakoff, 1993). Беседа, часто не участвующая в создании социальной действительности, кодирует ключевые компоненты структуры социального мира. Согласно Фоукальту, практика отражает социальные отношения, которые представлены в ежедневном взаимодействии личности [Foucault 1980: 92-108].

Метафорическая модель ШКОЛА – ФАБРИКА (касательно производственного процесса) полностью состоит из традиционных метафор, которые концептуализируют пассивных учеников, механически запоминающих внешние факты, а не строящих свои собственные знания. Кроме того, необходимо отметить ещё одно значение, возникающее в результате смешения метафоры ФАБРИКА и механистической метафоры для обозначения процесса изучения – никакое серьезное изучение не происходит вне стен

ШКОЛЫ – ФАБРИКИ. Таким образом, ребенок идет в школу безынициативным, немым, без собственных суждений и восприятия мира.

В то время как ребенок считается пассивным объектом, фабрика изображается как активный объект образовательного процесса. Во многих примерах слово *drill* (*пилить, вдалбливать*) говорит о наличии такой метафоры. Следовательно, образовательное учреждение и учителя рассматриваются как оборудование, формирующее или, иначе говоря, регулирующие образовательные навыки детей. *"Classes will be **geared** toward fostering **skills**" (Los Angeles Times, 19 Apr 97, B2). – «занятия **будут способствовать созданию навыков**».* В данном примере школа – активный объект, воздействующий на пассивного ученика. В последние годы в некоторых школьных районах Америки предпринимались попытки оценить индивидуальные знания учащихся. Такие меры как, например, создание портфолио учащегося, можно считать попыткой оценить учащегося как активного получателя знаний. К сожалению, эти новшества не были отражены в американском дискурсе:

19. *"The federal government's own Goals 2000...calls for every adult American to have the math and language '**skills** necessary to compete in a global economy. It's crucial to this country's economic survival'" (Los Angeles Times, 6 Feb 95, A3) – Главный призыв федерального правительства 2000 года ...каждый взрослый американец должен обладать математическими и языковыми и **навыками**, необходимыми для конкуренции на рынке глобальной экономики. Это очень важно для экономического выживания страны.*

20. *"I'm for English fluency because it is an essential **tool** to function in the marketplace." (Los Angeles Times, 14 Feb 97, B4 – Я за беглость английского языка, так как это необходимый **инструмент** для функционирования на рынке.*

Даже в продуктивной метафоре образовательного дискурса определенные навыки передаются пассивным ученикам. В следующих примерах обратите внимание на пассивные глаголы, используемые для характеристики академических знаний, фактически достигаемых детьми.

21. *"[A school] system they contend fails to **give students the language skills** needed to advance in society" (Los Angeles Times, 6 Feb 95, A3); -Школьная система, за которую они борются, не в состоянии **давать детям***

языковые навыки, необходимые для продвижения в обществе.

22. "The program seeks to ... **provide tools to help them integrate into society.**" (Los Angeles Times, 14 Feb 97, B4)- Программа стремится ... **обеспечить учащихся инструментами**, которые помогут им влиться в общество.

При переходе от рассмотрения механической метафоры обучения к рассмотрению модели ШКОЛА – ФАБРИКА, обнаруживается, что сегодняшние учащиеся считаются сырьем, которым питается фабрика. Теоретик Джон Гудлед назвал их «экономическими сервисными единицами» [Tell 1999: 14-19]. Пока родители верят, что их ребенок – это самое драгоценное в семье, метафора фабрики рассматривает ребенка просто как сырье для мельницы. В данной метафоре собственная ценность учащегося менее важна, чем производственный потенциал, так как фабрика производит ценные изделия из недорогого сырья. Более того, фабрика создана для того, чтобы обрабатывать стандартизированное сырье. Контроль качества – сопутствующий процесс, необходимый для того, чтобы повысить производительность товара среди других продуктов. Для оптимизации производственного процесса фабрика с легкостью отбрасывает любой нестандартный материал (в частности учащиеся языковых меньшинств) в процессе изготовления.

Отслеживание достижений учащихся осуществляется в понятиях метафоры ФАБРИКА. Отслеживание в производственном контексте ускоряет административную проблему закрепления учащихся за преподавателями и классами. Обратите внимание, что слово *tracking* (*отслеживание*) семантически совместимо с составляющими метафорической модели ШКОЛА – ФАБРИКА. Подобное сходство обнаруживается на фабрике транспортировке продукции по сборочному конвейеру через производственные шаги вдоль конвейерного пояса. Процесс отслеживания имеет смысл, если общественное мнение ограничивается пониманием посредством составляющих метафорической модели ШКОЛА – ФАБРИКА. Исходя из этого, отслеживание оптимизирует ресурсы школы, то есть борется с сотнями и даже тысячами учащихся. Важно разместить так называемых быстрых детей на высокий уровень, а медленных отне-

сти к низкому уровню.

Если социально неадаптированный ребенок является центральной единицей фрейма, то достаточно легко увидеть недостатки такого отслеживания. В ряде исследований было показано, что отслеживание способствует установлению пределов саморазвития, которые мешают дальнейшему продвижению учащегося, особенно у тех детей, чье семейное воспитание не соответствует воспитанию американца среднего класса, говорящего на английском языке (Rist, 1970). Кроме этого в большинстве случаев отслеживание происходит, основываясь на минимальном взаимодействии педагога и ребенка. Ребенку достаточно трудно добиться перехода от низкого уровня к высокому. Предсказание низких возможностей учащегося ведет к тому, что он не стремится к продвижению. Это подтверждает первоначальную точку зрения и чаще всего негативно сказывается на образовательной судьбе ребенка. Обучение и достижение высокого уровня социального развития оказываются недоступными для таких детей, так как их заранее отнесли к наименее ценному уровню в здании школы – фабрики (Oakes, 1985). Таким образом, они несправедливо лишены равной образовательной возможности (Anyon, 1980).

Школьные учителя – кто они? Учителя в здании ШКОЛЫ – ФАБРИКИ становятся рабочими фабрики; их обучение, возможности и деятельность ограничены. Данная профессия больше не является престижной. Было много написано о воздействии индустриализации на занятия человека. Раньше мастер обладал всеми необходимыми знаниями, чтобы создать уникальный продукт от начала до конца. С наступлением века индустриализации это цельное знание распадается на составляющие и частями передается педагогам, которые теперь исполняют роль рабочих сборочной линии. В процессе производства стандартного изделия рабочие на фабрике выполняют одно и то же действие. Таким образом, с помощью этой метафоры образы обученных фабрикой инструкторов, механически выполняющих ограниченный набор задач на тысячах учащихся, заменяют образ эрудированного и знающего педагога, который освобождается от своей профессиональной обязанности обучать и воспитывать.

вать учащихся в течение длительного периода. (Apple, 1999). В 1986 году Данахи в своем исследовании отметил использование ремесленной метафоры, в которой функция педагога как гончара заключалась в том, чтобы «сформировать из безжизненной глыбы глины что-то красивое и человеческое». Он указывает, что такое явление отражается в метафоре механизма, так как «в современной промышленной экономике совершенно не удивительно обнаружить метафоры, связанные, но не характеризующие механическое производство. Это позволяет разъяснить, оправдать или исправить то, что мы делаем» [Apple 1999: 229].

Педагогов не следует осуждать за ту позицию, которую они занимают в здании школы – фабрики. В течение прошлого столетия они выступали против своей заниженной роли в обществе. В 1901 году на заседании Национальной Ассоциации Образования представитель трудового профсоюза Маргарет Халей предупредила о грядущем превращении образования в фабрику, где педагоги станут автоматами. Их обязанность – «выполнять механически, без вопросов любые распоряжения тех людей, которые наделены властью» [Bradley 1999: 31].

В настоящее время уже не вызывает сомнения что, педагоги представляют собой рабочую силу, а не общество профессионалов. Национальная Ассоциация Образования и Федерация преподавателей Америки могут считаться профессиональными организациями, но их роль подобна профессиональным профсоюзам. Они занимаются вопросами трудоустройства и увольнения, решением ежедневных вопросов, организуют забастовки и подписывают соглашения между работодателями и профсоюзами относительно условий труда. Несмотря на то, что эти объединения способствуют профессиональному развитию, контролю качества и других профессиональных интересов, их важнейшая задача заключается лишь в том, чтобы добиться справедливой компенсации за выполненную работу, а именно зарплаты, поощрения, жалобы и тому подобное. Они не имеют таких прав, как Ассоциация американских медиков и Ассоциация американских юристов. Педагоги воспринимаются как «объединение интеллектуальных рабо-

чих» (Kerchner и другие, 1997).

Происхождение метафорической модели ШКОЛА – ФАБРИКА. Проследить происхождение метафоры ШКОЛА – ФАБРИКА, появившейся в США в 19-м столетии, достаточно легко. В то время понятие индустриализма было ключевым для всей нации (Fitzpatrick, 1995). С самого начала задачей государственного образования было обучение производственной рабочей силы и уменьшение натовистского давления. Большое количество зарубежных детей считались неподготовленными для того, чтобы принять участие в индустриализации Америки или демократизации общества. Эта привилегия была отдана в руки олигархам. Таким образом, вновь созданные государственные школы предназначались для того, чтобы сделать из этих детей организованный корпус рабочих и прокапиталистический электорат. Школы 19 века были «культурными фабриками», где эмигранты и другие рабочие наполнялись, так называемыми, американскими ценностями (Oakes, 1985). Боулз и Гинтис указывали, что их целью было, и остается, выработка требуемого поведения, привычек и ценностей у рабочих, особенно среди сельского населения и эмигрантов, увеличение производительности фабрики, развития у рабочих понимания власти, а также ее осознание рабочим классом. Все это способствует продвижению национальной идеологии, превозносящей капитализм и демократическое государство (Anyon, 1997).

Рассмотрим условия успешности школы – фабрики. В Америке 19-го столетия наиболее значимой институциональной моделью была индустриальная, а не церковная или законодательная модели. Производительность – показатель, позволяющий судить о качестве работы фабрик. Стандарт производительности в промышленности – это цена за произведенную единицу товара. Соответственно доктрины продуктивности, эффективности и производительности (которые озвучил 150 лет назад герой Диккенса Град-гринд – индустриалист и педагог-самоучка) остаются доктринами успешности государственного образования, которые озвучиваются и поныне. Рассмотрим следующие примеры:

23. "[A superintendent] said he will appoint a special task force to study the **overall effec-**

tiveness of bilingual education here" (Los Angeles Times, 28 Jun 95, B3)- [Руководитель] сказал, что назначит специальную группу, чтобы **полностью изучить** здесь эффективность двуязычного образования.

24. "Gangs not as an invading army but as our own offspring—the byproduct of a polarized economy, **ineffective schools**, [etc.]" (Los Angeles Times, 19 Feb 95, 16)- Банды, не как армии вторжения, а как наше потомство – это побочный продукт поляризованной экономики, **неэффективных школ**,...

25. "Bilingual programs are only as good and **effective** as the principal, the teachers and the parents at that school." (Los Angeles Times, 17 Oct 95, B1)- Двуязычные программы настолько хороши и **эффективны**, насколько учителя и родители этой школы.

Следует отметить, что эффективность или производительность, то есть высокий показатель выпуска продукции, не является необходимым критерием для образовательных учреждений. Слова *efficiency* (производительность) и *effective*(эффективный) этимологически связаны. Эти слова произошли от причастия прошедшего времени латинского языка *efficiere*. Корень этого слова *facere* имеет значение *делать*. Если бы была выбрана другая метафора, то для определения успешности были бы выбраны и другие понятия. Например, персональные качества, такие как интеллектуальность или вера, выступали бы в качестве стандарта для школ, основанных на церковной модели. Духовные семинарии основаны также на этой модели. Соответственно, в качестве стандарта военных академий выступал бы такой показатель как регламентаризм. Обратите внимание на то, что норма производительности в государственной ШКОЛЕ – ФАБРИКЕ полностью совместима с составляющими механистической метафоры, которые определяют теорию изучения знаний учащихся в дискурсе Америки. Семантическое соответствие этих моделей определяет их постоянство.

В 1795 году Кант (1983) доказал то, что ни полезность, ни эффективность не могут являться подходящей мерой для определения морального качества, так как каждое может оправдывать безнравственность. Он привел это доказательство, чтобы отклонить утверждение Макиавелли, согласно которому, цель оправдывает средство. Критика Канта затрагивает моральное качество объекта относительно стандарта в государственном

образовании Америки, главным национальном институте человеческого развития. Производительность, как показатель качества, не признает достоинство и уникальность каждого человека; она не рассматривает учащегося как конечную цель. Напротив, производительность понижает статус ребенка до простого объекта, изделия для потребления, произведенного на образовательной фабрике. Вложенные значения [Lakoff 1987: 141-144] метафоры ШКОЛА – ФАБРИКА, объединенной с механистической метафорой изучения, рассматривают ребенка как единицу промышленного производства. Изучение становится специально управляемым процессом, а не процессом роста и развития на протяжении всей жизни. Американские школьники рассматриваются как средства достижения конечных целей.

Значение этой метафорической модели огромно. В ее рамках дети – это, безусловно, ценные предметы, но они пассивные получатели образования. Страшнее всего, что они становятся предметом потребления. Как только дети приходят в школу, их ценность определяется в соответствии с нормами стандарта качества. Образовательные неудачи являются результатом низких личностных качеств учащихся или их семейного прошлого. Методы образования редко считаются неудачными, а принципы обучения вообще не подвергаются сомнению. Государственное образование не обязательно должно основываться на выгоде. Таким образом, в начале 21-го столетия работа американских государственных школ, несомненно, основана на критериях Граджринда: эффективности и производительности.

Бизнес метафора. Данная метафора часто рассматривается в дискурсе как некое дополнение. ОБРАЗОВАНИЕ – БИЗНЕС – это отчасти революционная метафора для осмысления государственных школ. В наш постиндустриальный век эта метафора часто используется для того, чтобы оценить качество образования в терминах рентабельности, а не производительности. В образовательных кругах подобный образ образования не представляется чем-то новым. Применение концепций бизнеса, таких как рациональное управление и производительность, по отношению к американским государ-

ственным школам началось еще с 1890 годов (Callahan, 1962). В произведении Чарльза Диккенса «Тяжелые времена» руководитель малочисленной школы Томас Граджринг был одновременно и бизнесменом, и промышленником. Недостаток метафоры БИЗНЕС тот же самый, что и в промышленной модели. Данная метафора не сконцентрирована на ребенке. Небольшая история американского бизнеса позволяет говорить о том, что это модель является неподходящей для характеристики американских школьников. С окончанием эры фордизма американский бизнес стал еще более однообразным и малопродуктивным. В действительности это означает, что он скорее откажется от рабочих, чем даст им возможность переквалифицироваться, или откажется от наименее производительных линий, чем модернизирует их. Для производства выгоднее сосредоточиться на получении прибыли за короткое время, чем на длительном производстве продукции. Метафора БИЗНЕСА, используемая для концептуализации американского образования, оказывает серьезное воздействие на работу педагогов, на разнообразие и, в основном, некачественное сырье (в частности, учащиеся рабочего класса и языковых меньшинств), на понимание рынка населением Америки.

Прежде чем перейти к рассмотрению второй доминирующей метафоры, обратим внимание на еще одну тревожную черту, недавно появившуюся в общественном дискурсе.

Метафора склада. В настоящее время среди большей части населения Америки наблюдается спрос на государственное образование и квалифицированные кадры, которые смогли бы поддержать постиндустриальную и все более информационно-ориентированную экономику. К сожалению, это не привело к увеличению финансирования и государственной поддержке. Снижение финансирования и критика системы увеличивались в эпоху заката фордизма. В результате этого учащиеся государственных школ и по сей день испытывают на себе постоянные недостатки финансирования (Helfand, 2005).

Сегодня американским детям школьного возраста угрожает явная опасность. Школьник, живущий за городом, считается второсортным товаром. В течение

многих лет детей рабочих, эмигрантов и детей других национальностей относили к самым низким уровням школы-фабрики. В настоящее время они вообще устранены с конвейерной линии и удалены из здания фабрики. Объединив всех вместе и лишив их возможности получить образование, детей поместили в нестандартные условия под наблюдение перегруженного работой штата складского помещения. Рассмотрим следующие примеры:

26. *"The children in America's urban areas who are **warehoused** through broken school systems which rob them and our country of hope and promise" (Los Angeles Times, 28 Aug 97, B7 – Дети в сельских областях, которые **находятся на складе** из-за нарушенной школьной системы, грабящей у них и нашей страны надежды*

27. *"The rampage of angry youth who spent their childhood **warehoused** in 2,000-plus student **holding tanks** will continue" (Los Angeles Times, 28 Apr 96, B16) – Волнение обиженной молодежи, которая провела свое детство в **запертых проводящих резервуаров танков 2002, продолжатся.***

28. *"Black and brown kids who have been **warehoused** by an education system." (Los Angeles Times, 23 Aug 95, B9) – Черные и коричневые дети, которые **были складированы** образовательной системой.*

Детям языковых меньшинств требуется приложить гораздо больше усилий для продвижения по образовательной дорожке в таких неестественных условиях. Для подобной работы необходимы педагоги, способные переориентировать складское помещение для занятий, чтобы создать для детей подобие классной комнаты [см. Kohl 1988: 33-38]. Подобное развитие ситуации не предвещает хорошей рыночно-ориентированной реорганизации государственного образования.

Я начал анализ образовательного дискурса с рассмотрения составляющих метафоры ФАБРИКА на уровне здания школы. Эта метафора способствует скрытому укреплению старых механистических моделей изучения. Кроме того, разработанные и осуществляемые образовательные программы, оценены в большей степени с помощью метрической эффективности, а не с помощью академических возможностей учащихся. Учащийся рассматривается как «единица экономической полезности». Следовательно, учащиеся – это не единственная составляющая успешности процесса. Та-

кой процесс подобен процессу производства тостера. Люди не являются товаром, поэтому такая метафора не может быть эффективной.

Образовательный дискурс Америки не ограничивается представленными метафорическими моделями. Кроме метафоры ШКОЛА – ФАБРИКА можно выделить еще две продуктивные концептуальные метафоры, используемые для осмысления образования.

Учебный план – что это такое? Общество понимает, что ребенок проходит шаг за шагом последовательность классов и занятий для того, чтобы стать образованным человеком. Главная метафора, выявленная в результате систематического исследования более ста статей, характеризует УЧЕБНЫЙ ПЛАН как ДОРОГУ. Метафора дороги – это метафора, характерная для всех сфер человеческой жизни. *Курс человеческой жизни* – вот только один пример. Учебная программа в образовании (от латинского *currere* – бегать) – это набор установленных предметов, который нужно пройти каждому учащемуся, чтобы стать образованным человеком. Составляющие сферы-источника ДОРОГА, которая чаще всего ассоциируется со сферой-мишенью УЧЕБНЫЙ ПЛАН, включают в себя разнообразные «движения» индивида на пути достижения успеха. Следующий компонент метафоры – индивидуальное желание. Каждый человек движется вдоль дороги только благодаря собственным действиям. Обратите внимание на то, что ни одно из значений метафоры не является обязательным компонентом образования. Следует отметить, что метафора ДОРОГИ – не единственный способ осмысления учебного плана. В конце статьи будут представлены еще два других способа.

В метафорической модели УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА – ДОРОГА используется много выражений для указания направления движения в образовании. В качестве иллюстрации приведем следующие примеры:

29. "Opponents contend the [bilingual education] program ... will almost certainly hurt the **academic progress** of limited-English students" (Los Angeles Times, 9 Feb 96, A3) – Противники борются за [двуязычные образовательные] программы ...практически повреждают **академическому продвижению** учащихся с ограниченным знанием английского

языка.

30. "For many of these impressionable foreign-born teens, the **passage** through the bilingual program is about far more than just learning English" (Los Angeles Times, 29 Oct 95, B1) – Для многих этих впечатлительных подростков иностранного происхождения **прохождение** через двуязычную программу – это нечто гораздо большее, чем простое изучение английского языка.

31. "Last year, 1150 schools around the state with non-English-speaking students failed to **advance** a single student into English fluency. A third of schools failing to **advance** any students to English fluency were teaching only in English." (Los Angeles Times, 19 May 98, R-1) – В прошлом году 1150 школ среди штатов с учащимися не говорящими по-английски не сумели **достичь** беглости английского языка ни у одного учащегося. Треть школ, не сумевших **добиться** беглости английского языка ни у одного из учащихся, преподавали только на английском языке.

Обратите внимание на другие случаи употребления метафорической модели УЧЕБНЫЙ ПЛАН – ДОРОГА, например, на употребление слов *compete* (конкурировать) и *advance* (продвигаться). Все эти выражения подразумевают существенные добровольные усилия со стороны учащегося.

Кроме постепенного продвижения учащегося к намеченной цели, другой отличительной чертой данной метафоры является то, что она указывает на ряд препятствий, возникающих на пути к цели. Эти препятствия – естественная часть процесса становления образованного человека:

32. "If we **set the bar of standards so high** that a student must **pole-vault** over it', [a teachers union official] said, 'we must also give the student **a pole**'" (Los Angeles Times, 21 Nov 96, A3) – **Если мы установим слишком высокий уровень**, то нам придется **оказывать** учащемуся **поддержку**, чтобы он смог **перепрыгнуть**, [представитель профсоюза преподавателей]сказал: «Мы должны также **дать** учащемуся **шест**».

33. "Students like Guillen must pass a final **battery of exams** before graduating" (Los Angeles Times, 25 Oct 95, B1) .- учащиеся, подобные Гуиллену, должны пройти заключительную **батарею экзаменов** для получения высшего образования.

34. "Some 'latchkey kids' come home and dutifully **plow through** their **homework**." homework (Los Angeles Times, 14 May 95, B1) - Некоторые дети приходят домой и **покорно выполняют** домашнюю работу.

Следующей особенностью метафо-

рической модели УЧЕБНЫЙ ПЛАН – ДОРОГА является то, что движение к цели – быть образованным – происходит в определенном темпе, а прогресс – это признак успешности ребенка. Следующие примеры проиллюстрируют данную точку зрения:

35. "Many language experts...believe that children **fall behind** when they are taught academic subjects in a language they are still learning" (Los Angeles Times, 10 Mar 95, A3). - Многие языковые эксперты... полагают, что дети **отстают** в том случае, когда им преподают предметы на языке, который они все еще изучают.

36. "Right now what we need to do is **get our young people back on track**" (Los Angeles Times, 12 Mar 95, 12). - Все, что нам нужно сейчас - это **вернуть** молодых людей **назад на уровень**.

37. "Her four children...would have been **set back** if they had been thrust into English-based classes in the primary grades" (Los Angeles Times, 13 Apr 97, A1). - Ее четверо детей... **отстали** бы, если бы их отправили в классы, где обучение на английском языке началось с начальной школы.

38. "Extensive research by Oakes into the **progress** of Latino students in public schools has shown that they are consistently **routed into** the least academic **courses** of study, beginning in elementary school. That so-called '**tracking**' is worse for bilingual-program students." (Los Angeles Times, 1 Jun 95, A1). - Крупное исследование Оакса относительно **прогресса** латиноамериканских учащихся в государственных школах показало, что [курсы] последовательно **разбиты на** наименьшее количество курсов на начальной ступени обучения. Таким образом, так называемые «**отслеживания**» сказываются отрицательно на учащихся двуязычной программы.

Необходимо рассмотреть семантическую область ДОРОГА, которая является второй среди трех доминирующих метафорических моделей в современном образовательном дискурсе. Семантическая сфера ДОРОГА включает в себя приобретенный опыт движения в определенном направлении или движение к определенной цели. Структура этой семантической сферы включает в себя отправную точку, конечную точку, маршрут, который необходимо пройти, возможно, с некоторыми препятствиями, и направление пути, чтобы достичь конечной цели. Совмещение сферы-источника ДОРОГА со сферой-мишенью УЧЕБНЫЙ ПЛАН предполагает хорошо развитую структуру знаний, не-

обходимую для продвижения к важным аспектам центрального института человеческой жизни.

Это приводит к появлению следующих соответствий: образование ассоциируется с движением по дороге, у которой есть начало, соответствующее состоянию необразования, путь, соответствующий установленному набору *предметов* (= маршруты), который необходимо преодолеть, и последовательность *классов* (= наклоны и уровни увеличения трудности). На пути возникают трудности, которые необходимо преодолеть. Эти трудности формально соответствуют оценке определения достигнутого мастерства на каждом уровне учебного плана. Наконец, существует конечная цель, соответствующая завершению учебного плана школьной системы, которая ведет к получению учащимся сертификата, удостоверяющего достижение статуса образованного человека.

При осмыслении учебного плана в понятиях ДОРОГИ каждый человек метафорически проделывает путь со статуса необразованного человека до статуса образованного. Все эти топологические элементы используются в метафорической модели – УЧЕБНЫЙ ПЛАН – ДОРОГА в образовательном дискурсе Америки.

Ложное значение: личное желание.

В данной метафоре представлены три логически связанных между собой элемента. Во-первых, образование в пределах этой метафорической модели осуществляется на один шаг за единицу времени. Во-вторых, на своем пути каждый должен пройти последовательность классов. В-третьих, что является наиболее важным, получение образования – это личное желание каждого. Эти, логически выстроенные утверждения метафорической модели УЧЕБНЫЙ ПЛАН – ДОРОГА, играют важную роль в выполнении конститутивной функции. Они выдвигают на первый план личное желание каждого, проходящего путь, и отодвигают на задний план все структурные факторы, определяющие окружение американских государственных школ. В результате метафора представляет искаженный образ реального процесса развития учащихся государственных школ Америки.

Подобный процесс устраняет все различия, которые делают школьный опыт каждого учащегося уникальным. Но

это одновременно оказывает большое политическое воздействие на американские учреждения, которые должны справляться с крупными структурными неравенствами. Во-первых, при использовании метафоры ДОРОГА американское общество стремится не обращать внимания на бесчисленные структурные различия школьных помещений. Это подразумевает такие важнейшие составляющие, как подготовка педагога и его опыт, наличие школьного оборудования и условий обучения, уровень культуры учащихся и демографические условия, распределение бюджета на каждого учащегося и профессиональные отношения служащих. Все это является причинами, из-за которых бедные учащиеся и учащиеся языковых меньшинств в сельских школах оказываются в худших условиях. Метафора устанавливает такие семантические отношения, которые уводят наше внимание от структурных неравенств. Метафорическая модель УЧЕБНЫЙ ПЛАН – ДОРОГА выдвигает на передний план личное желание каждого, при этом отодвигая на задний план состояние дороги. Таким образом, метафора делает каждого, двигающегося по дороге, ответственным за свое образовательное путешествие. Это является понятным для взрослого населения. Однако система государственного образования создана специально для детей, которые не несут ответственности за структурные неравенства посещаемых школ. Американское общество считает, что если ученик не в состоянии успевать в государственной школе, это его собственная проблема или проблема его семьи. Посредством этой метафоры американцам гораздо легче объяснить неравенства государственных учреждений.

Обратите внимание, что обычная составляющая содержания ФАБРИКИ, производственная стандартизация, способствует неверному осмыслению того, что учебная дорога каждого учащегося одинакова для всех. На самом деле это не так. Личное желание ученика двигаться вперед в образовательном процессе сдерживается содержанием образования. Это означает то, что каждый учащийся начальной школы идет по определенной образовательной дороге, которая заставляет его быть ответственным за учебные неудачи, возложенные на него

обществом. Образовательное учреждение с легкостью отказывается от резкой критики и социальных трудностей, которые приходится преодолевать ученику, находящемуся в худшем положении. Все это не позволяет одаренному учащемуся использовать преимущества своих знаний. Личное желание – это не всегда верный показатель, и, тем не менее, он укрепляется при каждом использовании метафоры ДОРОГА. В рамках этой метафорической модели только два понятия определяют успех или неудачу учащегося: талант и тяжелый труд.

Рассмотрим концептуальный источник понятия, широко используемого в государственном образовании. Выражение *drop out* (опускать), часто используемое в качестве имени существительного или глагола, встретилось 135 раз в 113 статьях газеты *Los Angeles Times*, которые были отобраны для изучения законопроекта 227. Выражение *dropout* (исчезновение) – американизм, который стал широко использоваться в эпоху расцвета индустриализма с 1920 года (Chapman, 1995). Еще совсем недавно, образ бегуна, возникающего при рассмотрении метафоры ДОРОГА, был бы непонятен. Выражение *dropping out* (бросать учебу) не содержит структурных признаков, которые говорили бы о процессе удаления учащегося из школы. Альтернативное понятие *push out* (вытолкнуть) предполагает снижение активности школьников и прямую ответственность взрослых за их действия в государственных школах. Этот термин используется лишь небольшой группой прогрессивных деятелей образования.

В целом все структурные трудности, существующие в обучении детей языковых меньшинств и рабочего класса, объясняются тем, что ДОРОГА (= УЧЕБНЫЙ ПЛАН) изменяется. Успех или неудачу приносит внутренняя сила духа. Эта составляющая доминирующей метафоры была целенаправленно удалена из научных исследований и широко обсуждалась американским обществом. Например, ряд исследований студентов-эмигрантов (Val Des, 1998) или документальный фильм Лауры Анджелы Симон (1995) «Страх и обучение в начальной школе Хувер». Эта проблема будет обсуждаться до тех пор, пока метафорическая модель УЧЕБНЫЙ ПЛАН – ДОРОГА будет су-

ществовать в образовательном дискурсе.

Американское общество спокойно отнесется ко всему, что затрагивает метафора УЧЕБНЫЙ ПЛАН – ДОРОГА, так как в данных повествованиях она используется для осмысления образования. Метафора объясняет образовательный успех личной инициативой учащегося. Индивидуализм – ключевой принцип данной метафоры. Эта метафора подтверждает американский миф о том, что только ценной собственными способностями и усилиями, каждый человек прокладывает свой путь по дороге. При рассмотрении другой подборки статей образовательная дорога превращается в беговую дорожку. Миф о превосходстве американского образования, согласно которому каждый имеет равные права на достижения, также раскрывается при помощи этой метафоры (Berliner, Biddle, 1995). Метафорическая модель УЧЕБНЫЙ ПЛАН – ДОРОГА уводит внимание от неравных образовательных возможностей, различных социально-экономических факторов и расизма. Тем не менее, в американском образовательном дискурсе не учитываются структурные неравенства государственных школ. Эти неравенства каждый день разрушают потенциал миллионов детей в самый уязвимый период их жизни.

Еще раз следует отметить, что метафорическая модель УЧЕБНЫЙ ПЛАН – ДОРОГА не является естественной или необходимой метафорой. Это просто обычный способ рассуждения, являющийся базой для осмысления содержания образования. В данный момент уместно приостановить рассмотрение метафор ФАБРИКА и ДОРОГА, которые скрывают и узаконивают множество несправедливых сторон школьного образования. Так называемые хорошие умственные способности и природа человека, которые в последние годы использовались для оправдания эффективности стандарта, могут в настоящее время звучать как попытка рационализма.

Обратимся к последней конститутивной метафоре, обнаруженной в американском государственном образовательном дискурсе.

Что такое основной поток? *Mainstream* (основной поток) – одна из наиболее часто используемых метафор образовательного дискурса. Этот термин появлялся много раз при обсуждении зако-

нопроекта 227 о двуязычном образовании. Приведем несколько примеров:

39. *"Immigrant students ... try to learn enough English to join the **mainstream**"* (Los Angeles Times, 1 Jun 95, A1) - *Учащиеся эмигранты ...пытаются выучит английский язык достаточно хорошо, чтобы влиться в основной поток.*

40. *"More than 24,000 students were transferred out of bilingual program classes and into **mainstream classes** in 1994–95."* (Los Angeles Times, 17 Oct 95, B1) – *Более чем 24 тысячи учащихся в 1994-1995 годах были переведены из классов с двуязычными программами в классы **основного потока**.*

Данная метафора позволяет судить о том, как ребенок превращается в типичного американского подростка. Остановимся на семантической структуре данной метафоры, так как она является завершающей метафорой, определяющей образовательный дискурс. В период рассмотрения законопроекта 227 в течение 1997-1998 годов понятие основной поток противопоставлялось двуязычным программам. Сфера-источник этой метафоры – РЕКА. Некоторые концептуальные значения метафоры РЕКА близки к значениям метафоры ДОРОГА, так как любая река стремится к определенной конечной цели. Обыденное понимание реки включает в себя спокойный поток в начале, на дальнейшем пути которого встречаются повороты и преграды, мешающие путешественнику двигаться вперед по течению. Следует отметить некоторые различия этих метафор. Для того чтобы плыть по метафорической реке не требуется специального толчка, необходимого для продвижения по ДОРОГЕ. Река самостоятельно направляет всех путешественников по течению. Это отличает метафору РЕКА от метафоры ДОРОГА.

В отличие от метафорической модели УЧЕБНЫЙ ПЛАН – ДОРОГА, где первый возникающий образ – это образ одинокого путешественника, идущего вдоль дороги, метафора РЕКИ способствует созданию образа потока, течение которого перемещает учащегося по волнам. Но река может унести его в разные направления. С одной стороны, главный поток относит путешественника в быстрый и глубокий приток, где поток воды сильный, и направление строго определено. Любая, кто попадает в главное течение реки, будет плыть дальше гораздо быстрее. Напротив, та же самая река течет мед-

леннее в мелководном месте. Берега реки окружены песчаными островами и водоемами. Продвижение ребенка, дрейфующего в этих расщелинах, медленнее и безопаснее. Как видно из статей газеты *Los Angeles Times* мертвые деревья и другие предметы могут помешать продвижению учащихся, медленно плывущих вдоль берегов реки:

41. "We'll continue to be in the **backwaters** of public education, and, in an information-driven society, we simply can't afford to let that happen." (*Los Angeles Times*, 15 Oct 95, B1) – Мы продолжаем оставаться в **болоте** государственного образования, и в информационно-развивающемся обществе мы просто не можем себе позволить оставаться там.

Личное желание не является составляющей метафоры РЕКИ в отличие от метафоры ДОРОГА. Каждый перемещается в потоке. Таким образом, основной образовательный поток не предполагает таких понятий как настойчивость, талант или амбиции, которые являются необходимыми составляющими метафорической модели УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА – ДОРОГА. Вместо этого, индивидуумы достигают различных мест назначения в зависимости от их положения в потоке реки. Узкие и глубокие каналы выносят детей быстрее и дальше тех, которые движутся медленнее.

Значение метафоры РЕКИ включает в себя второй важный элемент. Единственная река снабжает целый регион. Каждая река объединяет более мелкие потоки в один общий водный путь, независимо от того, снабжает ли она отдельную область размером со школьный регион или целую нацию. Реки, подобные Миссисипи, снабжают водой целый континент, вбирают в себя воды многих притоков, объединяя, таким образом, отдельные элементы в единый поток. Различные потоки вливаются в основное течение и становятся одним целым.

Вхождение в основной поток. Метафора реки сообщает о готовности к образовательному процессу, то есть о процессе социализации учащихся. Она описывает средства, с помощью которых школа преподносит главные понятия. Исходя из значения понятия РЕКА, учащиеся просто передвигаются вдоль нее. Если река быстрая и узкая, дети движутся быстрее, и, в конечном счете, попадают в основной поток. Если же река медленная, то их вхождение будет неполным.

Это и есть их вхождение в американское общество посредством так называемых полученных знаний. После того, как учащиеся повзрослели в государственной школе, получили общие знания об англо-американской культуре и имеют более или менее сформированные представления о мире, они молчаливо поглощают (часто не читая) все каноны, священные национальные мифы и традиционную историю (Apple). Метафора РЕКИ характеризует процесс социализации, который превращает так называемых зарубежных учащихся в американских тинэйджеров, которые в дальнейшем формируют традиции, ценности и обыденные взгляды на общество, нацию и мир.

Государственные школы воспитывают таких членов американского общества, которые в дальнейшем, вероятно, найдут свое место в жизни. В зависимости от положения учащихся в школе метафора РЕКИ сообщает им об их предназначении для американского общества. Подавляющее большинство детей других национальностей и учащихся языковых меньшинств отнесены к низам школы. Соответственно они займут такое же место в американском обществе. Эти учащиеся узнают, что общественная деятельность, доступная для них, ограничена общественными приказами, которые они исполняют в школе. Деятельность всех государственных школ воплощает идеологические положения о социальном статусе учащегося. Взрослея, такие дети легко принимают идеологию существующего социального порядка, включая отношения, которые предполагают социальную несправедливость, связанную со статусом меньшинства. Если они откажутся от всего этого и уйдут из школы, отношение к ним будет еще хуже, чем к тем, кто получил образование. Эти процессы ярко представлены в метафорической модели ОБРАЗОВАНИЕ – РЕКА:

42. *Those changes were a response, [the principal] said, to parent concerns...to speed the transfer of bilingual program students into the educational **mainstream**.* (*Los Angeles Times*, 16 Jan 96, B1).- Эти изменения были ответом, [руководитель] сказал в ответ на родительские переживания ... ускорить перемещение двуязычных учащихся в **основной поток**.

В Калифорнии в конце 1990 годов в дискурсе законопроекта 227 педагоги противоположных политических взглядов

использовали понятие «основной поток» в несколько иных значениях. Консерваторы утверждали, что вхождение в основной поток не может произойти посредством двуязычного образования. Этого можно добиться лишь обучением только на английском языке, что в конечном итоге сделает их зависимыми от него.

43. *two school districts are considering resolutions that condemn a state-mandated language program designed to **mainstream** non-English-speaking students (Los Angeles Times, 9 Mar 95).* - Два школьных района рассматривают резолюции, которые обвиняют одобренную государственную программу, для того, чтобы не англо-говорящие учащиеся не смогли влиться в **основной поток**.

44. *"Fluency in English is a 'civil rights matter,' said ...a language expert. 'We do not have any evidence that primary language instruction is leading to learning English so these children can join the **mainstream**'." (Los Angeles Times, 29 Mar 95, B3)* – Беглость английского языка – это вопрос гражданских прав, сказал ...языковой эксперт. У нас нет никаких доказательств, что изначальное преподавание на английском языке ведет к изучению языка, поэтому эти дети могут влиться в **основной поток**.

Гарантируя зависимость этих учащихся от английского языка, мы, несомненно, теряем их так называемую национальную сущность, так как они вливаются в обычную американскую культуру и разделяют ее основные взгляды. Для педагогов, выступающих против двуязычного образования, вхождение в основной поток было менее важным. В базе данных газеты *Los Angeles Times* защитники двуязычного образования подчеркивали более широкий выбор образовательных целей и больше возможностей для занятий на подготовительных курсах. Эти источники социального продвижения доступны только в классах основного потока.

В заключительном анализе ни один педагог государственной школы не будет отрицать, что деление на основные потоки, социальное отличие эмигранта, языковое меньшинство и некоторые другие группы детей являются частью деятельности государственной школы. Вероятно, что понятие «основной поток» используется гораздо реже, чем метафора РЕКИ. Тем не менее, метафора РЕКА и две другие конститутивные метафоры обладают

статусом Кво при осмыслении государственных школ.

Воздействие на электорат и политические решения. Как влияют эти метафоры на образовательную политику? Рассмотрим голосование калифорнийского электората в 1998 году, на котором устранили двуязычное образование у более чем 1.300.000 млн. детей, имеющих законное право на него, среди которых 80% – это дети латиноамериканцев. Дети, которых следует обучать на родном языке, составляют ¼ всех детей, посещающих школу в Калифорнии. Калифорнийское общество за последние 20 лет узнало, что многие латиноамериканцы, также как и учащиеся другого цвета кожи, получали недостаточное образование. Бизнесмен Рон Унз обвинил двуязычные программы не за финансовые и структурные неравенства, а за плохое обучение учащихся эмигрантов. Он организовал референдум, на котором призвал общество к соответствующему осмыслению процесса обучения отдельной личности. С момента референдума законопроект 227 (шутливо называемый «английский язык для инициативных детей») помог раскрыть обычные взгляды на государственное образование. Его ошибочное заключение стало ясным для среднего избирателя. Защитники двуязычного образования, противники Унза, оказались неспособны одержать победу. Это произошло из-за того, что они не смогли представить избирателям иной взгляд на государственное образование. Обыденное представление американского образования (с его основными концептуальными метафорами) не было опровергнуто, и поэтому законопроект был утвержден. Таким образом, эта педагогическая директива сейчас руководит всеми школьными инструкциями в Калифорнии, а законопроект 227 стал частью государственной конституции.

Фреймы трех концептуальных метафор, определяющих государственное образование, говорят о том, что двуязычное образование неприемлемо в любой его форме. Это происходит из-за того, что двуязычное образование не соответствует большинству составляющих метафорической модели ШКОЛА – ФАБРИКА. Например, двуязычное образование отвергает стандарт эффективности.

Учения, которые не соответствуют

фреймам метафорических моделей УЧАЩИЙСЯ – МАШИНА и ФАБРИКА – ШКОЛА теряют свое значение при рассмотрении в понятиях эффективности. Например, Гуэррэро (Guerrero) объясняет, как фреймовое оформление политики двуязычного образования в понятиях эффективности выступает в пользу противников двуязычного образования. Несмотря на хорошо разработанные открытия Гуэррэро (и многих других), эти учения подтверждают важность двуязычного преподавания для эмигрированных и чикагских учащихся. Гуэррэро провел крупный анализ собранных образцов после 1990 года, которые были отобраны для оценки эффективности образования на двух языках.

В противовес механистическому рассмотрению процесса изучения в метафоре ФАБРИКА, двуязычное образование разрушает представление о том, что какое серьезное обучение не происходит вне стен школы ФАБРИКИ. Двуязычное образование основывается на родном языке и жизненном опыте, с которым приходят в школу латиноамериканские и другие дети, не говорящие на английском языке. Выступая за поддержку двух языковых направлений с одинаковой возможностью для обучения, двуязычное образование также не может быть адаптировано к метафорической системе успешности ШКОЛЫ – ФАБРИКИ. Двойные ДОРОГИ поддерживаются в том случае, если разрешены учебные планы для двуязычного образования и образования на английском языке. Как можно судить о том, кто действительно выиграет в образовательной гонке при использовании более одной дороги. Вопреки логике метафоры РЕКА двуязычное обучение этих детей ведется на, так называемых, вспомогательных языках с опорой на их представления о мире. Исходя из значений этих трех образующих метафор двуязычное образование всегда ограничено. Оно не является основным для государственного образования, и поэтому считается легкой возможностью для установления статуса Кво среди англоговорящего электората в американских государственных школах. Вместо двуязычного образования эти три главные метафоры, озвучившие законопроект 227, требовали, что «все дети в государственных школах в Калифорнии должны

обучаться английскому языку как можно быстрее и качественнее».

Это репрессивное созвездие метафор для осмысления государственного образования – ФАБРИКА, ДОРОГА и РЕКА – являются запоздалыми для общественного рассмотрения и обновления. Можно выделить два фактора, определяющие устойчивость этих метафор: первый – это социальная инерция. Эти метафоры также встречаются в других профессиональных дискурсах, посвященных, например, этике грубого индивида, меритократическому образованию и неподкупности так называемой свободной конкуренции. Эти фреймы дают некоторую информацию о государственном образовании. Schön (1979) отметили, а Wetherell и Potter (1992) подтвердили документально, что для замены этих доминирующих метафор потребуются значительная потенциальная энергия и творческий подход. В ответ на это Cook-Sather (2003) предлагает практикам новый набор образовательных метафор, помогающих осмыслить систему образования. Обратился к Toolan (2002), Jørgensen и Phillips (2002), O'Halloran (2003) и Rogers (2004) для рассмотрения последних исследований в области образовательных и других дискурсов. Социальные основы исследования когнитивной метафоры были широко рассмотрены в работах Radman (1995), Lakoff (1999), Lakoff & Núñez (2000), и Colm Hogan (2003).

В следующем разделе мы предлагаем рассмотреть ПАРТИЗАНСКИЕ МЕТАФОРЫ для того, чтобы закончить знакомство со всеми метафорами общественного дискурса. Под ПАРТИЗАНСКИМИ МЕТАФОРАМИ понимаются метафоры, которые, вероятно, не осознаются обществом широко, но все же раскрывают современный взгляд на образование. Их рассмотрение упрощается, так как статус Кво отвергает все взгляды на образование, которые являются противоречивыми для этих метафор. Под статус Кво можно подвести большинство национальных меньшинств. По этой причине я предлагаю рассмотреть две ПАРТИЗАНСКИЕ метафоры, надеясь на возможность нового взгляда на государственное образование в сознании голосующей публики.

Партизанские метафоры. В конце своего анализа, рассматривающего про-

исхождение, условия существования и положение государственного образования в Чикаго, Валенсия заявляет: «несмотря на тяжелое положение, мы должны быть все-таки оптимистичны...Необходимо продолжить говорить на «языке критики», но должно быть и определенное пространство для «языка возможностей» [Valencia 2002: 368]. В соответствии с этим я выделил две партизанские метафоры государственного образования: СТРОИТЬ и ВЫРАЩИВАТЬ. Каждая из них подчеркивает важные элементы, недооцененные в предыдущих метафорах, особенно в отношении учащихся языковых меньшинств. Ни в одной из указанных метафор нет значений, которые обеспечивали бы расовые и лингвистические иерархии. Данные метафоры позволяют изменить взгляд общества на главный институт человеческого развития, включая концепции педагогов и школ.

Изучение – Строительство. Первая партизанская метафора, ЗНАНИЯ – КОНСТРУКЦИЯ, была разработана американскими методистами, профессионалами и исследователями, начиная с Томаса Деви (Thomas Dewey, 1897). Данная метафора семантически соотносится с метафорой ИЗУЧЕНИЕ – ПРАКТИКА, которая, как отметил Вульф (Wolfe, 1999), стала главной метафорой с 1980г. В рамках метафоры ИЗУЧЕНИЕ – СТРОИТЕЛЬСТВО, знания – конструкции, а учащийся – активный строитель своих собственных знаний. Эта метафора позволяет оформить существующие научные модели языкового развития, в которых подчеркиваются уникальные возможности, созданные индивидом посредством грамматики через определенные стадии развития и социального взаимодействия. Ребенок или подросток формирует структуру языкового понимания и других видов знаний, где он развивается в познавательной и социальной сферах. Когда педагог отказывается от умственной работы, он принимает на себя роль совместного творческого консультанта и профессионального строителя. Таким образом, педагог в рамках метафоры ЗНАНИЯ – ДОМ передает и делится знаниями с учащимися, которые проходят путь развития от новичка до профессионального строителя знаний. Представленная метафора отражает действия, которые пе-

дагоги передают учащимся посредством общения.

В пределах метафоры ЗДАНИЯ школа уже больше не является ФАБРИКОЙ, она скорее активный строительный участок. Учащиеся больше не рассматриваются как куча сырья, которую необходимо обработать, перебрать, ... и которой нужно придать форму, необходимую для дальнейшего продвижения по образовательной сборочной линии. Учащиеся не оцениваются как производственные единицы, подлежащие исключению или складированию, в том случае, когда они не соответствуют стандартам. Педагог больше не интеллектуальный трутень или индустриальный рабочий. Напротив, педагог и ученик – оба активные строители знаний.

В соответствии с фреймами метафоры строительства учащийся приходит в школу с определенным количеством знаний. Среди них наиболее существенным является язык. Таким образом, в школе учащийся продолжает строить свои знания, тем самым, становясь лучшим архитектором собственного дома знаний. Частные общины, культуры и языки учащихся являются общими или мультисемейными домами знаний. В процессе строительства профессиональные мастера не разрушают первоначальные знания учащихся и не заставляют ребенка отказаться от них. Профессиональные мастера будут помогать учащемуся в строительстве новых знаний на основе прежних.

В качестве критерия определения успешности промышленного процесса вместо использования эффективности, характерной для ШКОЛЫ – ФАБРИКИ, данная метафора основывается на стандартах строений и архитектуры, таких как порядок, организация, симметрия, красота и удобство (Ching, 1995). Индивидуальность каждого учащегося будет отображена в строении подобно одиночным домам, стоящим по всей Америке, которые сильно отличаются друг от друга по стилю.

В рамках партизанской метафоры институт общественного образования становится более ответственным за виды и качество строительного материала, который предлагается учащимся для строительства собственного дома знаний. Некоторые школьные районы уже

предлагают детям высококачественные материалы и нанимают высококвалифицированных образовательных архитекторов и профессиональных строителей для того, чтобы помогать учащимся в строительстве собственных особняков. Эти дети строят истинные дворцы знаний, в которых они будут процветать всю свою жизнь. Другие школьные районы не могут предоставить ни детям рабочего класса, ни белым, ни представителям языковых меньшинств достойный образовательный материал, и поэтому берут на работу неопытных и неквалифицированных педагогов. В таких условиях эти учащиеся будут строить, как это обычно делают дети, и создавать только лачуги, используя имеющиеся средства. Возможно, именно это является причиной, по которой дети покидают обедневшие школьные районы на еще более разрушительные места на улицах для строительства знаний за пределами стен школьного дома. Метафора ДОМ обладает достаточной семантической структурой, чтобы выразить содержание обучения в понятиях оснований комнат, окон, этажей, краеугольных камней и других архитектурных элементов. Место расположения строительного участка уменьшает значимость личного соревнования в метафорической модели ОБРАЗОВАНИЕ – ГОНКА, сохраняя при этом возможность для личного развития. Следующие метафоры с исходной областью НАЦИЯ – ДОМ используются для характеристики государственного образования в Америке: УЧАЩИЙСЯ – СТРОИТЕЛЬ ЗНАНИЙ, ИЗУЧЕНИЕ – СТРОИТЕЛЬСТВО, ЗНАНИЯ – ДОМ и ШКОЛА – СТРОИТЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК (Santa Ana, 2002). В нашей постиндустриальной информационно-ориентированной экономике, исходя из метафоры СТРОЕНИЯ, нарастающая сила и безопасность американских людей может быть напрямую связана с качеством американского государственного образования.

Образование – развитие. Вторая партизанская метафора – сельскохозяйственная. Объект образования в этой метафоре включает в себя развитие языкового искусства, научных методов, рационального запроса и креативного мышления. В настоящее время понятие *развитие* соотносится с элитным образованием, а не с образованием масс, которому обычно преподаются основы. Тем

не менее, современные образовательные исследования показывают, что все навыки, начиная от простейших до сложных, развиваются в ходе одних и тех же процессов, а наиболее важные требуют годы для развития. Если мы полагаем, что разум ребенка содержит зерна изучения подобные желудям, то ум должен развиваться в течение всего периода жизни для того, чтобы добиться полноценного урожая. В рамках этой метафоры педагог становится сеятелем и земледельцем. Роль педагога критическая, но в тоже время очень важная. Школьная почва должна быть плодородной, а школьный климат – подходящим для изучения. Самое хорошее семя, падая на неплодородную почву, погибнет. Следовательно, школьная экология вписывается в рамки этой метафоры.

Согласно этой точке зрения, школьный класс и школьная территория являются садом или виноградником для выращивания семян под руководством фермера, обладающего всеми современными научными знаниями, необходимыми для садоводства. СТУДЕНТ – ДЕРЕВО, УЧЕБНЫЙ КЛАСС – САД, ОБРАЗОВАНИЕ – РАЗВИТИЕ – такое сочетание позволяет рассматривать изучение не как набор механических навыков, которые нужно «впихнуть», а как факты, которые необходимо запомнить. Признаками данной метафоры являются развитие навыков жизни и жизненного творческого потенциала.

Изучение как развитие предполагает наличие сада эрудиции. В каждом ребенке заложены семена, которые растут в нем и благодаря которым, он становится социальным существом (различные языки и виды изучения). В этом случае разум ребенка – это не просто чистый сосуд или практически бесценное сырье, которое надо переработать в промышленный продукт. Это сад, в котором посеянные семена знаний прорастут и будут красиво цвести долгое время.

В метафорической модели УЧЕБНЫЙ ПЛАН – ДОРОГА с ограниченной семантикой подчеркивается только одна составляющая – личное желание. Как было сказано выше, эта составляющая является неприемлемой для детей. С одной стороны метафора развития выдвигает на первый план процессы развития ребенка. Она требует от учащихся определенного

потенциала. В плодородном винограднике на разных виноградных лозах появляются различные плоды. В образовательном контексте каждый ребенок будет способен выразить свой уникальный познавательный потенциал при условии тщательного ухода. Вместо стандарта механической успешности фабрики аксиомой сельскохозяйственной метафоры становится действенное управление для произрастания врожденного потенциала семян. Вместо гонки, которая ведет к появлению большого количества проигравших, главный принцип садовода – осознать продуктивность всего сада. Успешный садовод терпеливо присматривает за виноградной лозой, чтобы она могла дать в четыре раза больше урожая. Данная метафора не уменьшает роль личного желания, но и не совмещается с теорией меритократии.

Данахи (Danahy 1986) разделил метафоры, взятые из образовательной литературы, посвященные отношениям учителя и учащегося, на метафоры, относящиеся к обеим сторонам, и метафоры, характеризующие индивидуальные качества человека. Он считал, что эти метафоры не являются достаточно удачными, и подошел к их рассмотрению критически. Среди последних Данахи выделяет метафору озеленения, которая, как он справедливо отмечает, отражает пассивность учащегося. Об этом значении необходимо помнить при использовании партизанской метафоры.

Она подчеркивает возрастающую чувствительность и творческий потенциал гораздо лучше, чем обычные образовательные механистические метафоры.

Общие преимущества. Главный недостаток трех основных образовательных метафор заключается в том, что они не совместимы (в вертикальном контексте) с двумя преобладающими национальными метафорами дискурса. В семилетнем исследовании статей из газеты *Los Angeles Times* (Santa Ana, 2002, глава 7) было обнаружено, что только две преобладающие метафорические модели НАЦИЯ – ДОМ и НАЦИЯ – ОРГАНИЗМ составляют более 30 % метафор, наиболее часто употребляемых в общественном дискурсе. Это означает, что метафоры способствуют осмыслению происходящих процессов. Сравните метафоры американской экономики совместимые с

метафорами НАЦИИ. Газетные заметки о любых нарушениях структурной целостности (ДОМ) и ухудшении состояния здоровья (ОРГАНИЗМ) национальной экономики незамедлительно вызывают реакцию, а в некоторых случаях являются даже призывом о помощи против таких ухудшающихся условий государственных школ. Состояние экономики – это злободневный национальный вопрос даже для людей, которые не участвуют в ней. Это объясняется тем, что метафоры, характеризующие экономику и нацию, семантически связаны. Образы экономики автоматически приводят к появлению образа нации. Три главные метафоры, определяющие в настоящее время государственное образование, не совпадают с метафорами нации.

В некоторой степени метафора СТРОЕНИЯ семантически совместима с метафорой ДОМА, так же как метафора РАЗВИТИЯ совместима с метафорической моделью НАЦИЯ – ОРГАНИЗМ. Так как американское общество уже осмысливает нацию с помощью понятий дома или человеческого организма, связывая тем самым государственное образование с элементами национального ДОМА и национального ОРГАНИЗМА, такие метафоры будут приемлемы для непрофессионалов. Эти две партизанские метафоры указывают на положительную сторону, соотнося будущее нации с качеством государственного образования.

Ни одна из метафор СТРОИТЬ или ВЫРАЩИВАТЬ не использует значения метафоры РЕКИ. Вилей отметил, что использование понятия основного потока в образовательном контексте укрепляет и затеняет мощные отношения власти (Wiley, 1996, 1998). Статья частью основного образовательного потока означает стать частью доминирующей англо-американской культурной матрицы. С другой стороны, если остаться в пределах основного потока, значит остаться подчиненным более сильным группам. Напротив, в партизанских метафорах дети являются либо привилегированными для того, чтобы посещать достаточно дорогие школы, пополняя при этом свои знания и возрастные таланты, либо направляются в школы, в которых они не строят и не развивают своих знаний. Такая неудачная общественная школа строит (в терминах СТРОИТЕЛЬСТВА) или

выращивает (в терминах ВЫРАЩИВАНИЯ) бессильных и бесперспективных детей не по своей вине.

Представленная триада метафор ДОРОГА и РЕКА особенно вредна для учащихся, не говорящих на английском языке. Использование неродного языка считается барьером на образовательной дороге учащихся. Эта дорога ассоциируется с одним диалектом и монолингвизмом. Следовательно, билингвизм является барьером. Исходя из логики этих метафор, если препятствие *не преодолено*, билингвизм становится *тюрьмой* для учащихся. Эта метафора достигает своей кульминации, утверждая, что если дети не разделены по основным потокам, то есть если не становятся монолингвами, они будут *умственно отсталыми*. Ни одно из этих значений не используется для характеристики образования с помощью метафор СТРОИТЕЛЬСТВА и ВЫРАЩИВАНИЯ. Для подробного изучения метафор в других языках, показывающих отношение наций к государственному образованию, смотрите Santa Ana (2002, глава 6).

Образовательная метафора строительства иногда соотносится с часто используемым термином «родной язык». Последние исследования метафоры показали, что она может быть использована для выявления эффективности влияния родного языка на лингвистические познания и развитие ребенка. В противовес мнению монолингвальных натуристов эрудиция образованного человека – это мультилингвизм, а не зависимость от английского языка. Подлинное двуязычное образование обеспечивает профессиональных строителей материалами и руководством по развитию у детей многих лингвистических компетенций, необходимых для строительства новых домов знаний.

Другое значение партизанской метафоры ВЫРАЩИВАНИЕ показывает, что отстранение учащихся от родного языка подобно уничтожению молодых шести-семилетних деревьев для посадки новых саженцев. Текущие лингвистические исследования показывают, что у каждого ребенка имеются огромные лингвистические возможности для целого сада языков. Почему американцы соглашаются лишь на один вариант (стандартный английский), когда дети могут владеть вари-

антами английского языка и другими языками? В рамках этой метафоры бурный рост языка в период обучения может быть выражен скорее расширением словарного запаса на протяжении всей жизни, а не в виде привычных понятий ПРЕПЯТСТВИЕ, ТЮРЬМА и НЕДОСТАТОК.

Выводы. Понимание американского государственного образования обществом в настоящее время определяются тремя концептуальными метафорами. Школа – ФАБРИКА – это архаичная метафора. Несмотря на то, что ей более 150 лет, эта метафора остается высоко продуктивной в американском дискурсе и не оспаривается другими адекватными метафорами.

Таким образом, американские дети рассматриваются, если так можно выразиться, как исходное сырье, которое преобразуют в продукт, наполняя всевозможными знаниями. Они получают знания через постоянные, многочисленные повторения. Более того, предполагаемая новая образовательная метафора ШКОЛА – БИЗНЕС сохраняет устаревшие элементы метафоры ФАБРИКИ, показывающей несостоятельность настоящей школьной системы, и препятствует появлению новых метафор, отражающих иерархическое отношение власти к образованию. Это говорит о том, что дети развиваются по одному и тому же пути, что и их ровесники из белых семей среднего класса. С другой стороны, врожденные способности и необходимые лингвокультурные знания детей расовых меньшинств и детей рабочего класса будут понижаться. При употреблении метрического измерения эффективности ФАБРИКИ потенциал этих детей игнорируется, а верхняя точка бизнеса рассматривается как мера образовательного превосходства.

Вторая конститутивная метафора – УЧЕБНЫЙ ПЛАН – ДОРОГА совместима с метафорой ШКОЛА – ФАБРИКА. ДОРОГА предполагает личную ответственность детей за обучение и несправедливо указывает, что условия учебной гонки одинаковы для всех детей. Эта ложная составляющая относит на задний план различные социальные и структурные факторы, решение которых происходит за счет других групп. В этих мифических аллегориях социально – экономические различия и продолжающийся расизм не

берутся во внимание. В данной метафоре высмеивается американская этика личного соревнования, которую признают большинство граждан.

Третья конститутивная метафора, широко используемая в общественном дискурсе, характеризует другой образовательный процесс школы. Процесс социализации, рассматриваемый как РЕКА, является частью взросления в образовательных условиях и продолжается один год. Это не есть желание или личная инициатива учащегося. Дети основного потока постепенно занимают место в середине общества. С другой стороны, латиноамериканцы (так же, как и иммигранты, дети рабочего класса и дети других национальностей) добровольно занимают свое место по краям американского общества.

Три эти концептуальные метафоры современного образовательного дискурса Америки не могут определять ценности, свойственные для каждого ребенка. Через этот неизменный дискурс мы скорее «вбиваем» и «всверливаем» ценности в детей, чем выращиваем их. Мы формируем граждан и создаем их мнение, в то время как они сами могли бы подойти критически к выбору своих ценностей. Дети – простые вещи, которые воспитываются образовательными рабочими фабрики, являющимися подчиненными метрической эффективности. Америка не в состоянии обращаться со своим потомством как с самым важным социальным наследием. Такой архаичный дискурс сводит на нет общественное восприятие самого важного национального ресурса и главного института человеческого развития. Принятие решений, которые тормозят и ограничивают государственное образование, будут продолжать удерживать существующий статус Кво. Это будет происходить до тех пор, пока педагоги громко не заявят о себе, а общество, в конце концов, не изменит своего взгляда на обучение, школы и учебные программы. Две полностью несоотносимые партизанские метафоры могут расширить взгляды электората на то, как нужно воспитывать детей, которые являются будущим нации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Anyon J. Social class and the hidden curriculum of work // *Journal of education*. 1980. Vol. 162. P. 66-92.

Anyon J. *Ghetto schooling: A political economy of urban educational reform*. New York: Teachers College Press, 1997.

Apple M.W. *Official knowledge: Democratic education in a conservative age*. London: Routledge, 1999.

Berliner D.C., Biddle B.J. *The manufactured crisis: Myths, fraud, and the attack on America's public schools*. Cambridge, MA: Perseus Books, 1995.

Bowles S., Gintis H. *Schooling in capitalist America: Educational reform and the contradictions of economic life*. London: Routledge and K. Paul, 1976.

Bowles S., Gintis H. *Schooling in capitalist America revisited* // *Sociology of education*. 2002. Vol. 75(1). P. 1–18.

Byrne J.P. *Theories of cognitive development and learning*. Chapter 2 of *Cognitive development & learning in instructional contexts*. Boston: Allyn and Bacon, 1996.

Bradley A. *The not-quite profession: The course of teaching*. *Lessons of a century*. *Education week*. 1999. Vol. 19(2). P. 31–32.

Callahan R.E. *Education and the cult of efficiency: A study of social forces that have shaped the administration of the public schools*. Chicago: University of Chicago Press, 1962.

Cameron L. *Metaphor in educational discourse*. New York and London: Continuum International Publishing Group, 2002.

Carroll S.J., Krop C., Arkes J., Morrison P.A., Flanagan A. *California's K–12 Public Schools: How Are They Doing?* Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2005.

Chapman R.L. *Dictionary of American slang*. New York: HarperCollins, 1995.

Chilton P.A. *Security metaphors: Cold war discourse from containment to common house*. New York: Peter Lang, 1996.

Ching F.D.K. *A visual dictionary of architecture*. New York: Van Nostrand Reinhold, 1995.

Colm Hogan P. *Cognitive science, literature, and the arts: A guide for humanists*. New York: Routledge, 2003.

Cook-Sather A. *Movement of mind: The Matrix, metaphors, and re-imagining education* // *Teachers college record*. 2003. Vol. 105(6). P. 946–977.

Danahy M. *On the metaphorical language of L2 research* // *The modern language journal*. 1986. Vol. 70(3). P. 228–235.

Danso R.K., McDonald K. *Writing xenophobia: Immigration and the press in post-apartheid South Africa*. Cape Town, South Africa: Idasa, 2000.

Dennis E.E., LaMay C.L. (Eds.). *American's schools and the mass media*. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 1993.

Dewey J. *My pedagogic creed* // *Dewey on education* / M.S. Dworkin (ed.). New York: Teachers College Press, 1959. (Original work published in 1897.)

Dickens C. *Hard times*. London: Penguin, 1995. (Original work published in 1854.)

Fairclough N. *Language and power*. New York:

- Longman, 1989.
- “Fear and Learning at Hoover Elementary”. Film documentary directed and narrated by Laura Angélica Simón. (Hohokus, NJ: Josepha Producciones, Transit Media, 1997).
- Fennimore B.S. *Talk matters: Refocusing the language of public schooling*. New York: Teachers College Press, 2000.
- Fitzpatrick E. *Industrialism // A companion to American thought* / Ed. by R.W. Fox, J.T. Kloppenburg. Malden, MA: Blackwell Publishers, 1995.
- Foucault M. *Discipline and punishment*. New York: Vintage Books, 1979.
- Foucault M. *Power/Knowledge: Selected interviews and other writings 1972–1977*. New York: Pantheon Books, 1980.
- Freire P. *Pedagogy of the oppressed*. New York: Seabury Press, 1970.
- Gee J.P. *An introduction to discourse analysis: Theory and method*. London and New York: Routledge, 1999.
- Guerra J.C. *Close to home: Oral and literate practices in a transitional Mexicano community*. New York and London: Teachers College Press, 1998.
- Guerrero M.D. *Research in bilingual education: Moving beyond the effectiveness debate // Chicano school failure and success: Past, present and future* / Ed. by R. Valencia, 2nd edition. New York: Routledge, 2002.
- Hall S., Critcher C., Jefferson T., Clarke J., Roberts B. *Policing the crisis: Mugging, the state, and law and order*. London: Macmillan, 1978.
- Helfand D. *Study offers grim look at schools. The State trails national averages in almost every objective category, the Rand Corp. report says. Its lead author urges systemic solutions* // Los Angeles Times, 4 January, 2005, p. B1.
- Himmelfarb G. *Strictly family: Book review of George Lakoff's 'Moral politics: What conservatives know that liberals don't.'* // TLS: Times literary supplement. 1996. № 4870. P. 12.
- Jørgensen M., Phillips L. *Discourse analysis as theory and method*. London; Thousand Oaks, CA: Sage Publications 2002.
- Kant I. *Perpetual peace, and other essays on politics, history, and morals*. Translated and with introduction by Ted Humphrey. Indianapolis: Hackett Publishing Co. 1983. (Original work published in 1795).
- Kerchner C.T., Koppich J.E., Weeres J.G. *United Mind Workers: Unions and teaching in the knowledge society*. San Francisco: Jossey-Bass 1997.
- Kohl H. *36 Children*. New York: Plume, 1988.
- Kroskrity P.V. *Regimenting languages: Language ideological perspectives // Regimes of language: Ideologies, politics and identities* // Ed. by P.V. Kroskrity. Santa Fe, NM: School of American Research Press, 2000.
- Kumaravadivelu B. *Critical classroom discourse analysis // TESOL quarterly*. 1999. Vol. 33(3). P. 453–484.
- Lafont C. *The linguistic turn in hermeneutic philosophy*. Cambridge, MA: MIT Press, 1999.
- Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Lakoff G. *The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought* / Ed. by A. Ortony, 2nd edition. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1993.
- Lakoff G. *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to Western thought*. New York: Basic Books, 1999.
- Lakoff G. *Don't think of an elephant: Know your values and frame the debate: The essential guide for progressives*. White River, VT: Chelsea Green Publishing Company, 2004.
- Lakoff G., Núñez R.E. *Where mathematics comes from: How the embodied mind brings mathematics into being*. New York: Basic Books, 2000.
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: Chicago University Press, 1980.
- Luke A. *Text and discourse in education: An introduction to critical discourse analysis // Review of research in education* / Ed. by M.W. Apple. 1995–1996. Vol. 21. P. 3–48.
- Maeroff G.I. (Ed.). *Imaging education: The media and schools in America*. New York; London: Teachers College Press, 1998.
- McGee M.C. *The ideograph: A link between rhetoric and ideology // Quarterly journal of speech*. 1980. Vol. 66. P. 1–16.
- Miller S.I., Fredericks M. *Perceptions of the crisis in American public education: The relationship of metaphors to ideology // Metaphor and symbolic activity*. 1990. Vol. 5(2). 67–81.
- National Commission on Excellence in Education. *A nation at risk: The imperative for educational reform. Report to the nation and the Secretary of Education, United States Department of Education*. Washington, D.C., 1983.
- Noguera P.A. *A tale of two cities: School desegregation and racialized discourse in Berkeley and Kansas City // International journal of comparative race and ethnic studies*. 1995. Vol. 2(2). P. 48–62.
- Oakes J. *Keeping track: How schools structure inequality*. New Haven, CT: Yale University Press, 1985.
- O'Halloran K. *Critical discourse analysis and language cognition*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2003.
- Omi M., Winant H. *Racial formation in the United States: From the 1960s to the 1980s*. New York: Routledge and Kegan Paul, 1987.
- Ono K., Sloop J. *Shifting borders: Rhetoric and Proposition 187*. Philadelphia: Temple University Press, 2002.
- Pinar W.F. (Ed.). *Contemporary curriculum discourses*. Scottsdale, AZ: Gorsuch Scarisbrick, 1988.
- Pinar W.F. et al. (Eds.). *Understanding curriculum: An introduction to the study of historical and contemporary curriculum discourses*. New York: P. Lang, 1995.
- Postman N., Weingartner C. *Teaching as a subversive activity*. New York: Delacorte Press, 1969.

Price S. Critical discourse analysis: Discourse acquisition and discourse practices // TESOL Quarterly. 1999. Vol. 33(3). P. 581–595.

Radman Z. (Ed.). From a metaphorical point of view: A multidisciplinary approach to the cognitive content of metaphor. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1995.

Rist R.C. Student social class and teacher expectations: The self-fulfilling prophecy in ghetto education // Harvard educational review. 1970. Vol. 40. P. 411–51.

Rogers R. (Ed.). An introduction to critical discourse analysis in education. Mahwah, NJ: L. Erlbaum Associates, 2004.

Santa Ana O. Brown tide rising: Metaphors of Latinos in contemporary U.S. public discourse. Austin: University of Texas Press, 2002

Santa Ana O. Book review of Shifting borders: Rhetoric, immigration, and California's Proposition 187, K. Ono and J. Sloop. (2002). Philadelphia: Temple University Press // Aztlán: A Journal of Chicano Studies. 2003. Vol. 28(2). P. 249–258.

Schön D.A. Generative metaphor: A perspective on problem-setting in social policy // Metaphor and thought / Ed. by A. Ortony. 1st edition. New York: Cambridge University Press, 1979.

Tell C. Renewing the profession of teaching: A conversation with John Goodlad // Educational leadership. 1999. Vol. 56(8). P. 14–19.

Toolan M. (Ed.). Critical discourse analysis: Critical concepts in linguistics. London and New York: Routledge, 2002.

Valdés G. The world outside and inside schools: Language and immigrant children. Educational researcher. 1998. Vol. 27(6). P. 4–18.

Valencia R.R. Towards Chicano school success // Chicano school failure and success: Past, present and future / Ed. by R.R. Valencia, 2nd edition. London and Philadelphia: Falmer Press, 2002.

van Dijk T.A. Principles of critical discourse analysis // Discourse and society. 1993. Vol. 4(2). P. 249–283.

Varenne H., McDermott R., Goldman S., Naddeo M., Rizzo-Tolk R. Successful failure: The school America builds. Boulder, CO and Oxford: Westview Press, 1998.

Wetherell M., Potter J. Mapping the language of racism: Discourse and the legitimation of exploitation. New York: Columbia University Press, 1992.

Wiley T. English-only and standard English ideologies in the U.S. // TESOL quarterly. 1996. Vol. 30. P. 511–535.

Wiley T. The imposition of World War I era English-only policies and the fate of German in North America // Language and politics in the United States and Canada: Myths and realities / Ed. by T. Ricento, B. Burnaby. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1998.

Wolfe P.M. Changing metaphors for secondary ESL and bilingual education // So much to say: Adolescents, bilingualism, and ESL in the secondary schools / Ed. by C.J. Faltis, P.M. Wolfe. New York; London: Teachers College Press, 1999.

© Отто Санта Анна, 2007

© Аникина Т. В. (перевод), 2007

Сергеева Е. В.
Санкт-Петербург, Россия
**ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ
КОНЦЕПТА РЕЛИГИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Abstract

The paper deals with the explication of the concept «Religion» in the Russian language. On the one hand the concept «Religion» is a kind of world outlook based on the faith in God and connected with organized worship, on the other hand it is a special socio-political phenomenon. Therefore the concept is topical for the contemporary Russian linguistic world-image.

Современная лингвистика изучает не только собственно лингвистические формы, не только речемыслительную деятельность в целом, но и воплощенное в языковых единицах и категориях мировосприятие и мировоззрение носителя языка вообще. Для подобного исследования идеальной единицей является концепт – ментальный комплекс, репрезентированный средствами языка.

Большое количество работ, посвященных этому понятию, как теоретического плана (Алефиренко 2005, Бабушкин 1997, Колесов 2002, Попова, Стернин 2001 и др.), так и описательного (Степанов 1997, Антология концептов 2007, Воркачев 2005 и 2007, Маслова 2007 и др.) делает излишним рассмотрение проблем, связанных с определением концепта как теоретического понятия

Мы под концептом понимаем информационную целостность, присутствующую в языковом сознании, воспринимаемую языковой личностью как инвариантное значение ассоциативно-семантического поля и прошедшую означивание, то есть имеющую имя, представленное лексической единицей данного языка. Хотя концепт может быть вербализован различными способами, наиболее значимым средством его экспликации являются именно лексические единицы.

Для исследования семантики и структуры концепта важно понятие “концептуальной модели”, введенное И.П. Михальчуком и понимаемое им как способ экспликации семантической структуры концепта. “Моделирование концепта включает, таким образом, определение базовых компонентов его семантики, а также выявление совокупности устойчивых свя-

зей между ними» [Михальчук 1997: 29]. При создании концептуальной модели принципиально важен прежде всего собственно семасиологический анализ лексем, номинирующей концепт. Значимо также рассмотрение семантики лексем, составляющих ассоциативно-смысловое поле данного концепта.

Следовательно, при описании концепта наибольшее внимание следует обратить на 1) семантическую структуру и этимологию слова-номинанта концепта, 2) синтагматические, парадигматические и деривационные связи этой лексической единицы как наиболее значимой для вербализации анализируемого ментального комплекса, 3) набор, количество и семантику лексем, вербализующих концепт, причем значимость какой-либо составляющей анализа концепта определяется прежде всего спецификой этого концепта. Приведенные приемы описания концепта отнюдь не являются новыми (см. Попова, Стернин 2001), однако кажется важным указать на необходимость комплексного их использования.

Предметом анализа в статье является концепт «Религия», один из весьма значимых в русской языковой картине мира. Данный концепт, несмотря на значительный интерес к исследованию составляющих концептосферы русского языка, не становился предметом комплексного исследования. Возможно, это объясняется сложностью его структуры и большим количеством вербализаторов, которые организованы в многослойное ассоциативно-сементическое поле (АСП). Помимо этого, многими учеными он воспринимается как второстепенный по отношению к концепту «Вера», который подробно рассмотрен в известном труде Ю.С. Степанова (Степанов 1997).

Однако концепт «Религия» вряд ли может считаться даже «дублетным концептом» (Воркачев 2007), подобным концептам «Правда» и «Истина», «Воля» и «Свобода», «Долг» и «Обязанность», поскольку, в отличие от веры, которая соотносится либо с убежденностью в существовании Бога вообще (не обязательно подразумевающей какие-либо действия), либо обозначает конкретное вероисповедание (православное, мусульманское и т.д.), религия воспринимается и как своеобразная система *взаимоотношений* между Богом и человеком, и как дос-

таточно четко оформленное мировоззрение, связанное с определенным поведением, какими-либо действиями, причем действиями, оформленными социально.

Религия подразумевает наличие веры, хотя бы формальное, а вера в Бога не обязательно связана с каким-либо вероисповеданием, с определенной системой поведения. Если при номинировании дублетных концептов невозможно сказать «Есть правда, но нет истины», «Есть долг, но нет обязанности», то сказать «Есть вера, но нет религии» вполне возможно.

По-видимому, АСП концепта «Вера» в значительной мере совпадает с АСП концепта «Религия», однако рассмотрение проблемы взаимодействия полей этих концептов требует отдельного исследования. Аналогичная ситуация складывается при сопоставлении концептов «Религия» и «Церковь», ибо почти все вербализаторы второго концепта подразумевают наличие у членов церкви как объединения верующих религиозного мировоззрения (крещение, соборование, церковь, монах, священник, христианство, мусульманский и др.).

«Религия» – концепт интеллектуальный, подразумевающий достаточно высокую степень абстрактного мышления, с одной стороны, и некую «книжность» восприятия, отчасти связанную с относительной «новизной» в языке лексем-номинанта – с другой. Показательно, что, в отличие от многих других, более «старых» концептов в ЯКМ, его невозможно анализировать на основании русских пословиц и поговорок, в составе которых присутствует лексема-номинант.

Рассмотрение ядерного слоя концепта «Религия» – значения слова-номинанта – достаточно явно демонстрирует различие названных ментальных комплексов.

В русском литературном языке, по данным «Историко-этимологического словаря» П.Я. Черных, слово религия известно лишь с начала XVIII в. Вероятно, поэтому оно еще не представлено в «Словаре Академии Российской». В «Словаре церковнославянского и русского языка» эта лексема определяется кратко: «Богочитание; вера в Бога», что демонстрирует, с одной стороны, сходство восприятия религии и веры, а с другой – осознание различия этих поня-

тий, ибо *богопочитание* не то же самое, что просто вера. Почти столь же лаконичное толкование приведено в Словаре Даля («Вера, духовная вера, исповедание, богопочитание, или основные духовные убеждения»). Семы «отношение» и «мировосприятие», выделяющиеся в структуре значения, позволяют говорить о явном выходе понимания номинанта концепта за пределы «веры». В 30-е гг. XX в. в Словаре Ушакова формулируется значение, в формулировке которого однозначно указывается, что вера – основа религии, но не сама религия: «*Взгляды и представления*, основанные на мистике, на вере в чудодейственные силы и существа». В «*Полном церковнославянском словаре*», отражающем именно религиозное мировоззрение, в дефиниции подчеркивается то, что религия связывает человека и Бога: «Собственно нравственная связь человека с Богом, богопочитание».

В «*Полном православном богословском энциклопедический словаре*» и «*Православном библейском словаре*», несмотря на почти вековой интервал между изданиями, одинаково отражается понимание религии с точки зрения ортодоксально верующего: «...Религия есть взаимоотношение между Богом и человеком». При этом особенно подчеркивается способность религии давать высшее удовлетворение и ее влияние на всю историю человечества. Словарная статья «Религия» – одна из самых пространных в «*Православном библейском словаре*», наряду с такими, как «Бог», «Богоспознавание», «Вера», «Воскресение», «Церковь», «Христианство», «Чудеса», «Спасение», то есть раскрывающими наиболее важные для религиозного мировосприятия понятия. В частности, речь идет о том, что религия «основывается, с одной стороны, на стремлении нашего духа к Богу, а с другой стороны, на влиянии Божества на наш дух. Участие человека в религии выражается в усвоении религиозной истины и в отражении ее на человеческих знаниях, чувствованиях и деятельности». В «*Православном библейском словаре*» утверждается, что «человека можно назвать существом вполне религиозным, потому что религия составляет существенную принадлежность его духа, и он без религии не может жить по свойствам своей духовно-

нравственной природы». Более того (что в полной мере отражает богословское понимание вопроса), религия рассматривается как «искони присущая человеку потребность *общения* с Богом; в религии человек находит для себя высшее и совершенное удовлетворение и руководство своей жизнедеятельности». Естественно, толкование понятия религии в «*Православном библейском словаре*» дается скорее энциклопедического, чем лингвистического плана. Однако в нем представлены смысловые моменты, важные для определения значения концепта «Религия» в русском языковом сознании. Так, утверждается, что человек «имеет право на более близкие *отношения*, чем другие творения, к Богу», а также употребляется словосочетание «*отношения* Бога к человеку». Кроме того, дано еще одно определение религии: «Религия есть искони присущая человеку потребность *общения* с Богом». Использование слов взаимоотношение, отношение, общение показывает, что религия осознается именно как двусторонние отношения, связывающие Бога и человека: «...Религия основывается с одной стороны на стремлении нашего духа к Богу, а с другой стороны на влиянии Божества на наш дух».

В энциклопедическом словаре «Христианство» религия определяется как «*организованное поклонение* высшим силам. Такое поклонение – будь то поклонение чувственное, материальное или же служение в духе и истине – предполагает несомненную для верующего сознания реальность тех высших сил, которым оказывается почитание. Вместе с тем оно предполагает веру, т.е. религиозное настроение, выражающееся в определенной системе культа и системе представлений о божественном». Следует отметить то, что приведенное определение, принадлежащее религиозному философу С.Н. Трубецкому, дословно повторяется в качестве дефиниции лексемы религия в «*Словаре православной церковной культуры*» Г.Н. Складневской, где описывается религиозная лексика как составная часть словарного состава *современного* русского языка. Следовательно, мы можем утверждать, что высказывание философа принимается ортодоксальной Церковью как адекватно описывающее значение слова (напом-

ним, словарь Г.Н. Складневской создавался, как то утверждается в Предисловии, в сотрудничестве с профессиональными богословами).

Дефиниции советских толковых словарей второй половины XX в. ориентированы лишь на сугубо атеистическое мировоззрение: «1. Несовместимые с научным миропониманием взгляды и представления, основанные на убеждении в существовании божественных сил, управляющих миром» (БАС); «Мировоззрение, несовместимое с научным миропониманием, основанное на вере в существование божественных, сверхъестественных сил, управляющих миром» (МАС). Свободна от идеологизированного комментария лишь дефиниция, представленная в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1992 г.): «Религия 1. Одна из форм общественного сознания – совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения. 2. Одно из направлений такого общественного сознания». В «Большом толковом словаре русского языка» (2000 г) также представлена дефиниция, свободная от идеологического комментария и вполне адекватно толкующая значение слова религия в современном русском языке: «1. Одна из форм общественного сознания; совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения. 2. Та или иная вера; вероисповедание». Однако в структуре всех дефиниций может быть выделен компонент «мировоззрение».

По-видимому, для современного состояния языка можно считать правильной освобожденную от отрицательной коннотации и сохранившую многие элементы толкования словарей XIX-XX вв. формулировку актуализированного значения лексемы религия, приведенная в «Толковом словаре русского языка конца XX века»: «Мировоззрение, мироощущение и поведение, основанные на вере в существование Бога (богов)».

Следовательно, можно однозначно утверждать, что важный компонент значения лексемы, определяющий также содержательное ядро поля концепта, -

«форма сознания». При этом можно обратить внимание на парадоксальный факт: идеологически противоположные дефиниции лексемы религия в БАС («Несовместимые с научным мировоззрением взгляды и представления, основанные на убеждении в существовании божественных сил, управляющих миром») и в «Полном церковнославянском словаре» («Собственно нравственная связь человека с Богом, богопочитание») позволяют выделить одни и те же ядерные семы слова: «вера», «духовное», «человеческое», «божественное».

Однако, кроме лексемы-номинанта концепта, в АСП «Религия» входит большое количество экспликантов, в семантической структуре которых выделяется компонент «связанный с религией», «обусловленный религиозными взглядами» или «базирующийся на религии», поскольку ассоциативные связи лексемы религия весьма широки, а для концепта не просто важно ассоциативное поле, с которым он связан (Маслова 2007), это поле является периферийным слоем концепта.

В РАС примерно половина реакций на слово религия связана с ядерными семами «вера» и «богопочитание»: вера, христианство, христианская, церковь, Бог, Христос и т.д., что указывает на их устойчивые связи для современной языковой личности. Более того, большинство реакций относятся к религиозной лексике, что закономерно: Библия, исповедь, иудаизм, католик, крест, Пасха, храм и т.д.

Ассоциативный эксперимент среди студентов-филологов показал, что почти все реакции связаны с выделенной семой: христианство (13 реакций), вера (14 р.), буддизм (6 р.), Бог (7 р.), секта (7 р.), Библия (6 р.), церковь (6 р.), проповедь, христианская, католицизм, католическая, буддистская, православие, православная, языческая, исповедь, Христос, Пасха и т.д. Не связаны с религиозным компонентом значения лишь 14 реакций из 150, т.е. 10%.

Если согласиться с положением, что наличие большого количества номинаций того или иного концепта свидетельствует о высокой номинативной плотности определенного участка языковой системы, а следовательно, и об актуальности этого концепта для национальной картины

мира (Попова, Стернин 2007), то большое количество лексических единиц, относящихся к ядерным или периферийным зонам концепта «Религия» в русском языке, доказывает, что, несмотря на явное уменьшение значимости этого концепта в русской языковой картине мира XX в., он продолжает оставаться важным для языковой личности.

Достаточно убедительны результаты рассмотрения толковых словарей XIX-XX вв. Поле концепта «Религия» представлено в «Словаре церковнославянского и русского языка» примерно 3 тысячами лексических единиц, что свидетельствует о важности этого ментального комплекса для языковой картины мира носителя русского языка того времени.

Лексика, эксплицирующая концепт «Религия» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (далее – Словарь Даля), также весьма разнообразна. В этом словаре представлено большое количество лексем, входящих в ассоциативно-семантическое поле названного концепта (более 1400). Большинство рассматриваемых лексем в Словаре Даля связаны с христианской религией и сферой существования православной церкви, однако в этом лексикографическом издании приведены также единицы религиозной лексики, называющие понятия, предметы, признаки, действия и лиц, связанных с язычеством, мусульманством, католической и протестантской церковью: абатствовать, дервиш, индульгенция, облатка, кардинал, капище, намаз, чистилище и др. При сопоставлении со «Словарем русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (МАС) и Большим толковым словарем русского языка (БТС) можно убедиться в естественно возникающем предположении, что в ЯКМ современника В. Даля концепт «Религия» занимал значительно более важное место, чем в ЯКМ современной ЯЛ. Так, лексем с корнем бог(ж)- в СД – более двухсот, в МАС – около 30, а в БТС, авторы которого уже не были связаны какими-либо идеологическими требованиями – около 50.

Объем словообразовательных гнезд, представленных в словарных статьях Словаря Даля, демонстрирует большую значимость религиозной лексики для носителя языка середины XIX в. При этом часто в пределах словарной статьи дает-

ся два или более словообразовательных варианта лексемы с одинаковым значением: архимандритов и архимандричий; грехотвор, грехотворец и грехотворник; дьяконить, дьяконствовать, дьяконовать; пастырить, пастырствовать; разгваливание, разговленье и разговенье и др. Следовательно, можно говорить не только о большем объеме АСП концепта «Религия», но и о «семантической глубине» почти каждого вербализованного смысла, связанного с религиозной картиной мира.

Характерной чертой словаря является наличие большого количества лексем, связанных с ежедневной, почти бытовой религиозной жизнью (обрядами, молитвой, постом, религиозными праздниками), в том числе – со службой в церкви: архидиакон, божница, игумен, отблагвестить, номоканон, облатка, отзванивать, молельня, литургия, кутья, исповедовать, испоститься, иордань, нахристоваться, поп, покаянный, поминанье, проповедовать, соборовать, секта, семинария, псалтырь, разговленье, Рождество, Духов-день и др.

В целом в Словаре Даля представлены различные тематические группы лексем, вербализующих концепт «Религия». Можно выделить несколько наиболее широко представленных среди существительных: это многочисленные названия лиц по отношению к религиозной жизни, религиозной идеологии и по месту в церковной иерархии (апостол, безбожник, иконоборец, игумен, отшельник, пещерник, паломник, праведник, духовник, поддьякон, келарь, старец, певчий, регент, раввин, прозелит, скопец, праведник, послушник, поп, чернец и др.), основные богословские понятия (ад, грех, дух, бессмертие, безбожие, благодать, всесвятость, Евангелие, жертва, кощунство, ипостась, геенна, промысл, провидение, рай, эдем, чистилище, откровение и др.), предметы быта и одежды, связанные с религиозной жизнью верующего, монаха и священника (келья, клобук, икона, ладанка, образ, панагия, подрясник, риза, ряса, распятие, скуфья, фелонь, митра, стихарь и др.), храм, его части и предметы, связанные с богослужением (предхрамие, алтарь, деисус, молитвослов, иконостас, кропило, киворий, лжица, миро, потир, паникадило, просфора, поминальник, паремийник, престол, хоругвь, храм, церковь, часовня,

часослов, шестипсалмие, елейник, фи-миамник и др.), наименования небесной иерархии и антибожественных сил (Иегова, Саваоф, Творец, Создатель, Господь, Спаситель, Спас, всецарь, светородительница, Христос, промыслитель, Слово, архангел, серафим, престолы, трисвятой, херувим, диавол, демон, враг, сатана, антихрист и др.), таинства и формы богослужения: Евхаристия, исповедь, панихида, обедня, заутреня, литургия, вечерня, ектения, елеосвящение и др.), а также процессы и состояния, связанные с соблюдением (или отрицанием) норм воцерковленного существования (безбожничанье, богоборство, выкрещиванье, иконоборство, исповедование, повенчанье, покаянье, псалмопение, соборование, религиозность, прелюбодеянье, согрешенье и др.).

Словарь Даля воплотил православную в своей основе картину мира. При сопоставлении с этим лексикографическим изданием другого словаря – «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (далее – Словарь Ушакова), созданным в послереволюционный период, в 30-е годы XX века, можно увидеть значительные количественные и качественные отличия, связанные с составом и толкованием религиозной лексики. Прежде всего, количество этих лексических единиц в словаре значительно уменьшилось (около 500 единиц). Так, если в Словаре Даля представлено около 200 дериватов слова Бог, то в Словаре Ушакова – около 30, в Словаре Даля, помимо слова икона, приведено 26 его дериватов, а в Словаре Ушакова – 10. В Словаре Даля, кроме существительного келарь, представлены 4 его деривата, кроме глагола набожиться – 7 дериватов, а в Словаре Ушакова – только само это существительное и прилагательное набожный. Так же, как и в Словаре Даля, в Словаре Ушакова есть глагол перекрещивать, однако отсутствуют его дериваты перекрещенцы, перекрещивание, перекрещиватель, перекрещенец. И в Словаре Даля, и в Словаре Ушакова присутствуют религиозные термины послушник и послушница, однако во втором словаре нет слов послушничество, послушатель и послушничать. Отсутствуют в Словаре Ушакова также прилагательные причетница, причетников, причетницын, причетничий, причтовый – совпадают со Слова-

рем Даля лишь существительные причт, причетник и прилагательное причетнический. Если в Словаре Даля, помимо слова ряса, приведены 7 его дериватов, то в Словаре Ушакова других слов с этим корнем нет. Подобных примеров можно привести много.

Помимо весьма значительного количества существительных, которые наиболее часто являются заглавным словом словарной статьи, и многочисленных прилагательных, (архангельский, алтарный, господолюбивый, дьяконов, святой, чудотворный и др.), в Словаре Даля представлены глаголы, обозначающие действия, связанные с религиозной сферой жизни (жречествовать, кумиропклонничать, литургисать, поститься, проповедовать и др.), среди которых – большое количество приставочных образований (обмолитвить, облагодатить, нахристосываться, насоборовать, набожиться, охристианиться, поразгавливаться, расклобучить и др.), что не характерно для Словара Ушакова, где глагольной лексики, в том числе приставочных образований, значительно меньше. Для этого словаря Ушакова не характерно также приведение словообразовательных вариантов лексемы с одинаковым значением.

Некоторые лексемы, связанные в XIX веке со сферой религии, в Словаре Ушакова перестают осознаваться как религиозные термины (брак, греховодник, грешно, отчихвостить, поганый, нехристь), а воспринимаемое как основное в XIX в., религиозное значение в Словаре Ушакова может становиться вторичным. Например, в толковании лексемы благодать в Словаре Даля прежде всего выделяется семема «дары Духа Святого», в то время как в Словаре Ушакова первое значение связано с сугубо практической сферой жизни («полнота благ, довольство»), и лишь второе формулируется как «свыше ниспосланная сила, помощь». Аналогичный процесс происходит в структуре значения слов покаяться, постригать, дух и духовный, певчий, субботник странник, раскол, уния и др.

Тем не менее даже лексикографическое издание, созданное в годы борьбы с религиозным мировоззрением, демонстрирует, что можно минимизировать количество и толкование вербализаторов концепта «Религия» в словаре, но на-

сильственно исключить их из русской языковой картины мира невозможно.

Для формирования АСП концепта в русской языковой картине мира значимым представляется религиозно-философский дискурс, воплощающий в себе наиболее значимые искания русской философской мысли конца XIX – начала XX вв.

Концепт «Религия» важен для таких философов, как В. Соловьев, Е. Трубецкой, С. Булгаков, прежде всего потому, что связан с отражением связи Творца и твари, божественного и человеческого, которая стала важнейшей темой их трудов. Наиболее часто этот ментальный комплекс эксплицируется с помощью самого номинанта концепта – лексемы религия.

В произведениях В. Соловьева семантика лексемы религия не всегда совпадает с ее семантикой в общелитературном языке. Компонентный анализ позволяет утверждать, что архисемой в семантической структуре является сема «связь». Помимо этой семы, выделяются ядерные семы «вера», «духовное», «человеческое», «божественное», «истинное», «процессуальное», «поклонение», «гармония». Религия для философа – одна из основ бытия, начало мистическое и безусловное, а также нечто, связанное с общественным, коллективным, то есть церковным. (Соловьев 1999).

Концепт «Религия» важен и для другого религиозного философа, С. Булгакова, ибо именно отношения человека и божества особенно значимы для этого автора. При рассмотрении текстов С. Булгакова в ассоциативно-семантическом поле «Религия» выделяются слова вера, духовное, божественное, человеческое, связь, опыт. В статье «Основные проблемы теории прогресса» и книге «Свет невечерний» С. Булгаков дает определение религии: «Религия есть активный выход за пределы своего я, живое чувство связи этого конечного и ограниченного я с бесконечным и высшим...» [Булгаков 1993: 50]; «...Религия есть непосредственное опознание Божества и живой связи с ним...» [Булгаков 1994: 20]. Религия основывается на вере: «Самобытность религии основана на том, что религия обладает своим способом опознания Божества... Обычно это религиозное опознание называется ве-

рой, которая и получает поэтому столь центральное значение в гносеологии религии...» [Булгаков 1994: 27]. Следовательно, связь и в то же время явное различие концептов «Религия» и «Вера» специально подчеркивается в религиозно-философском дискурсе.

Е. Трубецкой пишет о возможности понимания религии как социального института: «...У сен-симонистов и Пьера Леру *религия* составляет как бы некоторую принадлежность нормального экономического порядка... для плутократов точно так же данный (существующий) экономический строй есть цель, а нравственность, *религия* и церковь рассматриваются как средства» [Трубецкой 1913: 157]. Религия может представляться и как одно из верований, например, «религия Востока», «религии Запада», «религия персидская», и как составляющая духовной жизни человека, находящаяся в одном ряду с наукой и философией (Трубецкой 1913). Религия – основа церкви, а сама религия основывается на вере («Основное содержание всякой *религии* есть вера... – [Трубецкой 1913: 332]) и ищет истину и справедливость («...Правда безусловная и всеобщая есть искомое всех *религий*» – [Трубецкой 1913: 98]).

Религия в религиозно-философском дискурсе связана с различными проявлениями духовной и физической жизни. Религиозным, то есть относящимся к религии, может быть сознание, чувство, точка зрения, мысль, идея, мирозерцание, настроение, истина, идеал, вера, учение, движение, миссия, воззрение, принцип, развитие, опыт, переживание, система, предание, призвание, жизнь, даже материализм. В целом АСП концепта «Религия» включает прежде всего слова, являющиеся признаками религии, ее предикатами и тем, что с ней соотносимо: Бог, связь, церковь, вера, человек, истина, любовь, переживание, сознание, знание, дух, духовное, безусловное, божественное, опыт. В целом же основное содержание концепта «Религия», характерное для русского религиозно-философского дискурса, можно сформулировать как объективную индивидуальную и коллективную духовную связь Бога и человека, основанную на вере человека в Бога и поклонении ему.

Содержание концепта «Религия» в

современной русской ЯКМ может быть определено прежде всего на основе значения конкретных вербализаторов, их парадигматических и синтагматических связей, представленных в текстах. Поскольку в пределах статьи невозможно рассмотреть сколько-нибудь значительное количество экспликантов, в первую очередь следует обратиться к номинанту концепта.

В Национальном корпусе русского языка с лексемой-номинантом концепта в различных падежных формах представлено более 5 тысяч контекстов, которые демонстрируют специфику понимания религии русской языковой личностью 19-20 вв. При рассмотрении представленных фрагментов можно выделить несколько наиболее значимых содержательных составляющих концепта.

1. Религия – социальный феномен.

Интересным представляется тот факт, что наибольшее количество примеров связано с содержательным компонентом «социальное». Этот элемент содержания концепта оказывается даже более важным, чем связь с верой и божественным. Современной языковой личности свойственен прагматизм даже в сфере надбытовой, сверхреальной, поэтому для нее религия важна как социокультурный феномен, играющий какую-либо роль в практической деятельности. Многочисленные контексты демонстрируют, что религия воспринимается как значимая составляющая существования социума, связанная с его идеологией, политической структурой, экономикой, правовыми нормами, культурой.

Религия, ее роль в жизни общества.

...социальные поля, как и биологические виды, взаимодействуют между собой (наука, политика, религия, право, экономика, медиа, повседневность и т.д.

...отношения между теми или иными группами социальных явлений (религия-экономика, религия-политика, политика-экономика, семья-экономика и т.п.).

"Раскрутка" брендов все в больших масштабах осуществляется в рамках социально значимых узкоцелевых программ, охватывающих такие области, как здравоохранение, образование, охрана материнства, спорт, культура, религия и т.д. или решающих различные молодежные, демографические, психо-

логические и другие проблемы.

...религия как таинство и общественный феномен привлекла меня еще в годы юности.

В нашем исследовании классификация ответов проводилась в соответствии с 20 показателями: личностные качества; учебно-профессиональная ролевая позиция; семья; национальная идентичность; полоролевая идентичность; локальная идентичность; религия; гражданство; дружба; деятельность; общение; перспектива деятельности; перспектива общения; самооценка способности к деятельности; самооценка социальных навыков.

...выступает и против религии – как своеобразной формы идеологии и как системы власти, социально-политическая функция религии легитимизируется, а сама религия оказывается интегрирована в глобальные и локальные контексты.

Религия, свобода совести, государственно-церковные отношения в России: справочник.

...религия уже давно либо оттеснена на обочину политики...

Часто лексема религия употребляется в ряду однородных членов, называющих разновидности социальных феноменов.

Так, в древних восточных цивилизациях (кроме Израиля) "религия, политика, культура, общественно-экономическая организация" – все находилось в смешении.

...подпространств, которые можно в нем выделить (политика, экономика, религия)...

Религия и дипломатия в политической науке.

религия и государство

Медицина, этика, религия и право

Религия и демократия

Религия и политика

Религия и права человека

Религия и общество

Весьма показателен пример, где номинант концепта представлен в ряду, где перечисляются важнейшие составляющие жизни общества:

1) браки и семьи, 2) собственность, 3) суды, 4) администрация, 5) торговля и богатство, 6) обучение, 7) наука, 8) религия.

Особенно важно то, что религия вос-

принимается как часть культуры:

...религия – одна из форм культуры; она тесно связана с наукой, политикой, искусством, моралью.

Религия в новое время тоже стала дифференциальной частью культуры...

Религия не может быть частным делом, как того хотела новая история, она не может быть автономна, и не могут быть автономны все другие сферы культуры...

...развиваются мифология, религия, философия, архитектура, да и вообще все области культуры...

Таким образом, используя одну из цитат, приведенную в Национальном корпусе, можно сказать, что концепт «Религия» современной языковой личностью воспринимается прежде всего как «инструмент для решения конечных исторических задач».

2. Религия – национальное явление.

Значительное количество контекстов употребления лексемы указывает на содержательную составляющую концепта, связанную с восприятием религии как фактора, определяющего мировосприятие нации, ее самосознание, ментальность и традиции.

Собственно Россию и население большинства северокавказских республик разделяет почти все: религия, менталитет, образ жизни, отношение к труду, семейное право и т.д.

Достоевский особо подчеркнул, что "как только начиналась новая религия, так тотчас же и создавалась граждански новая национальность.

Господствующая в той или иной стране религия всегда лежит в основе образования некоего национального типа и обуславливает наше мировоззрение и наши реакции.

Религия не только способна создать и объединить нацию, но и возродить ее, поднять из пепла.

У них единая кровь, единые язык и письменность, единая религия, единые нравы и обычаи – это полностью одна нация (миньцзу).

Религия исторически играла важную, непреходящую роль в формировании и развитии этнонациональных общностей, их самосознания, в передаче этнокультурной информации от поколения к поколению.

Поэтому совершенно неслучайно на вопрос "Что такое в Вашем понимании религия?" люди отвечают: "культура, верность национальным традициям".

И менталитет во многом формируется под влиянием того / какая религия у народа.

Тут и история, и культура, и традиционная религия, которая, замечу, нужна и неверующим, ибо в своем культурно-этнографическом аспекте позволяет каждому идентифицировать себя со своей нацией.

То, что остается – религия и культура – и определяет национальность...

Во-вторых, помимо этничности, показателями национальности являются родной язык, родная религия, родная культура и гражданство.

Религия не просто как «способ» верить в Бога, но и как особый способ осмысления нацией своего существования оказывается почти столь же значимой, как религия – способ взаимодействия с социумом как таковым. Однако подобная мировоззренческая установка может быть значима не только для национального самосознания, но и для жизни человека вообще.

3. Религия – нечто очень важное.

Истина должна быть неприкосновенна / это религия.

Религия опять делается в высшей степени общим, всеобщим, всеопределяющим делом...

Религия – сила...

Это была целая религия.

Что касается того / идеология или религия / то / конечно / как идеология / так и религия / имеют очень много общего / поскольку это формы символической деятельности человека / связанные с обеспечением потребности в бессмертии / с обеспечением потребности в смене жизни / в понимании жизни и так далее.

Религия продолжает играть большую роль в жизни людей.

Но считает, что наука и религия — это два одинаково необходимых инструмента познания мира...

...религия и, более того, метафизика религии являются нулевым циклом, прочным фундаментом здания цивилизации, и определяют поведение больших групп людей и их стремления.

Религия — это необходимо народу.

Религия оказывается основой существования, причем основой более широкой и свободной, чем собственно организованная связь с Богом:

"Основы", т. е. религия, семья и ответственность...

Религия — это то, как ты проживаешь жизнь с утра до ночи, а вовсе не церковные догматы.

Три большие силы действуют в этом мире — эстетика, религия, политика...

Все перечисленное определяет высокую ценность религии для человека и общества.

4. Религия – ценность, нечто положительное и высокое.

...религия возвышает все естество наше...

Каждая религия вносила очень много ценного в нашу жизнь; я придаю большое значение религии, потому что религия явилась одним из средств обуздания человеческих страстей, борьбы со злом и упорядочения жизни.

Из всех привычек, которые обеспечивают политическое процветание, самыми необходимыми являются религия и мораль.

...убеждение в том, что религия как таковая абсолютно необходима для "здорового" существования нации...

...с морализмом, с служением народу; все это опирается на любовь к объективным ценностям.

Слово религия употребляется обычно в ряду наименований положительных понятий, воспринимаемых со знаком «+»:

Раз человек сознает свое истинное призвание, то удовлетворять его могут только религия, науки, искусства, а не эти пустяки.

Все это — и чистая наука, и искусство, и религия — несовместимо...

Религия, Бог, альтруизм, коллективизм, самопожертвование, беззаветное служение...

Религия выше народа, общества и социальных институтов:

И сама религия, спускаясь до требований масс, стала разрешать...

... по самому свойству своему религия и ее служители не могут снизойти до борьбы с гражданской властью...

Ценностный аспект религии не обязательно связан с верой в Бога:

Красота и искусство — религия бу-

дущего...

Социализм, как религия, как замена хлеба небесного хлебом земным...

Нужно уважать и свое равнодушие и не менять его ни на что, так как равнодушие у хорошего человека есть та же религия.

Религия ценна во многом потому, что определяет нравственность человека и общества, она является своеобразной «высшей моралью»:

Религия учит добру...

...религия, которую Данилевский рассматривает как комплекс этических норм, руководящее народом высшее нравственное начало.

Разве это дело для политической партии — радеть о морали: этим должны заниматься религия, семья и школа...

А религия — хранительница моралей...

...религия играет огромную роль как морально-этический фактор...

...религия и ее социальный институт, церковь, представляются новым верующим историческими носителями нравственности

Более того, религия воспринимается как свет духовный:

Религия есть одно солнце, один свет для всех;

Религия — это луна душевной нашей ночи...

Вполне закономерно поэтому, что религия во многих примерах предстает фактором, определяющим сущность личности.

5. Религия – один из параметров, определяющих человека.

Значительная часть контекстов, связанных с этим содержательным компонентом концепта, представляет из себя ряд однородных членов, называющих факторы, значимые для самосознания личности (язык, образование, культура и др.):

...язык, религия, культура, образование, воспитание, происхождение и место постоянного жительства).

Подчеркну — во избежание недопонимания: и родной язык, и родная религия, и родная культура, и образование, и воспитание, и этнос, и гражданство...

Могу лишь повторить: еврей — это совокупность разнородных признаков (как то: язык + религия + культура +

образование + воспитание + происхождение + место жительства + гражданство.

Однако детерминирующую роль играют различные компоненты общности (язык, религия, самосознание и т.д.).

Вероятно, значимость религии соотносится с ее духовностью.

6. Религия – духовное явление.

Каждый человек, помимо заложенных в нем личных качеств и особенностей, всегда в большей или меньшей степени продукт известного духовного климата, царящего в каждой отдельной стране и сотканного из многочисленных элементов, из коих главным является религия.

религия в нас глубоко вкоренилась / культурно / в языке нашем / в мировоззрении

Чаще всего лексема, эксплицирующая концепт, в подобных случаях употребляется в ряду наименований, связанных с духовной сферой:

Философия, религия, искусство, литература, восточные единоборства и даже быт, раскрывающий национальный характер японцев, — все это находит место на страницах журнала

культура и религия,

Философия и религия имеют совершенно различные задачи и суть различные по существу формы духовной деятельности.

Только искусство, да еще, конечно, религия способны сотворить с человеком такое.

Понятно, что такой значимый и, более того, первостепенный для языковой личности XVIII, XIX и начала XX вв. содержательный компонент, как «связь со сверхъестественным», не может не актуализироваться в поле концепта «Религия», хотя, как бы парадоксально это ни выглядело, этот компонент, судя по количеству представленных в Национальном фонде русского языка примеров, не относится к наиболее важным.

7. Религия – связь с Богом.

Религия есть жизнь в общении с Богом...

...религия тоже переводится как связь, связь человека с нечто большим...

...религия не изображает того / что человек видит / потому что объект религии / это невидимое / это незримое...

...религия и ее претензии на богопознание...

На наших глазах слово "религия" обрело свой первоначальный смысл: восстанавливалась связь человека с Богом.

Может выступить и религия / все в едином порыве веруют в бога...

При всем разнообразии религиозных воззрений религия всегда означает веру в реальность абсолютно-ценного, признание начала, в котором слиты воедино реальная сила бытия и идеальная правда духа.

Казалось бы, актуальность приведенного фрагмента поля концепта должна определять сходную актуальность компонента содержания «вера». Однако подобные ожидания не оправдываются. По-видимому, следует особенно подчеркнуть, что современная языковая личность уже не воспринимает религию как «просто» веру. В Национальном фонде русского языка были выделены лишь единичные примеры употребления номинанта концепта в этом значении. Это еще раз подтверждает то, что перед нами отнюдь не дублетные концепты.

8. Религия – вера.

Слово религия-вера есть слово понятное и несомненное для всех верующих религия, то есть вера, вероучение, аскетический и мистический путь людей.

С одной стороны развилась религия, то есть вера, вероучение, аскетический и мистический путь людей...

Более важен другой содержательный компонент концепта – «основанное на вере».

9. Религия основана на вере.

Философия и религия имеют совершенно различные задачи и суть различные по существу формы духовной деятельности.

Даже не религия / а вера...

... ни религия без веры, к[оторые] суть только объедки когда-то хорошей пищи, не дадут питанья голодному животному Одни, придя к невозможности веры, но не найдя ничего заменяющего его и, находя порядок пока существует религия для себя выгодным, стараются притвориться верующими[ми] и уверить других.

*религия принимает догматы веры
религия предполагает веру*

На самом деле любая религия стро-

ится на вере в некие незыблемые догматы...

Религия же — некие формализованные правила, и дело верующего — подчиняться им или просто носить веру в себе.

Вполне понятно, что связь с верой и Богом обуславливает содержательный компонент «связь с церковью».

10. Религия связана с церковью.

Парадоксально, но контексты, указывающие на эту связь в Национальном корпусе русского языка также весьма немногочисленны, если не сказать — единичны. Возможно, как свидетельствуют уже представленные примеры, религия воспринимается как нечто значительно большее, чем сообщество верующих.

...можно сказать, что религия вне политики, однако для многих наших сограждан за границей Церковь очень часто остается единственным пристанищем...

религия и ее социальный институт, церковь...

В то же время восприятие религии как конкретного «способа» верить, как определенного мировоззрения — несомненно, и с подобным пониманием соотносится несколько содержательных составляющих концепта.

11. Религия — конкретное вероисповедание.

А значит / предполагалось / что поскольку у нас одна и та же **религия** с греками / поскольку мы взяли нашу религию у греков / с греческих рук и в Крыму...

и единая религия, понятая как обязательное "вероисповедание".

Есть такая местная религия — чхондоге.

ведическая религия

католическая религия

зороастрийская религия

еврейская религия

христианская религия

нехристианские религии

гражданская религия

религия вайшнава

египетская религия

исламская религия

чья религия — иудаизм

религия ислама

мусульманская религия

религия римско-католическая

12. Религия — мировоззрение, при-

сущее определенным социумам, лицам, временам

религия греков

религия будущего

мировая религия

древняя религия

традиционные религии

римская религия

религия древности

религия древних

национальная религия

европейская религия

мировая религия

религия рабов и хозяев

религия поэтов

религия философов

религия граждан

Такова была религия нашего героя

13. Религия — мировоззрение, обладающее характерными особенностями, какими-либо специфическими качествами .

Каждая религия отстаивает свою точку зрения, свою концепцию, свои принципы

дело в том / что она укоренена / что это есть историческая и национальная **религия** на ее основе.

позитивная религия человечества, социализм,

религия синто и войны

монотеистическая религия

религия любви

религия посвящения

национальная религия

религия разума

солнечная религия

Религия человекобожества

Религия страдающего Бога

Христианство есть религия распятой правды

Религия служения земным нуждам и религия служения идеальным ценностям

идолопоклонническая религия

религия созерцательная

религия разума

религия страдания

воинствующая религия

Интересно, что некоторые элементы содержания концепта «Религия» могут быть совершенно не связаны с собственно верой или Богом.

14. Религия — нечто священное, связанное с поклонением вообще

Apple — это не компьютер, это религия

в городе, где футбол одновременно — главная религия и главный порок.

Актриса — это миссия, религия

Автоспорт в этой стране — почти религия

Коммунизм — это та религия...

Показательно, что религия, «связь», воспринимается языковой личностью не как пассивное состояние, а как активно действующая сила.

15. Религия – активное начало

Религия возвращает себе подобающее место в жизни общества, активно вовлекается в разные сферы его жизнедеятельности. Участники форума убеждены: религия может и будет играть объединяющую и примиряющую роль на пространстве Содружества, содействовать сотрудничеству и общению

Подобные примеры, прямо указывающие на активную роль религии в социуме, немногочисленны, однако часто с лексемой религия употребляются сказуемые, обозначающие активные действия:

религия – учит, играет конструктивную роль, требует, говорит о Боге, запрещает, борется, порождает, может калечить судьбы, предлагает объяснение, дает опору духовную, предлагает.

Наконец, один из распространенных элементов содержания концепта связан с восприятием религии не только как интуитивного мировоззрения, но и как конкретного знания.

16. Религия – знание

Религия есть свод в одно согласное целое всех объяснений или ответов на те неизбежные и единственно интересные в жизни вопросы относительно жизни и смерти, на которые разум дает мне частный ответ, согласнее которого я не знаю никакого другого и в который вследствие того я верю и считаю несомненно истинным и которым руководствуюсь в каждом жизненном акте.

Вопросы были из следующих областей знаний: наука и религия, изобретательство, предпринимательство, религия, медицина, политика, искусство, культура и спорт.

Религия по этому определению не только не может противуречить данным разума или жизни, но всякое знание и всякий акт жизни основывается толь-

ко на религиозном воззрении.

Не только гуманитарные науки, история и социология, философия и религия или науки, связанные с этими дисциплинами как археология или нумизматика, привлекали его внимание, но с не меньшим жаром он отдавался математике или астрономии астрологии, химии или минералогии.

преподавание религии по выбору родителей

Представляется, что другие содержательные компоненты концепта менее значимы: количество контекстов, представляющих их, в Национальном корпусе русского языка менее велико.

Национальный корпус русского языка демонстрирует значимость для русского языкового сознания не только самого номинанта концепта, но и лексем, составляющих ядерную и околядерную зону поля концепта: например, с лексемой церковь представлено около 10 тысяч контекстов, с лексемами бог и вера – около 8 тыс., с лексемой священник – около 3 тыс., с лексемами христианство и молитва – около 1 тыс., с лексемой монах – 800, с лексемой икона – 700, с лексемой крещение – 400 и т.д. Однако подробное рассмотрение даже лексем, репрезентирующих хотя бы только ядерный слой концепта, требует исследования более масштабного.

Таким образом, концепт «Религия» как определенное мировоззрение, основанное на вере в Бога и связанное с организованным поклонением ему, с одной стороны, и как специфический общественно-политический феномен – с другой, актуален и для современной русской языковой картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. М., 2005

Антология концептов. М., 2007.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика. Автореферат дисс... доктора филологич. наук, Воронеж, 1998.

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004.

Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М., 2007.

Воркачев С.Г. Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов. М., 2007.

Колесов В.В. Философия русского слова. СПб, 2002.

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2007.

Михальчук И.П. Концептуальные модели в семантической реконструкции (индоевропейское понятие “закон”) // Известия РАН. 1997. т.56. № 4.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов. М., 2007.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: «Языки русской культуры», 2001.

ИСТОЧНИКИ

Булгаков С. Н. Свет невечерний. – М.: «Республика», 1994.

Булгаков С. Н. Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. – М.: «Наука», 1993.

Булгаков С. Н. Основные проблемы теории прогресса // Булгаков С. Н. Сочинения в двух томах. Т.2 Избранные статьи. – М.: «Наука», 1993.

Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал // Владимир Соловьев Философское начало цельного знания. – Минск: Харвест, 1999.

Трубецкой Е. Н. Мирозерцание Владимира Соловьева. – М.: издание автора, 1913.

Национальный корпус русского языка

СЛОВАРИ

Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000.

Даль Владимир Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4, М., 1955. (Словарь Даля)

Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А. и др. Русский ассоциативный словарь. Книга 1–4. – М.: ИРЯ РАН, 1994–1996 (РАС).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: «Азъ», 1992.

Полный православный богословский энциклопедический словарь. – СПб.: Изд-во П.П. Соина, 1913.

Православный библейский словарь / Отв. ред. К. И. Логачев. – СПб.: Северо-Западная Библийская Комиссия, 1997.

Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. – СПб.: «Наука», 2000.

Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: «Русский язык», 1981–1984 (МАС).

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. // Под ред. В. В. Виноградова. – М.–Л.: «Наука», 1948–1965 (БАС).

Словарь церковнославянского и русского языка. – СПб.: Типография Импер. Академии наук, 1847.

Толковый словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: «Русские словари», 1994 (Словарь Ушакова).

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. – СПб.: «Фолиопресс», 1998.

Христианство. Энциклопедический словарь в 3-х томах. – М.: «Большая Российская энциклопедия», 1993-1995.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т.1-2. – М.: «Русский язык», 1994.

© Сергеева Е. В., 2007

РАЗДЕЛ 3.

КЛАССИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Гарольд Лассвелл

Перевод: Матыгина Е. Б.,
Солопова О. А.

ГЛАВА 2. СТИЛЬ В ЯЗЫКЕ ПОЛИТИКИ

Abstract

The article is concerned with the problem of style in political communication. The analysis is chiefly directed toward certain “causal” factors affecting style. The author proves that style in the language of politics varies according to the basic features of a situation in which communication is an instrument of power. The power situations can be classified according to the degree of crisis, the degree of despotism or democracy. The author also argues that style characteristics may prove to be diagnostic criteria for the disclosure of destructive or creative political personalities.

Когда мы исследуем ритмический рисунок прозы Уинстона Черчилля или длину предложений в звучных речах Даниэля Вебстера или Джозефа Чоата, мы имеем дело со стилем. Речь идет также о стиле, когда мы рассматриваем неторопливый темп Франклина Рузвельта и манеру его беседы на радиовыступлениях, и сравниваем их с ревом и напыщенной речью Гитлера (Для изучения речей политиков обратитесь к Вильяму Норвуду Бригансу, редактору, *История и критика американского публичного выступления: William Norwood Brigance, A History and Criticism of American Public Address, McGraw-Hill, New York, 1943 (2 vols.)*). Стиль, в языке политики, – это организа-

ция частей, из которых состоит политическая коммуникация.

Литература, посвященная стилю, зачастую наполнена двусмысленностью, особенно когда автор следует традиции вкладывать в слова широкий и часто неопределенный набор эстетических, практических и научных значений. «Стиль», – по мнению Миддлтона Мюррея, – «это не изолируемое качество письма; это и есть само письмо». Конечно, мы не продвинемся дальше, если сведем проблему стиля к дефиниции письма как такового. В том же духе Кардинал Ньюман писал, что «мысль и речь неотделимы друг от друга. Содержание и выражение – это части одного целого: стиль – это мысль, облаченная в язык... Когда мы сможем разделить свет и освещение, жизнь и движение, выпуклость и впадину дуги, только тогда будет допустимо, что интеллект откажется от своей двойственности». Мы ничего не получаем, идентифицируя весь язык со стилем.

Наиболее приемлемо определение Баффона: «Стиль – это просто порядок и движение, заданные мыслям. Главное достоинство терминов «порядок» и «движение» в том, что они могут быть отнесены к организации элементов, из которых выстраивается коммуникация (Прекрасный обзор теории литературного стиля дан Вильямом Куртсом Вимсаттом Дж., *Стиль прозы Сэмюэля Джонсона*: William Kurtz Wimsatt Jr. *The Prose Style of Samuel Johnson*, Yale University Press, New Haven, 1941 (Yale Studies in English, Volume 94)).

Коммуникация организует два вида элементов: символы и знаки. Символы – это значения; знаки – материальные средства, используемые в десемантизации значения. Слово «конституция» – это символ (или, если быть более точным, группа символов), а черные отметины на бумаге в момент печатания слова – знаки. Фильмы, рисунки, нотные записи, памятники – это тоже знаки. Каким бы не был элемент коммуникации, он встречается в различных моделях одновременно с другими элементами, или в других временных последовательностях.

При анализе организации частей коммуникации полезно знать некоторые различия. Части бывает мало или много; мы говорим о *краткости* или *многословии* стиля. Коммуникация многослов-

на в том случае, когда используется больше чем необходимо элементов для достижения результата. Многословность знака имеет место, когда число добавочных знаков превосходит количество простых знаков. Простой знак – это минимальная величина, которая дает возможность передать и понять сообщение. Любой избыток является дополнительным. Когда голос громче, чем требуется, излишний звук – это дополнительный знак. Если буквы на бумаге крупнее и выделены более жирным шрифтом, чем это необходимо для понимания читателем, они являются дополнениями. Символы излишни, когда слова используются за пределом минимума, необходимого для передачи сообщения внимательной аудитории, обладающей требуемыми знаниями и навыками (Границу между простым и дополнительным знаком труднее всего провести в скульптуре. В литературе не сложно определить, какие черты знака лежат за пределами «минимума, необходимого для понимания». Удивительный пример использования дополнительного знака можно встретить у Нодьера в *Le Roi de Bohême et ses sept Chateaux*, в котором автор «источает источники печатного учреждения. По его команде буквы удлинятся так, что занимают все пространство от верхнего до нижнего края страницы; он командует снова, и они уменьшаются до крошечных размеров; он вопит, и они в ужасе становятся на дыбы, им завладело уныние, и они понурили головы по всей строке; они неразделимо перемешаны с иллюстрациями; латинские и готические группы чередуются в соответствии с настроением момента; иногда они встают с ног на голову, так что нам приходится повернуть книгу вверх ногами, чтобы прочитать их, иногда они настолько близко следуют за повествованием, что спуск с лестницы описан так: “Вслед за этим наш герой удрученно спустился с лестницы”» (Брандес, *Основные течения литературы 19 века*: Brandes, *The Main Currents of Nineteenth Century Literature*, Boni and Liveright, New York, 1924, Vol. V, pp. 40-41.)). Еще одно необходимое различие – это количество *повторяемости* или *разнообразия* элементов.

Наш анализ политического стиля будет также трактовать в качестве элемен-

та (или модели элементов) символы и знаки, которые имеют сходство с результатом, искомым коммуникатором. Когда председатель аплодирует оратору, которого он представил, он *моделирует ожидаемый результат*, для того чтобы дать стимул аудитории. Когда человек, занимающийся сбором денег, перед публикой кидает звенящий доллар на тарелку в то время, как мимо проходит швейцар, он также моделирует результат. Противоположная зависимость – *противопоставление результату*; она, например, характерна для ситуации, когда святой благословляет коленапреклоненное большинство.

Возможно, стоит отметить, что элементы, выбранные для анализа стиля, могут быть синтаксическими или семантическими. Изучение синтаксиса в духе Чарльза У. Морриса имеет дело с внутренними отношениями. Логический анализ – синтаксический, так как он рассматривает утверждения, встречающиеся в основной части данного дискурса в соответствии с согласованностью, обобщением и сходными критериями. Семантический анализ – вопрос значений внешних по отношению к коммуникации, в нем, например, обращают внимание на то, упоминаются политические объекты или нет. Рассредоточенность противоречивых утверждений на протяжении странной дискуссии может быть полезна в изучении стиля на основании гипотезы о том, что противоречия в речи, значительно удаленные друг от друга, воспринимаются аудиторией лучше всего. Семантической темой также является использование «статичных» и «подвижных» символов. Плакаты Русской революции были насыщены изображениями людей в движении, жестами, привлекающими внимание, и восклицаниями; позднее символы стали более «спокойными».

Обнаружив стилевые различия, можно их исследовать для того, чтобы определить производимый эффект и мотив (прагматика). В первую очередь, в политике нас интересует не сам результат, а эстетическая оценка (удовольствие). Поэтому оставим другим исследователям проблему стиля в духе Свифта «должные слова в должном месте». Язык политики, главным образом, нацелен на осуществление действия или оценки (внимание или понимание обычно не являются

конечными политическими целями сами по себе). Давно известно, что на формирование стиля влияют многочисленные социальные и личностные факторы. Широко известный афоризм гласит: «Стиль – это человек», или как его перефразировал Фрейд: «Стиль – это история человека» (*Отмечено у Теодора Рейка: Theodore Reik, Тридцать лет с Фрейдом, London, Hogarth Press and the Institute of Psychoanalysis, 1942, p. 19.*). Было предпринято немало импрессионистских и научных попыток соотнести стиль, личность и положение в обществе. Исследовали почерк, жесты, осанку, походку, интонацию и дефекты речи (Удобный путеводитель – Часть II «Расстройства личности и поведения»: *Personality and the behavior Disorders*, edited by J. McV. Hunt, New York, Ronald Press, 1944 (2 vols.)).

Стиль в языке политики варьируется в соответствии с основными чертами ситуации власти. Политические ситуации могут быть классифицированы по степени кризиса. Другой критерий – степень деспотизма или демократии.

Кризис и стиль. Самый напряженный кризис подразумевает физическое сражение и включает битвы, восстания и мятежи. Многие события, на которых *провозглашается политический курс*, являются чрезвычайно напряженными, например, такие, когда выносятся и объявляются вердикты и приговоры, или когда обнародуются законы, подписываются договоры и происходит голосование. Как правило, относительно низкий уровень напряжения характеризует *формирование политического курса* посредством дипломатических переговоров, арбитража, судебных споров, дискуссий комитета, парламентских дебатов, предвыборных речей и смежных форм публичных обсуждений. Наименее напряженным, как правило, является *церемониальное событие*, на котором различия сторонников преуменьшаются, а символы единства поддерживаются (празднование победы, поминальные службы, торжественное введение в должность).

Кризис – это ситуация, в которой причиняются или предвещаются суровые лишения, такие как насилие. Отсюда, структура ожидания – это доминирующая черта кризиса. Деспотизм или демократия, с другой стороны, – это, в первую очередь, вопросы потребностей: в пер-

вом случае – во «власти над», а в другом случае – во «власти с». Мы предполагаем, что эти основные факторы ситуации отражаются в *стиле*, так как мы знаем, что они отражаются в *содержании* сказанного.

Для начала рассмотрим кризис активного сражения. Наиболее заметный инструмент власти – специализированный орган насилия – оружие или обученный боец. Оружие, функциональность которого роднит его с языком – это ракета, поскольку ракета, как и слово, способна нанести ущерб на расстоянии. Из истории оружия мы знаем, что снаряды постоянно видоизменяются с конечной целью стандартизации и экономии. Тенденция к стандартизации видна в спецификациях формы, установленных для определенного типа снаряда. Стремление к экономии выражено, например, в попытке сократить относительный вес оболочки снаряда по отношению к взрывчатому веществу. Конструкция снаряда модифицируется для того, чтобы сократить сопротивление ветра и увеличить дальность и точность.

Языку сражения также присущи тенденции к стандартизации и экономии. Боевой клич – выберем наиболее характерный пример – в высшей степени стандартизирован, и обычно состоит из одного, максимум нескольких звуков или слов, повторяемых установленным образом. Идет ли речь о повстанческом крике Армий Конфедерации, или боевом кличе индейцев Камачи, сразу выявляются основные характеристики краткости и повторяемости.

Следует подчеркнуть, что символы и знаки проходят одни и те же стадии адаптации. Символы обычно сведены в ключевые лозунги или эпитеты. Магометане, бросающиеся в бой, выкрикивая имя Аллаха, вкладывают в этот единственный символ огромное количество невыраженных словами требований к самим себе, к неверным и к самому Аллаху. Когда эпитет бросают как гранату в лицо противника, он вбирает в себя определенные призывы к совести последнего. Назвать солдата «убийцей детей» – значит использовать кратчайший способ обращения к тщательно продуманному обвинению его нравственности в ведении войны, и его национального и лично-го характера. В сражении материальные

носители коммуникативного послания сжаты и часто соответствуют обтекаемой модели снаряда (подобно тому, как кипы листовок разбрасываются над линией врага).

Истинным является утверждение о том, что язык используется как средство защиты: чаще как щит, бруствер или крепость, нежели как снаряд. В этом случае повторение единиц – это характерная черта, хотя количество повторяемых единиц может возрасти. Одна из типичных ситуаций, в которой коммуникативные сообщения адресованы себе, а не врагу, – период, когда защитники терпеливо противостоят вражескому нападению. Все поют одну и ту же песню, но песен поется больше, чем при наступлении.

Помимо происходящих стилистических изменений, сравнимых со снарядом и щитом, язык активно видоизменяется в сражении-действии. Если в наших намерениях – напугать противника, то мы можем подчеркнуть собственную силу высокими, заносчивыми словами и манерами. Очевидно, что это противоположность той ответной реакции, которую мы желаем увидеть от врага, – это противопоставление результату. Если мы предполагаем, что наш противник намерен сдаться, мы можем внезапно прерывать сражение, приказывая ему сдаться. Мы можем моделировать ожидаемый результат, изображая, что слагаем оружие.

Тактика моделирования ожидаемого результата таит в себе определенные опасности. Неправильно истолковав наши жесты, враг может решить, что мы предлагаем сдаться. Он может презрительно высмеять предполагаемое проявление нашей слабости и вновь мобилизоваться. Стоит обратить внимание на тот фактор, который в значительной мере определяет ситуации, в которых может быть использовано моделирование ожидаемого результата. Важно, что человеческое эго не препятствует представлению данного человека в качестве исполнителя той ответной реакции, которую сообщение должно вызвать у аудитории. В смертельном бою мы готовы вонзить кинжал в спину врагу, и поэтому мы можем моделировать возможную ответную реакцию, радуя за благо собрата по оружию. Но чувство собственного достоинства не позволит нам признать свою

слабость в самом начале, сделав вид, что мы готовы капитулировать. Когда сражение – в нашу пользу, и мысль о капитуляции несостоятельна, мы можем воспользоваться тактикой моделирования ожидаемого результата, для того чтобы дать врагу стимул сдаться без риска выступить в постыдной роли перед собой или другими. В целом, мы, не колеблясь, используем моделирование ожидаемого результата перед теми, кто, по нашему мнению, имеет право претендовать на наше особое внимание. Мы учим детей, совершая поступки, которым следует подражать; мы можем сделать то же самое для бестолковых людей и людей, несведущих в нашем языке, и это не будет «за пределами нашего достоинства». Мы моделируем результат, объясняя жестами, как пройти куда-либо.

Одна из фаз сходства с моделированием ожидаемого результата (идет ли речь о копировании или противопоставлении) – использование элементов «динамика» или «статика» в соответствии с природой ожиданий аудитории. При обращении к «низшим классам» в стране могут быть задействованы менее сдержанные жесты и голосовые эффекты, чем при общении к «высшим классам» этой страны.

То же самое характерно для элементов коммуникации «конкретное» и «абстрактное». Как правило, ожидается, что большая часть людей скорееотреагирует на «изобразительную» или «реалистичную» живопись, нежели чем на абстрактную. Однако может существовать противоположная ситуация, когда «враг» клеймен как симпатизирующий «банальным» стилям искусства, и прогресс начинает ассоциироваться с более абстрактными стилями. (Во время агитационных периодов революции в России революционерами приветствовались «модернистские» течения искусства.)

Можно подвести некоторый итог влияния сражения на стиль: речь становится более краткой, насыщенной повторами и противопоставлениями ожидаемому результату. Это обусловлено ожиданиями, вовлеченными в сражение-действие. Когда сражаются противники равные по силе, они достаточно мудры, чтобы экономить энергетические затраты. Поэтому знаки, используемые в коммуникации, сжаты настолько, насколько

это совместимо с искомым результатом; помимо этого знаки становятся более однообразными. Символы соответствуют тем же критериям. Тактику противопоставления ожидаемому результату можно использовать главным образом тогда, когда существует вероятность запугать врага.

Вышесказанное подразумевает, что *стиль варьируется в зависимости от ожиданий коммуникатора, связанных с организацией элементов коммуникации, которая как можно экономичнее достигнет оптимального результата (власти)*. Это положение становится базовым для теории стиля в языке политики в приложении ко всем политическим ситуациям, не только к сражению

В ситуациях, когда кризисы менее интенсивны, существует больше свободы для многословности и разнообразия, для более широкого спектра выражений вне зависимости от возникающих мотивов. В ситуациях, когда провозглашается новый политический курс, и когда подчинение власти сомнительно, многословность символа – это средство увеличить призывы согласиться с ожидаемым результатом. Язык судебных заседаний хорошо известен своей замысловатостью; большая часть этой затейливости идет от сомнений в подчинении. Ставки судебного процесса зачастую высоки и укоренившиеся по традиции символы закона могут уменьшить искушение выказать неповиновение вердикту. (В этой связи уместно отметить, что в решениях апелляционного суда судебное решение часто предназначено для успокоения проигравшей стороны и ее адвоката.)

В процессе формирования политического курса, дисциплинарное влияние кризиса на язык менее очевидно, чем при провозглашении политического курса или в сражении. Ожидания будущего кризиса воздействуют на стиль в той степени, в какой является сомнительным мирное урегулирование диспута. Многословие культивируется в традиционном языке дипломатии – вплоть до разрыва официальных отношений или объявления войны. В дипломатии функция многословия заключается в том, чтобы скрыть прямой конфликт личности и предотвратить «кризисы самоуважения» или поруганной чести. Подобные факторы поставлены на карту при проведении судебного процес-

са, а также при объявлении вердикта или вынесении приговора. Хотя парламентские дебаты менее официальные, они ограничены определенными рамками, правилами, которые могут быть задействованы в случае, когда резкие расхождения мнений предвещают срыв обычной процедуры.

В ситуациях, когда преобладают законопослушные настроения, политический курс на этапах его формирования и провозглашения прост. Это относится к проведению судебного процесса: представители суда могут невнятно говорить, а зрители привставать, когда судья входит в зал суда или покидает его.

Следующий фактор, влияющий на краткость – это ожидание, связанное с применением рациональных стандартов. Язык становится исключительно инструментом понимания, он в высшей степени сжат. Речь адвоката перед апелляционным судом менее сдобрена не относящимися к делу фактами, чем при выступлении перед присяжными.

Когда допускается, что решения будут приниматься на нерациональных основаниях, ожидания, связанные с личными недостатками, оказывают существенное влияние на выбор подхода. Для официального лица в некоторых случаях делом чести считается не признаваться в том, что он изменил свое мнение. Если цель речи или статьи состоит в том, чтобы заставить чиновника изменить свою позицию, возможны два варианта поведения. Первый заключается в том, чтобы сделать вид, что он не совсем понял, о чем идет речь, и с помощью уклончивых высказываний, скрыть тот факт, что он это понял. Второй подход зависит от ожиданий, касающихся другой характерной черты. Можно спровоцировать внутренний конфликт между собственной потребностью быть везде и всюду и потребностью помогать слабым и тем, кто этого заслуживает. Можно отвлечь внимание от требуемого изменения и сфокусировать его на необходимости сильных и мудрых спуститься со своей высоты и прийти на помощь тем, кто незаслуженно страдает. Если человек, принимающий решение, не только тщеславен, но и добродетелен, можно смело осудить тщеславие и упрямство во имя справедливости и гуманности.

В большинстве этих примеров задей-

ствована тактика противопоставления ожидаемому результату. Но она не всегда является приемом, наиболее приемлемым для достижения ожидаемого результата в перспективе. Уповая на сентиментальность непрофессиональных присяжных, адвокат защиты может сам оказаться сломленным в момент обсуждения трагических последствий разлучения подзащитной с ее ребенком, таким образом, устанавливая образец отношения к данной ситуации для присяжных. Вновь повторим, что стиль – это функция ожиданий, касающихся зависимости стиля и результата; а это вопрос рациональных выводов о предрасположенностях, с которыми аудитория подходит к ситуации.

Как мы уже сказали, для церемониальных событий характерен самый низкий уровень кризиса. Фактически, придерживаясь строгого определения, мы могли бы исключить их из «политики», так как принимать решения не означает проводить церемонии. В подлинной церемонии не предполагается, что система ценностей будет подвержена какому-либо влиянию. Истинная церемония составляет власть, уважение и другие ценности прежними, за исключением одного факта: ценности модифицируются под влиянием уважения, присущего должному исполнению церемониальных обрядов.

Повторяемость есть неотъемлемая черта церемонии, но от случая к случаю случаются отклонения (от заведенного порядка). У простых народностей, подавленных влиянием западной цивилизации, этнологами зафиксировано снижение стиля: от небрежности до полной запущенности. Однако случаются и возрождения культур, когда виды танца становятся более сложными. Иногда главные роли создаются согласно тактике моделирования ожидаемого результата, а наиболее важные танцы показывают, как данное сообщество игнорирует народы и силы извне, а само живет в мире, спокойствии и величии.

Под политическими церемониями мы понимаем события, в которых символы заимствуются с арены сражений-действий, провозглашения и формирования политического курса. (Примерами таких событий являются празднования победы, дни памяти и народного страда-

ния.) Можно выдвинуть следующие гипотезы для объяснения определенных изменений стиля: *когда коллективный перспективы оптимистичны, стиль становится более многословным и разнообразным; когда перспективы пессимистичны, стиль становится кратким и насыщенным повторами.* Сходство с конечным результатом зависит от других ожиданий.

В предыдущем анализе кризиса и стиля подчеркивается зависимость стиля от структуры ожиданий относительно кризиса. *Когда кризис признается серьезным, таким, при котором следует берегать энергетические запасы, тенденция такова: передаваемое сообщение должно быть кратким, повторяющимся и противопоставленным ожидаемому результату. В кризисах, в которых допускается, что на исход дела может повлиять коммуникация, на нее может быть затрачено больше энергии, стиль становится более многословным, разнообразным и моделирующим ожидаемый результат.* Почти предельный по краткости и повторяемости пример – это монотонное произнесение звуков на одной высоте, такое как «Ай! Ай! Ай!» «Ра! Ра! Ра!». Возможно, хотя и теоретически, что доминирующий образец под влиянием интенсивного кризиса может быть «скалярным», а не «однообразным». То есть элементы коммуникации могут группироваться через определенные интервалы на протяжении гипотетического континуума. Пример тому – оратор, который в момент кульминации своей пылкой речи, стремительно переходит от отрывистых коротких предложений к длинным и вычурным, а затем вновь к отрывистым и коротким. Он также может резко перейти с шепота на крик и вновь с крика на шепот. Та же форма встречается в хот-джазе, когда повторение на одном уровне неожиданно сменяется скачком на контрастный уровень.

Демократия, деспотизм и стиль. Во многих отношениях наиболее поразительна корреляция политики и стиля с деспотизмом и демократией. Отличительная черта деспота – потребность доминировать вне зависимости от согласия сообщества. И «идеальный подданный» при деспотизме требует, чтобы над ним доминировали без какого-либо участия с его стороны. При демократическом

строе, напротив, лидеры и ведомые объединены потребностью в разделенной власти, потребностью во всеобщем участии в принятии коллективных решений. Следовательно, как говорилось ранее, деспотизм характеризуется как «власть над», а демократия – «власть с».

Требую превосходства, недемократическая элита насаждает барьеры «дистанции» и «высоты» меж собой и гражданами. Символы и знаки находятся среди тех инструментов, которые используются с целью быть «вдалеке» и «выше». Поэтому преобладающий стиль деспотизма – противопоставление ожидаемому результату. «Команды» издаются; «послушание» обязательно. Речь монарха, его манера держаться устроены таким образом, чтобы отдалить его и возвысить над подданными. Выражения, идентифицирующие самого монарха на официальных публичных мероприятиях, безличны, многословны и шаблонны.

В качестве интересующего нас материала приведем примеры из речей короля Великобритании и императора Индии. Несмотря на то, что власть монарха ослабла, язык сохранился таким как прежде. Король Георг VI до недавнего времени был «милостью божьей королем Великобритании, Ирландии и Британских доминионов, защитником веры, императором Индии». В целом, эта формулировка скромнее, чем фразы, используемые главами менее сильных держав. Будущему Георгу VI из династии Виндзоров при крещении было дано имя Альберт Фредерик Артур Георг. Позднее он стал Герцогом Йоркским, графом Инвернесса и бароном Килларни в сословии пэров Объединенного Королевства. Когда его Величество короновали, он стал герцогом Ротсейским, графом Каррика и бароном Ренфру в книге пэров Шотландии, лордом Британских островов и Великим Стюардом Шотландии.

Вступление на престол предшествующего Георга (Пятого) было ознаменовано дурбаром в Индии, о котором было объявлено на местном наречии в *Оффисиал Газет* следующим образом:

Королевское намерение провести императорское собрание в Дели было объявлено в прокламации, опубликованной в Газетт Экстродинари от 22 марта 1911 года:

Принимая во внимание смерть наше-

го усопшего Повелителя, счастливой памяти, короля Эдварда, шестого мая тысяча девятьсот десятого года от рождения Христова, Мы вступили на трон в титуле Георга V, милостью божьей короля Великобритании, Ирландии и Британских доминионов, защитника веры, императора Индии; и поскольку Нашими королевскими прокламациями, датированными девятнадцатым июля и седьмым ноября тысяча девятьсот десятого года от рождения Христова, в первый год Нашего царствования, Мы опубликовали и провозгласили Нашу королевскую волю с покровительства и благословения Всмогущего Бога отпраздновать торжественную церемонию Нашей королевской коронации в двадцать второй день июня одна тысяча девятьсот одиннадцатого года; и поскольку это Наше желание и воля оповестить всех наших преданных поданных в наших индийских доминионах, что упомянутая торжественная церемония была проведена таким образом, и призвать в Наше присутствие наших губернаторов, лейтенант-губернаторов и других наших должностных лиц, принцев, правителей и дворян местных государств под нашим покровительством и представителей всех провинций Нашей Индийской Империи, теперь Мы этой королевской прокламацией объявляем Нашу королевскую волю провести в Дели в двенадцатый день декабря одна тысяча девятьсот одиннадцатого года, императорский дурбар с целью оповещения об упомянутом торжестве в честь Нашей коронации, и сим Мы поручаем и приказываем Нашему доверенному и достойному советнику Чарлзу Хардингу Пеншурсту, нашему вице-королю и генерал-губернатору Индии, предпринять все необходимые меры по этому поводу.

Дано при нашем дворе в Букингемском дворце, в этот двадцать второй день марта одна тысяча девятьсот одиннадцатого года от рождения Христова, в первый год нашего царствования (*Coronation Durbar, Delhi, 1911, Official Directory with Maps, Calcutta, India, Superintendent of Government Printing, 1911, pp. 1-3.* Смотри Реджинальда Максвелла Вулли, «Церемонии коронации»: Reginald Maxwell Wooley, *Coronation Rites*, Cambridge University Press, 1915 (*The Cambridge Handbook of Liturgical Study*)).

Когда в сообществе преобладают

недемократические настроения, инициативы «снизу» выражены несколько тяжеловесным языком. Подчиненный использует тщательно выверенные слова и жесты, чтобы показать, что он не осмеливается нарушить привилегии своего правителя. Играя на контрасте с самоуверенностью правителя, он исполняет роль человека, неуверенного в своих суждениях. Играя на контрасте с предполагаемым всеведением вышестоящего, поданный исполняет роль того, кто медленно и мучительно взлелеял лишь временные идеи. Данные средства направлены на то, чтобы умиловить эго вышестоящего, что уменьшает вероятность негодования с его стороны (эффект, получаемый в ходе противопоставления результату, а не моделирования ожидаемого результата).

Некоторые начальники приветствуют дискуссию с подчиненными, но при деспотизме необходимы особые формы для показа того, что дискуссия разрешена. Помимо прочих отклонений от стереотипа командующего офицера, такой начальник прибегает к неофициальному тону. В том случае, когда процесс принятия решения, будучи иерархически организованным, не слишком осложнен «кастовыми» отношениями, может культивироваться снисходительность.

Примером подобной ситуации, хорошо известной в США может служить пресс-конференция президента. Президент – «первый слуга» народа, но на самом деле он в значительной степени несет на себе печать «величия» главы государства, которое отчасти сохранилось со времен наследственного абсолютизма. На конференции уверенный в себе президент позволяет себе в высшей степени братскую неформальность. Однако президент США всегда имеет возможность воздержаться от комментариев или защитить себя от вопросов, выходящих за рамки его желаний. Ему нет равных в глазах народа, и он не обязан выслушивать аргументы по дискуссионным вопросам. Этому можно противопоставить процедуру вопросов к премьер-министру Британского парламента. Премьер-министр может уклониться от ответа на специфические вопросы, но он должен постоянно выслушивать аргументы, выдвигаемые лидерами оппозиции, известными в стране людьми, имеющими на-

мерение однажды занять его место. Пресс-конференция – снисходительный «акт милости»; а парламентские вопросы и прения обязательны.

Так как сообщества движутся к демократическому правлению, тактика моделирования ожидаемого результата сменяет тактику противопоставления. Лидеры придерживаются обыденной речи и усваивают простые манеры. Современные националистические движения эгалитарны, они превозносят символы, общие для всех членов нации, а не расовые, религиозные и семейные различия, отдаляющих их друг от друга. Общая черта национализма – «возрождение» языка, которое обычно состоит в восстановлении и обогащении местного наречия. Последний весомый пример – Индия, две последующие цитаты отражают именно те тенденции, о которых мы говорим. Первая цитата от Махатмы Ганди (B Zainul A. Ahmad, *National Language for India (A Symposium)*, Kitabistan Series No. 1, Kitabistan, Allahabad Law Journal Press, Allahabad, 1941, pp. 32—35. Тесная связь языка и национализма показана везде, где только рассматривается феномен национализма. Смотри Hans Kohn, *The Idea of Nationalism; A Study in Its Origins and Background*, Macmillan, New York, 1944):

...Но имена, как вы знаете, имеют огромное политическое и социальное значение вследствие своих ассоциаций, и поэтому имя, которое будет дано нашему общему языку, очень важно. До сих пор урду был единственным языком, употребление которого не ограничено какой-либо провинцией или религиозной общиной: на нем говорят мусульмане по всей Индии, а на севере страны число индусов, говорящих на нем превосходит число мусульман. Если наш общий язык не может быть назван урду, он, по крайней мере, должен обладать именем, в котором заложен особый вклад мусульман – развитие более или менее общепринятого языка. Индустани может послужить этой цели. Хинди – нет. Он изучался мусульманами в прошлом, и они сделали столько же, сколько их индусские братья, если не больше, чтобы поднять его до статуса литературного языка. Но в нем есть также религиозные и культурные ассоциации, с которыми мусульмане в целом не могут идентифицировать себя.

Кроме того, в данный момент он развивает исключительно свою собственную лексику и, в общем, непонятен для тех, кто знает только урду.

*** Ниже я привожу несколько пунктов, которые, по моему скромному мнению, имеют рациональное зерно и обеспечивают крепкую основу для общего языка. Они таковы:

1. наш общий язык будет называться «индустани», не «хинди».

2. индустани не будет рассматриваться как язык, который имеет особенную связь с религиозными традициями какой-либо общины.

3. критерий «иностранный» и «туземный» не будет применяться к какому-либо слову, только к лексеме «валюта».

4. все слова, используемые индусскими писателями на урду и мусульманскими писателями на хинди, будут считаться употребительными. Безусловно, это не будет распространяться на урду и хинди как на местные языки.

5. при выборе технических терминов, особенно политической терминологии, не будет отдаваться предпочтение терминам на санскрите как таковым, и будет предоставлен больший выбор из терминов на урду, хинди и санскрите.

6. как азбука деванагари, так и арабское письмо будут считаться употребительными и официальными, и во всех учреждениях, политика которых проводится в жизнь лицами, способствующими официальному распространению индустани, будут предоставлены благоприятные условия для изучения обоих шрифтов.

Вторая цитата из речи Джавахарлал Неру (B Ahmad, цит.произв., pp. 48—49, 56, 60):

Наши великие провинциальные языки – не диалекты или наречия, как несведущие иногда называют их. Это древние языки с богатым наследием, на каждом из них говорят миллионы людей, каждый неразрывно связан с жизнью, культурой и идеями народа, так же как и высших классов. Не требует доказательств тот факт, что посредством языка народ повышает свою образованность и культуру. Поэтому неизбежным является то, что мы придаем особое значение языкам провинций и выполняем большую часть нашей работы на них. Использование любого другого языка приведет к изоли-

рованию образованного меньшинства от народа и к задержке развития последнего. Как только Конгресс приступил к выполнению своей работы, используя провинциальные языки, мы быстро наладили контакты с массами, и в стране возросли сила и престиж Конгресса. Сказанное в Конгрессе было услышано в самой отдаленной хижине, политическое сознание масс возросло. Таким образом, наша система образования и общественная работа должны опираться на провинциальные языки.

*** Это приводит нас к действительному различию между урду и хинди сегодня: урду – это язык городов, хинди – язык деревень. На Хинди, конечно же, говорят и в городах, но урду практически полностью является городским языком. Поэтому проблема сближения урду и хинди становится гораздо шире – проблемой сближения города и деревни. Любой другой путь поверхностен, он не будет иметь длительного эффекта. Языки меняются органично, когда меняются люди, говорящие на них. ***

Поэтому наши писатели должны думать на языке массовой аудитории и клиентуры и должны осознанно писать именно для них. Произойдет автоматическое упрощение языка, а напыщенные, высокопарные фразы и конструкции, которые всегда являются признаками упадка в языке, уступят место словам силы и власти. Мы еще не оправились от представления, что культура и литературные достижения – продукты и спутники дворцовых кругов. Если мы будем считать так, то мы можем остаться в узком кругу и не сможем найти путь к сердцам и умам масс. Культура сегодня должна иметь более широкую массовую основу, и язык, являющийся одним из воплощений этой культуры, также должен иметь эту основу.

Такой подход к народу – не только проблема более простых слов и фраз. В той же степени это проблема их идейного, внутреннего содержания. Язык, на котором обращаются к народу, должен касаться его проблем, радостей и печалей, надежд и чаяний. Он должен представлять и отражать жизнь народа в целом, а не малочисленной «верхушки». Только тогда он пустит корни в почву и будет питаться ею.

Следующий документ – пример тре-

бования братского поведения со стороны официальных лиц в свободном обществе. Отличительной чертой является тот факт, что заявление сделано сравнительно неизвестным государственным деятелем в циркуляре, выпущенном гражданской службой революционной Франции в мае 1794 года (M. Thompson, *The French Revolution*, Oxford, New York, 1945, p. 428. Циркуляр был адресован гражданской службе земляком Робеспьера Германом, некогда судьей Революционного трибунала, когда он занимал пост Комиссара Гражданской администрации в мае, 1794):

Государственный служащий в первую очередь должен «сбросить старые одежды», избавиться от вычурной вежливости, которая так не вяжется с манерой держаться, характерной для свободных людей, и которая является реликвией того времени, когда несколько человек были министрами, а остальные – их рабами. Мы знаем, что старые формы правления уже исчезли. Мы должны забыть даже то, как они выглядели. Простые естественные манеры должны прийти на смену напускному достоинству, зачастую являющемуся единственной добродетелью главы департамента или секретаря городского управления. Порядочность и неподдельная серьезность – это все, что необходимо людям, занимающимся государственными вопросами. Главное качество Человека в Природе – стоять прямо. Бессмысленный жаргон старых министерств должен быть заменен простым стилем, ясным, но немногословным, свободным от раблепных выражений, от подбобстранных формул, надменности, педантизма, или любого предположения, что существует власть выше меры или порядка, предписанного законом – стилем, который придерживается естественного отношения к подчиненным ведомствам. Не должно существовать условных фраз и лишних слов.

Несмотря на то, что большинство приведенных примеров, иллюстрирующих тенденцию демократии к использованию неофициального стиля, взято из разговорного и письменного дискурса, из образцов словесного поведения, основной смысл сказанного применим ко всем экспрессивным искусствам, находящимся на службе власти. Например, эта теория применима к самому массовому из ис-

куств – архитектуре. Сравните доступность и простоту Белого Дома и Капитолия в Вашингтоне с Московским Кремлем, городом, окруженным стеной, с дворцами, построенными правителями старой Руси, не ставшим более доступным при правителях современной России, которые до сих пор заседают в нем. Подумайте о величии королевского Версаля, удаленного от толп Парижа; о принципе «далеко» и «вверх» гитлеровского Берхтесгарден.

Еще один факт, указывающий на связь демократии с моделированием ожидаемого результата – это возросшая частотность обращения к моделированию в тех случаях, когда деспотические уклады становятся народными конституционными режимами. Сохранившиеся монархии Северной Европы более доступны сегодня, чем во времена абсолютной власти и контроля. Члены династий, которые некогда сочли бы сходство с простолюдином унижительным, сегодня выставляют данное сходство напоказ.

Даже в деспотических обществах стиль государственной церемонии, проводимой в условиях всеобщей серьезной опасности, имеет тенденцию моделирования ожидаемого результата. В условиях победы император-король может воспользоваться триумфом, чтобы вознести себя над народом; но в моменты серьезной опасности лидер преувеличивает не свои отличия, а свое сходство. Он может подать всем пример, прилюдно преклонив колено перед богом или богами племени.

Во многих ситуациях существует ряд факторов, которые благоприятствуют развитию тенденции повторяемости при деспотизме. Один из этих факторов – страх, хроническое предчувствие мятежа. Одна из рудиментарных защитных реакций человека от опасности – повторение, а один из повсеместных приемов деспотизма – самозащита от видимых свидетельств неудовольствия, превращение стихийной общественной жизни в церемониальную рутину. Вместо дискуссии – шумное одобрение; вместо выборов – плебисциты; вместо законодательных органов – собрания.

Стереотипный эффект страха и беспокойства со стороны правящей группы может поддерживаться сообществом в целом. В деспотически организованных

обществах навязчиво повторяющиеся типы поведения широко распространены и входят в превалирующий образец формирования характера. Периодически набегающие волны небезопасности порождают две противоречащие тенденции: с одной стороны, – попытка «смыть» беспокойство, используя старые упрощенные каналы; с другой – попытки снизить напряжение за счет изобретения новых «дренажных устройств».

В суровых кризисах, революционных или межгосударственных, тревожность достигает такой степени, что используются все доступные средства выражения. Чем выше уровень «мощности» используемых выражений, тем меньше их остается в резерве, тем более сжатым и насыщенным повторениями становится стиль. К примеру, ораторы-истерики, громким криком достигая предела голосовых возможностей, повторяют ограниченный репертуар более или менее разборчивых фраз. Вариативность стиля сводится к нулю, так как индивидуум регрессирует до примитивной «мании бесконечного повторения». В поведении, характерном для лидеров-деспотов во время кризисов, обнаруживаются сходные черты, поскольку в обоих случаях язык используется и как ракета, и как щит. Символы и знаки перманентно ориентированы в пространстве, поляризованы против врага. В настоящее время это типично для теле- и радиопередач. В условиях, менее оснащенных технически, подобную функцию выполнял человек, обладающий громким голосом, обращаясь к вражеской армии или общаясь с недовольным населением в рабочем квартале столицы. Мы предполагаем, что наиболее насыщенным будет сообщение, адресованное тем, кто представляет серьезную угрозу. В этом случае символы и знаки являются инструментами власти, которые используются для того, чтобы свести угрозу на нет, обеспечивая безопасность и воплощая в жизнь дальнейшие проекты власти (Что касается языка политики, Хайнцем Пехтером была выдвинута важная гипотеза. «В обществе, основанном на равенстве, к языку будут относиться благосклонно в том случае, если в нем будет выражаться суверенитет поданного, созидаящая сила действия, спонтанность мысли и проблемы взаимодействия и взаимной ответст-

венности. В грамматике языка акцент будет сделан на предикации, наполнять предложение смыслом будет глагол. Иерархически структурированное общество, напротив, будет отвергать и взаимодействие между подданными, и эволюцию идей и ценностей. Оно стремится изобразить все условия в основном как статичные. Грамматика и синтаксис будут чрезвычайно сложными, язык станет вызывать восхищение. Предикат будет не ответом на вопрос, заданный поданным, а лишь комментарием. Символы-слова не будут обозначать предметы, они будут стремиться сами стать предметами с четко определенным местом в иерархии ценностей и участием в ритуале на должном уровне. (Heinz Paechter, in association with Bertha Hellman, Hedwig Paechter, Karl O. Paetel, *Nazi-Deutsch; A Glossary of Contemporary German Usage*, Frederick Ungar Publishing Co., New York, 1944, p. 6.) Пехтер имеет веские основания для того, чтобы центром своей теории сделать личностное отношение – границы собственного «я». Он говорит, что для теории требуется рассмотрение большего контекста – смысла, чем мы включаем в наше обсуждение стиля. Вероятно, что наши гипотезы об однообразии согласуются с этим; и, вполне вероятно, что наши предположения о многословии и противопоставлении ожидаемому результату коррелируют с этим положением).

Мы можем подвести итог теории стиля в языке политики, перечислив некоторые основные факторы, которые обуславливают использование той или иной модели символов и знаков в коммуникации. Язык – один из инструментов, посредством которого поддерживается и улучшается ценностная позиция собственного «я». В любом из приведенном примеров, собственное «я» может включать политический корпус в целом, или только часть – местность, класс, профессиональную группу или семью. Инструменты власти используются для продвижения и защиты требований, созданных собственным «я» и возложенных на себя и других. Применение каждого средства, такого как язык, видоизменяется в соответствии с ожиданиями, имеющими отношение к его вероятной эффективности. В стиле языка отражается личность говорящего или пишущего, его потребности и

ожидания.

Конкретизируем: стиль отражает ожидания угрозы насилия или мирного урегулирования дебатов, в нем заложена самооценка говорящего с позиции силы или возможной слабости в перспективе. Стиль зависит от природы искомого результата, в особенности от деспотической потребности во «власти над» или демократической ценности – «власти с».

В ситуациях интенсивного кризиса, когда участник осознает, что у него нет дополнительных энергетических запасов, стиль коммуникации, отвечая тем же самым условиям, которые придают форму снарядам и щитам, приобретает немногословную сжатость и повторяющееся однообразие. Перед лицом врага символы и знаки перебираются, для того чтобы увеличить контраст между собственным поведением и ожидаемой ответной реакцией.

По мере того как кризис утрачивает свою интенсивность, слова часто становятся самым легким средством влияния на ситуацию во власти. Вследствие этого, однообразие смертельного сражения-действия уступает место экстенсивному использованию более разнообразных элементов и вариативному использованию тактик противопоставления результату и моделирования ожидаемого результата.

Постольку появляется потребность в превосходстве, стиль модифицируется в средство выражения стремления начальника «ретиrowаться» и «возвыситься» (а подчиненного «держаться дистанцию» в более низкой позиции). Когда возникает потребность в равенстве, стиль становится средством сокращения барьеров.

Утверждение, что сходство с результатом – одно из наиболее значимых измерений стиля в языке политики, не должно умалять значимость того, что сходства могут касаться других прототипов (или контрастировать с ними). В дополнение к желаемому результату на стиль оказывает влияние предопределенность. Результатом в перспективе может быть понимание (а не действие), а послание, которое необходимо понять может быть, к примеру: X – высокий человек.

Оно может быть передано не только словами, но и жестами, изображающими высоту, рисунками и скульптурой. Третья вероятность заключается в том, что

стиль формируется в соответствии с оценкой объекта коммуникатором; и коммуникатор нацелен ни на что другое, как на получение удовольствия. Художник создает сцену, изображающую умирающего галла, не для того чтобы вызвать в ком-то чувство мести. Он делает это исключительно для аудитории, способной оценить технику изображения. Умирающий воин – модель символов и знаков, которая использована как способ «самовыражения» для всеобщего удовольствия, а не как средство, заставляющее аудиторию расстаться с жизнью. Следовательно, сходства стиля могут быть связаны с впечатлением, которое автор желает получить от аудитории, с заданными характеристиками объекта или его оценкой коммуникатора. Так как ситуация власти по определению нацелена на получение результата, становится ясным, почему стиль языка политики использует тактики моделирования и противопоставления ожидаемому результату.

Предшествующий анализ, главным образом, направлен на определенные «каузальные» факторы, влияющие на стиль. Не менее интересно влияние стиля на ответную реакцию. Прагматика стиля включает взаимоопределяющий анализ «причины и результата». Главным стимулом изучения речей Уилсона, Рузвельта и других ораторов послужило желание узнать больше о технике эффективного публичного дискурса. Несомненно, в дальнейшем мы продолжим исследования в этом направлении.

Помимо этого, наибольший вклад изучение стиля может внести в проблему интерпретации значимых политических направлений. Изменения в стиле могут обозначить постепенный спад демократических настроений или зыбь надвигающегося кризиса. Характеристики стиля могут оказаться критериями диагностики деструктивных и креативных политических личностей. Поэтому стиль не следует рассматривать исключительно как украшение. Наиболее важно то, что стиль не исчерпаем, так как он является обязательной составляющей любого нюанса значения в любом процессе коммуникации. Анализ того, что передается (содержания) требует изучения смысла и стиля. Поскольку стиль – это выстраивание символов и знаков, которые являют-

ся элементарными единицами коммуникации, он фактически является структурой любого законченного высказывания (Образцы стиля, которые мы обсудили, зависят от большего количества факторов, чем те, что мы использовали в анализе. Кроме интенсивности кризиса и степени уважения, на стиль серьезно влияют любые формы, используемые политическими врагами. Каждая революция в политике сфере тесно связана с другими революционными инновациями; наша Американская революция не является исключением. В сфере архитектуры, мы отошли от стилей предпочитаемых британским правящим классом и поддержали возрождение греческой архитектуры. «Это новое культурное направление, предпринятое американскими лидерами – особенно Томасом Джефферсоном – было «верным» поворотом; это был поворот в том направлении, которое поддерживалось настроением и вкусом в мире». Для более подробной информации обратитесь к работе Талбота Хамлина «Греческое возрождение архитектуры в Америке»; «Доклад о важнейших направлениях в американской архитектуре и американской жизни до войны между штатами»: Talbot Hamlin, *Greek Revival Architecture in America; Being an Account of Important Trends in American Architecture and American Life Prior to the War Between the States*, Oxford University Press, New York, 1944. О политических гимнах и других принадлежностях политики см. Роберто Мичелз, «Патриотизм»: Roberto Michels, *Der Patriotismus, Duncker and Humblot, Munich, 1929*).

Разделяя значение и форму, древние риторы придерживались иного взгляда на стиль. Поэтому, как отмечает Вимсатт, оставалось «что-то минимальное, поверхностное, нечто вроде накипи, называемое стилем» (Свенд Ранульф попытался пролить свет на антидемократические движения в русле квантативной семантики в *Hitler's Kampf gegen die Objektivität, Munksgaard, Copenhagen, 1946. Об изучении национального характера, смотри Пауля Кешкемети и Натана Лейтса, «Некоторые психологические гипотезы о нацистской Германии»: Paul Kecskemeti and Nathan Leites, "Some Psychological Hypotheses on Nazi Germany," Experimental Division for the Study of War Time Communications,*

Document No. 60 (1945). Republished in Journal of Social Psychology, XXVI (1947), 141—183; XXVII (1948), 91—117, 241—270; XXVIII (1948), 141—164). С 17 века структурной значимости стиля придается большое значение, и в настоящее время мы согласны с определением Баффона о «порядке» и «движении» выражаемых мыслей.

В целом, стиль – организация частей коммуникации; этими частями могут быть простые и сложные элементы, состоящие из знаков, символов и символов-знаков. Они варьируются как и функции ситуации, в которой коммуникация является инструментом власти.

© Г. Лассвелл, 2007

© Матыгина Е. Б., Солопова О. А.
(перевод), 2007

Гарольд Лассвелл

Перевод: Аникин Е. Е.

ПОЧЕМУ КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ МЕТОД?

Abstract

The author argues that the study of politics can be stimulated by quantitative analysis of political discourse. More precise methods give us a means for explaining some categories that caused numerous mistakes made by historians and sociologists.

В данном исследовании мы утверждаем, что толчок изучению политики можно дать с помощью количественного анализа политического дискурса. Почему за счет количественного? В ответ, возможно, уместно ограничить область качественного анализа в рамках работы данного автора. В конце Первой Мировой войны исследование политически значимой коммуникации проводилось практически полностью на основе качественного анализа, состоящего в обнаружении и демонстрации тем пропаганды и вариантов их использования. Когда автор данного исследования описывал пропаганду Первой мировой войны в работе *Методы Пропаганды в Мировой войне* (Кеган Пауль, Лондон, и Кнопф, Нью-Йорк, 1927; переиздано Питером Смитом, Нью-Йорк, 1938), он обратил внимание на некоторые общие темы в пропаганде противоборствующих держав. Этими темами были следующие:

Враг – это угроза.

(Немецкий милитаризм угрожает нам всем.)

Мы ведем защитную войну.

(Мы защищаем нас и других.)

Враги нам мешают.

(Они препятствуют осуществлению наших будущих целей.)

Мы помогаем другим.

(Мы помогаем в достижении положительных целей.)

Враги безнравственны и высокомерны.

(Они нарушают юридические и моральные нормы и презирают других.)

Мы – нравственны и благодарны.

(Мы соответствуем моральным и юридическим нормам и уважаем других.)

Враг будет повержен.

Мы победим.

Книга была организована таким образом, чтобы показать ту форму, в которой находили выражение эти темы при обращении к внутренней, союзнической или вражеской публике. Глава по *"Иллюзии Победы"* демонстрирует, что говорилось внутренней аудитории на эти темы: "Враг будет повержен", "Мы победим", Глава по "Сатанизму" описывает то, как адересант позиционировал себя "высоконравственным" и "признательным", в то время как врага "безнравственным" и "надменным". "Угрожающая" и "препятствующая" сущность врага и наша собственная "защитная" и "полезная" деятельность были проиллюстрированы в главе о *"Вине и целях войны"*. Особое внимание отводилось "сохранению дружбы" (с союзниками и нейтральными странами) и "деморализации врага". Каждая глава была составлена в основном из выдержек из пропаганды Соединенных Штатов, Великобритании, Германии и Франции.

Хотя ни один из критериев, определявших выбор цитат, не заявлен в книге, очевидно, что некоторые выборы были сделаны, потому что они ясно заявляли тему или детально разрабатывали ее. Вне всякого сомнения, эти критерии оправдывали цитирование большого количества указаний на нарушение международного права странами Антанты, которые были собраны доктором Эрнстом Мюллер-Майнингеном (стр. 85-86). В некоторых случаях, широкое распространение материала являлось, без сомнения, фактором выбора, особенно в случае *J'accuse!* – экспозе о Германии Ричарда Греллинга (стр. 54). Иногда известность докладчика становится решающим фактором, как, например, в случае с докладом Брайса о предполагаемых зверствах немцев в Бельгии (стр. 19). В некоторых

случаях, отрывок представляет собой образцом того, что раздавалось следующими группами или группам: профессиональной, группой по интересам, образовательной или какой-либо другой группой или группе (стр. 70).

Книга не утверждает, что весь материал, изученный автором, был исследован с одинаковой степенью пристальности. Мы не располагаем информацией о том, прочитал автор или в действительности лишь бегло просмотрел все копии основных газет, периодических изданий, книг и брошюр массовой циркуляции Германии и других стран; и ознакомился ли он с британским, французским и американским материалом так же полно, как с немецким.

Конечно, данное исследование не предполагает исчерпывающего анализа истории пропаганды времен войны. Технически оно было названо эссе, и была выражена надежда на то, что оно будет иметь некоторое влияние на профессиональных историков, направив их внимание на изучение пропаганды, и что схема классификации окажется полезной при организации будущих исследований. Книга в некоторой степени достигла обеих целей. Исследование военной пропаганды, как и на самом деле, каждой стадии пропаганды, получило быстрое развитие, многие монографии либо вышли из первоначального эссе, либо до определенной степени стали результатом его влияния (см. Ральф Хасвелл Лутц, "Исследование Военной Пропаганды, 1914-33," *Журнал Современной Истории*, 5: 496-516 (декабрь 1933)).

Среди самых полных книг по пропаганде Второй Мировой Войны следует назвать книги Ханса Таймма, *Мировая война без оружия* (Hans Thimme, *Weltkrieg ohne Waffen*, 1932), и Джорджа Г. Брунтца *Союзническая Пропаганда и Крах немецкой Империи в 1918* (George G. Bruntz, *Allied Propaganda and the Collapse of the German Empire in 1918*, 1938). Оба историка исследовали газетные, журнальные архивы и другие источники материала, при этом первый основном полагался на архивы Рейха, а последний использовал материалы Военной Библиотеки Гувера в Стэнфордском Университете.

Каждый раз при описании пропаганды данные авторы прибегали к методу,

подобному тому, что использовался в работе *Методы Пропаганды на Мировой войне* (*Propaganda Technique in the World War*). Выдержки были выбраны так, чтобы проиллюстрировать то, что адресовалось к разного рода публике и какие темы использовались. Авторы оставили неуказанным критерии их выбора, хотя они были очевидно идентичны критериям предыдущей работы. Во многих отношениях эти монографии более удовлетворительны, чем первая книга, так как авторы использовали новый исходный материал, и воспользовались накопленными исторической наукой данными об относительной важности личностей, каналов и символов на войне.

Результаты, однако, не могут быть признаны удовлетворительными во всех отношениях; много уместных вопросов остаются без ответа. Можем ли мы полагать, что ученый читает все свои источники с равной степенью внимания во время всего исследования? Действительно ли он просматривал тысячи страниц парламентских дебатов, газет, журналов и других источников, указанных в его библиографии или примечаниях? Или он выбирал примеры, лишь поверхностно просмотрев несколько страниц, тем не менее особо концентрируясь на некоторых периодах? Была ли система осуществления выборки из *Frankfurter Zeitung* сопоставимой с системой выборки из *Manchester Guardian*? Были ли листовки выбраны просто потому, что они находились в распоряжении ученого, или же они действительно представляют наиболее широко распространенный тип пропагандистских листовок?

Сам факт, что такие вопросы могут быть подняты вообще, указывает на некоторый недостаток методики в представлении и проведении исследования истории военной пропаганды. Во всех книгах, на которые мы ссылались, не было дано ни единого эксплицитного обоснования большинства выдержек, выбранных для иллюстрации определенной темы, характеристики содержания какого-либо специфического канала, или описания пропаганды, направленной к любой данной аудитории, или достигающей ее. Из заключительного отчета невозможно определить, было ли прочитано одно и то же или сопоставимое количество циркуляров СМИ как для Франции, так и для

Англии или Германии, или исследовались ли публикации с одинаковой степенью пристальности от всех дат, или выборочные номера были взяты для создания картотеки.

Ограничения этих монографий очевидны, если проследить за какой-либо темой в различные периоды времени, через различные каналы и адресованные различной по характеру аудитории. Мы знаем, кто из оппонентов использовал пропаганду "цели войны". Но предположим, мы хотим узнать степень акцента, сделанного на военные цели в тот или иной период. Или предположим, что мы спрашиваем, как они различались при представлении верхнему, среднему или низшему классу внутри страны, или в нейтральной стране, или в союзнической или вражеской стране. Была ли пропаганда военной цели более представлена в журналах чем в брошюрах, или наоборот? Те же самые вопросы уместны к каждой теме.

До некоторой степени, историки военной пропаганды стремились уменьшать двусмысленность путем увеличения промежуточных периодов, описанных в пределах целого периода. Вальтер Циммерман изучал английскую прессу со времени убийства в Сараево вплоть до вступления Англии в войну, выбрав тридцать ежедневных и восемь воскресных газет, девять еженедельников, четыре ежемесячника и два ежеквартальных издания, намереваясь охватить все значимые региональные и социальные группы в Великобритании (*Английская пресса о начале Мировой Войны, "Высшая школа и Заграница". – Charlottenburg, 1928*). Даже для этого периода, тем не менее, мы не можем быть уверены в критериях, используемых при выборе цитат. Очевидно, что Циммерман не резюмирует все тридцать газет каждый день, но мы остаемся в неведении относительно того, почему он цитирует одну газету один день или неделю и не цитирует в следующий раз. Даже если мы предположим, что его суждения верны, уместно задать вопрос, создает ли подобная произвольная процедура выбора должным образом сбалансированную картину, или же ее результатом становится защита одной из сторон, основанная, если не на преднамеренном обмане, на неосознанном предубеждении.

Та же самая проблема встает в подробной монографии Фредерик Ректенвальд (Friederike Recktenwald), в котором она ограничивает себя определенным набором тем, связанных с британскими военными целями (*Военные Цели и общественное мнение Англии, 1914-16, В. Кельхаммер, Штутгарт, 1929*). Мисс Ректенвалд делит ход войны на промежуточные периоды и цитирует или резюмирует материал из британской прессы, связанный с военными целями. Хотя данная процедура дает нам правдоподобный показатель относительного количества внимания, уделяемого военным целям в разное время, не все обоснованные сомнения развеиваются. Она не следует никакой последовательной схеме в своем докладе. В течение любого данного промежуточного периода могут быть приведены лишь несколько цитат; тем не менее данное замечание не может свидетельствовать об уменьшении новостей, касающихся военной цели, или уменьшении внимания к ним со стороны издания. Это может означать лишь то, что, сказанное менее интересно историку, вследствие меньшей яркости стиля и недостойности его цитирования. Мы не можем считать выдержки мисс Ректенвалд истинными образцами полного потока новостей и комментариев, достигающего британской публики, или даже любой специфической газеты, или группы газет. В тот момент, когда мы задаем ясные вопросы, которые обращаются к надежным основаниям сравнения, произвольный и неоднозначный характер монографии становится очевидным.

Возможно, однако, найти исследование, весьма совершенные в техническом отношении. В вопросах систематического определения и исторических подробностей, мы можем вернуться на полстолетия к работе *Изучение Общественного мнения и Лорд Биконсфилд, 1875-1880*, Джорджа Карслэйка Томпсона (*A Study of Public Opinion and Lord Beaconsfield, 1875-1880, by George Carslake Thompson, 1886*). В начале этой замечательной работы ряд терминов, используемых для анализа общественного мнения, подробно определен. Эти термины последовательно применены всюду в двух наполненных фактическим материалом томах. Одна часть аналитической схемы называет стандарты, применимые британской

публикой к вопросам внешней политики. Среди этих стандартов выделяется "международное право", "интерес", "нравственность" и "вкус". Томпсон указал, что такие стандарты применялись согласно национальной концепции роли Англии по отношению к другим нациям, и что она могла варьироваться от видения "Англии как острова" вплоть до "Англии как Европейской или Азиатской великой державы".

При применении этих стандартов и концепций, Томпсон выделял определенные широкие мотивы – "сентиментальные" или "дипломатические" – которые оперировали среди членов британской публики в отношении их основной ориентации во внешней политике. В любое данное время – например, во время начала войны между Россией и Турцией – эти стандарты, концепции и мотивы (общественные "понятия") объединялись в общественные "взгляды". Взгляды британской публики в 1876 классифицировались как "тнти-туркизм", "пацифизм", "порядок", "законность", "анти-ауссизм и фило-туркизм." Такие взгляды, в свою очередь, были связаны с соответствующей политикой. Так, "анти-туркизм" был сцеплен с "эмансипацией", "пацифизм" с "изоляционизмом". Книга описывает каждую последующую стадию реакции Англии на войну между Россией и Турцией, обильно иллюстрируя каждый шаг выдержками из списка публикаций.

Трактат Томпсона примечателен объединением тщательно определенных абстракций с исчерпывающими данными из источников. Однако, работа замечательного интеллекта и усердия, заложенная в этот трактат, не приводит к максимальным результатам, из-за одного основополагающего промаха: проблема осуществления выборки, регистрации и резюмирования источников не была решена. Следовательно, вся суть работы опирается на шаткое основание. Томпсон делит те пять лет, которые он исследует, на промежуточные периоды согласно определенной преобладающей характеристике. Один такой промежуточный период – это "инкубационный период, третья стадия", от открытия Парламентской Сессии 1876 г. вплоть до объявления войны Сербией. За ней следует "период зверств", который, в свою очередь, разделен на несколько частей. Для каждого

промежуточного периода, Томпсон передает поток событий и выбирает из источников цитаты, которые кажутся ему важными, не только потому, что они выделяются на общем фоне, но и потому, что они имеют определенное отношение к его системной схеме анализа (стандарты, концепции, побуждения, взгляды и политика). Однако, критичный читатель по-прежнему и вполне оправданно настроен скептически относительно представительности цитат. Он не может точно знать, почему они произвели особое впечатление на автора, когда он читал и делал примечания в своих источниках, или организовывал свои главы. Выдержка может быть единственной, появившейся в данной газете или журнале о какой-либо проблеме в течение периода; или, напротив, она может быть лишь одной среди огромного потока новостей и сообщений. Томпсон не говорит об этом. Фундаментальное действие – по работе с источником – осталось весьма произвольным.

Тогда как достоинство работы Томпсона лежит в системе и подробности изложения, несколько недавних публикаций превосходят ее в плане работы с источниками. Д.И. Уилкоккс (D. F. Willcox, 1900) распределял содержание одного единственного выпуска каждого из 240 изданий согласно теме (по количеству дюймов, отведенных на каждую тему). Позже А.А. Тенни (A. A. Tenney), студент Колумбийского Университета, заинтересовал других студентов измерением пространства и начал исследования, имеющие непосредственную ценность для мировой политики. Джулиан Л. Вудфорд исследовал иностранные новости, публикуемые в 40 американских утренних газетах и улучшил техническое состояние предмета, продемонстрировав эффект различных методов осуществления выборки на результат. В общем и целом, он обнаружил, что небольшого количества выпусков в течение года было достаточно для того, чтобы дать надежное представление о количестве внимания, обычно уделяемого американской утренней газетой иностранным новостям (по крайней мере, в течение некризисного периода) (Иностранные новости в американских утренних газетах, Издательство Колумбийского Университета, Нью-Йорк, 1930).

Вообще, подобные исследования не были явно связаны с политической наукой. Они были сделаны статистиками, которым было интересно что-нибудь посчитать, или социологами, которые исследовали социальный процесс в общем. Автор данной работы предпринял шаги к тому, чтобы направить исследование к использованию объективных процедур при сборе данных, имеющих отношений к политическим гипотезам. Шюлер Фостер (Schuyler Foster), например, исследовал отношение *Нью-Йорк Таймс* к военным новостям из Европы в определенные периоды до вступления Америки в Войну 1914-18. Он представил полученные результаты в форме таблиц и графиков, и показал, что кризис, который немедленно привел к вступлению США в войну, был последним из серии кризисов постоянно увеличивающейся интенсивности. Он измерил эти колебания, отметив частоту, с которой различные виды новостей или редакционных комментариев делались о войне или отношении Америки к ней. Использование количественных методов дало точность части истории мобилизации Америки для участия в войне и подняло ряд вопросов об отношении между подъемами и спадами в *Нью-Йорк Таймс* и соответствующих колебаниях в нью-йоркских газетах, предназначенных для различных социальных групп, и в газетах, издаваемых в городах различных размеров по всей стране ("Как Америка стала воинствующей: количественное исследование новостей войны, 1914-17". – *Американский Журнал Социологии*, 40: 464-76 (январь 1935). См. также исследование в Куинси, *Изучение Войны*, Издательство Университета Чикаго, в 2-х томах, 1942. Обратите особое внимание на Главу XXX).

Более точные методы дают нам средство разъяснения некоторых категорий, которые лежали в основе многих прошлых ошибок в работе историков и социологов. В течение столетия, бушевали споры по поводу относительного весу "материальных" и "идеологических" факторов в социальном и политическом процессе. Эти споры не привели ни к каким научным результатам, хотя резонанс пропаганды "диалектического материализма" был огромен.

Поскольку отсутствие результатов в научной области может быть приписано

техническим факторам, существенный фактор – это неспособность надлежащим образом обращаться с "идеологическими" элементами. Обычный подсчет того, как взаимодействуют материальные и идеологические факторы, не открывает завесы тайны над процессом. Это – как если бы Вы поместили людей в окружающую среду, названную материальной, – и presto! – их идеи изменяются предсказуемым способом; а если они не изменяются, неудача приписывается идеологической помехе какого-либо рода. Но отношения, хоть и приняты, не демонстрируются. Что касается материальных измерений, операционные методы сгодились для их описания; с идеологическими дело обстоит иначе. Мы достаточно оснащены для описания таких "материальных" изменений как колебания в выпуске или количестве машин, используемые в производстве; но мы не можем соответствующим этой части описания и столь точным образом описать идеологическое. В результате, исторические и социальные науки делали сравнения между моделями, лишь некоторые характеристики которых обработаны с точностью. Другие измерения остаются совершенно качественными, эмоциональными и находящимися в сфере предположительного (см. Гарольда Д. Лассвелла, "Исследование Коммуникаций и Политика" в работе *"Печать, радио, и кино в Демократии"*, под ред. Дугласа Уэпльза, Университет Чикаго, Чикаго, 1942, стр 101-117).

Мы взялись за работу чтобы устранить часть замешательства, в течение долгого времени сопровождавшего анализ "окружения", путем ввода основных различий: первое из них – между "рамкой внимания" и "средой"; второе – между "структурой СМИ" и "структурой не-СМИ." Рамка внимания или "микросреда" представляет собой часть окружающей среды, достигающей центра внимания человека или группы; среда не достигает центра. Структура СМИ состоит из знаков, достигающих центра внимания (например, пресса, которая на самом деле читается). Структура не-СМИ включает особенности окружающей среды, которые, хоть и не являются знаками, достигают центра внимания (вроде заметных зданий или людей). На вопрос о том, действительно ли любой данный набор

знаков окружения затрагивает структуру внимания, ответ должен быть дан через наблюдение за явлениями, а не предположения.

Фундаментальный характер этих отношений очевиден, когда мы размышляем над требованиями научного объяснения ответа. Здесь участвует два набора факторов: окружающая среда и предрасположенность. R (ответ) – это функция в математическом смысле термина, E (окружающая среда), и P (предрасположенность); мы показали, что частью окружающей среды, немедленно влияющей на ответ, является та, что достигает центра внимания (рамки внимания) (или, синонимично, микросреда, которую можно разделить на структуры СМИ и не-СМИ). Информация о среде является полезной только в той степени, в которой можно показать, что среда определяет внимание. При решении того, находится ли какая-либо деталь окружающей среды в центре внимания, необходимо продемонстрировать, что минимум (пороговый уровень) выявлен. Мы не считаем, что радио-программы, которые передавались с помехами, вошли во внимание аудитории. Пороговый уровень не был достигнут. (Порог – не часть R в формуле объяснения, используемой выше; лишь изменения выше порога называют "воздействием" – ответ на то, что привнесено в поле зрения.)

Процедуры "контент-анализа" коммуникации применимы к проблеме описания структуры внимания в количественных терминах (за обзором ситуации перед началом войны (1939), обратитесь к: Дуглас Уопльз, Бернард Берелсон, и Франклин Р. Брэдшоу, *Что чтение делает с людьми*, Издательство Университета Чикаго, Чикаго, 1940. Менее отдаленные события отмечены в Гарольд Д. Лассвелл, "Контент-анализ", в Брюс Л. Смит, Гарольд Д. Лассвелл, и Ральф Д. Кейси, *Пропаганда, коммуникация и общественное мнение*. Издательство Принстонского Университета, Принстон, 1946. (Цит по *Документ II*, Экспериментальный Отдел по Изучению Военных Коммуникаций. Библиотека Конгресса, 1942.)). Перед тем, как углубиться в технические особенности, нужно указать, что количественные способы описания внимания служат многим практическим, так же как и научным, целям. *Предсказа-*

ние действий врага – одна из самых важных и волнующих проблем при ведении войны. Служба разведки каждого государства соревнуется в сообразительности с врагом. Работа состоит в том, чтобы перехитрить врага, предсказать его вооруженные, дипломатические, экономические и пропагандистские шаги прежде, чем он сделает их, и оценить в какой области нападение причинило бы ему больше вреда. Основной источник информации – то, что враг распространяет в своих СМИ.

Мировая Война обеспечила новый источник информации о враге – радиопередачи под его контролем. Когда враг говорит со своей внутренней публикой, можно подслушать. Мы подслушиваем то, что враг говорит своим союзникам, нейтральным странам и врагам. При начале всемирных войн, противоборствующие правительства устанавливают мониторы, чтобы обрабатывать, слушать, регистрировать и резюмировать информацию от врага и контролируемых им станций. В Великобритании группа, связанная с Би-Би-Си, подвергала это огромное количество материала систематической экспертизе и начала предсказывать Нацистскую политику. Данные ею оценки были затем повторно изучены (Эрнст Крис, Ханс Шпайер и Партнеры, *Германская радио-пропаганда; доклад о радиопередачах внутри страны во время войны*. Издательство Оксфордского Университетского, Нью-Йорк, 1944. См. также *Пропаганда короткой волной*, под ред. Харвуда Л. Чайлдса и Джона Б. Виттона, Издательство Принстонского Университета, Принстон, 1942; и полезное эссе Чарльза Сипманна, *Радио в военное время*, Издательство Оксфордского Университетского, Оксфорд, 1942. Обзор ситуации в 1939 - Томас Грандин, *Политическое Использование Радио*, Женевский Исследовательский Центр, Женева, 1939; для более позднего периода, Арно Хат, *Радио сегодня: современное состояние радиовещания в мире*, Исследовательский Центр, Женева, Женева, 1942. Относительно новостей и документального фильма, наиболее глубокое исследование на сегодняшний день – Зигфрид Кракауэр, *Пропаганда и нацистский военный фильм*, Музей Библиотеки Современного Художественного Фильма, Нью-Йорк, 1942). Те же самые процедуры

также применялись по отношению к прессе и любому другому каналу связи. Полный план врага часто становится ясным только тогда, когда полный поток коммуникации интерпретируется в целом.

По мере того, как мы улучшаем методы описания общественного внимания и ответа, наши результаты становятся более полезными для другой практической цели - *обнаружение политической пропаганды*. Во время Второй Мировой Войны, американский Департамент юстиции использовал объективный анализ пропаганды, с целью выявить и представить перед судом вражеских агентов – подобно Трансокеанской Информационной Службе (контролируемой нацистами) – и "местных Фашистов." Федеральная Комиссия Коммуникаций описывала темы Оси, выделенные экспертами, которые отслеживали и анализировали радиопередачи короткой волны из Германии, Японии и Италии. Объективные процедуры были применены для обнаружения этих тем. Объективные процедуры также использовались для того, чтобы анализировать периодические издания, издаваемые Союзниками, и выявить параллели между ними и темами, распространяемыми пропагандистами Оси (*Соединенные Штаты Америки против Уильяма Дадли Пелли* (и других), судимого в американском Окружном суде Южного Округа Штата Индиана, Индианаполисского Отделения, лето, 1942; признание подсудимого виновным оставлено в силе после апелляции к американскому Окружному апелляционному суду, Южному Кругообороту, Сроку{Термину} октября, 1942. Приказ об истребовании дела отклонен американским Верховным Судом. Среди свидетелей обвинения были Гарольда Н. Грэйвз-младший от Федеральной Комиссии Коммуникаций, и Гарольд Д. Лассвелл.).

Кроме этого, важно, чтобы публика была проинформирована относительно поведения тех, кто владел доступом к каналам связи. При решении вопроса о том, насколько мы можем положиться на данную газету, важно знать, прекращает ли эта газета нападки на Россию после того, как Германия и Россия подписывают пакт о ненападении, а затем возвращается к ним, после того как союз Германии и России распадается. В таком

случае, мы имеем основания для того, чтобы говорить о пронемецкой политике пропаганды. Изучая новости, передовицу и основные статьи в средстве информации под немецким контролем, мы можем проверить этот вывод. Мы можем обнаружить, что эти два СМИ распределяют похвалу и вину одним и тем же способом среди общественных лидеров и политических партий; и что они занимают одну и ту же позицию по внутренним и международным проблемам. Если это так, то наш вывод, что данный канал находится под контролем пронемецкой политики, подтверждается (историки литературы положились на количественный анализ как одно из главных средств в их распоряжении при решении проблемы "обнаружения", с которой они сталкиваются. Они должны обнаружить недостоверные тексты, определить автора из конкурирующих кандидатур, понять истинную последовательность, в которой работы были написаны, определить источники, на которые полагался автор и те факторы, которые оказали на него влияние. Как указывает Юл, техника подсчета слов ведет свою историю уже много веков, по крайней мере, со времени "Мазоретов", которые, после разрушения еврейского государства в 70 г. н. э., посвятили свою жизнь сохранению текста Библии и правильной манеры произношения. Любопытно видеть, что, несмотря на легкость подсчета слов, только первоклассные статистики начали интересоваться связанными с ним проблемами – особенно Г. Удны Юл (G. Udny Yule), *Статистический Анализ Литературного Словаря*, Издательство Кембриджского Университета, Кембридж, Индж., 1944. Хотя подсчет слов является составляющей в изучении коммуникации, не, все количественные процедуры обязательно представляют собой "контент-анализ". Этот термин может быть на полном оновании применен только, когда "подсчет" принят со ссылкой на общую теорию процесса коммуникации. В этом смысле, "контент-анализ" – явление весьма новое.

Историки литературы иногда находили стимул в методах криптографии, и они также сделали чувствительный вклад в предмет. Один из примеров влияния этого искусства - Эдит Рикерт, долго ассоциируемая с Дж. М. Мэнли в исследова-

нии Чосера, которая работала в "Черной Палате" во время Первой мировой войны, а впоследствии изобрела новые способы изучения стиля: *Новые Методы Изучения Литературы*, Издательство Чикагского Университета, Чикаго, 1926. Краткий пример различий в обработке политического материала различными авторами показан простым изучением предполагаемой речи Сципия, обращенной мятежникам в 206 до н.э. В Полибии "речь, содержит 520 слов, из которых местоимения или глагольные формы первого лица единственного числа встречаются 14 раз – то есть один раз на каждые 37 слов. В Ливи речь состоит приблизительно из 1025 слов, и в ней встечается не меньше 64 словоформ *ego* или *meus* (я или мой) или глаголов в лице единственного числа – то есть, один раз на каждые 16 слов - более чем вдвое чаще." (Р.С.. Конвей, " Портрет римского Джентльмена, от Ливи", *Bull. of the John Rylands Library, Manchester*, 7 (1922-23): 8-22.)

Увлекательный детектив, в котором разгадка зависит от контент-анализа и разработки: Бретт Ратледж [псевд. Эллиотта Пола], *Смерть Лорда Хоу Хоу*, Издательство Рэндом Хаус, Нью-Йорк, 1940. По некоторым проблемам см. Владимира Элиасберга, " Лингвистика и Политическая Криминология, " *Журнал Преступной Психопатологии*, 5 (1944): 769-774).

В предыдущих параграфах, мы указали, что политика может пользоваться объективными процедурами, целью которых является предсказание действий врага и обнаружение пропаганды. Также, по мере увеличения научного знания, возможности контроля увеличиваются; следовательно, третий вклад объективного исследования в политику – есть *навык* (Гипотезы или предположения о навыке были заявлены или заложены в количественных анализах многих каналов выражения. Особое внимание, с этой точки зрения, было уделено красноречию и особенно к такой измеримой характеристике как длина предложения. Язык Руфуса Чоата так сильно впечатлял современников, что председатель самого высшего суда в Штате Массачусетс, Джозеф Неилсон, был среди тех, кто посвятил ему специальное исследование (*Мемуары Руфуса Чоата*, Хотон Миффлин, 1884). Чоат изъяснялся длинными

предложениями, составлявшими в среднем не менее 37 слов в одном из его самых известных дел. Почти одна восьмая всех его предложений, в этом случае, состояла более чем из 80 слов. См.: статью Джона В. Блэка, "Руфус Чоат," в *Истории и Критике американского Обращения к публике*, подготовленную под эгидой национальной Ассоциации Преподавателей Речи, Уильяма Норвуда Бриганса, под ред. Макгро-Хилла, Нью-Йорк, 1943, том 1, стр 455-456. Больше технических исследований проводится современными специалистами по публичной речи. Говард Л. Руньон, например, изучил пятьдесят речей Вудро Вильсона, и подсчитал внушительное количество характеристик, включая использование фигур речи. (Неопубликованная диссертация, Университет Висконсина, 1932. За деталями обр. к Дэйтон Дэвид Маккин, "Вудро Вильсон", том 2, стр 968-992, под ред. Бриганса.) Необязательно отмечать, что изучения классических ораторов представляют собой исследования стиля историков-классиков. См., например, Гровера Клевеланда Кеньяна, *Антитеза в Речах греческих Историков*, Библиотека Чикагского Университета, Чикаго, 1941). Навык – это самое экономичное использование доступных средств для достижения цели. Оценка навыка на убедительном основании – одна из самых трудных для выполнения задач, так как она зависит от исчерпывающего знания конкретных обстоятельств и научных закономерностей. Сказать, что А более квалифицирован, чем В в какой-либо ситуации, означает взять все воздействующие факторы за "равные". Нелегко продемонстрировать, что два набора факторов окружения и предрасположенности строго сопоставимы. Простой факт того, что Нацисты добились успеха в Германии против Социалистов и других партий, не обязательно гарантирует заключение, что Нацисты были более квалифицированными пропагандистами, чем их противники. Или неспособность французов выстоять перед напором немцев дольше 1940 года не означает, что французским пропагандистам не доставало навыка. Фактор "навыка" может быть отделен от других только тогда, когда может быть получено полное всестороннее представление о контексте. Выбিরали ли начальники в государствах,

ответственные за это, наиболее подходящий персонал для ведения пропаганды? Были ли выбраны самые эффективные символы? Самые лучшие СМИ? В каждом случае, на вопрос нужно ответить со ссылкой на альтернативы, доступные в первоначальной ситуации.

То, что контент-анализ напрямую опирается на оценку навыка, очевидно, так как подобные методы вносят определенную степень точности в описание многих вопросов, касающихся процесса пропаганды. Директивы могут быть описаны подробно; как и материал, выпущенный агентствами пропаганды и распространённый через различные СМИ, контролируемые или неконтролируемые пропагандистом. Действительно, как мы указали в нашем анализе фактора внимания в мировой политике (См. Гарольда Д. Лассвелла в Лайман Брайсон (ред.) *Передача Идей*, Гарперз, Нью-Йорк, 1948, Глав IV и XV), каждая коммуникация в цепи коммуникации могут быть описаны, когда используются подходящие методы; количественные процедуры уменьшают долю неуверенности в основных данных (нет, конечно, никакого указания на то, что неколичественные методы должны быть оставлены. Напротив, есть потребность более систематической теории и более ярких "догадок", если мы хотим, чтобы все потенциальные возможности точности были реализованы практически. Как показывает история определения количества (в экономике, например), существует бесконечное плодотворное взаимодействие между теорией, догадкой, впечатлением и точностью).

Четвертый вклад имеет отношение не к политике в целом, а к специфическим целям политики гуманизма. Цель этой политики - Содружество наций, в котором достоинство человека признано теоретически и практически. Все, что *улучшает наше понимание отношения*, является потенциальным инструментом политики гуманизма. До настоящего времени, естествознание не обеспечило нас средствами проникнуть в череп человека, чтобы прочесть его переживания. Следовательно, мы вынуждены положиться на косвенные средства проникновения сквозь стену, которая отделяет нас от него. Слова обеспечивают нас ключами, но мы не всегда принимаем все фра-

зы за чистую монету. Кроме преднамеренной неоднозначности, язык как транспортное средство для передачи мысли и чувства имеет недостатки. Важно признать, что мы получаем понимание мира другого человека, когда мы полностью ознакомлены с тем, что занимало его внимание. Конечно, мир деревенского мальчика полон видов, запахов и звуков природы. Городской мальчик, с другой стороны, живет в лабиринте улиц, зданий, транспортных средств и толп. Китайский юноша из хорошей семьи постоянно сталкивается со своими родственниками нос к носу; американский молодой человек может очень плохо помнить своих бабушку и дедушку. Сын из английской элитной семьи может быть воспитан на историях имперского прошлого столетней давности, в то время как сын американского бизнесмена вспоминает, что была Революция и что Банкер Хилл имел к этому какое-то отношение.

Доминирующие политические символы эпохи обеспечивают часть общего опыта миллионов людей. Есть некоторая прелесть в мысли о том, сколько людей связаны друг с другом нитью, не более существенной, чем звук имени или формулировку лозунга. На войне люди переносят боль, голод, горе; определенный источник боли, определенное чувство определенного объекта печали, может быть очень личным. Ключевой символ, напротив, вступает непосредственно в фокус всех людей и обеспечивает элемент общего опыта (использование ключевых символов при количественном анализе сопоставительной филологии продемонстрировано Джозефиной Майлз в работе "Некоторые Главные Поэтические Слова", в *Эссе и Анализ* (членов Кафедры английского языка, Университет Калифорнии), Публикации на английском Университета Калифорнии, XIV, Издательство Калифорнийского Университета, Беркли и Лос-Анджелес, 1943, стр 233-239, "... тенденции к изменению главных закономерностей за пятьсот лет могут быть справедливо выявлены и обозначены в итоге следующими тремя способами: во-первых, в плане частей речи, можно сказать, что все глаголы, выделявшиеся более чем одним поэтом, были установлены Донном или ранее; прилагательные, Бернзом, или ранее; последним – существительное,

только в эпоху По. Во-вторых, в плане нового предмета, очевидно направление от создания до размышления, от хорошего и великого к высокому и сладкому и дикому, и от неба и человека к душе и сердцу, к глазу и руке, и затем – ко дню, солнцу, мечте, ночи; это - направление от действия к мысли, и от задуманного к ощущаемому. В-третьих, в плане контраста между первым и последним, выделяется преобладающая сила трех главных слов: человек, любовь, и видеть – простые глаголы – в основном, потеряны, а сердце, день, и ночь становятся более свежими силами. Эти три точки зрения, как мы видели, настойчиво сводятся настоятельно к одному: представлению об общей стабильности языка в доминирующей части английской поэзии, закаленной изменением, постепенным во всем, кроме Коллинза, от действия и понятия к чувству и ощущению. "

Умело проведенные исследования других выразительных СМИ кроме литературы могут пролить свет на изменения представлений народов. Правящие классы Дельфта, например, скоро отказались от пивоварения в пользу инвестирования в Восточно-Индийскую Компанию, и отдалялись от дел поколение за поколением. Поскольку они уходили от всех форм коммерческой деятельности, никакой другой образ жизни не привлекал их. Макс Айслер сумел продемонстрировать удивительные параллели между живописью Дельфта и спокойствием Дельфтской жизни. Сначала, они находили пейзажи слишком свежими и, уходя в закрытые помещения, покупали интерьеры церкви. Потом они стали казаться слишком дорогими, и они взялись за уютные домашние интерьеры. Вермейер достиг высшего художественного мастерства в этом плане, и мы видим в его картинах граждан Дельфта неизменно в солнечном свете, бездельничающими за столом, разглядывающими свои отражения в зеркале, или свои драгоценности: иногда они переходили от летаргии ко сну. И в этих картинах стены становятся все ближе и ближе. Год за годом, мир Дельфтских рантье становится более и более узким, хотя всегда в неизменном солнечном свете. (Макс Айслер, *Старый Дельфт*, Вена, 1923. Мириам Берд, *История Бизнесмена*, Макмиллан, Нью-Йорк, 1938, стр. 306)).

Зачем тогда использовать количественный метод для изучения коммуникации? Для научной политической пользы, которая может быть извлечена. Социальный процесс представляет собой процесс *сотрудничества и общения*; а количественные методы уже продемонстрировали свою ценность для изучения первого. Дальнейшее понимание и контроль зависят от выравнивания наших навыков относительно обоих.

© Г. Лассвелл, 2007

© Аникин Е. Е. (перевод), 2007

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ЧЛЕНАХ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

АНДЕРСОН РИЧАРД Д. (мл.) – доктор философии, профессор Калифорнийского университета (Лос-Анджелес, США).

БЕЛТ ТОДД – доктор философии, профессор университета Хило, штат Гавайи (США).

БУДАЕВ ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

ВОРОШИЛОВА МАРИЯ БОРИСОВНА – кандидат филологических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета.

ДЬЯЧОК МИХАИЛ ТИМОФЕЕВИЧ – главный редактор портала Philology.ru (Русский филологический портал), директор центра прикладных лингвистических исследований (Новосибирск).

ИГОШЕВ БОРИС МИХАЙЛОВИЧ – профессор, ректор Уральского государственного педагогического университета.

КОСАРЕВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ – аспирант Уральского государственного педагогического университета

КУШНЕРУК СВЕТЛАНА ЛЕНИДОВНА – кандидат филологических наук, доцент Челябинского государственного педагогического университета

ЛАСАН ЭЛЕОНОРА РУФИМОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой языкознания Вильнюсского государственного университета (Литва)

ЛАССВЕЛЛ ГАРОЛЬД (1902-1978) – доктор философии, профессор университета в Чикаго, политолог, психолог, социолог, один из основоположников политической лингвистики.

МИЛЕВИЧ ИНГА ГУНАРОВНА – докторант филологии, зав. Центра русского языка для иностранцев при кафедре Славянского языкознания Даугавпилсского университета

НАХИМОВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета

ПИМЕНОВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкого языка, декан факультета романогерманской филологии Кемеровского государственного университета

ПИМЕНОВА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка Кемеровского государственного университета

РУЖЕНЦЕВА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА – доктор филологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета.

РУСОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант Сургутского государственного университета

САНТА АНА ОТТО – доктор философии, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе

СЕРГЕЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор филологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена (Санкт-Петербург)

СЛОБОДЯНИК НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА – аспирант Вильнюсского государственного университета (Литва)

СОЛОПОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент Челябинского государственного педагогического университета

СТРЕЛЬНИКОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

ФЕЛЬБЕРГ ТАТЬЯНА – доктор философии, профессор университета Осло (Норвегия)

ХЕНСОН ДЖЕЙН – аспирант Миссу-

рийского университета (США)

ЧУДИНОВ АНАТОЛИЙ ПРОКОПЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Уральского государственного педагогического университета.

ШЕЙГАЛ ЕЛЕНА ИОСИФОВНА – доктор филологических наук, профессор Волгоградского государственного университета

ЩИПИЦЫНА АННА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент Уфимского государственного нефтяного технического университета

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКАХ

АНИКИН ЕВГЕНИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – выпускник Челябинского государственного педагогического университета, аспирант Уральского государственного педагогического университета и Колумбийского университета (Южная Каролина, США).

АНИКИНА ТАТЬЯНА ВЯЧЕСЛАВОВНА – преподаватель Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, аспирант Уральского государственного педагогического университета.

ЗАЙЦЕВА АННА БОРИСОВНА – аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

КАМЫШЕВА ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА – преподаватель Шадринского государственного педагогического института, аспирант Уральского государственного педагогического университета.

КУШНЕРУК СВЕТЛАНА ЛЕНИДОВНА – кандидат филологических наук, доцент Челябинского государственного педагогического университета

МАТЫГИНА ЕКАТЕРИНА БОРИСОВНА – преподаватель Челябинского государственного педагогического университета.

НАУМОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант Челябинского государственного университета.

СОЛОПОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент Челябинского государственного пе-

педагогического университета.

ЧАЩИНА СОФЬЯ СЕРГЕЕВНА – преподаватель Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, аспирант Уральского государственного педагогического университета.

ШАБАНОВА ТАТЬЯНА АНДРЕЕВНА – аспирант Уральского государственного педагогического университета.

ШУСТРОВА ЕЛИЗАВЕТА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, докторант Уральского государственного педагогического университета.